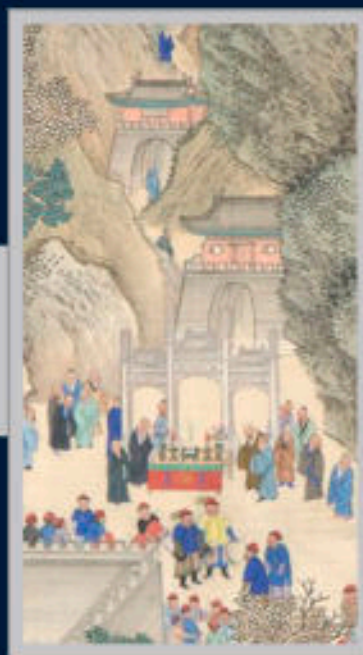
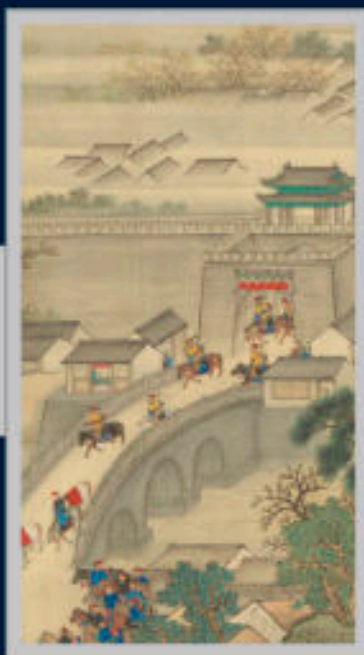

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Международная научная конференция
**335 лет установления
договорных отношений
России и Китая**

国际科学会议

俄罗斯和中国建立条约关系 335 年

Чита, 2024

赤塔市, 2024

Российское историческое общество
Фонд «История Отечества»
Забайкальский государственный университет
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова
Государственный архив Забайкальского края
Нерчинский краеведческий музей
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
(Чита, Иркутск)

335 ЛЕТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ

Материалы международной научной конференции

29–30 августа 2024 г.

г. Чита

Чита
ЗабГУ
2024

УДК 94(470+571)+(510)
ББК 63.3(2Рос+5Кит)
ББК Т3(2Рос+5Кит)
Т 682

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

С. В. Карасёв, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск
Т. В. Затеева, д-р филол. наук, профессор, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
Р. Р. Денисова, д-р пед. наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), *В. Л. Ларин* (отв. редактор), *А. В. Волочаева*,
Н. Г. Дятчина, *В. В. Кузнецов*, *Ю. Н. Ланцова*, *Г. В. Мясникова*, *М. В. Пряженникова*,
О. А. Яремчук

335 лет установления договорных отношений России и Китая : материалы
Т 682 международной научной конференции / Забайкальский государственный университет ;
ответственные редакторы Е. В. Дроботушенко, В. Л. Ларин. – Чита : ЗабГУ, 2024. –
211 с.
ISBN 978-5-9293-3330-9

Материалы докладов и выступлений участников международной научной конференции посвящены вопросам истории русско-китайских, российско-китайских, советско-китайских и вновь российско-китайских отношений, их состоянию на современном этапе, аспектам взаимодействия двух стран в исторической ретроспективе. Отдельное внимание уделено отражению лингвистической составляющей, некоторым особенностям преподавания китайского языка, анализу аспектов русской и китайской лексики. При этом в значительной степени авторы делают акцент на влиянии приграничности территорий. Часть статей посвящена изучению проблем психологии и педагогики на приграничных территориях. Авторами значительного блока статей сборника являются студенты. Представленные материалы направлены на борьбу с фальсификацией истории, восстановление исторической справедливости, сохранение исторической памяти.

Издание будет полезно преподавателям средних специальных и высших учебных заведений, студентам, аспирантам и магистрантам, а также всем тем, кто интересуется историей Китая и Дальнего Востока, российско-китайскими отношениями и их состоянием на современном этапе, проблемами филологии и лингвистики, психологии и педагогики.

УДК 94(470+571)+(510)
ББК 63.3(2Рос+5Кит)
ББК Т3(2Рос+5Кит)

ISBN 978-5-9293-3330-9

© Забайкальский государственный университет, 2024

Russian Historical Society
“History of Motherland” Fund
Transbaikal State University
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science
Transbaikal Regional Museum of Local Lore Named after A. K. Kuznetsov
The State Archive of the Transbaikal Territory
Nerchinsk Museum of Local Lore
Transbaikal Regional Branch of the Russian Society of Political Scientists
Baikal Regional Branch of the Academy of Military Sciences
(Chita and Irkutsk)

335 YEARS OF ESTABLISHING CONTRACTUAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Proceedings of the International Scientific Conference

August 29–30, 2024

Chita

Chita
Transbaikal State University
2024

УДК 94(470+571)+(510)
ББК 63.3(2Рос+5Кит)
ББК Т3(2Рос+5Кит)
Т 682

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event of Transbaikal State University

Reviewers

- S. V. Karasev*, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk
T. V. Zateeva, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University named after Dorzhi
Banzarova, Ulan-Ude
R. R. Denisova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy Amur State University, Blagoveshchensk

Editorial Board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *V. L. Larin* (chief-in-editor), *A. V. Volochaeva*,
N. G. Dyatchina, *V. V. Kuznetsov*, *Yu. N. Lantsova*, *G. V. Myasnikova*,
M. V. Pryazhennikova, *O. A. Yaremchuk*

335 Years of Establishing Contractual Relations between Russia and China : Pro-
ceedings of the International Scientific Conference / Transbaikal State University ; Chief-in-
T 682 Editors *E. V. Drobotushenko*, *V. L. Larin*. – Chita : Transbaikal State University, 2024. – 211 p.
ISBN 978-5-9293-3330-9

The collection contains materials of reports and speeches by participants of the International Scientific Conference "335 years of establishing contractual relations between Russia and", held in Chita in 2024. The research is devoted to the history of Russian-Chinese, Russian-Chinese, Soviet – Chinese and again Russian-Chinese relations, their current state, and aspects of the interaction between the two countries in historical retrospect. Special attention is paid to the reflection of the linguistic component, some features of teaching Chinese, and the analysis of aspects of Russian and Chinese vocabulary. At the same time, largely, the authors emphasize the importance of border areas. Some of the materials are devoted to studying the problems of psychology and pedagogy in border territories. The authors of a significant block of articles in the collection are students. The presented materials are aimed at combating the falsification of history, restoring historical justice, and preserving historical memory.

The collection will be of interest to anyone interested in the history of China and the Far East, Russian-Chinese relations and their current state, problems of philology and linguistics, psychology and pedagogy. The materials will be useful for teachers of secondary schools, teachers of secondary specialized and higher educational institutions, students, postgraduates and undergraduates interested in the content of the collection.

УДК 94(470+571)+(510)
ББК 63.3(2Рос+5Кит)
ББК Т3(2Рос+5Кит)

ISBN 978-5-9293-3330-9

© Transbaikal State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приветственное слово</i>	11
<i>Предисловие</i>	12

РАЗДЕЛ I

Актуальные вопросы истории российско-китайских отношений

<i>Дацышен В. Г.</i> Нерчинский и Кяхтинский договоры: проблемы историографии и перспективы изучения	16
<i>Арапова Е. Д.</i> Россия и Китай. Взгляд на эволюцию отношений по материалам фондов МГУ имени М. В. Ломоносова	20
<i>Дорогавцева И. С.</i> Китайские товары в быту Забайкалья начала XVIII века (по материалам дневника Д. Г. Мессершмидта. 1724–1725 годы)	23
<i>Кузнецов С. И., Мищенкова М. С.</i> Китай в дипломатической деятельности Н. Н. Муравьева-Амурского	27
<i>Галлямова Л. И.</i> Российско-китайский Пекинский договор 1860 года: условия подписания и историческое значение	30
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Значение договора (соглашения) 26 марта 1902 года в развитии вопроса о Маньчжурии (секретные бумаги о Маньчжурии в фондах Государственного архива Российской Федерации)	35
<i>Мясникова Ц. Ц.</i> «Жизнь на восточной окраине» как инструмент «Азиатского проекта» Петра Бадмаева	38
<i>Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А.</i> Русско-китайское взаимодействие в решении проблемы политического статуса Барги	41
<i>Баринев А. О.</i> Сложности выстраивания отношений Дальневосточной республики (ДВР) с Китайской Республикой с октября 1920 года по октябрь 1921 года (по материалам читинской прессы того периода)	45
<i>Сазонова В. А.</i> Организация труда китайских рабочих на золотодобывающих приисках Восточного Забайкалья в 1920-е годы	48
<i>Кротова М. В.</i> Хабаровский протокол: к вопросу о выходе из советско-китайского конфликта в 1929 году	51
<i>Константинов А. В., Константинова Н. Н.</i> Нерчинск: есть ли будущее у «Старого города»?	55

РАЗДЕЛ II

Российско-китайские отношения на современном этапе

<i>Акматалиева А. М.</i> Цифровой Шелковый путь КНР для Центральной Азии	59
<i>Лексютина Я. В.</i> Роль России и Китая в Центральной Азии через призму китайского экспертного дискурса	62
<i>Брындин Е. Г.</i> Инновационное и информационное сотрудничество России и Китая	66
<i>Цибизова И. М.</i> Перспективы «сотрудничества» философии и китайской традиционной мысли	69
<i>Цзинь Синьсинь</i> Путь оптимизации культурной и туристической интеграции в Хулуьбуи с учетом опыта активного развития города Маньчжурия	76
<i>Богодухова Е. Е.</i> Трансформация российско-китайских межкультурных отношений	80
<i>Бодрова О. И., Меркулова Д. Г.</i> Проблемы использования ресурсов Дальневосточного региона в контексте российско-китайского сотрудничества	82
<i>Ковалёва Н. Н.</i> Место и роль Брестской области в развитии экономического сотрудничества Беларуси и Китая	85
<i>Григорян Т. В.</i> Направления сотрудничества таможенных служб России и Китая	89
<i>Потемкина Т. Н., Мурзакина Л. В.</i> Исследовательский проект «Жизнь и судьба участника Маньчжурской операции»	92

РАЗДЕЛ III

Филологические проблемы трансграничья России и Китая: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Проблемы культурологии (лингвистическое, филологическое и культурологическое направления)

Биктимирова Ю. В. Нерчинский договор как лингвистический источник. К проблеме изучения	96
Щурина Ю. В. Иноязычные элементы как источник эргонимической номинации (на материале города Читы)	101
Филинкова Е. О. Китайский код городского эргонимикона Читы	104
Черепанова Л. В. Освоение иноязычной лексики как путь расширения тезауруса школьников	107
Иванова А. В. Языковая картина художественного текста: категории пространства-времени	110
Науменко С. В., Соловьева В. Н. Переносное значение дополнительного элемента направления в китайском языке	114
Шмарова Ж. В. Трансформация коннотативных значений ряда слов китайского языка: историческая обусловленность	117
У Цзинцзы Эффективный способ интеграции традиционной китайской культуры в преподавание английского языка в высших профессиональных колледжах	120
Воронченко Т. В., Фёдорова Е. В. Изучение литературы и фольклора Северного Китая в Забайкалье: проблемы и перспективы	123
Гладких Е. А. Символика волшебных сказок эвенков России и Китая (на примере сказок «Бегалдар» и «Сказание о хребте Синъаньлинь»)	126
Юйшина Е. А., Юйшин М. А. Дилемма христианства в китайской культурной сфере	130
Ерофеева И. В. Маркеры исторической памяти в медиадискурсе Китая и России	136

РАЗДЕЛ IV

Проблемы психологии и педагогики: изучение в приграничье России и Китая (психолого-педагогическое направление)

Левданская Ю. Ю., Изумнова Е. А. Культурно-исторические традиции воспитания элиты в системе образования Китая	140
Гольберт Е. В. Готовность к выбору профессии старших школьников с разной академической успеваемостью	143
Виноградова Н. И. Гражданская идентичность молодежи, проживающей в условиях трансграничья	146
Попова Н. Н., Корнилова О. Н. Результаты исследования выбора школьниками Забайкальского края типов профессий	149
Ганина О. Б. К вопросу изучения языкового развития детей-мультилингвов (на примере проживающих в КНР)	152
Сёмина М. В. Прикладные аспекты профессионального самоопределения школьников трансграничных территорий	156
Павлова К. Н., Дагбаева С. Б. Волонтерская деятельность как условие формирования гражданской идентичности студентов	160
Зиновьева Т. И., Сёмина М. В. Актуальные тенденции развития начального образования в России и Китае	163
Берестецкая И. В., Сёмина М. В. Основные подходы к исследованию жизнестойкости личности в психологии	167
Шимохина Ю. Б. Осознание кризисных ситуаций и выбор стратегий совладания	170

РАЗДЕЛ V
Актуальные вопросы преподавания
истории российско-китайских отношений в высших и средних специальных
учебных заведениях, общеобразовательных школах

Бирюков Д. Р. Особенности сотрудничества России и Китая в обучении переводчиков в условиях цифровизации современного образования	172
Мясникова Г. В. История Китая на страницах школьных учебников	176
Волочаева А. В. Взаимоотношения России и Китая в современных школьных учебниках по истории России	180
Матафонова О. И., Кувардина Л. А. Проектная деятельность: к вопросу возникновения города Борзи	185

РАЗДЕЛ VI
Российско-китайские отношения глазами
российских и китайских студентов. Вопросы лингвистики и филологии

Сергеев М. А. Условия подписания Нерчинского договора	188
Кривошеев И. И. Русско-китайские дипломатические отношения на раннем этапе (XVII в.)	191
Потапова К. Р. Репрезентация этнокультурной идентичности героя в творчестве писателя-орочона Ао Чанфу	194
Тимофеева А. Д. Полилог культур в романе Баоэрджи Юанье «Приключения в дремучей тайге Уссурийского края»	198
Раздобреева К. Г. Ревитализация культурного наследия эвенков Китая в творчестве Ужээрту	200
Катков А. А. Векторы развития интереса к Китаю среди русских писателей и мыслителей XIX века (Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, Н. Я. Данилевский)	204
Колбина А. О. Заимствования из китайского языка как один из источников обогащения словарного запаса школьников в условиях трансграничья	206

CONTENT

Welcome Address	11
Preface	12

CHAPTER I

Current Issues of History Russian-Chinese Relations

Datsyshen V. G. The Nerchinsk and Kyakhta Treaties: Problems of Historiography and Prospects of Study	16
Arapova E. D. Russia and China. A Look at the Evolution of Relations Based on the Materials of the Lomonosov Moscow State University Archives	20
Dorogavtseva I. S. Chinese Goods in the Life of Transbaikalia at the Beginning of the XVIII Century (Based on the Materials of D. G. Messerschmidt's Diary. 1724–1725)	23
Kuznetsov S. I., Mishchenkova M. S. China in the Diplomatic Activity of N. N. Muravyov-Amursky	27
Gallyamova L. I. The Russian-Chinese Beijing Treaty of 1860: Terms of Signing and Historical Significance	30
Drobotushenko E. V. The Significance of the Treaty (Agreement) of March 26, 1902 in the Development of the Question of Manchuria (Secret Papers on Manchuria in the Funds of the State Archive of the Russian Federation)	35
Myasnikova Ts. Ts. “Life on the Eastern outskirts” as a Tool of the “Asian Project” by Peter Badmaev	38
Kamneva G. P., Sotnikov S. A., Sotnikov A. A. Russian-Chinese Cooperation in Solving the Problem of the Political Status of Barga	41
Barinov A. O. The Difficulties of Building Relations between the Far Eastern Republic (FER) and the Republic of China from October 1920 to October 1921 (Based on the Materials of the Chita Press of that Period)	45
Sazonova V. A. The Organization of Labor of Chinese Workers in the Gold Mines of Eastern Transbaikalia in the 1920s.	48
Krotova M. V. Khabarovsk Protocol: on the Issue of Withdrawal from the Soviet-Chinese Conflict in 1929	51
Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. Nerchinsk: Does the “Old Town” Have any Future?	55

CHAPTER II

Russian-Chinese Relations at the Present Stage

Akmatalieva A. M. Cyber Silk Road of China for Central Asia	59
Leksyutina Ya. V. Chinese Expert Discourse on the Role of Russia and China in Central Asia	62
Bryndin E. G. Innovation and Information Cooperation between Russia and China	66
Tsibizova I. M. Prospects of “Cooperation” between Philosophy and Chinese Traditional Thought	69
Jin Xinxin Optimization of Culture and Tourism Integration in Hulunbuir Port under the Perspective of High quality Development—Taking Manzhouli Port as an Example	77
Bogodukhova E. E. Transformation of Russian-Chinese Intercultural Relations	80
Bodrova O. I., Merkulova D. G. Problems of Using the Resources of the Far Eastern Region in the Context of Russian-Chinese Cooperation	82
Kovaliova N. N. The Place and Role of the Brest Region in the Development of Economic Cooperation between Belarus and China	85
Grigorian T. V. Cooperation Areas between the Customs Services of Russia and China	89
Potemkina T. N., Murzakina L. V. The Research Project “The Life and Fate of a Participant in the Manchurian Operation”	92

CHAPTER III

Philological Problems of the Cross-Border Region of Russia and China: Linguistic, Literary and Methodological Aspects. Problems of Cultural Studies (Linguistic, Philological and Cultural Studies)

Biktimirova Yu. V. The Nerchinsk Peace Treaty as a Linguistic Source. On the Problem of Studying	96
Shchurina Yu. V. Foreign Language Elements as a Source of Ergonomic Nomination (based on Chita City Material)	101
Filinkova E. O. Chinese Code of the Urban Ergonymicon of Chita	104
Cherepanova L. V. Mastering Foreign Vocabulary as a Way to Expand the Thesaurus of Schoolchildren	107
Ivanova A. V. The Linguistic Picture of a Literary Text: Categories of Space-Time	110
Naumenko S. V., Solovjeva V. N. The Figurative Meaning of an Additional Element of Direction in Chinese	114
Shmarova Z. V. Connotative Meanings Transformation of Some Chinese Words: Historical Conditionality	117
Wu Jingzi An Effective Way to Integrate Traditional Chinese Culture into English Teaching in Higher Vocational Colleges	120
Voronchenko T. V., Fyodorova E. V. Study of Literature and Folklore of Northern China in Transbaikalian Region: Problems and Prospects	123
Gladikh E. A. The Symbolism of the Fairy Tales of the Evenks of Russia and China (on the Example of the Fairy Tales "Begaldar" and "The Legend of the Xinanlin Ridge")	126
Yuyshina E. A., Yuyshin M. A. The Dilemma of Christianity within the Chinese Cultural Context	130
Erofeeva I. V. Markers of Historical Memory in the Media Discourse of China and Russia	136

CHAPTER IV

Problems of Psychology and Pedagogy: Studying in the Borderlands of Russia and China (Psychological and Pedagogical Direction)

Levdanskaya Yu. Yu., Igumnova E. A. Cultural and Historical Traditions of Upbringing of Elite in the Chinese Education System	140
Golbert E. V. Readiness to Choose a Profession for Senior Students with Different Academic Achievements	143
Vinogradova N. I. The Civic Identity of Young People Living in Cross-border Conditions	146
Popova N. N., Kornilova O. N. Results of the Study on Choice of Occupations by Students of Transbaikalian Territory	149
Ganina O. B. Studies on the Language Development of Multilingual Children (Using the Example of Those Living in the PRC)	152
Syomina M. V. Applied Aspects of Professional Self-Determination of Schoolchildren in Cross-Border Territories	156
Pavlova K. N., Dagbaeva S. B. Volunteer Activity as a Condition for the Formation of Students' Civic Identity	160
Zinovieva T. I., Syomina M. V. Current Trends in the Development of Primary Education in Russia and China	163
Berestetskaya I. V., Syomina M. V. The Main Approaches to the Study of Personality Resilience in Psychology	167
Shimokhina Yu. B. Volunteer Activity as a Condition for the Formation of Students' Civic Identity	170

CHAPTER V
Current Issues of History Teaching Russian-Chinese
Relations in Higher Education and Secondary
Specialized Educational Institutions,
Secondary Schools

Biriukov D. R. Features of Cooperation between Russia and China in the Teaching of Interpreters in the Context of Modern Education Digitalization	172
Maysnikova G. V. The History of China on the Pages of School Textbooks	176
Volochaeva A. V. The Relationship between Russia and China in Modern School Textbooks on the History of Russia	180
Matafonova O. I., Kuvardina L. A. Project Activity: on the Issue of the Emergence of the City of Borzi	185

CHAPTER VI
Russian-Chinese Relations Through the Eyes of Russian and Chinese Students,
Questions of Linguistics and Philology (Student Section)

Sergeev M. A. Conditions for Signing the Nerchinsk Treaty	188
Krivosheev I. I. Russian-Chinese Diplomatic Relations at Early Stage (XVII Century)	191
Potapova K. R. Representation of the Ethnocultural Identity of the Character in the Work of the Oroqen Writer Ao Changfu	194
Timofeeva A. D. Polylogue of Cultures in Baoerji Yuanye's Novel "Adventures in the Slumbering Taiga of the Ussuri Region"	198
Razdobreeva K. G. Revitalization of the Cultural Heritage of the Evenks of China in the Works of Ureltu	200
Katkov A. A. Vectors of the Development of Interest in China among Russian Writers and Thinkers of the XIX Century (L. N. Tolstoy, V. S. Solovyov, N. Ya. Danilevsky)	204
Kolbina A. O. Borrowings from the Chinese Language as One of the Sources of Enriching the Vocabulary of Schoolchildren in Cross-Border Conditions	206

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Глубокоуважаемые участники конференции «335 лет установления договорных отношений России и Китая»!

От имени Российской академии наук сердечно приветствую вас в качестве носителей востоковедного знания, продолжателей богатой традиции отечественной школы китаеведения.

Освоение традиции – это всегда немалый труд, требующий многообразных усилий: интеллектуальных, духовно-душевных, волевых. Для нас это труд, одухотворённый служением России!

Желаю конференции успешной работы, продуктивных научных диалогов, открытия новых горизонтов в исследовательском поле!

Академик Владимир Степанович Мясников

WELCOME ADDRESS

Dear Participants of the Conference “335 Years of Establishing Contractual Relations between Russia and China”!

On behalf of the Russian Academy of Sciences, I cordially welcome you as bearers of Oriental knowledge and followers of the rich tradition of the Russian school of Sinology.

Mastering a tradition is always a lot of work, requiring diverse efforts: intellectual, spiritual, and volitional. For us, this is a work inspired by the service of Russia!

I wish the conference successful work, productive scientific dialogues, and the opening of new horizons in the research field!

Academician Vladimir Stepanovich Myasnikov

ПРЕДИСЛОВИЕ

2024 год ознаменован для Забайкальского края рядом памятных, знаменательных дат. Это, несомненно, 85 лет со дня совместной Победы советского и монгольского народов над японскими милитаристами на р. Халхин-Гол, 300 лет научным исследованиям в Забайкалье (в 1724 г. состоялась первая научная экспедиция на территорию региона Даниэля Готлиба Мессершмидта), 130-летие образования Забайкальской епархии Русской Православной Церкви (РПЦ), 30-летие восстановления Читинской и Забайкальской епархии РПЦ, 10-летие Забайкальской митрополии РПЦ.

Кроме того, 2024 год объявлен в Забайкальском крае Годом науки.

Наряду с названным в 2024 г. исполнилось 335 лет установлению договорных отношений России и Китая. Как широко известно, в 1689 г. был подписан Нерчинский договор.

Отдавая дань Победе на р. Халхин-Гол, научным изысканиям в Забайкалье Д. Г. Мессершмидта, группа энтузиастов решила обратить внимание на историю и современное состояние российско-китайских отношений. В конце августа 2024 г. в г. Чите, административном центре Забайкальского края, прошла большая международная научная конференция «335 лет установления договорных отношений России и Китая».

Соорганизаторами научного форума выступили: Российское историческое общество, Забайкальский государственный университет, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, Государственный архив Забайкальского края, Нерчинский краеведческий музей, Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов и Байкальское региональное отделение Академии военных наук (Чита и Иркутск). Конференция состоялась при поддержке Фонда «История Отечества».

Перед началом работы конференции организационным комитетом были предложены следующие направления работы:

1. Русско-китайские, российско-китайские и советско-китайские отношения: основные тенденции в истории и на современном этапе.
2. Нерчинский договор в истории русско-китайских отношений.
3. Кяхтинский, Кульджинский, Айгунский, Тяньцзиньский, Пекинский (дополнительный), Петербургский договоры: значение в истории.
4. Советско-китайские договорные отношения.
5. Межгосударственные и межправительственные договоры и соглашения Новейшего времени.
6. Регионы России и Китая: межрегиональное сотрудничество на современном этапе в договорах и соглашениях.

Именно в рамках заявленной проблематики изначально и задумывался научный форум, однако постепенно его предметное поле расширялось. Своё желание принять участие в конференции выразили лингвисты и филологи, психологи и педагоги. Отметим, что далеко не всем в выступлениях и докладах удалось в полной мере привязать тематику к предметному полю, заявленному в названии конференции. В то же время организаторы не стали отказывать им сначала в предоставлении площадки для научного общения, а позже и в возможности опубликовать результаты своих исследований. Это можно увидеть в данном издании.

И все же основу сборника составили материалы исторической направленности. Авторы рассмотрели и проанализировали самые разные проблемы русско-китайских, российско-ки-

тайских, советско-китайских и вновь российско-китайских отношений, попытались дать ответы на давно стоящие и вновь появляющиеся вопросы.

Немалое внимание уделено современному состоянию российско-китайских отношений в разных сферах.

Следует отметить, что конференция стала площадкой для выступления студентов и аспирантов, часть их докладов трансформировалась в статьи данного сборника. Для кого-то это стало своеобразной «пробой пера».

Представленные материалы направлены на борьбу с фальсификацией истории, восстановление исторической справедливости, сохранение исторической памяти.

Издание будет полезно преподавателям средних специальных и высших учебных заведений, учителям средних общеобразовательных школ, студентам, аспирантам и магистрантам, а также всем тем, кто интересуется историей Китая и Дальнего Востока, российско-китайскими отношениями и их состоянием на современном этапе, проблемами филологии и лингвистики, психологии и педагогики.

Е. В. Дроботушенко

канд. ист. наук, доцент,

декан историко-филологического факультета,

директор Гуманитарно-педагогического института

Забайкальского государственного университета,

председатель Организационного комитета конференции

PREFACE

2024 was marked by a number of Memorable and Significant dates for the Trans-Baikal Territory. This is undoubtedly the 85th anniversary of the joint Victory of the Soviet and Mongolian peoples over the Japanese militarists on the Khalkhin-Gol River, 300 years of scientific research in Transbaikalia (in 1724, the first scientific expedition to the region by Daniel Gottlieb Messerschmidt took place), the 130th anniversary of the formation of the Transbaikal Diocese of the Russian Orthodox Church (ROCh), 30-anniversary of the restoration of the Chita and Transbaikal Diocese (ROCh), 10th anniversary of the Transbaikal Metropolis (ROCh).

In addition, 2024 has been declared the Year of Science in the Trans-Baikal Territory.

Along with the aforementioned, 2024 marked the 335th anniversary of the establishment of contractual relations between Russia and China. As is widely known, the Treaty of Nerchinsk was signed in 1689.

Paying tribute to the Victory on the Khalkhin-Gol River and D. G. Messerschmidt's scientific research in Transbaikalia, a group of enthusiasts decided to pay attention to the history and current state of Russian-Chinese relations. At the end of August 2024, a large international scientific conference "335 years of establishing contractual relations between Russia and China" was held in Chita, the administrative center of the Trans-Baikal Territory.

The scientific forum was co-organized by the Russian Historical Society, Transbaikal State University, the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, the A. K. Kuznetsov Transbaikal Regional Museum of Local Lore, the State Archive of the Trans-Baikal Territory, the Nerchinsk Museum of Local Lore, the Transbaikal Regional Branch of the Russian Society of Political Scientists and the Baikalsk Regional Branch of the Academy of Military Sciences (Chita and Irkutsk).

The conference was held with the support of the History of the Fatherland Foundation. Before the start of the conference, the organizing committee proposed the following areas of work:

1. Russian-Chinese, Russian-Chinese and Soviet-Chinese relations: the main trends in history and at the present stage.
2. The Nerchinsk Treaty in the history of Russian-Chinese relations.
3. The Kyakhtinsky, Kuldzhinsky, Aigunsky, Tianjin, Beijing (additional), St. Petersburg treaties: significance in history.
4. Soviet-Chinese contractual relations.
5. Interstate and intergovernmental treaties and agreements of Modern times.
6. Regions of Russia and China: interregional cooperation at the present stage in contracts and agreements.

It was within the framework of the stated issues that the scientific forum was originally conceived, but gradually its subject field expanded. Linguists and philologists, psychologists and pedagogues expressed their desire to participate in the conference. It should be noted that not everyone in their speeches and reports managed to fully link the topic to the subject field stated in the title of the conference. At the same time, the organizers did not deny them first the opportunity to provide a platform for scientific communication, and later the opportunity to publish the results of their research. This can be seen in this collection

Nevertheless, the collection is based on historical materials. The authors examined and analyzed a variety of problems of Russian-Chinese, Russian-Chinese, Soviet-Chinese, and again, Russian-Chinese relations, and tried to answer long-standing and recurring questions.

Considerable attention was paid to the current state of Russian-Chinese relations in various fields.

It should be noted that the conference has become a platform for students and postgraduates to speak, and some of their reports have been transformed into articles in this collection. For some, it became a kind of “pen test”.

The presented materials are aimed at combating the falsification of history, restoring historical justice, and preserving historical memory.

The collection will be of interest to anyone interested in the history of China and the Far East, Russian-Chinese relations and their current state, problems of philology and linguistics, psychology and pedagogy. The materials will be useful for teachers of secondary schools, teachers of specialized secondary and higher educational institutions, students, postgraduates and undergraduates, and anyone interested in the content of the collection.

Evgeniy V. Drobotushenko

*PhD. in History, Associate Professor,
Dean of the Faculty of History and Philology,
Director of the Humanitarian and Pedagogical Institute,
Transbaikal State University,
Chairman of the Organizing Committee of the Conference*

РАЗДЕЛ I. Актуальные вопросы истории русско-китайских отношений

CHAPTER I. Current Issues of History Russian-Chinese Relations

УДК 930(571+510)

Нерчинский и Кяхтинский договоры: проблемы историографии и перспективы изучения

Владимир Григорьевич Дацышен

*Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр»
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Красноярск, Россия
dzishen@mail.ru*

Статья посвящена проблеме отсутствия в историографии единообразия в описании событий подписания Нерчинского и Кяхтинского договоров. На протяжении двух веков в отечественной историографии присутствует убедительная, опирающаяся на комплекс исторических источников, четкая и единообразная картина событий подписания Нерчинского договора, но при этом сохраняется противоречивая картина событий подписания Кяхтинского договора. Решение проблемы восстановления исторической картины событий подписания Кяхтинского договора возможно посредством обращения к опубликованным в России историческим документам.

Ключевые слова: Нерчинский и Кяхтинский договоры, проблемы российской историографии, документы по истории русско-китайских отношений

The Nerchinsk and Kyakhta Treaties: Problems of Historiography and Prospects of Study

Vladimir G. Datsyshen

*Federal Research Center "Krasnoyarsk Scientific Center"
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russia
dazishen@mail.ru*

The work is devoted to the problem of the lack of uniformity in the historiography in describing the events of the signing of the Nerchinsk and Kyakhta Treaties. For two centuries, Russian historiography has had a convincing, clear and uniform picture of the events of the signing of the Nerchinsk Treaty, based on a set of historical sources, but at the same time, a contradictory and confused picture of the events of the signing of the Kyakhta Treaty remains. The solution to the problem of restoring the historical picture of the events of the signing of the Kyakhta Treaty is sufficient to refer to historical documents published in Russia.

Keywords: Nerchinsk and Kyakhta Treaties, Problems of Russian Historiography, Documents on the History of Russian-Chinese Relations

Нерчинский и Кяхтинский договоры являются важнейшими документами в истории России и международных отношений в Центральной и Восточной Азии. Во всех обобщающих работах по истории России и русско-китайских отношений эти документы упоминаются, договоры много раз публиковались, существует устойчивая

картина событий. В современной исторической литературе, как правило, отсутствует даже намек на проблемы по данному вопросу. Однако даже при поверхностном знакомстве с литературой вопросы такие появляются.

Для примера возьмем крупные обобщающие работы последнего времени. Что касает-

ся Нерчинского договора, в подготовленной Российской Академией наук новой обобщающей многотомной «Истории Китая» пишется: «В 1689 г. в Нерчинске Ф. А. Головин подписал договор, под давлением большой Цинской армии, окружившей город» [4, с. 27]. В обобщающем исследовании «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» говорится: «В августе 1869 г. в Нерчинске состоялись переговоры между дипломатическими представителями Русского государства и империи Цин, завершившиеся подписанием первого в истории русско-китайского договора» [9, с. 33]. Таким образом, в обобщающих работах расхождений в описании подписания Нерчинского договора почти нет. Но описание крайне лаконично и не указывается даже даты подписания договора или подписания договора.

Кяхтинский договор в трех выше указанных работах представлен уже по-другому. В «Истории Китая» о заключении Кяхтинского договора пишется дважды, в разных разделах: «В результате трудных переговоров в 1727 г. был заключен Кяхтинский договор» [4, с. 14]; «21 октября 1727 г. на реке Кяхте, где строилась слобода для пограничной торговли, состоялся размен подписанных экземпляров нового договора, получившего название «Кяхтинский трактат»» [Там же, с. 559]. В исследовании «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» говорится: «21 октября (1 ноября) 1727 г. стороны подписали Кяхтинский договор (обмен подписанными экземплярами которого состоялся на реке Кяхте 14 июня 1728 г.)» [9, с. 33]. Две работы, а в них три разные даты «размена договора» – 21 октября, 1 ноября и 14 июня.

Ведущим российским исследователем истории русско-китайских отношений является академик В. С. Мясников. В 1996 г. была издана его обобщающая работа «Договорными статьями утвердили», в которой со ссылкой на документы РГАДА четко и детально описаны события подписания Нерчинского договора [8, с. 124]. Подписание Кяхтинского договора в работе В. С. Мясникова представлено без ссылок на источники и представляется противоречивым [Там же, с. 202]. Таким образом, в современной историографии не сложилось единообразия в описании событий подписания Нерчинского и Кяхтинского договоров. Общее знакомство с историографией, где в отличие от Нерчинского договора представлены разные варианты событий подписания Кяхтинского договора [3], закономерно приводит к вопросу, почему в новейших пу-

бликациях нет критики или указаний на противоречия.

Современная противоречивая картина событий первых русско-китайских договоров досталась нам от советской историографии. Описание Нерчинского договора везде представлено единообразно, а Кяхтинского – по-разному. В многотомной академической «Всемирной истории» написано, что Кяхтинский трактат заключен «в начале 1728 г.» [2, с. 313], в многотомной «Истории СССР» – Кяхтинский договор, заключенный в 1727 г.» [5, с. 343]. Советская же историография наследовала традиции российской дореволюционной историографии. Если обратиться к источникам изучения в России Нерчинского и Кяхтинского договоров, к работам историка-архивиста Н. Н. Бантыш-Каменского («Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год») и Е. Н. Сычевского («Историческая записка о китайской границе»). Возникает такая противоречивая картина: Н. Н. Бантыш-Каменский описывает события заключения Кяхтинского договора, но датирует его 1728 годом, а Е. Н. Сычевский вопросы заключения собственно Кяхтинского договора вообще не затрагивает, но упоминает «Генеральный трактат, заключенный с Двором Китайским прошлого 1727 году, октября 21 дня» [14, с. 28]. Выдающийся историк Сибири П. А. Словцов вообще не упоминает никакого «Кяхтинского договора 21 октября 1727 г.», а пишет лишь: «14 июня, по превратному порядку, разменен на Кяхте самый трактат между Россиею и Китаем, с некоторыми переменами, о крепчайшем и вечном мире» [13, с. 217]. Российский исследователь Китая З. Матусовский в своем фундаментальном труде по-разному представил подписание Нерчинского и Кяхтинского договоров: «27-го августа воевода Головин заключил в Нерчинске с китайскими уполномоченными мирный договор...» [6, с. 43]; «В 1725 г. был отправлен чрезвычайным послом в Китай граф Савва Владиславович Рагузинский... Результатом этого посольства было заключение в 1727 г. Буринского трактата, который потом в несколько измененном виде был окончательно ратификован и обменен в Кяхте 14 июля 1728 г» [Там же, с. 45]. При этом З. Матусовский сам договор называет «Кяхтинский договор 1727 г.» [Там же, с. 321]. Таким образом, на протяжении более чем двух столетий в отечественной историографии существует традиция единообразного и четкого описания событий заключения Нерчинского

договора и противоречивой или путаной картины событий подписания Кяхтинского договора.

До настоящего времени противоречия, вызванные наличием в историографии двух дат подписания Кяхтинского договора пытались скрыть через утверждения о том, что в 1727 г. договор был подписан, а в 1728 г. – ратифицирован. Однако в «археографическом введении И. Т. Мороз к публикации русско-китайских договоров 2004 г. утверждается: «некоторые из русско-китайских актов не были ратифицированы, то есть формально утверждены, поскольку ратификация в них не была предусмотрена. Не были ратифицированы, например, Нерчинский договор 1689 г., Кяхтинский трактат 1727 г.» [7, с. 20].

Решение проблемы противоречивой и недостаточно убедительной исторической картины событий подписания Кяхтинского договора возможно не только посредством обращения к первоисточникам. Достаточно вернуться к работам выдающегося историка-архивиста Н. Н. Бантыш-Каменского, а также к опубликованным в последние годы документам по истории русско-китайских отношений. В частности, Н. Н. Бантыш-Каменский в XVIII в. в архивах российского внешнеполитического ведомства не нашел никаких указаний на какое-либо событие не только 21 октября 1727 г., но и вообще указал, что китайские официальные лица в это время были не на границе, где жил С. Л. Владиславич-Рагузинский, а уезжали с документами в Пекин [1, с. 148].

В начале XXI в. в Москве были опубликованы фундаментальные сборники документов: «Русско-китайские договорно-правовые акты» и «Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. III: Русско-китайские отношения. 1727–1729». Целая серия собранных в сборнике документов указывает на то, что базовый договор между Россией и Китаем «был подписан» не в октябре 1727 г., а еще весной 1727 г., и не на границе, а в Пекине. Сам С. Л. Владиславич-Рагузинский в некоторых документах называет этот договор «Пекинским». Таким образом, можно говорить о том, что «Кяхтинский договор» подписывался несколько раз, и после каждого «подписывания» в документ вносились изменения. Но именно 21 октября 1727 г. русскими представителями никакие документы не рассматривались и не подписывались.

Исследователи русско-китайских договоров допускают датировку документов не по реальным событиям, а по сложившейся тра-

диции. В примечаниях к публикации Нерчинского договора 27 августа 1689 г. говорится, что документ стороны подписали 29 августа, но: «В исторической литературе принято датировать Нерчинский договор днем изготовления русского текста трактата, то есть 27 августа» [10, с. 587]. Применительно к Кяхтинскому договору составители и редакторы сборников документов подобного рода замечаний не делали.

Следует обратить внимание на публикацию другого документа «1727 г. ноября не ранее 13. – сопоставительная таблица текстов двух документов: 1) договора, представленного 21 марта 1727 г. С. Л. Владиславичем-Рагузинским проекта в Пекине; 2) договора, полученного 13 ноября 1727 г. на реке Буре из Пекина» [11, с. 199–209]. Как видно, здесь опять не упоминается никакого «Кяхтинского договора 21 октября 1727 г.», а говорится о том, что «Пекинский договор 21 марта 1727 г.» китайские власти рассматривали и «вернули на доработку» на границу уже после 21 октября. О «размене» Кяхтинского трактата С. Л. Владиславич-Рагузинский сообщил в Санкт-Петербург уже из Енисейска. Он писал: «июня 14 числа при границах с китайскими министры генеральным трактатом разменился... понеже вся сила и действо всего того, что в десяти пунктах постановлено в Пекине, а одиначтый, пограничный, внесен и разве мало где их штилем и дескурсом отменен, с которого, каков был прислан последний ис Пекина и каков дан от мене экземпляр» [Там же, с. 259–260]. Таким образом, русский посланник сообщил, что в 1728 г. произошло подписание договора, проект которого С. Л. Владиславич-Рагузинский подал китайской стороне весной 1727 г. в Пекине с добавлением откорректированной китайцами статьи, содержащей условия Буринского договора. При этом окончательный вариант договора был составлен в Пекине и согласован на границе весной 1728 г. Ни о каком договоре 21 октября 1727 г. ни в одном документе не упоминается, за исключением «Копий с инструкций» для пограничников [Там же, с. 316–326]. Вообще, в сборнике документов нет ни одного документа, датированного 21 октября 1727 г., нет ни одного документа с описанием событий 21 октября 1727 г. В «Реестре документов, поданных С. Л. Владиславичем-Рагузинским в Коллегию иностранных дел» в 1729 г. есть Буринский договор 20 августа 1727 г. и «Трактат генеральный, состоящий в 11 пунктах, присланной ис Пекина... которым он. Владиславич, розменился на ки-

тайской границе при речке Кяхте 1728 году, июня 14 дня» [11, с. 361].

Приведенные исследователями другие документы по истории русско-китайских отношений указывают на то, что российская дипломатия официально Кяхтинский договор никогда и не датировала 1727-м годом. Например, в 6-м томе сборников документов «Русско-китайские отношения в XVIII веке» помещен такой документ: «Экстракт из трактата, заключенного между Всероссийскою империею и Китайским государством в 1728-м году июня “14” дня» [12, с. 80]. Таким образом, российский МИД в XVIII в. именно 14 июня 1728 г. датировало Кяхтинский договор.

Таким образом, уже опубликованные на сегодня документы позволяют представить

четкую и убедительную картину исторических событий подписания Кяхтинского договора, как это уже давно было сделано в отношении Нерчинского договора. И на очередь выходит проблема – что за текст представлен в сборнике документов под названием «1727 г. октября 21. – Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Российской и Цинской империями». Возможно, это произвольная датировка договора, утвержденного 14 июня 1728 г., а может быть здесь представлен один из вариантов русско-китайского договора, существовавший на этапе согласования окончательного его текста. Но для решения данной проблемы необходимо специальное исследование.

Список литературы

1. Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1882. 565 с.
2. Всемирная история: в 10 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. Т. 5. 782 с.
3. Дацышен В. Г. «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки // Общество и государство в Китае / редкол.: А. И. Кобзев [и др.]. М.: ИВ РАН, 2017. Т. XLVII, ч. 1. С. 635–649.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 6. Династия Цин (1644–1911) / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука – Восточная литература, 2014. 886 с.
5. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия первая. Т. III. М.: Наука, 1966. 747 с.
6. Матусовский З. Л. Географическое обозрение Китайской империи: с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте З. Матусовского. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1888. 483 с.
7. Мороз И. Т. Археографическое введение // Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 13–23.
8. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XV вв. М.: РИО Мособлупрополиграфиздата, 1996. 482 с.
9. Россия и Китай: четыре века взаимодействия / под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
10. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.
11. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. 3: Русско-китайские отношения. 1727–1729 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 544 с.
12. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. 6: Русско-китайские отношения. 1752–1765 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 429 с.
13. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 505 с.
14. Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: В Университетской тип., 1875. 292 с.
15. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 461 с.

Сведения об авторе

Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, профессор, вед. науч. сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН, лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр» Сибирского отделения Российской академии наук, г. Красноярск, Россия, dazishen@mail.ru

Information about the author

Vladimir G. Datsyshen, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Federal Research Center of the Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russia, dazishen@mail.ru

УДК 94(470+571)+(510)

**Россия и Китай. Взгляд на эволюцию отношений
по материалам фондов МГУ имени М. В. Ломоносова**

Елизавета Дмитриевна Арапова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
hiztoricbetzy777@yandex.ru*

В статье про отношения России и КНР на основе вещевого ряда МГУ говорится и о 1950-х гг., и о постсоветских государственных отношениях на высшем уровне. Автор вводит в научный оборот два мозаичных портрета китайских учёных Средневековья, находящихся в высотке МГУ на Воробьёвых горах. Керамическая ваза оранжевого цвета в золотистых листьях и фото с председателем КНР Ху Цзиньтао – два колоритных экспоната в третьем зале Музея истории МГУ впервые научно отрефлексированы. Делается теоретическое допущение о пользе современного искусства, об отношениях Московского университета с Пекинским, а также с Пекинским политехническим институтом.

Ключевые слова: МГУ, Китай, ваза, золотые/золотистые, Ломоносов, предмет, традиция

**Russia and China. A Look at the Evolution of Relations Based
on the Materials of the Lomonosov Moscow State University Archives**

Elizaveta D. Arapova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
hiztoricbetzy777@yandex.ru*

The article about the relations between Russia and the People's Republic of China based on the MSU collection archives talks about both the 1950s and post-Soviet state relations at the highest level. The author introduces two mosaic portraits of Chinese scholars of the middle Ages, located in the MSU high-rise on the Lenin Hills. An orange ceramic vase with golden leaves and a photo with Chinese President Hu Jintao – two colorful exhibits in the 3rd hall of the Museum of History of Moscow State University are scientifically analyzed for the first time. A theoretical assumption is made about the usefulness of contemporary art in the relations between Moscow University and Beijing University, as well as Beijing Polytechnic Institute.

Keywords: MSU, China, Vase, Gold/Golden, Lomonosov, Object, Tradition

Китай (Китайская Народная Республика, КНР) и Россию (Российскую Федерацию, РФ), связывают долгие, временами турбулентные, дипломатические и социополитические и хозяйственные отношения. Самый «дальний» пункт дипломатической истории, то, что в 1689 г. оказался заключён Нерчинский трактат – первый документ между Россией и Китаем. С точки зрения заявленной темы сообщения важно отметить, что предметы обстановки Главного здания МГУ (одной из группы высоток в советской Москве в конце 1940-х – начале 1950-х гг.), о каких речь пойдёт ниже, а также несколько экспонатов Музея истории МГУ, посвященные китайским учёным либо происходящие из Китая (КНР), органично продолжают многовековую традицию внимания и уважения друг к другу наших стран. Свидетельствует об этом, например, проведённая в апреле – июне 2022 г. в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург, Россия) в Арапском зале в рамках празднования 350-летия со дня рождения первого русского императора Петра I (1672–1725). «На троне первый [в России – Е. А.] работник»

всю жизнь интересовался толковым, полезным, что в чужеземных краях пригодится россиянину во благо Отечества. Это была выставка «Диковинный и дорогой Китай. Знания о Востоке». Оказались представлены и посуда (восхитительные золотые чашечки, искусно, как некогда удавалось византийским мастерам или тульскому мастеру Левше у писателя Николая Лескова, «нашпигованные» в технике высочайшего уровня филигрань и щедро сдобренные драгоценными камешками, и одежда (например, в 1690-е гг. царь Пётр I носил халат из китайского шёлка – с узором в виде виноградной лозы и тушканчиков. Мы не стремились описать всю эрмитажную выставку 2022 г. о китайских предметах, бытовавших в Российской империи в конце XVII – первой половине XVIII в., скорее нашей целью было «найти зерно», есть ли общее в бытовании вещей с китайскими мотивами тогда в эпоху начала российского Нового времени и МГУ имени М. В. Ломоносова в XX–XXI вв.? На наш взгляд, да, определённо есть и даже минимум два направления. Далее мы постараемся с конкретными примерами доказать нашу теорию.

Цифровая сторона вопроса, то есть сколько предметов «китайского» в фондах МГУ мы освещаем – четыре штуки. Конечно, всего китайских предметов больше в МГУ. Однако мы ограничились камерным рядом, дабы уделить им достаточное внимание. Речь идёт, во-первых, о двух мозаиках – портретах китайских учёных, какие были изготовлены как органическая часть торжественно-пышного декора и с надеждой идеологического воздействия на тех, будет проходить, гулять внизу колонн – всё это находится на втором этаже Главного здания МГУ (рис. 1) перед входом в Актный зал располагаются два нефа, разделённые между собой техническим пространством, где лифт и др.; наверху по бокам нефов изображены 60 учёных со всего мира (назовём для иллюстрации, кто там есть квартет учёных: 1) российский химик, филолог, историк; учёный-энциклопедист Михаил Ломоносов (1711–1765); 2) швейцарский, российский и прусский математик и механик Леонард Эйлер (1707–1783); 3) австрийский физик Людвиг Больцман (1844–1906); 4) древнегреческий математик и механик Архимед (около 287 г. до н. э. – около 212 г. до н. э.). Эти персоны попали в пантеон Московского университета.

Мозаики были сотворены в 1951 г. художником-полифонистом в искусстве: и графиком, и скульптором, и плакатистом А. А. Дейнекой (1899–1969). В 1930–1960-е гг. мастер вкладывался в зрелищное оформление ряда станций Московского метрополитена, как уже упоминалось, МГУ, а также Кремлёвского Дворца съездов (КДС) (нынешнее название: Государственный Кремлёвский Дворец) (ГКД). Наши же два героя, выводим их на первый план, а именно китайцы: 1) талантливый и усердный математик и астроном Цзу-Чун-Чжи (429–500) и 2) врач и фармаколог, был, что называется, сторонник доказательной медици-

ны, Ли-Ши-Чжен (1518–1593) (рис. 2). Эти портреты можно видеть не часто, так как освещение включают во время мероприятий, концертов, производственных собраний сотрудников университета, когда, возможно, люди спешат и не успевают уделить весомое внимание «коллективу» учёных наверху. Вместе с тем, на наш взгляд, знакомство тех людей, кто потенциально интересуется широким пластом культурных артефактов России и мира с тем, что достойно внимания, с самим фактом его наличия – чему служит и настоящая статья – может и расширит круг тех, кто способен при должной инициативности как-то соотнести с этими мозаичными изображениями.

Рис. 1. Второй этаж Главного зала МГУ

Рис. 2. Китайский врач XVI в.
Ли Ши Чжен

Как обещали, теперь расскажем о подарках китайской стороны Советской державе или, позже, России. Это тем легче, что они представлены в экспозиции в Музее истории МГУ (территориально на момент написания статьи находится на первом этаже в здании Фундаментальной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (ФБ МГУ); г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27) (далее: МИ МГУ), первый из них – большая нарядная ваза (высота 60 см; D: 19,5 см; с портретом М. В. Ломоносова (крайне уважаемая историческая личность в стенах Московского университета, ибо это помимо учёных заслуг в отдельных дисциплинах, один из трёх наравне с И. И. Шуваловым (1727–1797) и императрицей Елизаветой Петровной (1709–1762) (любимой дочерью Петра Великого) инициатор такой учебной институции как Московский университет (год рождения – 1755 г. Ваза очутилась в стенах Московского университета в 1950-е гг.; если говорить о её красках, то на оранжевом фоне ветвятся золотистые стебли, листья, налёк на будущие цветы хурмы (это растение и его плоды в Китае – символ счастья, благополучия). В 1950 г., как раз в аккурат пришедший в череду лет строительства и «наполнения начинки» высоток в Москве стиля советский неоклассицизм, в том числе Главного здания МГУ на Ленинских горах, архитектор Л. В. Руднев, С. Е. Чернышёв, П. В. Абросимов, А. Ф. Хряков заключен советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. КНР передан основанный на арендованной территории город Дальний (Далянь) и права на владение КВЖД. СССР оказывал Китаю помощь в строительстве государства, армии и обучении специалистов. Базой же этого соглашения оказалось то, что в 1949 г. Советский Союз первым в мире признал Китайскую Народную Республику. Это знаменательный момент мог быть оценён как смелая ласточка в процессе триумфального шествия социализма по всему земному шару. Данный момент деятель российского и международного социалистического и коммунистического движения Л. Д. Троцкий (1879–1940) некогда ждал во время Первой Мировой войны: перманентная революция на марше. Однако времена меняются, и с 1956 г. отношения СССР и Китая подмерзли. Причиной стало, как виделось китайским товарищам, неуважительное, ведущее к «потере лица» отношение Первого секретаря ЦК КПСС (1953–1964) Н. С. Хрущёва к покойному Генеральному секретарю РКП(б) (с марта 1918 г., затем ВКП(б)

(с декабря 1925 г.), затем КПСС (с сентября 1952 г.) И. В. Сталину, что было оглашено во время XX съезда КПСС (1956 г.). В последний день работы съезда, 25 февраля 1956 г., на закрытом утреннем заседании глава партии сделал доклад «О культе личности и его последствиях». В тексте критиковалась мрачное бытие Большого террора второй половины 1930-х – начала 1950-х гг. Оратор энергично «списнул» всю вину на Иосифа Сталина. К 1960-му году из-за вышеописанного, а также противоречий по военным вопросам, что явилось бы темой других толстых текстов, советско-китайские отношения охладились. В то же время это произошло не сразу после 1956 г., свидетельством чего память о визите в МГУ с группой китайских товарищей в 1957 г. первого Председателя ЦК Коммунистической партии Китая (Председателя Мао) Мао Цзэдуна – занимал этот пост в 1943–1976 гг. Предполагаем, что оранжевая ваза с золотистыми листьями и плодоножками тогда и была подарена первому российскому университету.

Ещё одним предметом, представленным в третьем экспозиционном зале МИ МГУ, является фотомонтаж в специальных чёрных рамах, где, в том числе, есть совместное фото председателя КНР в период с марта 2003 г. по март 2013 г. Ху Цзиньтао и Президента РФ В. В. Путина во время визита Ху Цзиньтао в Россию в 2007 г. Это фото законно коррелирует с традицией гармоничности учебных и научных связей МГУ и Пекинского университета. Отметим, с радостью, что отношения МГУ и Китая, в том числе реализовались в факт рождения Совместного университета МГУ–ППИ, который Московский университет учредил совместно с Пекинским политехническим институтом и народным правительством Шэньчжэня.

Вернёмся к заявленным в первой части нашей статьи особенностям, что мы наблюдаем у китайских подарков и отображений китайского в практике в МГУ. Это: 1) сочный акцент на экзотичность, восточность; 2) праздничность, подобно, например, если прочесть вне контекста фрагмент – сюжетную картину в цирке из стихотворения Анна Ахматовой «Эквилибр на проволоке» (1911): «Как мой китайский зонтик красен, Натёрты мелом башмачки! Оркестр весёлое играет, И улыбаются уста». Российское мнение о китайских учёных прошлых времён и о государственных деятелях совсем свежих эпох пронизывает искренний интерес и уважение как реакция на проявления ими энтузиазма, трудолюбия и смелости.

сти. Вместе с тем, если что-то было бы полезно изменить, ввести в возможные подарки от университетов Китая предметы современного искусства. Речь может идти, например, об авторском повторении или копии в технике жикле, картины направления цинический (или циничный) реализм. Тогда наше представление о давнем партнёре Китае, будет более близким к правде, можно будет видеть и сложности, волнующие людей, а также форму, как это воплощено. Классические вазы прекрасны, однако, если ограничиться ими как видом дара, это является бидермайером – направлением в искусстве 1915–1948 гг., нравящемся мещанам и буржуа, в этом стиле делали мебель и те же картины, рисовали под определённый промежуток стены букет цветов в вазе и т. д. Бидер-

майер исключает проблемы, в нём всё красиво, изящно, пасторально, райски.

В заключение можем заметить, что бережное сохранение китайских «вещиц» в МГУ имени М. В. Ломоносова позволило преодолеть иногда наступающую напряжённость отношений между Россией и Китаем, освобождая место внятному диалогу. Соответственно, когда в течение последних лет куратор по внеаудиторной работе с иностранными (в том числе китайскими) студентами факультета журналистики МГУ С. Ю. Сидорова приводит своих «питомцев» в Музей истории МГУ, очень приятно воспринимаются посетителями вещи с их Родины. В сердце закладывается кирпичик теплоты, зерно дружелюбия, залог будущих совместных дел.

Сведения об авторе

Арапова Елизавета Дмитриевна, канд. ист. наук, науч. сотрудник Музея истории МГУ, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, hiztoricbetzy777@yandex.ru

Information about the author

Elizaveta D. Arapova, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Museum of History of Moscow State University, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, hiztoricbetzy777@yandex.ru

УДК 94(571+510)

Китайские товары в быту Забайкалья начала XVIII века (по материалам дневника Д. Г. Мессершмидта. 1724–1725 годы)

Ирина Сергеевна Дорогавцева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
irinadorogawzewa@mail.ru

В статье рассматриваются особенности торговли между Россией и Китаем в начале XVIII века. Исследование основано на изучении путевых заметок известного естествоиспытателя и исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта (экспедиция в Забайкалье и приграничные регионы 1724–1725 гг.). Автор обращает внимание на зарисовки быта забайкальцев, важное место в которых занимает описание китайских товаров, часто бывших объектом дарения, обмена, купли-продажи у жителей региона.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Забайкалье в XVIII в., Китай, российско-китайская торговля, китайский текстиль

Chinese Goods in the Life of Transbaikalia at the Beginning of the XVIII Century (Based on the Materials of D. G. Messerschmidt's Diary. 1724–1725)

Irina S. Dorogavtseva

Transbaikal State University, Chita, Russia
irinadorogawzewa@mail.ru

The paper analyzes specifics of Russian-Chinese trade at the beginning of the XVIII century. D. G. Messerschmidt, a famous naturalist and explorer of Siberia (expedition to Transbaikalia and border regions in 1724–1725), bases the study on the study of travel notes. The author draws attention to his sketches of the life of Transbaikalia residents, where the description of Chinese goods takes an important place: they often were objects of gifting, exchange, purchase and sale in the region.

Keywords: D. G. Messerschmidt, Transbaikalia in the XVIII Century, China, Russian-Chinese Trade, Chinese Textile

Приграничный характер Забайкалья на долгие годы определил особенности его развития и взаимоотношений с соседними государствами. Забайкалье издавна было важным транспортным и торговым узлом, связующим центральную Россию и страны Азии, прежде всего Монголию и Китай [5; 8]. Китай был и продолжает оставаться стабильным соседом и важным экономическим партнером региона.

Традиция торговых отношений с Китаем. Ещё до того, как Забайкалье стало частью России, коренное население региона имело тесные экономические контакты с Китаем. Традиционно в приграничных районах действовали ярмарки, где кочевники могли обменять свои товары на китайскую продукцию, в первую очередь на шёлк, вышитые шёлком гобелены и одежду, домашнюю утварь (зеркала и проч.), рис и просо, вино и т. д. Археологические находки доказывают весьма интенсивный характер торговли между жителями Сибири и Китая, начиная с древности – лишь военные конфликты на территории регионов периодически препятствовали торговым отношениям [1]. К началу XVIII в. торговые контакты значительно усилились. Так, Нерчинск, а затем Кяхта в свое время были важными центрами международной торговли общероссийского значения [4; 7].

Быт забайкальцев глазами Д. С. Мессершмидта: роль близости с Китаем в становлении облика региона. Даниэль Готлиб Мессершмидт (1685–1735), приглашенный на службу Петром I в 1717 г., в 1718 г. отправился в тяжёлое многолетнее путешествие по Сибири, став одним из первых её исследователей [9]. В Забайкалье учёный провел более года [3]. Несмотря на то, что целью Мессершмидта как натуралиста было, прежде всего, изучение флоры и фауны, имеют немалую ценность и его этнографические описания, часто довольно детальные и точные [6, с. 48–50].

Путешествие по Забайкалью (из Удинска через Читинск в Нерчинск, далее к Аргунскому Заводу и китайской границе, затем обратно в Читинск и оттуда в Селенгинск) детально описано самим Д. Г. Мессершмидтом в его дневниковых записях 1724–1725 гг. [10]. Проезжая по необъятным просторам Забайкалья, учёный получил немало впечатлений: наблюдал цветение багульника в мае и восхищался красотой озера Кенон [Там же, с. 64], скрупулёзно обследовал растительность Яблонового хребта (не обнаружив там к своему удивлению ни одной яблони), пережил землетрясение 21 ян-

варя 1725 г. [Там же, с. 255], познакомился с местной кулинарией и некоторыми традициями коренных народов. Серьёзные организационные (прежде всего транспортные) и финансовые затруднения, сопровождавшие исследователя в течение всей поездки, не лишили его энтузиазма и живого интереса ко всему, что встречалось на его пути. Свободный от предрассудков, ответственный, педантичный и пунктуальный, Д. Г. Мессершмидт тем не менее вовсе не отличался житейской практичностью – он не всегда был в курсе стоимости каких-то товаров, поведение окружающих порой оказывалось неожиданным для него, а принципиальность, бескомпромиссность натуралиста и его стремление во всём следовать правилам могли в сложных ситуациях стать причиной конфликта. Любознательность и внимательность учёного, его жадное стремление изучать мир, открывать новые факты и во всем доходить до сути – эти качества позволили Д. Г. Мессершмидту увидеть разные грани жизни региона. В своём дневнике он с присущей ему дотошностью описывает реалии быта Забайкалья начала XVIII в., связанные с религией, хозяйством, кулинарией, традициями гостеприимства и т. д. Не обходит вниманием он и поликультурный характер Забайкалья, соединившего в себе традиции разных стран и народов.

С китайскими товарами члены экспедиции Мессершмидта постоянно сталкиваются на всем пути. Практически каждая встреча с официальными лицами и представителями по этикету предполагала взаимный обмен подарками. Самым распространенным подарком от жителей Забайкалья оказался чай и/или рулон ткани. Так, еравнинский приказчик Георгий Уваров, по свидетельству учёного, вручил ему полфунта чая и две штуки ткани – китайку коричневого цвета [Там же, с. 49]. Китайка будет позже использоваться членами экспедиции для шитья специальных мешочков – упаковывать семена местных растений. Недалеко от Арахлея экспедиция встретила с местным зайсаном, принесшим в качестве приветственного дара 5 аршин дамаста и получившим взамен табака и водку [Там же, с. 61]. По прибытии в Оленгуйский острог приказчик Григорий Григорьев сын Макаевеет приносит в подарок для членов экспедиции 2 ржаных хлеба, немного масла и 1 аршин тонкого зелёного дамаста [Там же, с. 66].

Прибытие из Читинска в Нерчинск в июле 1724 г. – важный пункт в путешествии экспедиции по Забайкалью. Время для посещения

было не самым удачным, ведь в конце июля 1724 г. вследствие разлива Шилки началось наводнение: вода залила весь город, но, к счастью, вскоре спала. Описание Нерчинска наглядно демонстрирует положительное влияние торговли на развитие города. Если Читинск, он же Плотбище, состоявший в то время всего из 18 домов и церкви, произвёл не самое лучшее впечатление на европейского путешественника [10], то Нерчинск его приятно удивил – упоминается наличие около 200 домов, новая церковь и красивый базар, на котором не то 40, не то 50 лавок [Там же, с. 93]. Петер Кратц, слуга учёного, наконец-то получает возможность приобрести себе новые штаны взамен порванных во время недавней охоты. Визит путешественника наносит вначале приказчик Семён Луговской и его приближённые с подарком в виде фиолетового дамаста, а затем и местный судья, который приносит чай и китайскую чашу, изготовленную из капа. Сам учёный, нанося чуть позже ответный визит комиссару, подарит ему одно из своих ружей.

Пребывание в Нерчинске дало местным жителям возможность произвести взаимовыгодный обмен с экспедицией. Знатные нерчинцы были заинтересованы в том, чтобы выменять у путешественника что-нибудь полезное или редкое. Как мы видим, ткани были совершенно не дефицитным товаром, который чаще имелся в избытке и активно использовался для бартера. Так, Петер обменял свой утеплённый сюртук и 4 упаковки швейных игл на 12 аршин дамаста в красный и зелёный цветочек. Приказчику же понравилась какая-то утварь в хозяйстве Мессершмидта, и он предложил за неё чёрную тафту. Учёный вначале сомневался в необходимости обмена, но более практичный Петер обратил его внимание на высокую стоимость предложенной материи [Там же, с. 98]. Позже предприимчивый Петер обменяет на ткани порох и ещё 6 сюртуков. Характерно, что беседа с нерчинцем о фауне местных водоёмов оказалась не очень результативной – местные так привыкли жить за счёт торговли с монголами, китайцами и тунгусами, что практически перестали заниматься охотой и рыболовством [Там же, с. 105].

Возвращение в Читинск после утомительного путешествия по югу Забайкалья состоялось в ноябре 1724 г. – всю зиму (11.11.1724–23.02.1725) члены экспедиции провели здесь, так как сильные морозы делали дорогу к Селенгинску опасной. Д. Г. Мессершмидт полу-

чил возможность больше узнать о жизненном укладе читинцев, познакомиться с кем-то из них лично. Капитан Михайла Иванов сын Михалчевский, участвовавший в организации подвоя, обращался к Д. Г. Мессершмидту как к врачу по поводу здоровья супруги и получил от него медицинскую консультацию и лекарства. Беседуя с Михалчевским, учёный заметил, что тот носит на пальце деревянное китайское кольцо интересной формы – русские называли такие кольца «китайка». По поверьям, такое кольцо помогает при «болях в ранах, появляющихся при смене воздуха» [Там же, с. 231]. Другие товары китайского производства упомянуты среди закупок, производимых членами экспедиции. Так, Петером для хозяйства был приобретен 5 декабря 1724 г. китайский табак по цене 33 коп. за фунт (для сравнения – мука продавалась по 25 коп. за пуд).

Китайский текстиль и в Читинске имелся в достаточных количествах, так что местные жители, видя потенциально платёжеспособных приезжих, предлагали на продажу разнообразные ткани. Сам Мессершмидт вначале покупает шелковую ткань (чёрную и коричневую, без узора) у крестьянина за 8 руб., затем у другого местного жителя приобретает плотный атлас жёлтого цвета (канфа) в цветочек, за 625 коп. [Там же, с. 236] 29 января 1725 г. учёный покупает у одного карыма кусок ткани соломенно-жёлтого цвета (дамаст сорта, называемого по-русски «двоехвосты») за 4 руб., чтобы по возвращении подарить его своей племяннице Мари Лизхен. Компетентный и внушающий доверие читинец Алексей Васильев сын Шитиков по просьбе Д. Г. Мессершмидта помогает ему оценить стоимость купленных тканей – консультирует натуралиста касательно имеющегося ассортимента и цен на разные виды текстиля. Из беседы с Шитиковым учёный узнает, что не только качество и состав материи влияют на цену, но и цвет – самые ходовые стоят дороже: зелёные и красные ткани – самые дорогие, за ними идут фиолетовый и гвоздично-коричневый, еще дешевле жёлтый и голубой, среди самых дешёвых – чёрный. Самый лучший дамаст – блестящая ткань, называемая по-русски «голи», могла стоить 10–12 руб. за 1 аршин, а канфа (атлас в цветочек) – 4–5 руб. за кусок длиной 18 аршин и шириной 1 аршин. Самые дешёвые виды дамаста длиной 12–14 аршин стоили около 2,20–2,50 руб. В своём дневнике Мессершмидт занёс данные о видах тканей и ценах на них в специальную таблицу [Там же, с. 259–260].

Исследователи отмечают, что уже в XVII в. привозные, прежде всего китайские, ткани (хлопок и шёлк разных сортов) широко внедрялись в быт коренного населения Сибири, в том числе Северо-Западной, а также Приуралья – ткани не только служили маркером социального положения, но и нередко использовались для изготовления традиционной, в том числе обрядовой одежды. Текстиль стал преобладающим товаром на рынке, о чем свидетельствует, к примеру, статистика по тобольскому рынку 1630–1690-х гг. [2]. Опираясь на дневниковые записи Д. Г. Мессершмидта, можно с уверенностью утверждать, что ткани выступают в нача-

ле XVIII в. как важнейший и наиболее ходовой импортный товар и в Забайкалье. В дневнике учёного китайский текстиль упоминается значительно чаще других товаров, таких, как чай, табак и декоративные изделия.

Заключение. Трудно переоценить роль путевых заметок исследователей Забайкалья прошлых веков, дающих возможность восстанавливать детали быта региона, которые часто отсутствуют в исторических работах. Дневник Д. Г. Мессершмидта – один из текстов, без которых картина прошлого Забайкалья, его исторической роли как приграничного края была бы неполной.

Список литературы

1. Барина Е. Б. Влияние Китая на культуру народов Южной Сибири в домонгольский период // Вестник РУДН. История России. 2012. № 3. С. 99–113.
2. Богордаева А. А. О поступлении импортных тканей на территорию проживания манси в XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 118–123.
3. Бондарь Л. Д., Красникова О. А. Даниэль Готлиб Мессершмидт в Забайкалье: картографические материалы в архивном наследии // Гуманитарный вектор. 2023. № 1. С. 74–85.
4. Козлова С. А. Торговля в системе жизнеобеспечения старообрядцев Забайкалья в XVIII – начале XX века // Научный диалог. 2019. № 2. С. 237–253.
5. Крайденко Н. С., Сурник А. П. Русско-китайская торговля XVIII века в свете таможенной политики России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. № 6.
6. Кызласов Л. Р. В Сибирю неведомую за письмами таинственными. Абакан: Роса, 1998. 76 с.
7. Мишакова О. Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 82–94.
8. Романова Г. Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 101–112.
9. Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler / unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen: Universitätsverlag, 2023. 732 s.
10. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Vol. 3: Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 – Februar 1725. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 274 p.

Сведения об авторе

Дорогавцева Ирина Сергеевна, канд. культурологии, доцент, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, irinadorogawzewa@mail.ru

Information about the author

Irina S. Dorogavtseva, Candidate of Cultural Studies, Docent, Associate Professor of the Department of European Languages and Linguodidactics of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, irinadorogawzewa@mail.ru

УДК 94(571+510)

Китай в дипломатической деятельности Н. Н. Муравьева-Амурского**Сергей Ильич Кузнецов¹, Мария Сергеевна Мищенко²**^{1,2}*Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия*¹*Университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония*¹s.kuznetsov@mail.ru, ²markuz97@mail.ru

Статья посвящена деятельности одного из известнейших российских государственных деятелей XIX в. – Николая Николаевича Муравьева – в области внешнеполитических отношений с Цинским Китаем. Появление на Дальнем Востоке западноевропейских держав являлось важным вызовом для Российского государства в 1850-е гг. В связи с этим присоединение Приамурья, организация водного сообщения по Амуру с Дальним Востоком и закрепление данных положений на официальном уровне с китайской стороны стали основной задачей российской внешней политики в регионе. Несмотря на то, что Н. Н. Муравьев не был дипломатом, его навыки и искренняя преданность делу позволили отстоять позиции Российской империи на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Н. Н. Муравьев-Амурский, амурские сплавы, Дальний Восток, российско-китайские отношения, дальневосточная политика

China in the Diplomatic Activity of N. N. Muravyov-Amursky**Sergey I. Kuznetsov¹, Maria S. Mishchenkova²**^{1,2}*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*¹*Hokkaido University, Sapporo, Japan*¹s.kuznetsov@mail.ru, ²markuz97@mail.ru

The article is devoted to the activities of one of the most famous Russian statesmen of the XIX century, Nikolai Nikolaevich Muravyov, in the field of foreign policy relations with Qing China. The emergence of Western European powers in the Far East was a major challenge for the Russian state in the 1850s. In this regard, the annexation of the Amur region, the organization of water communication along the Amur with the Far East and the consolidation of these provisions at the official level with the Chinese side became the main task of Russian foreign policy in the region. Despite the fact that N. N. Muravyov was not a diplomat, his skills and sincere dedication to the cause allowed him to defend the positions of the Russian Empire in the Far East.

Keywords: N. N. Muravyov-Amursky, Amur Raftings, Far East, Russian-Chinese Relations, Far Eastern Policy

В середине XIX в. геополитическая обстановка на Дальнем Востоке заметно обострилась. В условиях слабости цинского правительства и заинтересованности западных держав в усилении влияния в Китае Российская империя оказалась в ситуации, когда владение Приамурьем стало одной из наиболее приоритетных задач внешней политики. Маньчжуры испытывали кризис во всех сферах жизни цинской империи – начиная от финансовых проблем и заканчивая недовольством определенных групп населения, что приводило к вооруженным восстаниям [8, с. 30]. Возвращение потерянных по условиям Нерчинского договора 1689 г. земель [3, с. 10] и возможность использовать Амур для связи дальневосточных владений России с сибирскими стали важнейшими задачами деятельности Николая Николаевича Муравьева, назначенного в 1848 г. генерал-губернатором Восточной Сибири. Вхождение Приамурья в состав Российской империи обеспечило бы надежный тыл для конкурирования с Велико-

британией и другими западными странами в регионе. Приамурье представляло интерес для Российской империи еще и потому, что его завоевание давало возможность заселить побережье Тихого океана, став полноценной тихоокеанской державой [5]. В англоязычной историографии миссию Н. Н. Муравьева характеризуют как проект по обретению «русской Миссисипи» [8, с. 30].

С первых же дней губернаторства в Восточной Сибири Н. Н. Муравьев начал настаивать на активной политике в отношении Китая по вопросу занятия русскими Амура. В столице такие хлопоты не одобрили: слишком уж не готова была империя в тот момент к войне с Китаем. В Петербурге рассматривали вариант так называемого «планомерного захвата» Приамурья, открывающего прямой путь к Камчатке; в попытках избежать прямого столкновения с Китаем по вопросу границ, чиновники в столице предлагали проложить пеший путь, соединявший бы Сибирь с Дальним Востоком. Разумеется, в условиях того времени эта

идея не могла быть успешной, так как такой тракт оказался бы непроходимым; Н. Н. Муравьев, правильно понимая расстановку сил на Дальнем Востоке и возможности, которые открывал перед Российской империей Амур, проявил завидное упорство в достижении своей цели.

В 1849 г. создается Амурский комитет, в котором разрабатывали планы по освоению Приамурья. Подчеркнуть необходимость наличия пути, соединявшего Сибирь и Дальний Восток, позволяли новые географические открытия; Г. И. Невельской, активно поддерживавший начинания Н. Н. Муравьева, досконально исследовал Дальний Восток, и его открытия способствовали формированию убеждения о необходимости воплощения в жизнь идей генерал-губернатора Восточной Сибири [5, с. 48, 50]. В тот же году утверждается положение о морской экспедиции для исследования устья р. Амур и находившейся напротив него части о. Сахалин [6, с. 274]. Приложенные усилия принесли свои плоды, и в 1854 г. Н. Н. Муравьеву наконец предоставили право вести переговоры с Китаем по вопросам восточной окраины и разрешили сплав войск по реке Амур. На руку ему сыграла и Крымская война, окончательно убедившая правительство в необходимости срочного решения амурского вопроса. Уже тогда произошел некий поворот России на Восток в поисках новых путей развития и влияния.

Первый амурский сплав, возглавляемый самим Н. Н. Муравьевым, был осуществлен в 1854 г.; еще через год, во время второго сплава, на устье Амурса появились первые русские поселенцы. Н. Н. Муравьев применял различные методы для укрепления российского влияния на новых территориях; например, по ходу сплава его флотилия останавливалась в поселениях нанайцев, раздавая жителям серебро и прочие диковины [1, с. 373], что положительно сказывалось на отношении коренных жителей берегов Амурса к прибывшим в их земли русским. По велению императора Н. Н. Муравьев провел сплав так, «чтобы и не пахло пороховым дымом» [Там же, с. 345–346], сделав упор на дипломатические методы ведения внешней политики вкупе с настойчивостью в продвижении по своему пути. Уже первый сплав продемонстрировал удобство и преимущества водного пути на Дальний Восток; цинские пограничные посты никак не препятствовали сплаву, однако необходимость официального разграничения на основе письменного договора с китайской стороной оставалась.

В письме к управляющему Министерством иностранных дел от 4 февраля 1855 г. Н. Н. Муравьев отмечал, что «по настоящему положению дел в Китае и особенно по стремлению неприятелей наших англичан и французов войти в переговоры с китайским правительством, весьма было бы полезно отправить в Пекин политического нашего агента <...> приняв во внимание, что, по прежним сношениям Министерства иностранных дел с Трибуналом внешних сношений, у меня могут возникнуть переговоры с китайцами, вследствие возложенных на меня Высочайшею волею поручений, на пути следования моего по Амурсу...» [2, с. 121–122].

Переговоры с китайцами по итогу шли долго. В том же 1855 г. Н. Н. Муравьев сообщал о завязавшейся с китайской стороной переписке относительно разграничения; обстоятельно подойдя к вопросу, генерал-губернатор запросил в Министерстве иностранных дел копии всех предыдущих трактатов и иных документов, когда-либо заключенных с китайской стороной [Там же, с. 124]. Китайские чиновники постоянно увиливали от ответа; создавалось впечатление, что они, с одной стороны, не хотят портить отношения с таким грозным соседом, как Российская империя, однако и не горят желанием приходить к окончательному решению относительно р. Амур и ее бассейна. Свои мысли относительно определения границы для китайской стороны Н. Н. Муравьев изложил таким образом, что для защиты Амурса необходимо закрепление всех занятых в ходе сплавов земель в Приамурье и создание на левом берегу реки постоянных русских поселений с казачьим населением. Сам Амур в данных условиях, с точки зрения генерал-губернатора, представлял собой наилучшую естественную границу между двумя империями [Там же, с. 137]. Казаки были удобным контингентом для решения насущных проблем в управлении новым краем, т. к. одновременно могли выполнять оборонительные функции и за счет присутствия гражданского населения способствовать экономическому развитию территорий [8, с. 28].

Относительно полномочий Н. Н. Муравьева в области выстраивания российско-китайских отношений у исследователей существуют различные точки зрения; например, китайский исследователь Лю Сянь-Дун отмечал, что в исторической науке существуют два взгляда на данные события с точки зрения политики экспансионизма. В случае, если данная политика действительно поддерживалась

в Петербурге, император Николай I предоставил полную свободу действий генерал-губернатору Восточной Сибири, и последний всегда мог рассчитывать на поддержку своих действий со стороны российского правительства. В Китае произошедшие события были впоследствии оценены следующим образом: Муравьев сообщил китайской стороне, что британский флот появился в низовьях Амура и был отброшен русскими, что британцы хотят вторгнуться на китайскую территорию и что только Россия может защитить Китай от британского вторжения, если российскому флоту и войскам будет позволено пройти и расположиться на нижнем Амуре и в Уссурийском крае [7, с. 103–104]. Разумеется, каждая сторона преследовала здесь свои интересы; непрерывное снабжение тихоокеанского побережья и заселение Приамурья значительно повышали безопасность не столько Китая, сколько самой Российской империи. Впрочем, независимость Китая от западных держав также была важным звеном в этой цепи.

Продлившиеся около трех лет переговоры завершились в 1858 г. Важнейшим результатом дипломатической деятельности Н. Н. Муравьева стало подписание Айгунского договора, согласно которому р. Амур до самого устья стала границей России и Китая. За успешное решение территориального вопроса Николай Николаевич получил титул графа Амурского и чин генерала от инфантерии [4, с. 106]. Амур, с миллионами квадратных верст и приморским берегом, составил одной подписью Н. Н. Муравьева собственность Российской империи. По завершении долгих дипломатических трудов генерал-губернатор Восточной Сибири отмечал, что «если же господства неверующие станут и теперь еще утверждать, что договор не обременен всеми дипло-

матических формами, то ошибутся, как ошибались и прежде в сношениях своих с Китаем [1, с. 512].

Следом был подписан и Пекинский договор, утверждавший приобретение Россией Уссурийского края и южных портов. Формирование российско-китайской границы, отвечавшей интересам Российской империи, было успешно завершено. Но и этим не был удовлетворен Муравьев-Амурский: он настаивал на дальнейшем расширении территории за счет северных и западных районов Китая, Монголии и Кореи. Впрочем, дипломатическая деятельность вновь испеченного графа Амурского после заключения Айгунского договора уступила место активной работе на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, на котором он пробыл вплоть до 1861 г., а затем – политической деятельности в составе Государственного совета.

Несмотря на то, что Н. Н. Муравьев-Амурский не был карьерным дипломатом и не состоял на службе в Министерстве иностранных дел, именно его заинтересованность в реализации успешной дальневосточной политики позволила обеспечить надежные позиции Российской империи на востоке. Айгунский договор стал основой для дальнейшего развития российско-китайских отношений и укрепления влияния России на Тихом океане. Н. Н. Муравьеву удалось без военных столкновений с Китаем и западными державами быстро и эффективно присоединить Приамурье и обеспечить его поступательное развитие. Тот факт, что в описанных выше геополитических условиях ему удалось убедить китайскую сторону согласиться на его видение российско-китайской границы без применения силы, свидетельствует о развитых дипломатических навыках Н. Н. Муравьева.

Список литературы

1. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: материалы для биографии: в 2 кн. М.: Синод. тип., 1891. Кн. 1. 672 с.
2. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: материалы для биографии: в 2 кн. М.: Синод. тип., 1891. Кн. 2. 331 с.
3. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во Вост. лит., 1958. 142 с.
4. Bassin M. Imperial Visions. Nationalist Imagination in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 348 p.
5. Evans J. L. Russian Expansion on the Amur. 1848–1860. The Push to the Pacific. N. Y.: The Edwin Mellen Press, 1999. 245 p.
6. Lensen G. A. The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton: Princeton University Press, 1959. 554 p.
7. Liu H.-T., Arbor A. Border disputes between Imperial China and Tsarist Russia. Michigan: University Microfilms International, 1968. 336 p.

8. Urbansky S. Beyond the Steppe Frontier. A History of the Sino-Russian Border. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2020. 392 p.

Сведения об авторах

Кузнецов Сергей Ильич, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой мировой истории и международных отношений, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск Россия; Университет Хоккайдо, Япония, s.kuznetsov@mail.ru

Мищенко Мария Сергеевна, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры мировой истории и международных отношений, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, markuz97@mail.ru

Information about the authors

Sergey I. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and International Relations of the Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Hokkaido University, Hokkaido, Japan, s.kuznetsov@mail.ru

Maria S. Mishchenkova, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of World History and International Relations of the Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, markuz97@mail.ru

УДК 94(571+510)

Российско-китайский Пекинский договор 1860 года: условия подписания и историческое значение

Людмила Ивановна Галлямова

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, Россия*
ludagal@mail.ru

В статье раскрываются условия подписания Пекинского российско-китайского договора 1860 г. Особо, с привлечением новых источников, освещается деятельность русского дипломата Н. П. Игнатьева и его роль в заключение договора. Обосновано значение договора для развития взаимоотношений России и Китая.

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайские отношения, Пекинский договор, историческое значение, политические и экономические последствия

The Russian-Chinese Beijing Treaty of 1860: Terms of Signing and Historical Significance

Lyudmila I. Gallyamova

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia*
ludagal@mail.ru

The article reveals the conditions for signing the Beijing Russian-Chinese Treaty of 1860. The activities of the Russian diplomat N. P. Ignatiev and his role in the conclusion of the treaty are highlighted in particular, with the involvement of new sources. The importance of the agreement for the development of relations between Russia and China is substantiated.

Keywords: Russia, China, Russian-Chinese Relations, the Beijing Treaty, Historical Significance, Political and Economic Consequences

История российско-китайских отношений уникальна и богата событиями, что обусловлено весьма протяжённой границей между странами и их географической близостью. Нарастание колонизационных потоков, российского и китайского, привело к вооружённому конфликту между ними на Амуре, завершившемуся подписанием в августе 1860 г. первого, Нерчинского договора, направленного на урегулирование приграничных конфликтов между Цинским Китаем и Московской Русью.

Фактически Нерчинский договор зафиксировал поражение России на Дальнем Востоке, лишив ее значительных территорий в Приамурье и блокировав широкий выход к Тихому океану [4, с. 73–90; 9, с. 3–6]. Кроме того, после подписания Нерчинского договора демаркация границы проведена не была, не составлялись ни карты граничной линии, ни описания к ним.

Россия, стремясь поддерживать добрососедские отношения с империей Цин, на протя-

жении двух с половиной столетий (до середины XIX в.) направила в Китай 18 дипломатических миссий различных уровней, от дипломатических агентов до великих и полномочных послов в ранге министра [10, с. 233–234]. В ответ на дипломатическую активность России Цинская империя направила в русские пределы всего четыре миссии: одну в XVII в. и три в XVIII в. Такая политика отражала отношение Пекина к России как к «подчинившемуся» соседу.

К середине XIX в. историческая ситуация сильно изменилась: Цинская империя в борьбе с экспансией западных держав, Англией, Францией, США, потерпела поражение. В результате Опиумных войн (1839–1842, 1858–1860) Китай стал полуколонией европейских держав. С другой стороны, почти одновременно Россия проиграла Крымскую войну (1853–1856), которая обнаружила её внутриполитические проблемы и внешнеполитическое ослабление. Англия, Франция и США всё энергичнее стали осваивать природные ресурсы вблизи дальневосточной окраины, вести исследования районов Амура и Сахалина, вызывая глубокую озабоченность в правящих кругах России.

В Российской империи уже многие политические деятели стали рассматривать оба государства (Россию и Китай) как естественных союзников в противостоянии натиску капиталистических держав Запада. Сближение между Россией и Китаем обуславливалось возможностью мирного решения вопросов размежевания неразграниченных территорий и установления договорного режима на смежных границах. Важным решением стало назначение по Высочайшему императорскому приказу 5 сентября 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири графа Николая Николаевича Муравьева, сыгравшего историческую роль в судьбе русского Дальнего Востока. После ознакомления с огромным краем, данным ему в управление, и разобравшись в острой международной ситуации близ тихоокеанского побережья России, новый генерал-губернатор Восточной Сибири пришёл к твёрдому убеждению о необходимости предотвратить появление англичан и французов в устье Амура и на Сахалине. В 1849 г. в записке «Причины необходимости занятия устья Амура и той части острова, которая ему противостоит, а также левого берега Амура», Н. Н. Муравьев подчёркивал: «По соображении на месте всех известных мне обстоятельств, могу сказать, что кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью,

по крайней мере, до Байкала, и владеть прочно: ибо достаточно иметь устье этой реки и плавание оной под ключом, чтобы Сибирь... оставалась неизменно данницею и подданою той державы, у которой будет этот ключ» [2, с. 47].

Н. Н. Муравьев стал добиваться организации целенаправленных исследований низовьев Амура и Сахалина, приобретя верного сторонника и единомышленника в лице капитан-лейтенанта Г. И. Невельского, назначенного начальником Амурской экспедиции. Видя, что браконьерство иностранных судов у берегов России постоянно усиливается, Муравьев настоял на введении крейсерства для охраны побережья страны. Большие усилия он направил на повышение оборонного потенциала региона, по его инициативе в 1851 г. принято решение о формировании Забайкальского казачьего войска. В январе 1854 г. он получил разрешение императора произвести по Амуру сплав войск; также губернатору было предоставлено право вести все сношения с китайским правительством по разграничению восточной окраины, в связи с чем ему был придан специальный штат сотрудников по дипломатической части в составе а) советника, преимущественно из штаб-офицеров, который при необходимости может быть отправлен в Пекин; секретаря и двух драгоманов, одного – со знанием маньчжурского, другого – китайского языка [Там же, с. 110–113].

Международная обстановка на Дальнем Востоке способствовала сближению России с Китаем. Правительство Китая согласилось юридически закрепить новую ситуацию на Амуре и Уссури, видя в России противовес экспансионистским устремлениям западных держав. И Россия, и Китай не были заинтересованы в проникновении иностранных держав на буферную территорию, оставшуюся не разграниченной по Нерчинскому договору 1689 г. Это определяло необходимость окончательного договорного урегулирования русско-китайских политических, территориальных и экономических отношений. 10 мая 1858 г., Муравьев, возглавлявший очередной сплав по Амуру, подошел к Айгуню – китайскому административному центру на правом берегу реки. Здесь его встретили цинские чиновники во главе с китайским уполномоченным князем И Шанем, предложившие сделать остановку для ведения переговоров. Очень напряженные и сложные, переговоры успешно завершились 16 мая 1858 г. подписанием русско-китайского Айгунского договора, поло-

жения которого были закреплены Тяньцзиньским договором 1 июня 1858 г. Они провозглашали левый берег Амура владением России, а правый, до р. Уссури, владением Китая; пространство от Уссури до моря осталось неразграниченным, находящимся в общем владении обоих государств; по рекам Амур, Сунгари и Уссури разрешалось плавать только российским и китайским судам и т. д. Было также установлено, что не определённые еще части границы между Россией и Китаем должны быть безотлагательно исследованы и определены представителями сторон. Российские исследования Уссурийского края были продолжены: в том числе велось изучение побережья Японского моря, низовьев Амура и т. д., огромную работу вела большая экспедиция К. Ф. Будоговского, которая завершила подготовку первых карт огромной территории от Хабаровки до реки Туманган, и т. д.

Окончательное решение проблемы разграничения земель между Россией и Китаем в этом районе было достигнуто после завершения третьей «опиумной войны» Англии и Франции с Китаем [10, с. 99]. Урегулирование нерешённых вопросов и достижение договорённости с китайской стороной стало результатом деятельности дипломатической миссии графа Николая Павловича Игнатьева. Генерал-майор Н. П. Игнатьев со свитой был направлен в Китай в марте 1859 г. с поручением провести переговоры с китайским правительством об утверждении Айгунского договора и решении оставшихся спорных вопросов (об установлении границы от р. Уссури до моря, по торговым проблемам и пр.). Пекинское руководство встретило Н. П. Игнатьева отказом в ратификации Айгунского договора и предложило покинуть страну: в ходе «опиумной войны» китайским войскам удалось одержать временную победу у фортов Дагу над англо-французской эскадрой [9, с. 240]. Под влиянием победной эйфории и взрыва шовинистических настроений в стране китайское правительство поверило в возможность отразить иностранную интервенцию вооружённым путём. Поэтому все ранее проводившиеся переговоры и заключённые соглашения были объявлены недействительными. Цинские сановники даже указ о ратификации Айгунского договора объявили «ошибкой», и не желали вести переговоры с миссией Н. П. Игнатьева [6, с. 164–165; 9, с. 240–241]. Однако Н. П. Игнатьев отказался покидать Пекин, сославшись на распоряжение своего начальства, и вынудил китайских представителей

начать переговоры. Переговоры, в которых с китайской стороны участвовали высшие сановники Су-Шунь и Жуй-Чань, первый из которых был близким родственником самого китайского богдыхана (императора), длились очень долго; их сложности и перипетии ярко описаны тайным советником К. А. Губастовым: «Проходили целые месяцы в бесплодных пререканиях устных и письменных, а Игнатьеву все не удавалось сломить упорство китайцев и добиться от них какой-либо уступки. Полномочные делались временами любезнее, искусными в выражениях своего неудовольствия, но отнюдь не сговорчивее... Убедившись после 10-месячного пребывания в Пекине, что от китайцев ничего не добьётся, Игнатьев решает покинуть столицу и отправиться в Шанхай, где тогда находились начальники союзных сил посланники Англии и Франции» [3, с. 170–171]. Игнатьев тайно выехал из Пекина, рискуя жизнью, пробрался через расположение китайской армии, сосредоточенной близ Тяньцзиня, и по реке Бэйхэ спустился к морю, где стояла Тихоокеанская эскадра под командованием И. Ф. Лихачёва. На одном из её кораблей он отправился в Шанхай для переговоров с союзниками.

Вскоре в войне произошёл коренной перелом. Последнее решающее сражение китайцев с армией союзников состоялось 9 сентября 1860 г. у моста Балицяо, армия Китая была разгромлена. Англо-французские интервенты захватили Тяньцзинь и, уничтожая всё на своём пути, грабя и убивая, быстро двинулись к Пекину, китайской столице грозило полное разрушение. В этих критических для правительства условиях делегация китайских сановников с просьбой о посредничестве обратилась к Игнатьеву. Н. П. Игнатьев, будучи противником насильственных агрессивных действий и грубой торговой экспансии, выгодно отличался от западных дипломатов, заслужив доверие со стороны китайских жителей, многих высших чиновников и правительства. Сразу по возвращении в Пекин 3 октября Игнатьев принял в Южном подворье Русской духовной миссии делегацию китайских сановников, которые просили его спасти город. Он выдвинул пять условий, среди которых были «ратификация Айгунского договора» и «разграничение по р. Уссури до Японского моря и по линии китайских пикетов в Западном Китае». Великий князь Гун (сводный брат императора), которому было поручено вести переговоры с европейскими державами, в письме к Игнатьеву подтвердил просьбу о посредни-

честве и заверил, что после заключения мира все дела с Россией будут решены без промедления [9, с. 239–240; 10, с. 101–102].

Переговоры союзников с китайцами проходили в помещении Русской миссии. При затруднениях обе стороны обращались к Игнатьеву. Граф Н. П. Игнатьев, талантливый и искусный дипломат, очень грамотно и умело использовал противоречия между англичанами и французами, он сумел убедить посланников Англии и Франции отказаться от штурма китайской столицы и пойти на смягчение своих требований, сделав ряд уступок. В итоге между китайским правительством и англо-французской стороной был заключён мир на взаимоприемлемых условиях. После подписания договоров союзные войска покинули Пекин. Выражая благодарность Н. П. Игнатьеву, китайские сановники заявили, что «если бы не он, то без сомнения европейцы не упустили бы случая разграбить город» [8, с. 319].

Установление мира дало возможность графу Н. П. Игнатьеву приступить к переговорам с китайским правительством по русско-китайским вопросам. К этому времени Игнатьев уже располагал присланными Н. Н. Муравьевым картами предполагаемого разграничения, составленными экспедицией К. Ф. Будогосского. Окончательные карты разграничения было решено составить после уточнения пограничной линии специальными представителями. 27 октября 1860 г. последовал императорский указ о заключении трактата, а 2 ноября граф Н. П. Игнатьев и великий князь Гун подписали и скрепили печатями договор, получивший известность под названием Пекинский. 20 декабря 1860 г. он был ратифицирован в Пекине, а 24 декабря в России [8, с. 285, 286].

Формально Пекинский договор был назван дополнительным, его статьи дополняли и поясняли Айгунский и Тяньцзиньский договоры, но фактически Пекинский договор имел большое самостоятельное значение. Во-первых, Пекинский трактат определил восточную и в основном наметил западную часть границы между владениями России и Китая. Восточная граница устанавливалась по рекам Амур, Уссури, Сунгача, оз. Ханка и далее по горам до р. Тумыньцзян. Для границы на западе было установлено её общее направление. К договору приложена карта восточной части границы: *«Карта сия подписывается уполномоченными обоих государств и скрепляется их печатями. Если бы в вышеозначенных местах оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется*

оставить их на тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами. После постановления пограничных знаков, границная линия на веки не должна быть изменяема» [9, с. 26–27]. В 1861 г. в состав Пекинского договора в качестве дополнительной статьи включён Турский протокол, содержащий более подробное описание границы на участке от течения р. Уссури до морского побережья [5, с. 87].

Во-вторых, важнейшие положения Договора подробно регламентировали русско-китайские торговые отношения, вводился режим беспошлинной торговли на русско-китайской границе, предусматривались льготные условия для русских купцов в Китае и китайских в России и покровительство со стороны обоих правительств. В-третьих, на основе соблюдения «совершенного равенства» оговаривалась возможность непосредственных и письменных сношений между пограничными начальниками и местными русскими и китайскими властями, был также решён ряд других, более второстепенных, вопросов (порядок выдачи перебежчиков, детализация правил торговли и пр.).

Историческое значение Пекинского договора очень велико. Этот договор принципиально отличался от договоров западных стран с Китаем, прежде всего тем, что его статьи о сухопутной торговле, о пограничной и консульской службах основывались на принципах взаимности и равенства. Следует также подчеркнуть, что вопрос о торговле был одним из самых важных и злободневных. В частности, сибирское купечество много лет боролось за установление свободной беспошлинной торговли на протяжении русско-китайской границы. Не случайно после заключения Пекинского договора более 100 иркутских и кяхтинских купцов подали на имя Н. П. Игнатьева адрес, в котором горячо благодарили его за защиту интересов русской торговли [11, с. 241].

Подписанный в Пекине 2/14 ноября 1860 г. российско-китайский договор окончательно закрепил за Россией Приамурье и Приморье, завершил разграничение между двумя государствами, начатое генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым, который в письме министру иностранных дел князю А. М. Горчакову с гордостью доложил: «...теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты, и учреждения консульств в Урге и Кашгаре. Все это без проли-

тия русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего» [2, с. 317]. Тяжелейшая работа по установлению границ на местности продолжалась до осени 1864 г., по её окончании начальник российской пограничной команды И. И. Захаров доложил Н. П. Игнатьеву: «... Не обошлось без споров и крупных объяснений; но всё же мне удалось сломать китайскую гордыню и упорство и наконец, 25 сентября, заставить их подписать Протокол и Карту границы, согласно нашему известному проекту, без малейшей перемены» [5, с. 44–45].

Когда граф Н. П. Игнатьев, возвращаясь в Петербург, в декабре 1860 г. оказался в Иркутске, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, от-

давая должное его дипломатическим заслугам, устроил ему торжественный приём, где городское общество поднесло гостю хлеб-соль. Граф Муравьев выступил с благодарным приветствием и подчеркнул, как высоко присутствующие «...ценят заслугу, которую Вы оказали России и, в частности, Сибири». Затем последовали обеды, литературный вечер, ужины, наконец – прощальные торжественные проводы, сопровождаемые спичами, которые граф Муравьев устроил в своем загородном доме [1, с. 610]. Заслуги Н. П. Игнатьева, добившегося заключения Пекинского договора с Китаем, получили высокую оценку: Н. П. Игнатьев был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, орденом Св. Станислава 1-й степени и произведен в генерал-адъютанты.

Список литературы

1. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии) Ивана Барсукова. Репринт. изд. Хабаровск: Приамурское географ. об-во, 1999. Кн. 1. 704 с.
2. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии) Ивана Барсукова. Репринтное издание по изданию 1891. М.: Синодальная Тип. Хабаровск: РИОТИП, 2009. Кн. 2. 496 с.
3. Из архива генерала Игнатьева: документы, письма, записки: К 190-летию со дня рождения / сост. В. Лушнов. Хабаровск: Букер, 2021. 176 с.
4. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
5. Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2011. 474 с.
6. Лушнов В. И. Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатьев: К 190-летию со дня рождения. Хабаровск: Букер, 2021. 236 с.
7. Международные отношения на Дальнем Востоке: в 3 кн. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. М.: Мысль, 1973. 324 с.
8. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. 480 с.
9. Сборник договоров России с Китаем 1689–1881 гг. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. 271 с.
10. Сладковский И. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, Гл. ред. Вост. лит., 1978. 439 с.
11. Хевролина В. М. Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н. П. Игнатьева // Российская дипломатия в портретах. М.: Междунар. отн., 1992. С. 238–256.

Сведения об авторе

Галлямова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Отдела истории Дальнего Востока, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, Россия, ludagal@mail.ru

Information about the author

Ludmila I. Gallyamova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History, Archeology of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, ludagal@mail.ru

УДК 94(571+510)

**Значение договора (соглашения) 26 марта 1902 года в развитии вопроса
о Маньчжурии (секретные бумаги о Маньчжурии
в фондах Государственного архива Российской Федерации)**

Евгений Викторович Дроботушенко

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
drzz@yandex.ru*

В статье характеризуется соглашение между Российской империей и Китаем от 26 марта 1902 г., именуемое в архивных источниках «договором», как значимый документ в развитии вопроса о Маньчжурии. В основе исследования – малоизвестный широкой научной общественности документ, встреченный автором в секретных бумагах о Маньчжурии фондов Государственного архива Российской Федерации. В источнике анализируются предпосылки появления соглашения. Речь идет о сложившейся ситуации и понимании ее сложности в Российской империи. Итогом рассуждения автора характеризуемого документа является замечание о важности нахождения России в Маньчжурии и не только в виде экономического присутствия. Речь идет о необходимости наличия в регионе воинских формирований для защиты стратегических интересов Российской империи на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: договор (соглашение) от 26 марта 1902 г., Дальний Восток, Япония, Северный Китай, Маньчжурия

**The Significance of the Treaty (Agreement) of March 26, 1902 in the Development
of the Question of Manchuria (Secret Papers on Manchuria
in the Funds of the State Archive of the Russian Federation)**

Evgeniy V. Drobotushenko

*Transbaikal State University, Chita, Russia
drzz@yandex.ru*

The article characterizes the Agreement between the Russian Empire and China dated March 26, 1902, referred to in archival sources as the “treaty”, as a significant document in the development of the issue of Manchuria. The research is based on a little-known document to the general scientific community, which the author found in the secret papers on Manchuria of the funds of the State Archive of the Russian Federation. The source analyzes the prerequisites for the appearance of an Agreement. We are talking about the current situation and the understanding of its complexity in the Russian Empire. The result of the reasoning of the author of the characterized document is a remark about the importance of Russia’s presence in Manchuria and not only in the form of an economic presence. We are talking about the need for military formations in the region to protect the strategic interests of the Russian Empire in the Far East.

Keywords: Treaty (Agreement) dated March 26, 1902, Far East, Japan, North China, Manchuria

История русско-китайских, затем российско-китайских, советско-китайских и снова российско-китайских дипломатических отношений богата, многогранна и достаточно хорошо изучена. В то же время и в ней остаются «чистые страницы». Не все аспекты названной истории рассмотрены и проанализированы в равной мере. И сегодня архивные хранилища «подкидывают» исследователям интересные документы по названной проблематике. 8 апреля (26 марта по старому стилю) 1902 г. было подписано российско-китайское соглашение о Маньчжурии. Оно содержало несколько принципиальных пунктов, определявших дальнейшее состояние северных и северо-восточных территорий Китая. Речь шла о выводе первоначально с территории юго-западной части Мукдэнской провинции до реки Ляо-хэ, затем полностью из Мукдэнской

провинции, провинций Гирин и Хэй-лун-цзян и железнодорожных линий Шань-хай-гуан – Инкоу – Синь-минь-тин российских войск, появившихся там в ходе подавления восстания ихэтуаней (боксерского восстания), соблюдения Цинским Китаем ряда условий в регионе.

Вывод российских войск из Маньчжурии должен был закончиться к октябрю 1903 г. и проходить в три этапа по шесть месяцев каждый.

Северный и Северо-Восточный Китай в рассматриваемое время – это зона геополитических интересов Российской империи. Как оценивали ситуацию в Маньчжурии современники и какое значение они предавали соглашению от 26 марта 1902 г.?

Среди прочего, на наш взгляд, интереснейшими являются рассуждения неизвестного автора о названном соглашении, имеющие

название «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии» [1, л. 2–7].

Следует отметить, что документ, о котором пойдет речь, не единственный в своем роде. Помимо него есть несколько иных документов с оценкой того, что происходило и какие перспективы ожидали Российскую империю в Маньчжурии в целом и в приморской части региона в частности, что надо было делать российскому государству на данной территории. На наш взгляд, все представленные записки — это аналитика, поскольку они без авторства, чья аналитика, сказать сложно, но то, что людей, сведущих в ситуации, очевидно. В деле среди иных документов встречаем записки статс-секретаря Александра Михайловича Безобразова, контр-адмирала Алексея Михайловича Абаза, относившегося к так называемой «безобразовской клике». Однако с учетом известной позиции А. Безобразова и «компании», серьезные опасения автора документа в отношении Японии, ее силы, слабости в Маньчжурии Российской империи, осмелимся предположить, что записки — дело рук не «безобразовцев». В деле содержатся документы военного агента в Китае в то время Константина Ипполитовича Вогака.

Известно, что один из вариантов данной записки хранится в фондах Российского государственного исторического архива. Место хранения оригинала: РГИА Ф. 1622 Оп. 1 Д. 682. Копию на 12 листах встречаем в хранилищах Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, правда, в заглавии говорится о генерале «Вотаке», что, конечно, не верно [2]. Исходя из этого, уверенностью можно говорить, что автором как минимум одного из рассматриваемых документов являлся военный агент в Китае К. И. Вогак.

Относятся названные документы к объемному делу «Секретные бумаги по делам Маньчжурии. 27 апреля – 23 ноября 1903» (Д. 183) первой описи «Опись документов коллекции рукописей Царскосельского дворца за 1863–1916 гг.» фонда 543 «Коллекция рукописей Царскосельского дворца» Государственного архива Российской Федерации. Это подборка самых разных документов по истории Маньчжурии начала XX в., включая различные письма, записки, карты и схемы [1].

Мы целенаправленно останавливаемся на одном документе, поскольку хотелось бы изначально дать характеристику разных записок по отдельности, а в дальнейшем сделать обобщение со сравнительным анализом. Для полноты картины приведем названия некото-

рых иных документов: «По маньчжурскому вопросу», Записка, составленная по материалам совещания по Маньчжурскому Вопросу «О Дальнем Востоке», «Объяснительная записка временного генерального комиссарства в Маньчжурии», «Объяснительная записка по проекту Наказа Генеральному Комиссару в Маньчжурии», «Объяснительная записка к проекту временных штатов Генерального Комиссарства в Маньчжурии» и др. [Там же, л. 8–43].

Само соглашение и ситуация в Маньчжурии в рассматриваемое время в разной степени становились объектом внимания исследователей [3, с. 398–403; 4, с. 193 и др.]

Весь материал рассматриваемого документа разделен на две части. Это: 1. Предпосылки сложившейся ситуации и важность понимания ситуации в Российской империи. 2. Рассуждения о важности нахождения России в Маньчжурии, причем не только в виде экономического присутствия. Автор говорит о необходимости наличия в регионе воинских формирований для защиты стратегических интересов страны на Дальнем Востоке [1, л. 2–7].

Отмечается, что кардинальное геополитическое изменение на Дальнем Востоке происходит в конце XIX в., оно предопределено японо-китайской войной 1894–1895 гг. Её обобщающим итогом стала активизация ведущих мировых держав в регионе. Выделяется три основных следствия событий:

«1. Обнаружение полной военной несостоятельности Китая, считавшегося чуть ли не стихийною силою, могущей грозить своим нашествием Европе;

2. Выдвижение Японии в ряд Держав, обладающих силами и другими данными для активного и равноправного с прочими участия в делах Дальнего Востока;

3. Освобождение Кореи от сюзеренитета Китая» [Там же, л. 2].

Все названные последствия японо-китайской войны 1894–1895 гг., изменившие расклад на геополитической карте Дальнего Востока, не смогли пройти мимо внимания Российской империи.

Свои интересы Россия определила еще в Симоносеки в совместной констатации своего видения ситуации с Германией и Францией, чем, по мнению автора характеризуемого документа «...заслужила право на благодарность со стороны Китая... При осознании этого России предстояло, с одной стороны, эксплуатировать в свою пользу благодарность слабо-

го Китая, а с другой – принять меры для обеспечения себя со стороны сильной Японии» [1, л. 3].

Первая часть выделенной дилеммы нашла быстрый ответ «...в 1896 г. Россия получила право спрямить, пройдя через территорию Китая, Сибирскую магистраль, а в 1898 г. – взяла в арендное пользование Квантун...» [Там же].

В отношении второй части, возникших проблем, а именно в обеспечении безопасности России со стороны Японии, «...почти ничего сделано не было. Военные успехи Японии не были достаточно доказательными и Империи Микадо не дано было соответствующего места в вопросах Дальнего Востока. Наши отношения остались неопределенными, с некоторым, впрочем, оттенком враждебности, а потому охранительные меры, принимавшиеся нами, не отвечали истинному положению» [Там же].

«Не имея оснований игнорировать заслуги Японии, освободившей Корею от Китая и не будучи в состоянии отрицать серьезность японских интересов в этой стране, России следовало бы немедленно принять меры к урегулированию соседских отношений на Корейском полуострове» [Там же, л. 4].

Лучшим моментом, по мнению автора, договариваться с Японией по Корейскому полуострову и Маньчжурии, было время сразу после окончания японо-китайской войны, однако сделано это не было [Там же].

Вторая часть документа, рассуждения о негативной составляющей вывода вооруженных сил Российской империи из Маньчжурии, заняла основной объем записки. Автор постоянно акцентирует внимание на том, к чему это могло привести. Он видел, что вывод российских войск из Маньчжурии будет грозить Порт-Артуру, потеря которого нанесет жестокий, трудно поправимый удар престижу России, «...которым он до сих пор, главным образом, держался на Дальнем Востоке» [Там же, л. 5].

Интересно и иное замечание автора записки: «...если бы даже Порт-Артуру удалось удержаться, что при нынешней силе гарнизо-

на подлежит сомнению, то и тогда удаленность наших резервов окажет свое влияние, продлив первый период войны до решительных действий. Этим временем наш противник может воспользоваться для того, чтобы высадиться в больших силах, организовать свой тыл и исправить свои суда, поврежденные при вероятном первом морском бою» [Там же, л. 7].

Таким образом, автор рассматриваемой записки выступал резко против пунктов соглашения 26 марта 1902 г. Главным негативным итогом заключенного договора он видел «оголение» Маньчжурии в целом, появлении значительного расстояния нахождения резерва российской армии, подтянуть который к «театру потенциальных боевых действий» будет, по его мнению, сложно.

Немаловажно замечание о том, что до начала русско-японской войны были люди, которые четко осознавали, гарнизон Порт-Артура слаб и не готов к отражению потенциальной атаки в случае начала военных действий. С выводом войск из Маньчжурии Российская империя достаточно быстро, в случае войны с Японией, во-первых, потеряет Порт-Артур, во-вторых, получит плацдарм для высадки сил и организации их тылового обеспечения, в-третьих, получит базу для ремонта судов, пострадавших в морских боях. Допустить этого нельзя было ни в коем случае.

Единственная связь с районом Порт-Артура была по железной дороге, пролежавшей по «неприятному» России краю. Своевременное прибытие подкрепления невозможно.

Понимание ситуации именно в таком ключе, судя по дальнейшим событиям, появилось у представителей властей Российской империи, а возможно, оно сформировалось посредством появления характеризующего документа и схожих по содержанию с ним. Как известно, не закончился даже второй из трех этапов вывода войск с территории Маньчжурии.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что обнаруженный документ является интереснейшим при воссоздании картины восприятия событий начала XX в. в Маньчжурии.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 183.
2. Записка по поводу записки генерала Вотака «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитие вопроса, о Маньчжурии». Копия. 26 марта 1902 г. 1902. 12 л. Текст: электронный // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/774704> (дата обращения: 29.07.2024).
3. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

4. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 496 с.

Сведения об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович, канд. ист. наук, доцент, декан историко-филологического факультета, директор Гуманитарно-педагогического института, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, DRZZ@yandex.ru

Information about the author

Evgeniy V. Drobotushenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Director of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, DRZZ@yandex.ru

УДК 94(571+510+517.3)

«Жизнь на восточной окраине» как инструмент «Азиатского проекта» Петра Бадмаева

Цыригма Цыбенжабовна Мясникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
E-palam@mail.ru

Статья посвящена медиапроекту Петра Бадмаева относительно газеты «Жизнь на восточной окраине», выходившей в Чите на двух языках – русском и монголо-бурятском. Газета выпускалась с целью интеграции в монголызычное пространство, продвижения российских интересов в юго-восточном азиатском регионе. Представлен краткий обзор газеты Петра Бадмаева в контексте реализации его «Азиатского проекта». Рассмотрены материалы издания, в которых высказывается позиция издателя по вопросу политики России в отношении азиатского Востока. Указываются наиболее предпочтительные векторы движения и проблемы, которые необходимо разрешить для успешной интеграции в данное пространство.

Ключевые слова: П. А. Бадмаев, газета «Жизнь на восточной окраине», Россия, Китай, Монголия, Сибирская железная дорога, «Азиатский проект»

“Life on the Eastern outskirts” as a Tool of the “Asian Project” by Peter Badmaev

Tsyrigma Ts. Myasnikova

Transbaikal State University, Chita, Russia
E-palam@mail.ru

The article is devoted to the media project of Peter Badmaev to the newspaper “Life on the Eastern Outskirts”, published in Chita in two languages – Russian and Mongolian-Buryat. The newspaper was published with the aim of integrating into the Mongolian-speaking space and promoting Russian interests in the Southeast Asian region. This paper presents a brief overview of Peter Badmaev’s newspaper in the context of the implementation of his “Asian Project”. The materials of the publication, which express the position of the publisher on the issue of Russia’s policy towards the Asian East, are considered. The most preferred motion vectors and the problems that need to be solved for successful integration into this space are indicated.

Keywords: P. A. Badmaev, Newspaper “Life on the Eastern outskirts”, Russia, China, Mongolia, Siberian Railway, “Asian Project”

Тибетолог, дипломат, врач тибетской медицины, автор перевода трактата «Чжуд Ши» и крестник императора Александра III, получивший при принятии православия имя Петра, Жамсаран Бадмаев до сих пор является фигурой не до конца понятой, исследованной, а его биография полна сюжетов, достойных отдельных книг. К примеру, его «Азиатский проект» задумывался как российская экспансия, результатом которой должен был стать переход под протекторат Российской империи монгольских регионов, тогда находившихся под властью Цинской империи, а также часть

примыкавших к ним китайских провинций и «Крыши мира» – Тибет [8]. Когда 13 февраля 1893 г. Петр Бадмаев представит императору Александру III записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке», то последний, прочитав, наложит следующую резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха» [6].

Однако прошло время, и многие предложения и предположения Бадмаева оказались весьма точными и прозорливыми. Таким образом, те действия, которые были им предпри-

няты, спустя время воспринимаются под совсем иным углом. Так, инициативу Бадмаева – газету «Жизнь на восточной окраине» – сегодня можно расценивать с позиций современных методов продвижения через информирование и интеграцию своих интересов в другое языковое пространство с помощью собственного медиапроекта.

Пилотный номер газеты «Жизнь на восточной окраине» вышел в конце 1895 г. [6]. Издание выпускалось на двух языках – русском и монголо-бурятском и стало первым в России газетой на монгольском языке [Там же]. Объем газеты составлял от четырех до шести страниц. Первые полосы печатались на русском языке, последние – на монголо-бурятском. Целевая аудитория – жители не только Забайкальской области, но и монголоязычное население сопредельных территорий. При этом основной упор делался на наиболее просвещенную и грамотную часть населения, которая могла бы стать в то же время проводником идей о вовлечении в орбиту Российской империи в первую очередь монголоязычного населения, а затем и китайцев, и жителей Тибета.

О том, что издание не ориентировалось на публикацию исключительно местных новостей и официальных сводок, свидетельствуют данные. Объем материалов, посвященных зарубежным событиям, достигает в некоторых номерах 70 и более процентов. Как правило, они размещаются в рубриках «Телеграммы Российского телеграфного агентства», «Иностранные известия», «Смесь», «Сведения о соседних с восточной окраиной странах». В последней рубрике в основном публикуются материалы о жизни и происшествиях в странах Юго-Восточной Азии, таких как Китай, Корея, Монголия. Зачастую эти заметки подписываются автором с псевдонимом «Россиянин». Кто выступал под таким никнеймом достоверно неизвестно. Ряд медиаисследователей полагают, что под таким псевдонимом выступает сам Петр Бадмаев. Однако данный факт опровергается следующим фактом – в одной из своих статей «Россиянин» указывал, что его выслали из Кореи и запретили туда въезд [4]. Он пишет, что его жизнь оказалась под угрозой потому, что только он писал о положении дел в Корее так, как они обстоят на самом деле. И в результате оказался под угрозой поплатиться за это жизнью от японцев. В итоге власти его просто выслали из Кореи. Насколько известно Петр Бадмаев не был в Корее и тем более его не выслали из этой страны.

Англоязычные ресурсы, такие как «Википедия», указывают, например, что газета «Жизнь на восточной окраине» была только прикрытием для шпионов [7]. Попадаются публикации и о том, что инициатива Бадмаева о скрещивании местной породы лошадей с чистокровными скакунами рысистой, скаковой и ардено-першеронской пород была ничем иным как подготовкой лошадей, пригодных для армии для будущего вторжения на сопредельные территории. И сам «Торговый дом П. А. Бадмаева и К^о» также был им организован исключительно для своих авантюристских целей по организации вооруженной экспансии Юго-Восточной Азии.

Какие бы версии не возникали вокруг персоны Петра Бадмаева и его инициатив сегодня можно сказать с достоверностью одно – то, о чем он предупреждал и предлагал более века назад, стало актуальным и в свете нынешней государственной политики «Поворота на Восток». Следовательно, возникает необходимость более внимательного изучения его инициативы. В том числе через исследование его проекта – газеты «Жизнь на восточной окраине».

К примеру, газета часто обращается к теме строительства Сибирской железной дороги, в том числе Китайской восточной железной дороги. Строительство КВЖД начнется в августе 1897 г. и «ЖВО» публикует материалы не только собственные, но и из других изданий, часто полемизирует с ними и представляет собственные доводы. Так, в № 63 от 4 апреля 1897 г. в рубрике «Голос с восточной окраины» был опубликован материал петербургского корреспондента газеты о том, что на «Амурском обеде», проходившем в одном из столичных ресторанов, обсуждались Сибирская и Маньчжурская железные дороги [5]. Высказывались различные мнения, как критические, так и положительные. Например, говорилось о том, что строительство последней может сказаться на оттоке рабочей силы в Маньчжурию и не может ли это привести к «экономическому застою еще не окрепшего в экономическом отношении края?» На этот вопрос газета сама дает ответ, что еще в 1890 или в 1891 г. также на «Амурском обеде» бывший приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф говорил, что «Восточная окраина», как тогда называли граничащие с Китаем и Монголией территории, успешно развивает хлебопашество и наконец, может сама себя прокормить и даже предложить свой хлеб за границу.

Высказывает издание мнение и по поводу проблемы, который волнует население приграничных регионов. Так, на довод, что Маньчжурская железная дорога наводнит приграничные регионы китайцами, «ЖВО» отвечает, что это «странное, характерное заблуждение и тем более досадное, что оно довольно часто встречается среди интеллигентных людей». Позиция газеты в том, что такой эмиграции бояться не следует, так как это естественно и давно прогнозируемо, которого, к тому же, избежать нельзя. Напротив, утверждает газета, такое явление желательно, но при одном условии – следует делать так, чтобы эмигранты принимали русское подданство, срезали свои традиционные косы, а с ними и «всю китайщину». И тогда они могут научить русских более интенсивному сельскохозяйственному труду. К тому же русские китайцы лучше, как с точки зрения государственной, так и экономической, чем другие нежелательные элементы, подводит итог издание, попутно указывая, что «у нас всем хватит места и все подданные нашего Царя могут быть одинаково ему полезны».

Одновременно издание пишет, что необходимо выработать образ действий по отношению к китайцам, а также «почву» для их работы у нас и, соответственно, нашей с ними. Данный вопрос становится особо актуальным в свете грядущего проекта – железной дороги, которая пройдет по территории двух стран – Китая и России.

Строительство железной дороги – тема, которой «ЖВО» интересуется не только потому, что это дает экономический стимул для отдаленных от России, как было принято писать в то время, регионов, но и потому, что отвечает ее цели. Так, в рубрике «Известия из С.Пб-га и др. город» газета перепечатывает отрывок отчета с заседания «Англо-русского литературного общества». В нем газета приводит слова некоего Овсянкина, выступавшего на этом заседании, который говорит, что в истории Сибири железная дорога играет epochальное значение, потому как дает России сильное положение в Азии, позволяя ей выполнять культурные задачи и делая ее посредником между Европой и Азией [3].

Газета выбирает для публикации те материалы, которые имеют или хотя бы пересекаются, прежде всего, с интересами Бадмаева. Затем он их обобщит и опубликует в своем труде «Россия и Китай», вышедшем в Санкт-Петербурге в 1900 г. Так, в этом сборни-

ке он пишет, что Россия должна преследовать на Востоке, прежде всего, только свои, русские, интересы [1]. Указывает, что Великий Царь-Миротворец, имея в виду императора Александра III, четко представлял и понимал значение Сибирской железной дороги и монголо-тибето-китайского Востока. И потому не останавливался перед значительными тратами для ее строительства. Бадмаев подчеркивает, что «должно беречь нашего соседа монголо-тибето-китайский Восток» и потому не нужно жалеть ни средств, ни энергии для упрочнения отношений с ними [Там же].

Через пять лет Петр Бадмаев переиздаст свой труд «Россия и Китай» и в нем с горечью будет писать, что «патриотическое чувство в нас должно проявляться в виде правды, а не самообмана» [2]. И продолжает, что «нас бьют на Востоке за наше незнание, за наше безумие, за отсутствие в нас мудрости [Там же]. Бадмаев ссылается на свои записки февраля 1863 г., указывая, что еще тогда предупреждал, что для нашей страны вопрос о политико-экономическом влиянии на Китай любой державы имеет роковое значение. Особенно, подчеркивает тибетолог, при наличии Велико-го сибирского рельсового пути [Там же].

В этой же работе Петр Александрович пишет, что изучение восточной окраины в сельскохозяйственном, торговопромышленном отношениях показывает, что «следует энергично, усиленно заботиться о Забайкалье» [Там же]. И он опять возвращается к теме строительства железной дороги, которая, по его мнению, должна не только служить интересам нашей страны, обогащать Россию, но и «способствовать только русскому влиянию на Восток!» [Там же]. Бадмаев считает это невозможным без активной работы по укреплению положения Забайкалья. Последний довод Петра Бадмаева объясняет, почему местом издания газеты «Жизнь на восточной окраине» была выбрана Чита.

В номере газеты от 4 апреля 1897 г. корреспондент издания напишет, что на Дальнем Востоке наступают события великой государственной и международной важности [5]. И делает весьма оптимистичный вывод, что Русский Восток находится накануне глобального экономического поворота, который тесно связан с событиями Дальнего Востока [Там же].

«Азиатский проект» Бадмаева не удался. Газета, первый номер которой вышел 11 ноября 1895 г., перестал выпускаться к лету 1897 г. Торговый дом, организованный им, также был закрыт. Доходов это довольно

авантюрное предприятие ни Бадмаеву, ни его единомышленникам не принесло. Причинами можно считать и определенную косность взглядов, непонимание масштабности предприятия местными властями, время от време-

ни препятствовавшими ему в его делах, и отсутствие аудитории, на которую, собственно, ориентировалась газета. Грамотного, активного, инициативного населения, на которое и был расчет, на тот момент не имелось.

Список литературы

1. Бадмаев П. А. Россия и Китай. СПб.: Паровая скоропечатня Г. П. Пожарова, 1900. 89 с.
2. Бадмаев П. А. Россия и Китай. Текст: электронный // Альтернативная история. URL: <https://alternathistory.ru/slovo-badmaeva-alternativa-istorii> (дата обращения: 30.07.2024).
3. Жизнь на восточной окраине. 1897. 5 февр. № 25.
4. Жизнь на восточной окраине. 1897. 16 марта. № 51.
5. Жизнь на восточной окраине. 1897. 4 апр. № 63.
6. Кузьмин Ю. В., Суходолов А. П., Рачков М. П. «Жизнь на восточной окраине» – первая газета в России на монгольском языке. Текст: электронный // Вопросы теории и практики журналистики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-na-vostochnoy-okraine-pervaya-gazeta-v-rossii-na-mongolskom-yazyke> (дата обращения: 19.07.2024).
7. Петр Бадмаев. Текст: электронный // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Peter_Badmayev (дата обращения: 26.07.2024).
8. Цыбикдоржиев Д. В. Монгольский фактор и становление бурятской прессы и публицистики. Текст: электронный // Казанская наука. 2019. № 1. С. 34–36. URL: https://www.kazanscience.ru/files/KH_1_2019.php (дата обращения: 10.08.2024).

Сведения об авторе

Мясникова Цыригма Цыбенжабовна, ст. преподаватель кафедры журналистики и связей с общественностью, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, E-palam@mail.ru

Information about the author

Tsyryigma Ts. Myasnikova, Senior Lecturer, Department of Journalism and Public Relations of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikial State University, Chita, Russia, E-palam@mail.ru

УДК 94(571+510)

Русско-китайское взаимодействие в решении проблемы политического статуса Барги

**Галина Петровна Камнева¹, Сергей Александрович Сотников²,
Андрей Александрович Сотников³**

^{1,3}Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия

²Главный информационно-вычислительный центр

Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

¹kamnevagp@gmail.com, ²sergey@histr.ru, ³microlabus@mail.ru

В конце XIX в. российско-китайские отношения развивались на основе симбиоза политических, стратегических и геополитических интересов. Основная сфера взаимодействий двух стран проходила в зоне Российского Дальнего Востока, а также на северо-востоке Китая, в Маньчжурии. Дальний Восток являлся важным регионом не только для Китая, но и для Российской империи. Осознавая данный факт, стороны стремились лавировать между интересами друг друга, вести более миролюбивую политику в приграничных зонах. Можно говорить о том, что деятельность дальневосточной администрации частично сглаживала негативные стороны русско-китайских отношений рассматриваемого периода. Одним из важнейших вопросов, которые решала российско-китайская дипломатия, являлся вопрос приграничных территорий.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, Дальний Восток, северо-восток Китая, Маньчжурия, приграничные территории с Китаем

Russian-Chinese Cooperation in Solving the Problem of the Political Status of Barga

Galina P. Kamneva¹, Sergey A. Sotnikov², Andrey A. Sotnikov³^{1,2}State University of Education, Moscow, Russia² Main Information and Computing Center

of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹kamnevagp@gmail.com, ²sergey@histr.ru, ³microlabus@mail.ru

At the end of the XIX century, Russian-Chinese relations developed based on a symbiosis of political, strategic and geopolitical interests. The main area of interaction between the two countries took place in the zone of the Russian Far East, as well as in the northeast of China in Manchuria. The Far East was an important region not only for China, but also for the Russian Empire. Realizing this fact, the parties sought to maneuver between each other's interests, to introduce a more peaceful policy in the border zones. It can be said that the activities of the Far Eastern administration partially smoothed out the negative aspects of Russian-Chinese relations during the period under review. One of the most systematic issues that Russian-Chinese diplomacy has solved is the issue of border territories

Keywords: Russian-Chinese relations, Far East, Northeast China, Manchuria, Border Territories with China

Барга – это название региона монгольского племени баргутов, в котором проживало множество этносов [4, с. 40–46]. Барга также имеет второе название, которое связано с географическими названиями озёр Хулун-нур и Буйр-нур, находящихся на их территории. Поэтому некоторые исследователи называют Баргу Хулун-Буиром.

Барга как регион привлекла внимание Российской империи ещё во второй половине XIX в., однако пик изучения названной территории пришелся на период после русско-японской войны. Именно в это время Барга и другие прилегающие к ней территории стали предметом исследования топографов и разведчиков, которые изучали особенности местности, экономическое состояние региона, возможности для освоения данной территории. Одним из крупнейших исследователей Барги являлся полковник А. М. Баранов, который по итогам своей работы, представил замечания о наилучших способах российским подданным закрепиться в геополитически значимом регионе [1, с. 59–60].

Для понимания политического статуса Барги необходимо отметить, что данные земли стали объектом внимания нескольких стран из-за ослабления Китая, который не мог в полной мере отстаивать собственные интересы во внешней политике. Русско-японская война заставила многих китайцев переселяться в более отдалённые от военных действий регионы, среди которых были провинции Барги. Согнанные с мест привычного обитания китайцы быстро приспосабливались к жизни в границах Барги, завоевывали доверие местного населения [3].

Зависимость региона от Китая не устраивала множество хошунов Барги, что особенно выразилось в желании повторить в 1911 г.

Синьхайскую революцию. Осенью 1911 г. в большинстве хошунов Барги начинается вооруженное восстание. Накануне восстания баргуты поставили в известность российскую сторону, представленную вице-консулом региона П. Усатым, о начале военного конфликта за полную независимость Барги от Цинского Китая.

Вице-консул обратился за советом к русскому посланнику в Пекине М. С. Щёкину, который, как отмечают Н. Е. Единархова и И. П. Николаева, постановил активно и открыто не вмешиваться в китайско-баргинский военный конфликт, запретить китайской стороне переправлять войска для подавления восстания по КВЖД [2, с. 41]. Царский посланник в Пекине В. Н. Крупенский, зная о разворачивающемся конфликте, предъявил министру иностранных дел Китая Ху Вэйдэ свои опасения, сказав, что подавление восстания может привести к ухудшению отношений с Российской империей, так как оно затронет российских подданных, которые проживают на территории Барги.

Накаляющиеся события привели к тайному съезду всей баргутской знати для решения вопроса зависимости от Китая. В ноябре 1911 г. вынесено решение о признании независимости Барги. Новым руководителем был назначен Шэнфу, выходец из дауров. Одним из первых решений, принятым новой властью, было изгнание китайских чиновников и армии из Барги, однако китайским ремесленникам и купцам позволили оставаться и работать на территории нового образования. Таким образом, можно заключить, что Барга, как отмечал Б. Д. Цыбенков в работе «К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917)», фактически стала независимой территорией, которая не была признана ни китайской, ни россий-

ской стороной, а значит, стала центром внимания этих стран [5, с. 202–210].

По территории Барги проходила КВЖД, которая открывала российским переселенцам путь в регион, способ закрепиться и распространить свое влияние. Китайский способ вернуть свой статус в Барге заключался в диктовании своей воли, отстаивании прошлых прав и отстранении баргутов от власти. Данные действия китайской стороны настраивали местное население против засилия китайцев в их регионе.

Остановило новую революционную волну отречение императора Пу И от престола. Эти завершилась Синьхайская революция, в стране установилось новое республиканское правительство. Благодаря этому событию, баргинский вопрос перешёл в сферу ведения китайского национального правительства, а не маньчжурского.

18 марта 1912 г. состоялся очередной съезд баргинской элиты. На заседании основным вопросом вновь являлся вопрос о статусе Барги. Съезд выделил два возможных пути: присоединение к Халхе или примирение с Китаем.

Наиболее выгодным вариантом являлась идея выбрать Китай и договориться с ним о предоставлении самостоятельности в управлении регионом. Суть идеи выражалась в мысли восстановить китайско-баргинские отношения состоянием до 1909 г. Однако против такого решения выступила Халха, солдаты которой следили за ходом съезда. В момент выбора китайской линии развития внешних политических отношений, солдаты Халхи вмешались в работу заседания, потребовав выслать делегацию в Угру для пересмотра решения. В это же время халхасские солдаты начали политику устрашения китайского населения [2, с. 44–45].

В мае 1912 г. в Угре принимается решение о присоединении Барги к Халхе, а также назначении правителем новой области даура Шенфу, о чем был сразу же извещен П. Усатый. Российская империя заняла выжидающую позицию, выраженную, по словам В. Н. Крупенского, в ожидании шагов от Китая, который найдет благоприятный момент для полного восстановления своего статуса в Барге. Однако даны были указания при развёртывании военных действий между Халхой и Китаем на линии КВЖД поддержать халхасских солдат [Там же, с. 46].

Задача Российской империи заключалась в недопуске китайского произвола в вопросе

Барги. Правильным решением было бы выступить с миротворческой инициативой и инициировать переговоры. Однако ни китайцы, ни баргуты не намерены были садиться за стол переговоров, поэтому всю вторую половину 1912 г. и 1913 г. конфликт был поставлен на паузу. Формально Барга продолжала входить в Халху.

Однако в ноябре 1913 г. конфликт вновь обостряется. Причиной становится русско-китайская декларация от 5 ноября 1913 г., в которой обозначены составные части Монголии с включением Халхи без Барги. По сведениям, полученным российским консулом С. Афанасьевым, Халха оставляет Баргу, заявляя, что отстаивать свою независимость Барга будет без чьей-либо помощи. Если же военного потенциала будет недостаточно, то Барге следует беспрекословно подчиниться Китаю. Сил на отстаивание независимости у Барги не было, поэтому они обратились к консулу П. Усатому выступить посредником в китайско-баргинских переговорах.

20 января 1914 г. В. Н. Купенский извещает П. Усатого о согласии Российской империи участвовать в переговорах в качестве третьей стороны. Правительственная точка зрения упиралась в склонение Барги присоединиться к Китаю [Там же, с. 47]. 16 февраля 1914 г. китайское правительство согласилось на участие российской стороны в качестве посредника на переговорах, а также попросило В. Н. Крупенского выяснить истинные желания Российской империи. С. Д. Сазонов направил китайскому посольству список из 4 пунктов, которые были доведены В. Н. Крупенским до министра иностранных дел Китая Сунь Баоци:

«1. В Барге должно быть сохранено управление национальными властями. Подробности могут быть обсуждены впоследствии, но, казалось бы, первым условием должно быть назначение баргинского амбана из местных уроженцев.

2. Все сделки, заключенные русскими подданными с баргутскими властями за время их фактической независимости, которые будут указаны, должны быть утверждены пекинским правительством.

3. За русскими подданными должно быть признано преимущественное право постройки в Барге подъездных путей к КВЖД, какие могут понадобиться.

4. Русским золотопромышленникам, лишившимся права разрабатывать концессии, выданные им до войны, должно быть возна-

граждение от китайского правительства» [6, с. 1538].

Китай признает действительными требования российской стороны и обязуется выполнять все поставленные условия. С китайской властью также был достигнут компромисс в сфере аренды русскими подданными в Барге земель. Соглашение передано в Министерство иностранных дел в виде свода правил, одобренных всеми сторонами. Соглашение от 4 апреля 1914 г. № 608 в своей основе сводилась к праву аренды от 1 года до 12 лет земельных участков русскими подданными для полевых работ. На арендной земле позволялось возводить постройки жилого типа в количестве не более 2 зданий.

24 октября 1915 г. было подписано соглашение между Российской империей и Китайской республикой о статусе Барги. Данный официальный документ отдельными пунктами защищал права русских в регионе, особенной уступкой китайской стороны можно считать условие отсутствия вооруженных сил Китая в Барге, которое можно было нарушить лишь с согласия российской стороны.

За КВЖД по факту остался статус главной железной дороги в Барге, так как в случае прокладки китайской дороги они должны были обращаться к России, в том числе для привлечения иностранного капитала для строительства. Экономические интересы были сохранены в полной мере за счет сохранения в юридической силе русско-баргинских договоров, появилась возможность заключать новые контракты, которые утверждал бы Китай. Барга, согласно этому соглашению, считалась одним из округов Китая.

Таким образом, исходя из проведенного анализа русско-китайских отношений по баргинскому вопросу, можно сделать вывод о том, что именно позиция Российской империи позволила Барге вновь присоединиться к Китаю. По русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 г. становится ясной поддержка Российской империи в определении статуса Барги, позднее империя становится третьей примиряющей стороной в переговорах. Подводя итоги данных взаимоотношений, можно говорить о союзническом типе русско-китайских отношений в вопросе определения принадлежности Барги.

Список литературы

1. Баранов А. М. Монголия, Барга и Халха. Харбин: Издание штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1905.
2. Единархова Н. Е., Николаева И. П. Колонизация Монголии. Иркутск, 2009. 122 с.
3. Меньшиков П. Н. Северная Маньчжурия: С приложением карты всей Маньчжурии: отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги: П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Харбин: Изд-е Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги, 1918. Т. 2: Хейлунцзянская провинция / Китайская Восточная железная дорога. 646 с.
4. Цыбенков Б. Д. О родовом составе баргутов Хулун-Буира // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2016. С. 40–46.
5. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск: БГУ, 2017. С. 201–210.
6. Dudin P. N. The Role of Russian Diplomatic Mission in Beijing in Safeguarding Russia's Interests in the Establishment of the Statehood of Barga (1912–1915) // Bylye Gody. 2017. Vol. 46. P. 1534–1545.

Сведения об авторах

Камнева Галина Петровна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, историко-филологический институт, Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия, kamnevagp@gmail.com

Сотников Сергей Александрович, канд. ист. наук, доцент, начальник отдела системного администрирования, Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия, sergey@histr.ru

Сотников Андрей Александрович, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, историко-филологический институт, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, microlabus@mail.ru

Information about the authors

Galina P. Kamneva, Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of Historical and Philological Institute of the State University of Education, Moscow, Russia, kamnevagp@gmail.com

Sergey A. Sotnikov, Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the System Administration Department, Main Information and Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia, sergey@histr.ru

Andrey A. Sotnikov, Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of the Historical and philological Institute of the Moscow State University of Education, Moscow, Russia, microlabus@mail.ru

УДК 94(571+510)

**Сложности выстраивания отношений Дальневосточной республики (ДВР)
с Китайской Республикой с октября 1920 года по октябрь 1921 года
(по материалам читинской прессы того периода)**

Александр Олегович Баринов

г. Чита, Россия
ao.barinov@yandex.ru

Статья посвящена одному из важнейших этапов в становлении и развитии отношений Дальневосточной республики с соседней Китайской Республикой в первый год существования ДВР. Этот период напрямую связан с деятельностью на посту министра иностранных дел ДВР И. Л. Юрина (Игнация Дзевалтовского), который вёл мирные переговоры не только с Японией, но и с Китаем. И те, и другие были признаны неудачными, и И. Л. Юрин был освобождён от поста министра и выслан за пределы ДВР. Важную роль в выстраивании в тот период отношений с ДВР играл правитель Маньчжурии Чжан Цзолинь. Кроме того, на ситуацию оказывали влияние гражданские войны, что шли и в ДВР, и в Китае, а также борьба за независимость и народная революция 1921 г. в Монголии.

Ключевые слова: дипломатия, мир, война, провокации, «белые пятна истории», миссии, правительства и правители, министры и переговоры

**The Difficulties of Building Relations between the Far Eastern Republic (FER)
and the Republic of China from October 1920 to October 1921
(Based on the Materials of the Chita Press of that Period)**

Alexander O. Barinov

Chita, Russia
ao.barinov@yandex.ru

The report is devoted to one of the most important stages in the formation and development of relations between the Far Eastern Republic and the neighboring Republic of China in the first year of the existence of the Far Eastern Democratic Republic. This period is directly related to the activities of Ignatius Lvovich Yurin (Ignacy Dzevaltovsky), who conducted peace negotiations not only with Japan, but also with China. Both were deemed unsuccessful, and I. L. Yurin was relieved of his post as minister and exiled from the FER. The ruler of Manchuria, Zhang Zuolin, played an important role in building relations with the Far East during that period. In addition, the situation was influenced by the civil wars that took place both in the Far East and in China, as well as the struggle for independence and the people's revolution of 1921 in Mongolia.

Keywords: Diplomacy, Peace, War, Provocations, "White Spots of History", Missions, Governments and Rulers, Ministers and Negotiations

Современный исследователь из Новосибирска Алексей Михайлович Пастухов в изданной в 2022 г. в Москве монографии, отмечая степень изученности истории российского Дальнего Востока, справедливо отметил: «Казалось бы, нет уже такой темы, о которой не рассказали бы учёные и писатели. Однако, если взглянуть пристальнее — история этого богатейшего региона нашей страны была представлена преимущественно контурами, общими набросками, зачастую больше скрывающими, нежели объясняющими. И ой, как много в ней оказалось белых пятен!» [20, с. 3].

То же самое можно сказать и об истории Дальневосточной республики (ДВР). Известно, что о её создании было объявлено в апреле 1920 г. в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). Однако вплоть до того времени, как частями Народно-революционной армии ДВР и красными партизанами в октябре 1920 г. была занята Чита, правительство ДВР именовалось как «Верхнеудинское», бывшее на равных с Читинским, Благовещенским, Хабаровским и Владивостокским. Реально о себе ДВР заявила только после того, как в конце октября, куда переехало руководство «буферной» республики, прошла так называемая объедини-

тельная конференция областей Дальнего Востока, избравшая правительство и принявшая решение о проведении выборов в Учредительное Собрание.

Перед министерством иностранных дел ДВР, которое с момента образования до мая 1921 г. возглавляли главы правительства (А. М. Краснощёков, Б. М. Шумяцкий и вновь А. М. Краснощёков) стояли крайне непростые задачи. И в первую очередь они были связаны с необходимостью выстроить взаимовыгодные (прежде всего торговые) отношения с соседним Китаем. С этой целью в Китай уже в июне 1920 г. была направлена миссия, возглавляемая И. Л. Юриным, которая и признавалась китайской стороной исключительно торговой [9, с. 412]. И поэтому в декабре 1920 г., как сообщила одна из читинских газет, правительство ДВР обратилось к Пекинскому правительству с предложением считать миссию дипломатической [20, с. 3]. В мае 1921 г. статус И. Л. Юрина был повышен – его назначили министром иностранных дел ДВР [25, с. 1; 30, с. 3].

Мне в период, когда отмечалось 100-летие ДВР, повезло на страницах газеты «Забайкальский рабочий» опубликовать в 2020–2022 гг. серию статей по истории «буферной» республики и её лидеров, в том числе и об И. Л. Юрине, Дайренской и Чанчуньской конференциях [1, с. 27; 2, с. 27; 5, с. 27]. Юрин (Дзевалтовский) был польским националистом, боевиком Юзефа Пилсудского, а в 1917 г. штабс-капитан Дзевалтовский, прошедший бои Первой мировой войны, стал одним из руководителей Октябрьского восстания в Петрограде. Он, судя по всему, люто ненавидел Россию и ничего не имел против её распада. Эта позиция сказалась на его дипломатических действиях в указанный период.

Нельзя сказать, что история отношений ДВР и Китая в то время вообще оказалась вне поля советских и российских историков. Так, в 1962 г. в Москве была издана монография Моисея Ароновича Персица, ставшей первой максимально полной работой по этой теме [22]. Автор впервые использовал целый ряд мемуаров дипломатов ДВР, тогда ещё даже не изданных. Делает он «отсыл» и к газетам ДВР «Дальневосточная Правда» и «Дальневосточная республика», но на самом деле он их публикации практически не использовал.

Хотелось бы обратить внимание и на изданную в 2008 г. Хабаровске совместную работу Юрия Николаевича Ципкина и Татьяны Александровны Орнацкой, а также на одну из

их совместных статей [31; 32]. И у них ссылок на читинские газеты того периода отсутствуют.

А, например, только с конца октября по декабрь включительно 1920 г. в издававшихся в Чите газетах «Дальне-Восточная Республика» и «Дальне-Восточная Правда» (подшивки хранятся в Государственном архиве Забайкальского края и Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова) по моим подсчётам было опубликовано около сотни материалов, прямо и косвенно касавшихся отношений с Китаем и положением дел в соседней с ДВР республикой. Это были и небольшие информационные заметки, и аналитические статьи, и официальные документы, и интервью с дипломатами и зарубежными деятелями.

А ситуация была крайне непростая. В ДВР Гражданская война и иностранная военная интервенция ещё не завершились. А в Китае гражданская война с 1920 г. стала набирать новые обороты. В Пекине и Кантоне действовали два правительства. При этом в Маньчжурии полномочным или почти полномочным (ему приходилось считаться с японцами) был бывший хунхуз, маршал Чжан Цзолинь, формально подчинявшийся Пекинскому правительству. О нём я также писал в вышеназванной рубрике к 100-летию ДВР [4, с. 15]. Этому милитаристу приходилось считаться не только с японцами, но и с большим количеством белогвардейцев (семеновцев и каппелевцев), выбитых из Забайкалья.

Понятно, что газеты, также как и мемуары, не могут быть единственным источниками информации, но роль «навигатора» они вполне могут играть, помогая выстраивать направления исследовательских поисков.

В качестве лишь одного примера, приведу историю, рассказанную на страницах читинских газет в конце 1920 г. В 1920–1921 гг. в ряде китайских провинций из-за голода, вызванного засухой, произошла настоящая трагедия, охватившая тогда около 30 млн чел.

И в конце октября 1920 г. в Чите была проведена Неделя помощи голодающему Китаю. К 28 октября, как сообщала одна из читинских газет, пожертвований было собрано более 1,3 млн руб. [10, с. 3], такую же сумму выделило и правительство ДВР. Эта же газета сообщила о пожертвованиях в номерах за 30 октября и 2 ноября [12, с. 3; 28, с. 3].

Естественно, возникла сразу масса вопросов. Что на собранные рубли приобрели для голодающих Китая? Или рубли обменяли на иностранную валюту, а уж затем на эти

средства продукты приобрели в той же Маньчжурии? Как, когда и куда эту помощь доставили?

Одно известно, что помощь тогда в Китай действительно попала. Об этом, так же как о положительной оценке этого со стороны китайского народа, рассказал прибывший в Читу генеральный консул Китая Чен Куанпин [29, с. 2]. К слову сказать, история китайского консульства в столице ДВР Чите, и возглавлявших его консулов, – тема отдельного исследования, которое может быть осуществлено только при поддержке историков КНР. Так же, отдельной темой является всё ещё не изученная тема переговоров с Китаем по налаживанию регулярного железнодорожного движения через станцию Маньчжурия, о чём не раз в конце 1920-го и начале 1921-го гг. писали читинские газеты [8, с. 2; 11, с. 1; 13, с. 3; 15, с. 3; 26, с. 3]. 13 марта 1921 г. в Читу из Китая прибыл первый поезд [24, с. 1].

Ещё одна тема, в которой больше вопросов, чем ответов, это помощь в ДВР китайским беженцам, оказавшимся в ДВР после того, как в Монголии китайские войска были разбиты частями барона Романа Унгерна [34, с. 2]. Надо сказать, что представители пекинского правительства выразили тогда правительству ДВР благодарность за эту помощь [6, с. 2; 16, с. 3].

Сколько всего было беженцев из Монголии? Как была организована помощь беженцам? Кто отвечал за её организацию? Нет пока ответов.

Особняком стояли переговоры, которые министр иностранных дел ДВР И. Юрин вёл с

«хозяином» Маньчжурии Чжан Цзолинем [23, с. 2; 33, с. 3], без которого были невозможны ни нормализация дипломатических и торговых отношений, ни решение вопросов с будущим Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), ни отношения Китая к Монголии.

4 февраля 1921 г. одна из читинских газет сообщала: «Китайское правительство собирается открыть формальные переговоры с Русским представителем относительно возобновления торговли с Д.В. Р. Неформальные переговоры шли успешно с тех пор, когда Юрин принял почти все условия, предложенные ему министерством иностранных дел и переданные ему Лю Чжан Дженем, бывшим послом в России. Юрин согласен со всеми условиями, кроме определения границ. Министерство иностранных дел относится благосклонно к отказу Юрина от этого условия» [17, с. 1].

Это было весьма тревожным «звоночком». Юрин чуть было не устроил на Дайренских мирных переговорах «Дальневосточный Брест», а заодно готов был отдать Китаю ставшей независимой Монголию [18, с. 1; 19, с. 1; 27, с. 3].

Итогом стал вызов Игнатия Юрина в Читу и освобождение его от поста министров иностранных дел [7, с. 4]. Вместо него министром был назначен старый большевик Я. Д. Янсон [3, с. 27], которому предстояло исправить всё то, что в отношениях с Китаем сделал его предшественник. Начался новый этап в истории отношений ДВР и Республики Китай, который также требует более тщательного исследования, как и предыдущий.

Список литературы

1. Баринов А. Дайренская мирная конференция: два старта // Забайкальский рабочий. 2021. 22 сент. № 38. С. 27.
2. Баринов А. Недолгий взлёт мининдела Юрина // Забайкальский рабочий. 2021. 8 сент. № 36. С. 27.
3. Баринов А. Последний мининдел ДВР // Забайкальский рабочий. 2021. 1 дек. № 48. С. 27.
4. Баринов А. Почему маршал Чжан Цзолинь Монголию для Китая профукал? // Забайкальский рабочий. 2021. 1 сент. № 35. С. 15.
5. Баринов А. Чанчуньская мирная конференция // Забайкальский рабочий. 2022. 7 сент. № 36. С. 27.
6. Благодарность китайцев председателю Правительства // Дальне-Восточная Республика. 1921. 27 марта. № 55. С. 2.
7. В совете министров // Дальне-Восточный Телеграф. 1921. 2 нояб. № 76. С. 4.
8. Движение Маньчжурия – Чита // Дальне-Восточная Республика. 1921. 21 янв. № 13. С. 2.
9. Жеребцов Г. А. Миссия иностранных дел ДВР в Китае // Малая энциклопедия Забайкалья: международные связи / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2012. С. 412.
10. Извещения. От комиссии по устройству недели помощи к голодающему Китаю // Дальне-Восточная Республика. 1920. 29 окт. № 144. С. 3.
11. К восстановлению движения с Востоком // Дальне-Восточная Республика. 1921. 25 янв. № 15. С. 1.
12. К неделе помощи китайцам // Дальне-Восточная Республика. 1920. 2 нояб. № 147. С. 3.
13. К переговорам об открытии ж. д. сообщения с Маньчжурией // Дальне-Восточная Республика. 1920. 9 дек. № 170. С. 3.
14. К открытию границы // Дальне-Восточная Правда. 1921. 27 февр. № 37.

15. К открытию сквозного сообщения с Восточно-Китайской железной дорогой // Дальне-Восточная Республика. 1920. 31 дек. № 188. С. 3.
16. К прибытию верховного советника Китреспублики // Дальне-Восточная Правда. 1921. 9 апр. № 68. С. 3.
17. Китай и ДВР // Дальне-Восточная Республика. 1921. 4 февр. № 23. С. 1.
18. Китайцы и ДВР // Дальне-Восточная Республика. 1921. 23 марта. № 51. С. 1.
19. Китай и ДВР // Дальне-Восточная Правда. 1921. 2 сент. № 186. С. 1.
20. Миссия Юрина // Дальне-Восточная Республика. 1920. 7 дек. № 168. С. 3.
21. Пастухов А. М. Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть. М.: Пятый Рим, 2022. 276 с.
22. Персиц М. А. Дальневосточная республика и Китай. Роль ДВР в борьбе Советской власти за дружбу с Китаем в 1920–1922 гг. М.: Изд-во Вост. лит., 1962. 304 с.
23. Предложение Чжанцзолина // Дальне-Восточная Правда. 1921. 17 сент. № 199. С. 2.
24. Прибытие поездов // Дальне-Восточная Республика. 1921. 15 марта. № 45. С. 1.
25. Приезд Л. И. Юрина // Дальне-Восточная Республика. 1921. 27 мая. № 100. С. 1.
26. Поезд С. В. Шатова // Дальне-Восточная Республика. 1920. 15 дек. № 175. С. 3.
27. Слухи о соглашении Юрина с Чжанцзолином // Дальне-Восточная Правда. 1921. 30 июля. № 158. С. 3.
28. Список пожертвований, поступивших в «неделю помощи к китайцам» // Дальне-Восточная Республика. 1920. 30 окт. № 145. С. 3.
29. У представителя китайского консульства // Дальне-Восточная Республика. 1920. № 183. 25 дек. С. 2.
30. Хроника // Дальне-Восточная Правда. 1921. 3 июня. № 111. С. 3.
31. Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2008. 234 с.
32. Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920–1922 гг.). Текст: электронный // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 17–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-dalnevostochnoy-respubliki-s-kitaem-1920-1922-gg/viewer> (дата обращения: 31.08.2024).
33. Чжанцзолин и ДВР // Дальне-Восточная Правда. 1921. 29 сент. № 208. С. 3.
34. Эвакуация китайцев из Монголии // Дальне-Восточная Правда. 1921. 2 марта. № 39. С. 2.

Сведения об авторе

Баринов Александр Олегович, канд. ист. наук, заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, независимый исследователь, г. Чита, Россия, ao.barinov@yandex.ru

Information about the author

Alexander O. Barinov, Candidate of Historical Sciences, Honored Worker of Culture of the Chita Region and the Aginsk Buryat Autonomous Area, a Free Researcher, Chita, Russia, ao.barinov@yandex.ru

УДК 94(571+510)

Организация труда китайских рабочих на золотодобывающих приисках Восточного Забайкалья в 1920-е годы

Василина Александровна Сазонова

*Забайкальский институт предпринимательства – филиал Сибирского университета
потребительской кооперации, г. Чита, Россия
vasilinass@mail.ru*

В 1920-е гг. на территории Восточного Забайкалья проживало значительное количество китайских мигрантов, которые принимали активное участие в восстановлении и развитии золотодобывающей отрасли региона. Статья посвящена исследованию условий труда китайских рабочих, а также проблем, с которыми им приходилось сталкиваться в процессе своей трудовой деятельности на золотых приисках.

Ключевые слова: китайские рабочие, прииск, старатель, оплата труда, артель, золото

The Organization of Labor of Chinese Workers in the Gold Mines of Eastern Transbaikalia in the 1920s.

Vasilina A. Sazonova

*Transbaikal Institute of Entrepreneurship – the branch Siberian University
of Consumer Cooperation, Chita, Russia
vasilinass@mail.ru*

In the 1920s, a significant number of Chinese workers lived in the territory of Eastern Transbaikalia, who took an active part in the restoration and development of the gold mining industry in the region. The article is devoted to the study of the working conditions of Chinese workers, as well as the problems they had to face in the course of their work in the gold mines.

Keywords: Chinese Workers, Mine, Prospector, Wages, Artel, Gold

В 1920-х гг. советская власть оценивала золотодобывающую промышленность как одно из приоритетных направлений развития народного хозяйства и источник пополнения золотовалютных запасов страны. Важным толчком для восстановления и упорядочивания золотодобычи послужило принятие в 1921 г. Декрета «О золотой и платиной промышленности» [12, с. 138], который предоставил физическим и юридическим лицам право производить поиск, разведку и добычу золота на советской территории [13, с. 992–994]. Широкое распространение получила практика сдачи золотоносных участков в аренду и организация мелких старательских работ. Среди старателей в 1920-е гг. имелось значительное количество китайских рабочих, часть из которых уже длительное время проживала в России, а другие приехали, спасаясь от безработицы в Китае [1, с. 94].

В 1924 г. СНК СССР было принято решение о допуске к золотодобыче на равных с советскими гражданами основаниях оседлого китайско-корейского населения [11, л. 15]. Для производства работ китайские рабочие-старатели обычно объединялись в артели, количество членов которых зависело от размера золотоносного участка и способов его разработки. Образовавшаяся артель выбирала из своей среды старшего, на которого возлагались административно-хозяйственные функции: заключение договора, сдача золота и пр.

Договор аренды золотоносных площадей содержал сведения о размере, выделенного участка, численности рабочих, количестве золота, которое артель обязывалась добыть, величине арендной платы и залога. Залог возвращался арендатору после окончания срока действия договора или перечислялся в доход государства в случае его неисполнения. Отсутствие денежных средств и обязательное условие внесение залога нередко являлось

препятствием для заключения арендных договоров китайскими рабочими.

При увеличении количества членов артели, возрастал и размер обязательных платежей, при чем оплату по договору необходимо было вносить вне зависимости от фактических результатов золотодобычи [3, л. 42].

Постановление СНК СССР «О мерах по подъему государственной и частной золотопромышленности», принятое в 1924 г. позволило снизить налоговые и иные обязательные платежи для участников золотодобывающей отрасли [14, с. 212–213].

В феврале 1925 г. Забайкальским окружным Горным управлением были утверждены около трех десятков договоров с уполномоченными китайских артелей на передачу в аренду золотоносных площадей в Газимуро-Борзинском районе, при этом размер долевого отчисления не превышал 3% [4, л. 343, 343 об.].

Все добываемое артелями золото должно было записываться артельным уполномоченным в специальные золотозаписные книги. Китайские старатели нередко игнорировали это условие договора вследствие халатности, незнания русского языка или намеренного утаивания золота.

Несмотря на упорядочивание системы работ по золотодобыче на территории Забайкалья встречались хищнические разработки золотоносных участков со стороны китайцев. Так, на прииске Боровском Газимуро-Борзинских золотых промыслов в январе 1923 г. был выделен участок производственной артели гр. Тюкавкина, на котором, как оказалась, осуществляет свою деятельность без разрешительных документов артель китайцев, которые уже выкопали на этой площади несколько ям и отказывались прекращать работы без возмещения понесенных ими затрат [3, л. 120].

Разработка золотоносных участков в летнее время производилась чаще всего открытыми работами, а в зимнее время, напротив, подземными: ямами, шахтами, шурфами, иногда проводилась промывка старых отвалов. Нередко работа велась при низкой температуре, сильном ветре и высокой влажности, что приводило к частым простудным и ревматическим заболеваниям. Имели место и несчастные случаи, являющиеся следствием низкой квалификации китайских рабочих и неудовлетворительной постановкой охраны труда [10, л. 87].

Договором аренды золотоносного участка регулировались вопросы техники безопасности на горных работах, которые должны были производиться с соблюдением всех установленных правил и норм. При этом артели брали на себя обязательство исполнения всех указаний горного надзора. Между тем, материальная и уголовная ответственность за несоблюдение правил безопасного ведения работ и за несчастные случаи на производстве, а также за ущерб, причиненный работами артели, возлагался на артель в полном объеме [5, л. 88].

Китайские старатели работали в тяжелых условиях, используя физическую силу и самые примитивные механизмы, и оборудование, что снижало производительность труда и увеличивало потери золота.

Добыча золота осложнялась отсутствием необходимых разведок золотоносных площадей, которые с 1918 по 1926 г. почти не производились, вследствие чего разведанный фонд быстро иссякал, а на его восстановление требовались значительные ресурсы [6, л. 69 об.]. При этом все производственные риски, связанные с невозможностью исполнения условий договора по причине низкого содержания золота на выделенных участках, ложились на членов артели.

На прииске Кудечи Амазаро-Урюмского района в 1925 г. были заключены арендные договоры с 4 китайскими артелями, в составе которых работало около 230 чел. При этом позднее отмечалось, что в связи с неудовлетворительной подготовкой и организацией работ выполнить условия договора смогла только одна артель уполномоченного Ян-Мао-Чун [8, л. 323].

Заработная плата на приисках с использованием артельного старательского труда была традиционно низкая и напрямую зависела от степени подготовленности площадей и золотоносности песков. Так, на прииске Жар-

ча в марте 1929 г. 200 чел. выкопали около 2 000 ям, а количество добытого золота оказалось незначительным. В связи с этим заработная плата китайских старателей на этом прииске составила 1 руб. 80 к. в день [2, л. 18].

В отчете по обследованию приисков за октябрь 1926 г. отмечалось: «На Новотроицком прииске заработная плата старателя не превышает 22 руб. даже с учетом имеющейся утечки золота. При таких условиях оплаты труда работать могут только местный оседлый элемент и китайские рабочие» [7, л. 199].

Китайские рабочие в большинстве случаев работали в качестве старателей, количество наемных рабочих на предприятиях, организуемых хозяйские работы было незначительным. Различная форма организации труда предполагала и разный подход в системе ее оплаты. На предприятиях, использующих наемный труд, применялись тарифные сетки, предусматривающие ставку для соответствующего вида выполняемых работ.

Несмотря на то, что наемный труд предполагал определенную гарантию оплаты произведенной работы, размер заработной платы был в большинстве случаев невысоким. На Ононских золотых рудниках Забайкальского Горного округа, где использовался хозяйский способ организации производства, заработная плата китайца-забойщика за январь-февраль 1925 г. составляла 2 руб. 80 коп. в день [8, л. 129]. При этом ситуация осложнялась еще и тем, что оплата за труд на приисках иногда выдавалась продуктами и товарами, при чем низкого качества и по высоким ценам.

Наиболее частыми нарушениями трудового законодательства на приисках являлись: несвоевременная выплата заработной платы, непредоставление отпусков, отсутствие договоров социального страхования и ненормированный рабочий день. За 1926/27 гг. по Читинскому округу поступило 1 513 обращений китайских рабочих в профсоюзные органы по трудовым вопросам [9, л. 215].

Немаловажной проблемой приисковых районов являлась неудовлетворительная организация снабжения приисковых районов товаро-продуктами. Значительное количество приисков Забайкальского горного округа, их территориальная разобщенность, отсутствие транспортной доступности приводили к перебоям в снабжении, дефициту товаров первой необходимости, росту цен и утечке золота за границу.

В отчете по обследованию Амазаро-Урюмского района отмечалось следующее:

«В Урюм приехали китайцы из Кудеи за приисковыми товарами и припасами с золотом в лавку, но по словам заведующего лавкой он не мог удовлетворить их запросы по причине отсутствия товаров. Естественно, что золото ушло на сторону...» [8, л. 326]. Насущной проблемой для китайских старателей было отсутствие в приисковых торговых лавках потребляемых ими специфических продуктов, например, лапши китайской, зеленого гороха и пр.

Таким образом, в 1920-х гг. советская власть предпринимала меры по налаживанию

и упорядочиванию системы золотодобычи, а также усилия по привлечению в золотодобывающую отрасль иностранной рабочей силы. Несмотря на то, что китайские старатели вынуждены были работать в условиях дефицита богатых золотоносных площадей, недостаточной технической оснащенности, низкой оплаты труда и неудовлетворительной организацией снабжения, их труд сыграл важную роль в достижении лидерства Забайкальского горного округа в общем объеме добычи золота в Дальневосточном регионе.

Список литературы

1. Авдашкин А. А. Судьбы китайцев на Урале в 1920–1930-х гг. // Российская история. 2021. № 1. С. 91–105.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-71. Оп. 1. Д. 564.
3. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 172.
4. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 173.
5. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 175.
6. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1125.
7. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1281.
8. ГАЗК. Ф. П-601. Оп. 1. Д. 175.
9. ГАЗК. Ф. Р-601. Оп. 1. Д. 368.
10. ГАЗК. Ф. Р-1491. Оп. 2. Д. 4.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф-5446. Оп. 5. Д. 644.
12. Гребенюк П. С. Золотопромышленность и золотые ресурсы России и СССР в первой половине XX в. // Экономическая история: ежегодник. 2022. Т. 2021. С. 130–168.
13. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 16 декабря 1921 г. № 74. С. 992–994.
14. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства СССР, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров СССР Народным Комиссариатом Юстиции. 27 октября 1924 г. № 15. Отдел первый. С. 212–213.

Сведения об авторе

Сазонова Василина Александровна, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Забайкальский институт предпринимательства – филиал Сибирского университета потребительской кооперации, г. Чита, Россия, vasilinass@mail.ru

Information about the author

Vasilina A. Sazonova, Lecturer at the Department of Humanities, Transbaikalian Institute of Entrepreneurship – the Branch of the Siberian University of Consumer Cooperation, Chita, Russia, vasilinass@mail.ru

УДК 94(571+510)

Хабаровский протокол: к вопросу о выходе из советско-китайского конфликта в 1929 году

Мария Владимировна Кротова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия
mary_krot@mail.ru

Статья посвящена процессу разрешения советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. и заключения Хабаровского протокола в декабре 1929 г. Целью статьи является анализ обстоятельств, которые повлияли на принятие решения о восстановлении существующего положения на КВЖД, изучение процесса обсуждения пунктов договора, а также исполнения статей протокола после конфликта. Статья основана на неопубликованных документах из АВП РФ, РГАСПИ, РГИА.

Ключевые слова: советско-китайский конфликт, КВЖД, 1929 г., Хабаровский протокол, статус-кво, советская дипломатия

Khabarovsk Protocol: on the Issue of Withdrawal from the Soviet-Chinese Conflict in 1929**Maria V. Krotova***Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia*

mary_krot@mail.ru

The article is devoted to the process of resolving the Soviet-Chinese conflict on the CER in 1929 and the conclusion of the Khabarovsk Protocol in December 1929. The purpose of the article is to analyze the circumstances that influenced the decision to restore the existing situation on the CER, to consider the process of discussing the clauses of the agreement, as well as the execution of the articles of the protocol after the conflict. The article is based on unpublished documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, RSASPH and RSHA.

Keywords: the Soviet-Chinese Conflict, CER, 1929, Khabarovsk Protocol, Status Quo, Soviet Diplomacy

В 1929 г. 95 лет назад произошел первый военный конфликт Советского Союза с соседним государством, и это было самое крупное вооруженное столкновение между СССР и Китаем. Конфликт стал итогом напряженных отношений между СССР и Мукденским, затем Нанкинским правительствами в Северной Маньчжурии, который завершился подписанием Хабаровского протокола, восстановив статус-кво на КВЖД. В исследовательской литературе по истории советско-китайских отношений этому договору не уделяется особого внимания, возможно, потому, что его решения никак не изменили ситуацию на КВЖД. Только в монографии В. М. и М. В. Крюковых подробно исследуется процесс подписания соглашения [9]. Хотя, на наш взгляд, изучение переговорного процесса в Хабаровске заслуживает внимания, так как пути выхода из конфликта были тесно связаны с причинами конфликта и отношением к нему разных сторон – СССР, Китая, Японии. Цель статьи – проанализировать обстоятельства, сопутствовавшие заключению Хабаровского протокола, рассмотреть пункты протокола и споры вокруг них, а также исполнение статей договора после конфликта.

При анализе выхода из конфликта необходимо указать на несколько ключевых моментов. Надо заметить, что к конфликту ни СССР, ни Китайская республика (КР) не были готовы. Долгое время советское руководство не могло определиться относительно методов и способов разрешения конфликта, опасаясь, в том числе, поддержки Китая великими державами. В свою очередь, у Нанкинского правительства также не было четкого плана действий, и оно совершило ряд ошибок [Там же, с. 472–476]. Первоначально обе стороны хотели мирно покончить с конфликтом, готовы были пойти на переговоры, но попытки в конце августа 1929 г. урегулировать конфликт при посредничестве Германии потерпели неудачу, в т. ч. из-за отказа Москвы и Нанкина заме-

нить высшее руководство КВЖД [7, с. 489]. В конце концов, было принято решение о вооруженном выступлении ОДВА, и в ноябре 1929 г. китайские войска потерпели поражение в районе Чжалайнора и Хайлара.

Анализируя развитие и исход конфликта, необходимо учитывать роль великих держав и Японии. По мнению и эмигрантов, и советских дипломатов, Япония была заинтересована в конфликте, и именно японцы «натравливали» китайцев на СССР. Хотя Япония занимала позицию нейтралитета, она получила ощутимую выгоду от конфликта, т. к. доходы Дайренского порта и ЮМЖД чрезвычайно возросли [4, л. 181]. Кроме того, Японию не устраивали националистические настроения Чан Кайши и его претензии на доминирование в Маньчжурии, поэтому не только Япония, но и другие державы поддерживали в конфликте СССР, объявив о нейтралитете в конфликте, так как за конфискацией КВЖД могли последовать и аналогичные действия по отношению к иностранной собственности в Китае [10, с. 205]. К тому же европейское коммунистическое движение заявило о недопустимости использования военной силы для разрешения конфликта и осудило СССР [6].

Определенную роль в исходе конфликта сыграла реакция советских служащих КВЖД на компанию по самоувольнению, объявленную профсоюзами с целью нарушить деятельность КВЖД. Большинство рабочих и служащих продолжали работать, отказавшись увольняться, подтвердив, таким образом, лояльность китайской администрации [13, л. 20]. Прибывший в Харбин в мае 1929 г. нелегальный резидент Разведупра Л. А. Анулов сообщал, что вербовку проводить не было возможности из-за отсутствия сочувствия со стороны большей части русского населения, которое считало, что «большевики в Маньчжурию не вернуться» [1, с. 381]. К тому же большинство самоувольнившихся с КВЖД советских граждан попали в концлагерь [8].

После выступления ОДВА китайские власти вынуждены были пойти на переговоры, хотя, надо сказать, что единой линии Мукдена и Нанкина (Чжан Сюэляна и Чан Кайши) не было. На совещании в Мукдене военные выступили за скорейшее заключение перемирия, так как «боевой дух армии» был подорван, погибло более 10 тыс. чел., материальный ущерб исчислялся сотнями миллионов, и продолжение военных действий могло привести к более жестким условиям мира [9, с. 411–412]. Агент НКВД СССР в Хабаровске А. А. Симановский 19 ноября 1929 г. получил заявление от харбинского дипломатического комиссара Цай Юньшэна, уполномоченного вести переговоры с китайской стороны, о немедленном начале переговоров. Симановский, в свою очередь, выставил предварительные условия советской стороны, предложенные Политбюро: восстановление положения на КВЖД, восстановление в правах Управляющего дорогой Емшанова и его помощника Эйсымонта, немедленного освобождения всех арестованных советских граждан [11, л. 11]. 29 ноября 1929 г. Чжан Сюэлян официально согласился с условиями Москвы, и Цай Юньшэн выехал 30 ноября 1929 г. в Никольск-Уссурийск на встречу с Симановским для согласования условий договора. Линию переговоров на первом этапе определял зам. наркома иностранных дел Л. М. Карахан, посылая инструкции Симановскому. В качестве обязательного условия НКВД потребовал отстранения от должности председателя Правления КВЖД Люй Жунхуаня. Китайская сторона согласилась, 2 декабря Люй Жунхуань был смещен с поста председателя, однако Цай просил сохранить это заявление в секрете. Карахан, в свою очередь, потребовал подписать официальный протокол о смещении Люй Жунхуаня и опубликовать его в печати (официальное сообщение появилось только 10 декабря). Врио председателя был назначен член Правления КВЖД Го Фумянь. После некоторых колебаний Цай подписал предварительный протокол 3 декабря, но не в Никольск-Уссурийском, как указывают официальные документы, а недалеко от ст. Пограничная вблизи советско-китайской границы [9, с. 422].

5 декабря 1929 г. Цай был командирован Мукденским правительством для дальнейших переговоров и заключения соглашения в г. Хабаровск, причем первоначально китайцы предложили для переговоров ст. Пограничную, но советская сторона отказалась. Так, переговоры шли на советской территории,

чтобы сократить до минимума «пределы маневрирования китайцев» [Там же, с. 441]. Цай выехал в Хабаровск 10 декабря в сопровождении 17 человек в специальном поезде. Поезд не пропустили на границе и держали там двое суток (по официальной версии рельсы были разрушены, требовалось восстановление). Потребовалось специальное решение Политбюро о пропуске поезда [12, л. 6].

Переговоры в Хабаровске начались 13 декабря, проходили в особняке Малченко на ул. Шеронова, вел их А. А. Симановский, который находился в постоянном контакте с врио наркома иностранных дел Литвиновым [2]. Центральным вопросом на переговорах стал вопрос об управляющем КВЖД и его помощнике – советская сторона требовала восстановить уволенного А. И. Емшанова, китайцы упорно настаивали на его отставке, считая, что тот вел себя оскорбительно, превысил свои полномочия, отказавшись согласиться с совместной подписью документов русским и китайским помощником. Во время переговоров Емшанов находился в Хабаровске, ожидая своей участи. Цай просил не восстанавливать Емшанова и Эйсымонта и «повременить с назначением их на какие-либо должности на КВЖД» [Там же, л. 41]. 14 декабря НКВД предложил на должность Управляющего КВЖД Юлия Викентьевича Рудого – члена коллегии НКПС, официально его кандидатура была утверждена 17 декабря. Емшанова решено было назначить товарищем председателя Правления КВЖД (товпредом) – формально это было повышение в должности, хотя реальная власть на КВЖД была все же в руках Управляющего. Емшанов был назначен товпредом с 1 января 1930 г., но утверждение его кандидатуры затягивалось китайской частью Правления, и официально Емшанов был утвержден в должности товпреда только 6 марта 1930 г. [14, л. 83].

Прения шли также по следующим вопросам: об отмене всех приказов и распоряжений по дороге, отданных от имени Правления и Управления КВЖД после 10 июля 1929 г.; об освобождении всех арестованных, заключенных и осужденных китайскими властями с 1 мая 1929 г.; о праве уволенных и самоувольнившихся рабочих и служащих КВЖД во время конфликта вернуться на занимаемые ими должности. Кроме того, советская сторона требовала немедленно уволить всех русских служащих без советского гражданства, а также тех, кто отказался от советского гражданства во время конфликта. Все восстановленные на

службе должны были получить деньги, причитавшиеся им с дороги за время конфликта (жалованье, пенсионные взносы, заштатные деньги). Китайская сторона выступила против этого, утверждая, что за дорогой «нет долгов уволенным и самоувольнившимся» [2, л. 61]. Китайцы были не согласны с увольнением русских – не граждан СССР, считая, что необходимо «руководствоваться целесообразностью», т. к. эти служащие могли быть «полезными работниками», а также требовали исключения для русских китайских подданных [Там же, л. 74].

Переговоры затягивались и из-за обсуждения других вопросов: разоружения белогвардейцев (Цай утверждал, что на китайской территории нет вооруженных отрядов белых); отвода войск от границы («незачем держать войска, когда мы уже договорились о заключении мира»). Цай Юньшэн считал, что присутствие войск невыгодно для СССР – «как если бы империалисты навязывали условия» [9, с. 461]. Советское правительство согласилось на отвод войск. В конце концов, все основные вопросы были решены, и 22 декабря 1929 г. был подписан Хабаровский протокол, причем практически все пункты были приняты в советской редакции [15, с. 87]. Даже с точки зрения эмигрантов, в конфликте 1929 г. Россия одержала свою первую международную победу. Интересно замечание М. М. Литвинова в разговоре с А. А. Симановским: «Надо принять меры, чтобы наши граждане в Маньчжурии не вели себя как "победители"» [2, л. 103].

Практически все пункты протокола были выполнены: восстановлены консульские отношения между СССР и КР, выведены войска с территории Китая, все уволенные служащие были восстановлены на свои должности с выплатой жалованья за 6 месяцев. По хабаровскому соглашению, должны были быть уволены все принятые на службу во время конфликта, но на деле увольнялись и те служащие, кто остался работать во время конфликта, без выплаты заштатного пособия, хотя среди них были ценные специалисты, проработавшие на КВЖД более десяти лет. Это вызвало раскол в советской колонии и осложнило ситуацию на дороге.

Хабаровский протокол не устроил китайскую сторону, которая считала его дипломати-

ческим поражением. Действия Цай Юньшэна в Хабаровске были признаны руководством Гоминьдана как превышающие его полномочия, и он был смещен с должности. Хабаровский протокол с точки зрения Нанкина был не только неравноправным соглашением, но и не имел законной силы [9, с. 469]. Советский консул в Цицикаре отмечал, что главное для китайцев – «не потерять лицо», и по отношению к Хабаровскому протоколу 1929 г. им необходимо было демонстрировать свою «независимость» [3, л. 17]. Поэтому многие уволенные служащие КВЖД были взяты обратно на работу под нажимом китайцев, как китайские граждане. После конфликта в парке Цицикара рядом с советским консульством китайские власти 17 ноября 1930 г. установили памятник погибшим китайцам – жертвам советско-китайского конфликта. В одной из речей на открытии памятника прозвучали слова: «Небо послало несчастье на Китай, иностранное бедствие имело место несколько раз подряд. Красная Россия своим своевольным насилием стала наносить несчастья по линии КВЖД, разливает яд по китайскому государству». Свидетель этого события, советский консул в Цицикаре отметил в своем дневнике, что все эти «памятники» и «похороны» говорят об одном и том же – дух реванша и «обиды» решительно «поддерживается и культивируется» [Там же].

По мнению многих исследователей, СССР не воспользовался плодами своей военной победы, а только подтолкнул Японию, убедившуюся в слабости Китая, к решительным действиям [5, с. 211; 10, с. 204–205; 16, с. 45–46]. СССР, как победитель, диктуя свои требования Китаю с позиции силы, выиграв в краткосрочной перспективе, в стратегической проиграл, утратив советское влияние в Маньчжурии. Хабаровский протокол восстановил статус-кво, но не решил основных проблем на КВЖД: советско-китайского паритета на дороге, службы «белых» на службе у китайцев и т. п. Отношения внутри Правления и Управления КВЖД со сменой состава только обострились. Успех японской агрессии в Маньчжурии в 1931 г. показал, что больше всего от конфликта выиграла Япония, которая воспользовалась ситуацией для усиления своего влияния в Маньчжурии.

Список литературы

1. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М.: Кучково поле, 2010. 608 с.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 9. П. 48. Д. 70.
3. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5.

4. АВР РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8.
5. Вестад О. Беспокойная империя: Китай и мир с 1750 года. М.: Центрполиграф, 2014. 637 с.
6. Дацышен В. Г. Советская политика в отношении конфликта на КВЖД в оценках левых партий // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 4. С. 59–76.
7. Документы внешней политики СССР: в 26 т. Т. 12. 1 января – 31 декабря 1929 г. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. 816 с.
8. Кротова М. В. Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 33–47.
9. Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. М.: ИВ РАН, 2017. 624 с.
10. Писарев А. А. Советско-китайский конфликт 1929 года: причины и последствия // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюций и модернизаций. М.: ИВ РАН, 2013. С. 188–208.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 766.
12. РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 3. Д. 768.
13. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 9. Д. 1637.
15. Советско-китайский конфликт 1929 г.: сб. документов. М.: Литиздат НКВД, 1930. 89 с.
16. Черепанов К. В. КВЖД в истории японо-советского соперничества // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 2. С. 37–49.

Сведения об авторе

Кротова Мария Владимировна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, mary_krot@mail.ru

Information about the authors

Mariia V. Krotova, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Political Science, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia, mary_krot@mail.ru

УДК 908(571.54/55)

Нерчинск: есть ли будущее у «Старого города»?

Александр Васильевич Константинов, Наталья Николаевна Константинова

¹Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,

²Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия

¹konstant1956@mail.ru, ²asyapogod@yandex.ru

Статья посвящена Нерчинску и близлежащим историческим памятникам как перспективным туристическим объектам, прежде всего, ситуации, связанной со «Старым городом» – городской территорией XVII–XVIII вв., где располагался Нерчинский острог (с. Михайловское Нерчинского района). Здесь происходили события, определявшие судьбу Забайкалья, имевшие всероссийское и мировое значение – сооружение острога, заключение Нерчинского договора, деятельность Нерчинской секретной экспедиции и т. д. Авторы пытаются привлечь внимание к проблеме дальнейшего существования «Старого города» в качестве воссозданного туристического объекта. Предлагают продолжить исследования остатков первого города Забайкалья, провести его музеефикацию, установить знак в память заключения Нерчинского договора.

Ключевые слова: Нерчинск, Нерчинский острог, Старый город, Нерчинский договор, р. Нерча, Михайловское, туристический объект, музеефикация, памятный знак

Nerchinsk: Does the “Old Town” Have any Future?

Alexander V. Konstantinov¹, Nataliya N. Konstantinova²

¹Transbaikalian State University, Chita, Russia,

²Transbaikalian Museum of Local Lore and History named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia

¹konstant1956@mail.ru, ²asyapogod@yandex.ru

The article features the history of Nerchinsk and the current situation associated with the “Old Town” – the territory of the city of the XVII–XVIII centuries where the Nerchinsk Ostrog (Mikhailovskoye village, Nerchinsk district) was located. It was here that the events that determined the fate not only of Transbaikalia, but also of Russia and the world took place – the construction of ostrogs, the conclusion of the Nerchinsky Treaty, the activ-

ities of the Nerchinsky secret expedition, etc. The authors identify a problem – does the “Old Town” have a future? In this regard, the authors propose ways to solve this problem – to continue researching the archaeological remains of the first city of the “Daurian Land”, to create a historical park “Nerchinsky Ostrog” on this territory with the organization of its reconstruction, to establish a memorial sign in memory of the conclusion of the Nerchinsky Treaty.

Keywords: Nerchinsk, Old Town, Nerchinsk Ostrog, Nercha River, Nerchinsky Treaty, Museumification

Нерчинску – одному из старейших городов Сибири посвящено громадное количество разноплановых изданий. В настоящее время интерес к нему не ослабевает, о чём свидетельствуют многочисленные публикации. В их числе отметим статьи в «Энциклопедии Забайкалья» и особенно отдельное издание – «Нерчинск», вышедшее в альбомной серии этой энциклопедии, посвящённой городам Забайкалья [7].

Взросший интерес к истории Нерчинска, как научный, так и образовательный, и просветительский связан с активизацией туризма и, прежде всего, с повышенным вниманием к нему со стороны государства. В настоящее время город стал доступнее: кроме расположенной рядом с ним Транссибирской магистрали, автотрасса «Амур» позволяет почти беспрепятственно доставлять сюда туристические группы. В Нерчинске туристы знакомятся с городской архитектурой XIX в. и, прежде всего, с её наиболее выразительным образцом – отреставрированным дворцом золотопромышленника М. Д. Бутина, в котором располагается краеведческий музей с экспозицией по истории города в том числе. Поездка из Нерчинска в с. Калинино (бывшее Монастырское) даёт возможность осмотреть старейший каменный храм за Байкалом – церковь Успения Пресвятой Богородицы (1712); сейчас идёт её реконструкция. Существует мнение, что именно на этом месте, напротив устья Нерчи, находился «малый острожек», построенный в 1653 г. М. Урасовым по приказу П. И. Бекетова.

В стороне от главного экскурсионного маршрута оставался (остаётся до сих пор) «Старый город» – так нерчинцы (в прошлом нерчугане) называли историческую территорию города, где он располагался с середины XVII до начала XIX вв. Этот участок находится в восьми километрах от современного города на острове, образованном Нерчой и её протокой, непосредственно перед впадением в Шилку. Сейчас на этом месте с. Михайловское (Михайловка). Именно здесь происходили важные для Забайкалья исторические события и факты, имевшие также всероссийское и всемирное значение. В их ряду – сооружение в разные годы острогов и их укреплений

(А. Ф. Пашковым, Ф. А. Головиным, Ф. И. Соймоновым), заключение Нерчинского договора с Китаем, формирование торговых караванов и дипломатических миссий, деятельность Нерчинской секретной экспедиции и т. д.

Как известно, построенный на острове острог (и развившийся затем город) подвергались периодами наводнениям, что послужило причиной его перемещения на новое место выше по Нерче, на Сажиков яр (начало XIX в.). Посетивший в 1820 г. Нерчинск сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский отметил, что на прежнем месте находятся лишь отдельные полуразрушенные строения и каменная Троицкая церковь постройки 1720 г. Село Михайловское, развившееся здесь позже, по-прежнему имеет островное положение и поэтому периодически оказывается отрезанным от «большой земли» наводнениями. В этом случае единственный путь сообщения с ней у сельчан – это подвесной пешеходный мост через Нерчу к станции Приисковая, где находятся школа и магазины. А единственное напоминание о прежнем городе – это внушительное кирпичное скопление – всё, что осталось от взорванной в 1930-х гг. Троицкой церкви.

В то же время в соседнем регионе – Амурской области проведены большие работы по изучению и реконструкции Албазинского острога, история которого тесно связана с Нерчинском. Сейчас Албазин – своеобразный символ Амурской области. Вот уже почти 40 лет недалеко от Иркутска, у истока Ангары, действует музей под открытым небом «Тальцы» с объектами острожной архитектуры. В Красноярском крае за десять лет до 400-летия Енисейска стали готовиться к юбилею (отмечался в 2019 г.), получив значительную государственную поддержку. Здесь были проведены археологические раскопки, осуществлена реставрация двадцати исторических зданий, построена набережная, поставлен памятник основателям Енисейска. А сам юбилей с просветительскими мероприятиями, а также и с научной конференцией стал событием российского масштаба. Заметим, что именно енисейскими казаками был заложен Нерчинский острог [1; 3]. Можно еще привести массу

примеров достойных юбилейных дел в Сибири. В Забайкальском крае, как правило, о каком-либо историческом юбилее вспоминается лишь за пару месяцев накануне или, когда он минует, причем, если придёт указание сверху.

Несмотря на то, что «Старый город» в списке экскурсионного посещения, на деле экскурсоводы его обходят стороной. Хотя именно этот объект должен быть особым объектом показа. Что же для этого надо сделать? Необходимы дополнительные археологические исследования старого Нерчинска, т. е. раскопки на территории села и в его окрестностях. Первая попытка установить места расположения разновременных острогов предпринята археологом А. Р. Артемьевым. В 1991, 1992 и 1997 гг. он во главе экспедиций Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН проводил здесь раскопки. Прежде всего, было установлено, что в целом распространение культурных остатков связано с территорией села. В северной его части на свободной от застройки площадке было вскрыто 440 кв. м. Исходя из анализа материала Артемьев пришёл к выводу, что изучен участок острога, построенного Ф. И. Соимоновым во второй половине XVIII в. [2, с. 61]. Полученные материалы были переданы в Нерчинский краеведческий музей, демонстрируются в экспозиции.

В 2019 г. памятник исследовался археологическим отрядом Забайкальского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» совместно с Забайкальским государственным университетом (ЗабГУ) под руководством А. В. Константинова. К изучению привлекались ООО «Красноярская геоархеология», Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН и Нерчинский краеведческий музей. Установлено, что вокруг села без согласования с органами охраны историко-культурного наследия в 1990-е гг. после очередного наводнения была построена дамба, которая частично наложилась на земляные бастионы XVIII в. На памятнике регулярно «работают» черные археологи, разрушающие культурный слой, нанося урон археологической науке.

Сотрудниками ООО «Красноярская геоархеология» (Л. Л. Галухин, Е. М. Левачева, М. В. Михайлова) составлена топографическая карта с. Михайловка. На карту нанесено местоположение земляных бастионов, раскопов 1990-х гг. Артемьева, по построенной дамбе определены границы объекта археологического наследия [4; 6]. С данной топографиче-

ской картой и полученными космоснимками проводилось сравнение планов Нерчинска, составленных в XVIII в. картографами С. Немцовым и М. И. Татариновым. В результате их наложения установлена локализация острогов и их построек на территории современного села. В результате с долей вероятности становится известно, какие современные сельские усадьбы расположены на местах тех или иных острожных объектов (например, воеводская изба, пороховой погреб, амбар и др.). Тем не менее исторические и современные карты имеют расхождения в результате последующей хозяйственной деятельностью (строительство и реконструкции железной дороги, устройство автомобильного моста через Шилку и дамб). Все это привело к изменению устья Нерчи: вместо ранее существовавшей речной дельты сейчас единое русло.

В 2019 г. на территории села заложено два раскопа. Первый, размерами 2х7 м, на свободной площадке, южнее остатков Троицкой церкви. Выявлена стратиграфия памятника (почвенный слой, аллювиальные отложения, галечник), мощность отложений составила 0,9 м. Культурный слой (до 0,4 м) связан с почвой, зафиксировано большое число находок. По результатам геофизических исследований на этой площадке, проведенных под руководством В. В. Оленченко, выявлен перспективный участок для дальнейших раскопок. Культурный слой, исходя из характера находок и местоположения раскопа, датируется второй половиной XVIII в. Другой раскоп, размерами 2х6 м, был заложен на территории заброшенной усадьбы, в 170 м от остатков церкви. Здесь обнаружено лишь несколько фрагментов керамики. Видимо, раскоп попал на межострожное пространство.

В настоящее время наибольший интерес представляет тыновой острог, построенный в 1658 г. А. Ф. Пашковым, а затем обновлённый (рубленный) в 1689 г. Ф. А. Головиным после заключения Нерчинского договора. Он находится в южной части острова у пешеходного моста через Нерчу. Здесь фиксировался подъёмный материал, в числе которого, например, оказалась находка, которая археологом Ю. С. Орловым во время научной экскурсии была определена как пластинка от куяка – тунгусского доспеха (найдена Н. Н. Константиновой). Ряд сельских усадеб в этой части села заброшены, что позволяет провести здесь раскопки с целью изучения первого Нерчинского острога, о котором на деле мало что известно.

Известно, что переговоры с китайской делегацией и само подписание Нерчинского договора происходили на некотором удалении от стен острога, где были поставлены посольские шатры. Единственно возможное направление в этом случае от острога – восточное. Сейчас в эту сторону по пойме тянутся сельские выпасы для скота. На наш взгляд, следовало бы обозначить это место, своей исторической ролью вызывающее постоянный интерес, каким-либо памятным знаком с упоминанием об исторических персонах, участвовавших в этом событии. Он в свою очередь мог бы стать ещё одной достопримечательностью и своеобразным брендом Забайкальского края.

Наиболее удачным в свете развития исторического туризма, стала бы музеефикация Нерчинского острога: воссоздание его элементов в виде тыновых и рубленых стен, угло-

вой и проезжей башен (в том числе с «боевыми» часами). Хочется, чтобы это не оставалось благой мечтой... Как показывает практика, такое решение возможно лишь с проявлением политической воли. Пример – восстановление церкви в с. Калинино. Разумеется, всё это требует, прежде всего, усилий краевой администрации, соответствующих министерств, научных и проектных организаций. Такой историко-археологический комплекс может стать филиалом Нерчинского краеведческого музея, который готов принять участие в этой работе. Кстати, и жители «Старого города» ожидают положительного решения поставленной проблемы, ведь туристические дивиденды принесут им, может быть и не процветание, но хотя бы житейское благополучие. Поэтому мы вправе поставить вопрос – есть ли будущее у «Старого города»? Или оно, ожидаемое, останется только в мечтах.

Список литературы

1. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.
2. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.
3. Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): материалы Сибирского исторического форума (Красноярск, 23–25 октября 2019 г.). Красноярск: Лаборатория развития, 2019. 461 с.
4. Константинов А. В., Оленченко В. В. Археогеофизические исследования на территории Нерчинского острога // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Чита: ЗабГУ, 2019. Вып. 136. С. 49–57.
5. Константинов А. В. Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 125–136.
6. Константинов А. В., Константинова Н. Н. К истории Нерчинского острога (историко-археологический аспект) // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): материалы Сибирского исторического форума (Красноярск, 23–25 октября 2019 г.). Красноярск: Лаборатория развития, 2019. С. 181–184.
7. Нерчинск / гл. ред. В. А. Дутов; отв. ред. Н. Н. Константинова, А. Ю. Литвинцев. Чита: ЗабГУ, 2013. 342 с.

Сведения об авторах

Константинов Александр Васильевич, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, konstant1956@mail.ru

Константинова Наталья Николаевна, канд. ист. наук, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия, asyapogod@yandex.ru

Information about the authors

Alexander V. Konstantinov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita, Russia, konstant1956@mail.ru

Natalia N. Konstantinova, Candidate of Historical Sciences, Transbaikalian Museum of Local Lore and History named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia, asyapogod@yandex.ru

РАЗДЕЛ II. Российско-китайские отношения на современном этапе

CHAPTER II. Russian-Chinese Relations at the Present Stage

УДК 004(470+571)+(510)

Цифровой Шелковый путь КНР для Центральной Азии

Айнура Майрамбековна Акматалиева

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Бишкек, Кыргызская Республика
akmainura@mail.ru*

Инициатива КНР «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП) позволяет государствам налаживать широкое сотрудничество в рамках цифровой трансформации. По сути ЦШП является цифровым сопровождением проектов в рамках ОПОП, где КНР, преследуя национальные цели развития – делится своими технологиями с заинтересованными государствами в рамках цифровой трансформации. В отличие от трудоемких и затратных транспортно-инфраструктурных проектов, проекты ЦШП наиболее перспективны и эффективны в качестве инструментов для достижения «китайской мечты» и создания «сообщества единой судьбы».

Ключевые слова: Цифровой Шелковый путь, Центральная Азия, китайские технологии, IT-индустрия, электронная торговля, интернет-банкинг, умные города, цифровая трансформация

Cyber Silk Road of China for Central Asia

Ainura M. Akmatolieva

*Kyrgyz-Russian Slavic University named after the Airst President of Russia B. N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyz Republic
akmainura@mail.ru*

The Chinese Digital Silk Road (DSR) initiative allows states to establish broad cooperation as part of digital transformation. In essence, the DSR is digital support for projects within the BRI, where the PRC is pursuing economic development goals – using its technologies with interested states within digital transformation agenda. In contrast to expensive and costly transport and infrastructure projects, DSR is the most promising and effective tool for achieving the “Chinese Dream” and creating a community of shared destiny.

Keywords: Digital Silk Road, Central Asia, Chinese Technologies, IT Industry, e-commerce, Internet banking, Smart Cities, Digital Transformation

В 2023 г. исполнилось ровно 10 лет с момента провозглашения самой амбициозной геополитической и геоэкономической Инициативы «Один пояс – Один путь» со стороны КНР. С тех пор Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) как один из составляющих ОПОП стал широкой платформой для реализации проектов не только в сфере энергетики и транспорта, но позволил Поднебесной стать

одним из ключевых поставщиков цифровых технологий и цифровых решений в республике Центральной Азии [1, с. 64–67].

Инициатива «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП) с 2015 г. позволяет государствам налаживать широкое сотрудничество в рамках цифровой трансформации. Пандемия COVID-19 стала катализатором процессов цифровой трансформации в рамках ОПОП, а

также широкой популярности китайских маркетплейсов. По сути ЦШП является цифровым сопровождением проектов в рамках ОПОП, где КНР, преследуя национальные цели развития – делится своими технологиями с заинтересованными государствами для улучшения трансграничной торговли и магистральной коммуникационной сети в широком понимании. Так Программа «Сделано в Китае – 2025», Государственная стратегия инновационного развития и Инициатива ОПОП стали ключевой платформой для реализации ЦШП. В публичной риторике китайского лидера Си Цзиньпина с 2020 г. концепт ЦШП стал активно использоваться в рамках саммита АСЕАН, а также саммита «Китай-Центральная Азия». Концептуализация ЦШП позволяет рассматривать этот концепт в качестве зонтичной инициативы для всех цифровых платформ КНР, используемых как государственными, так и частными китайскими компаниями для расширения геополитического и геоэкономического влияния КНР. ЦШП позволяет не только улучшать цифровую инфраструктуру стран-партнеров, но и развивать цифровые навыки у граждан.

В отличие от трудоемких и затратных транспортно-инфраструктурных проектов ЭПШП, проекты ЦШП наиболее перспективны и эффективны в качестве инструментов для достижения «китайской мечты» и создания «сообщества единой судьбы». Электронная коммерция, проекты умных или безопасных городов, умных домов как проект «умная юрта» в Монголии, умное сельское хозяйство и проект безопасного туризма в Узбекистане, интернет-банкинг, 5G, сверхбыстрый широкополосный Интернет+, квантовые технологии и т. д. все больше способствуют сотрудничеству между народами вдоль Великого Шелкового пути. По различным оценкам КНР инвестирует в ЦШП 79 млрд долл., что свидетельствует о высокой заинтересованности Поднебесной стать также цифровой сверхдержавой мира.

Все республики Центральной Азии, провозгласив приоритет цифровой трансформации во внутренней политике, на практике все больше становятся зависимыми от китайских цифровых технологий и цифровых решений. В публичном дискурсе цифровизация рассматривается как возможность преодолеть коррупцию, как источник для совершения скачка в экономическом и технологическом развитии, как элемент диверсификации экономики за счет стимулирования креативной экономики, снижения уровня безработицы и оттока насе-

ления в качестве трудовых мигрантов за счет создания удаленных рабочих мест и притока инвестиций, повышения безопасности и т. д. Наиболее наглядными примерами реализованных проектов, с участием КНР являются проекты «Умных» или «Безопасных городов», улучшение мобильной связи и увеличение скорости Интернета, а также популяризация электронной коммерции.

С одной стороны, это обусловлено доступностью китайских технологий для центрально-азиатских республик, где правящие режимы вынуждены в короткие сроки продемонстрировать реальные результаты работы для своего населения, а власти КНР готовы предоставить кредиты на модернизацию. Неудивительно, что львиная доля внешнего долга Кыргызстана (36,9 % на 2024 г.), Таджикистана, Туркменистана уже приходится именно на Китай, а в перспективе скорее будет только увеличиваться [2]. Массовая доступность, развитая система доставок из КНР в республики Центральной Азии, относительно не дорогие цены китайских товаров как смартфоны, планшеты, компьютеры, системы аудио и видеонаблюдения, контрольно-кассовые аппараты, системы навигации, электромобили и т. д. являются ключевыми драйверами их распространности в Центральной Азии.

А с другой стороны, заинтересованность китайских компаний расширять рынки сбыта и государственный подход КНР в расширении своего влияния, позволяют им активно осваивать государства с технологическим отставанием. В этом отношении, сопровождение ОПОП цифровыми платформами в рамках ЦШП является удачным сочетанием, где не только строительство дорог и мостов становится возможным благодаря китайским кредитам, но и цифровизация становится возможной благодаря цифровым технологиям и цифровым решениям китайских компаний и IT-специалистам, массово обучающихся в китайских программах.

В 2020 г. во время саммита «Центральная Азия – Китай» лидеры государств выразили стремление стать частью Цифрового Шелкового пути (ЦШП). Центральноазиатские государства нуждаются одновременно как в физической инфраструктуре, так и в программах по цифровизации. КНР столкнулся в сфере цифровизации в Центральной Азии с необходимостью улучшения «софт и хард» инфраструктуры – проведение волоконно-оптической сети, предоставление цифровых технологий и программ для управления данными, а самое

главное с дефицитом IT-специалистов. Эти проблемы на сегодняшний день решаются благодаря активной роли китайских компаний как Huawei и ZTE, а также ряда малых компаний. Узбекистан и Казахстан являются ключевыми странами для китайских компаний по цифровизации, в силу демографических показателей и широкой территории.

Китайские компании *Huawei* и *ZTE* являются лидерами в странах Центральной Азии по теле-коммуникационным системам, внедрению 4G и 5G технологий в Узбекистане, Таджикистане и Казахстане, созданию умных городов, умного сельского хозяйства и проекта безопасного туризма в Бухаре, Узбекистан.

Компания *Huawei* одной из первых начала свою деятельность в регионе с 1997 г., когда заключила соглашение с Узбекистаном по модернизации телекоммуникационной системы республики стоимостью в 21,2 млн долл., а с 2011 г. помогает внедрять технологии 5G в 18 млн. долл. Уже с 2019 г. Узбекистан начал реализацию проектов по созданию «Умных городов» в общей сложности в 1 млрд долл. [3]

Система видео-идентификации гражданина в общественных местах, стала возможной благодаря китайским компаниям с 2019 г., когда начали их активно внедрять в Кыргызстане в рамках проекта «Безопасный город», а в Узбекистане даже использовали во время проведения вступительных экзаменов в вузы. Далее оплата метро в Казахстане стала возможной по *Face Pay* с конца 2023 г. система, использующая искусственный интеллект определяет биометрию лица, распознает пассажира через камеру и позволяет автоматически банку списывать оплату за проезд. Аналогичная система действует в Ташкентском метро с осени 2023 г. [4].

Китайские компании за последние годы заметно увеличили количество IT-академий и специализированных курсов для подготовки специалистов в Центральной Азии. В Казахстане по различным оценкам около 5 тыс. студентов уже прошли обучение в IT-академиях Huawei [5]. По различным данным, прохождение обучения в этих курсах больше способствует трудоустройству в самой компании, что свидетельствует о стремлении Huawei иметь своих центральноазиатских IT-специалистов.

В 2024 г. компания *Huawei* провела в Казахстане так называемый, коммерческий роуд-шоу, где продемонстрировала свои передовые технологии в области связи, хранения

данных, облачных вычислений, искусственного интеллекта и Интернета вещей. Проекты умных городов в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, активно используют китайские технологии – видеокамеры, программы для распознавания лиц, а также центры для обработки данных, обеспечивая круглосуточный мониторинг на дорогах и в общественных местах. С введением проектов «Безопасный город» снизилось количество нарушений на дорогах, количество нарушений порядка в общественных местах, в отдельных случаях правоохранительные учреждения отлавливают преступников и лиц, находящихся в поиске через видеокамеры, бюджет начал получать доходы от граждан в виде штрафов и т. д.

Однако существуют резонные вопросы о безопасности хранения данных граждан, исключение сценариев цифрового шпионажа, цифрового удаленного управления, а также незаконное использование персональных данных граждан и т. д. Это также может использоваться для усиления авторитарных устремлений правящих режимов [6].

Другим важным направлением ЦШП является электронная коммерция (e-commerce). Товарооборот между КНР и регионом Центральной Азии в 2023 г. составил 70,2 млрд долл. Это значительно выше стартового уровня 1992 г. когда показатели составляли 460 млн долл. КНР является крупнейшим торговым партнером Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, вторым у Казахстана и третьим у Таджикистана [7]. Точных данных по электронной коммерции между государствами нет, однако известно, что граждане Центральной Азии активно используют китайские маркет-плейсы для заказа товаров из КНР как *Alibaba, 1688, Taobao, Pinduoduo* и т. д. для личных пользования и перепродажи. Заметно увеличилось количество частных лиц и компаний, предоставляющих услуги по выкупу товаров в КНР – скупщики (*buyer*), карго-компаниям по перевозке заказанных товаров и т. д. Известно, что КНР планирует создание Единой трансграничной таможенной цифровой платформы для обеспечения прозрачности и эффективности таможенного контроля на границах всех стран, вдоль которых проходят китайские товары. На данном этапе из-за наличия коррупционных схем в таможенной системе ряда государств, а также логистических трудностей, точные данные о взаимной торговле между странами значительно могут отличаться.

Таким образом, провозглашенная инициатива ЦШП является цифровым сопровождением проектов ОПОП/ЭПШП. В Центральной Азии электронная коммерция, сфера коммуникации и цифровых технологий, создание так называемых умных городов, а также раз-

витие цифровых платформ по оказанию государственных услуг являются наиболее перспективными стратегическими инструментами КНР по созданию пояса «дружелюбного соседства» в рамках сообщества единой судьбы в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Акматалиева А. М. Цифровизации в государствах Центральной Азии и проекты «умных городов» // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф.: в 3 ч. / гл. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 64–67.
2. Минфин: внешний долг Кыргызстана снизился. Текст: электронный // ВТБ БАЙ ТУШУН БАНК. URL: https://kaktus.media/doc/500957_minfin:_vneshniy_dolg_kyrgyzstana_snizilsia.html (дата обращения: 08.08.2024).
3. Китай выделит Узбекистану 1 млрд долларов на систему. «Безопасный город». Текст: электронный // REWIEW.UZ. URL: <https://review.uz/post/kitaj-vydelit-1-mldr-na-vnedrenie-sistemy-bezopasnyj-gorod-v-regionah-uzbekistana> (дата обращения: 12.05.2024).
4. В метро Ташкента тестируют оплату через Face ID. URL: <https://rus.ozodlik.org/a/32604399.html> (дата обращения: 12.05.2024). Текст: электронный.
5. Juraev S. Central Asia between Digital Silk Road and Digital Silk Way. RIAC, April 4, 2024. Текст: электронный // RIAC. RUSSIAN INTERNATIONAL AFFAIRS COUNCIL. URL: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/sh-Juraev/central-asia-between-digital-silk-road-and-digital-silk-way> (дата обращения: 08.08.2024).
6. China's growing influence in Central Asia through surveillance. URL: <https://api.caspianpolicy.org/media/uploads/2020/09/PB-Chinas-growing-influence-in-CA-through-surveillance-systems.pdf> (дата обращения: 08.08.2024). Текст: электронный.
7. China international import expo. Текст: электронный // CHINA INTERNATIONAL IMPORT EXPO. URL: <https://www.cii.org/zbh/en/news/exhibition/focus/20230518/37515.html> (дата обращения: 08.08.2024).

Сведения об авторе

Акматалиева Айнура Майрамбековна, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика, akmainura@mail.ru

Information about the author

Ainura M. Akmatilieva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the Airst President of Russia B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic, akmainura@mail.ru

УДК 327(470+571)+(510)+(925.3)

Роль России и Китая в Центральной Азии через призму китайского экспертного дискурса

Яна Валерьевна Лексютина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
lexyana@yandex.ru

Наблюдаемая со второй половины 2022 г. резкая активизация дипломатической активности Китая в Центральной Азии ставит перед профильными экспертами исследовательский вопрос выявления мотивов и направленности возросшего внимания Пекина к региону. В данной статье приводятся результаты проведенного мониторинга научных статей, опубликованных китайскими учеными в период с 2022 по начало 2024 г. и раскрывающих китайское видение и толкование развивающихся трендов во внешнеполитической стратегии Китая в Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, Россия, Центральная Азия, экспертные оценки, сотрудничество, Большая игра

Финансирование: статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00249 (<https://rscf.ru/project/24-28-00249>).

Chinese Expert Discourse on the Role of Russia and China in Central Asia

Yana V. Leksyutina

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
lexyana@yandex.ru

The sharp intensification of China's diplomatic engagement with Central Asia since roughly the second half of 2022 poses a research question for relevant experts to identify the motives and direction of Beijing has increased attention to the region. This article presents the results of the monitoring of scientific articles published by Chinese scientists in the period from 2022 to early 2024 and revealing the Chinese vision and perspective of developing trends in China's foreign policy in Central Asia.

Keywords: China, Russia, Central Asia, expert opinion, cooperation, Great Game

Funding: This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00249 (<https://rscf.ru/project/24-28-00249>).

Последние, по меньшей мере, полтора десятилетия отмечены высокой динамикой расширения взаимодействия Китая со странами Центральной Азии. В китайских внешнеполитических расчетах среди других развивающихся регионов Центральная Азия занимает особое место, а внешнеполитическая стратегия обладает своей спецификой. Регион, в силу особенностей географического положения и исторического прошлого, рассматривается в связке с вопросами решения уйгурского вопроса и придания импульса экономическому развитию Синьцзян-Уйгурского автономного района; регион ценен как крупный экспортер трубопроводного нефти и газа в Китай, покрывающий значительную часть потребностей страны в них; регион важен и как сухопутный транспортный коридор, связывающий Китай с европейским рынком и рынками Ближнего Востока. В концептуальном плане, Центральная Азия занимают важное место на всех четырех уровнях современной китайской дипломатии: на уровне «добрососедской дипломатии» (周边外交) благодаря географическому соседству; на уровне «дипломатии в отношении развивающихся стран» (发展中国家外交) в силу принадлежности стран региона к кругу развивающихся; на уровне «многосторонней дипломатии» (多边外交) ввиду наличия многосторонних механизмов, включающих страны региона и Китай; на уровне «дипломатии в отношении крупных держав» (大国外交) из-за соперничества великих держав в Центральной Азии.

Спецификой внешнеполитического подхода Китая к региону всегда было признание особого места России в Центральной Азии и неперенный учет российского фактора при проведении политики в этом регионе. Соответствующие представления и установки широко представлены в китайском экспертном дискурсе. Так, в частности, китайский эксперт Цзэн Сянхун характеризует сложившийся по-

сле распада Советского Союза региональный порядок в Центральной Азии как «квазиоднополярный» с доминирующим влиянием России на региональные процессы [2, с. 38]. Другой китайский эксперт, Ли Хупин, пишет о том, что после образования независимых государств в Центральной Азии Пекин, рассматривая ее как «стратегический задний двор» России, и в то же время как «общее соседство» (共同的周边) Китая и России, встал на путь отказа от оспаривания особого статуса России в регионе и занялся поиском таких форм и форматов взаимодействия с регионом, которые не вызывали бы неприятия со стороны Москвы [1, с. 54]. Такой институциональной формой стала созданная в 2001 г. ШОС, позволившая Китаю в сотрудничестве с Россией активно участвовать в делах региона, развивать многосторонне взаимодействие со странами Центральной Азии и реализовывать свои цели и интересы в регионе. Обнародованное в мае 2015 г. президентом РФ В. В. Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином совместное заявление о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, а также заключенное в 2018 г. соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР также следует интерпретировать в соответствующем ключе, а именно как меры Китая и России по сestyковке китайских и российских региональных интересов.

Большое влияние на регион и расстановку там внешних сил мог оказать, по мнению китайских исследователей, новый виток украинского кризиса. После начала СВО России на Украине в феврале 2022 г. достаточно распространены в Китае, особенно в первый год проведения военной операции, стали опасения в связи с тем, что России, сосредоточенной на украинской ситуации и преодолении введенных против нее санкций, может не хватить сил и ресурсов на Центральную Азию,

что способно привести к возникновению вакуума силы, который поспешат заполнить США и их союзники. Цзэн Сяньхун, затрудняясь давать прогнозы относительно возможного снижения способности России контролировать евразийское пространство, между тем указал на получившую развитие тенденцию расширения присутствия в Центральной Азии целого ряда игроков, включая США, ЕС, Индию, Турцию, Японию и др. [2, с. 39].

В целом, в китайской экспертной литературе в первый год проведения Россией СВО на Украине достаточно широко присутствовали прогнозы о вероятном ослаблении влияния России в Центральной Азии. Цзэн Сяньхун и Хань Яньсюн, в частности, отмечали происходящие во внешней политике центральноазиатских государств корректировки на трех уровнях: на уровне отношений с крупными державами страны Центральной Азии «отстраняются от России» (疏俄), «сближаются с США» (亲美), «приближаются к Европе» (近欧) и повышают стратегический статус дипломатии с Китаем; на уровне отношений с соседними странами они укрепляют отношения с Турцией, Саудовской Аравией, Ираном и другими соседними странами, особенно в области энергетики и транспорта; на уровне отношений со странами региона ускоряется процесс регионального сотрудничества [4, с. 73]. По оценкам этих экспертов, эскалация украинского кризиса в 2022 г. побудила страны Центральной Азии начать в определенной степени дистанцироваться от России в экономическом плане и искать внешнюю поддержку (в т. ч. на Западе) для преодоления своих экономических трудностей [Там же, с. 78], продолжая при этом полагаться на Россию в вопросах безопасности. Отношения между странами Центральной Азии и Россией стали демонстрировать бинарные характеристики «зависимости» и «отчуждения» [Там же, с. 81].

Важное место в рассуждениях китайских экспертов о влиянии украинского кризиса на расстановку внешних сил в Центральной Азии занимают США и их политика в регионе. По мере ужесточения китайско-американского стратегического соперничества, в Пекине растут опасения в связи с тем, что Вашингтон будет использовать Центральную Азию для сдерживания Китая. Цзэн Сяньхун обращает внимание на то, что географическое положение Центральной Азии делает ее лучшим плацдармом для реализации США и его союзниками стратегии «двойного сдерживания» России и Китая [2, с. 40]. Так, например, в свое

время решение о выводе американских войск из Афганистана в августе 2021 г. в Китае расценивали как направленное на сдерживание России и Китая путем дестабилизации региональной ситуации. Более того, как указывают китайские эксперты, после вывода своего воинского контингента из Афганистана, США неоднократно пытались разместить свои военные базы в Центральной Азии, рассматривая Таджикистан и Узбекистан в качестве перспективных партнеров [5, с. 120]. Такие шаги, как интенсификация визитов американских высокопоставленных лиц в регион, предоставление военно-технической помощи странам региона или, как частный случай, организация Центральным командованием США в Таджикистане в августе 2022 г. военных учений «Региональное сотрудничество-2022» с участием Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Монголии и Пакистана, китайские эксперты рассматривают как попытки администрации Дж. Байдена ослабить влияние Китая и России в вопросах безопасности в Центральной Азии.

В Пекине также подозревают, что США попытаются сдержать экономическое развитие Китая и его региональное влияние путем блокирования инициативы «Пояс и путь» в Центральной Азии, подорвать отношения Китая со странами Центральной Азии и использовать страны Центральной Азии для вмешательства во внутренние дела Китая [Там же, с. 133]. Серьезные опасения в Китае вызывает нарастающее противодействие со стороны Вашингтона в области инфраструктурного развития в регионе. Так, в марте 2021 г. во время телефонного разговора с тогдашним премьер-министром Великобритании Б. Джонсоном президент США Дж. Байден предложил разработать инфраструктурный план под руководством демократических стран, способный конкурировать с китайской инициативой «Пояс и путь». В развитие этих планов в ходе саммитов «Группы семи» в 2021 г. и 2022 г. были предложены соответствующие инициативы: глобальная инициатива «Построим лучший мир» («В3W») и план «Глобальное инфраструктурное партнерство» соответственно. Цзэн Сяньхун и Пан Вэйхуа убеждены, что эти инициативы направлены на сдерживание развития «Пояса и пути» в условиях институциональной конкуренции [Там же, с. 119–120].

В целом, выстраивая свою политику в отношении Центральной Азии, Китай уделяет большое внимание складывающейся там расстановке внешних сил (безусловно, учитывая

ются и другие факторы, в т. ч. происходящие в самом регионе изменения и трансформации и пр.). СВО России на Украине и введенные против России многочисленные санкции оцениваются в Пекине как способные оказать влияние на позиции России в Центральной Азии и создающие возможность для реконфигурации расстановки внешних сил в регионе. При этом, как следует из многих китайских экспертных публикаций, сильно интенсифицировавшаяся с 2022 г. активность Китая в регионе (что, в частности, находит отражение в создании нового многостороннего механизма взаимодействия «Китай + пять стран Центральной Азии») направлена не на подрыв российских позиций в регионе, а на недопущение усиления роли в регионе сил, которые проводят в отношении Пекина недружественную политику (на текущем этапе это США). Как подчеркивают Цзэн Сяньхун и Пан Вэйхуа, эффективность участия Китая в делах Центральной Азии в известной степени зависит от степени координации между Кита-

ем и Россией и, сталкивается ли Китай с конкуренцией великих держав или просто выстраивает отношения со странами Центральной Азии, в регионе он не может обойтись без стабильных китайско-российских отношений [5, с. 130]. Благодаря стратегическому сотрудничеству с Россией Китай может лучше защищать свои интересы в Центральной Азии и постепенно расширять свое влияние [Там же, с. 116]. Преобладающим мнением среди китайских экспертов является то, что Китай и Россия не имеют серьезных разногласий и конфликта интересов, они могут эффективно координировать свои действия по двусторонним и многосторонним каналам, формируя, таким образом, модель взаимного уважения и сотрудничества в Центральной Азии [3, с. 45]. Такого подхода Китай придерживался на протяжении трех десятилетий взаимодействия с регионом и, как следует из анализа китайских экспертных публикаций 2022–2024 гг., продолжает придерживаться и в новой геополитической ситуации и контексте.

Список литературы

1. 李虎平。大国博弈与中亚地区安全公共产品供给——兼论中国的战略选择 // 新疆大学学报 (哲学·人文社会科学版) = Ли Хупин. Игра великих держав и предоставление общественных благ в области безопасности в Центральной Азии – о стратегическом выборе Китая // Журнал Синьцзянского университета (издание «Философия. Гуманитарные и социальные науки»). 2022. Т. 50, № 2. С. 47–55.
2. 曾向红。地缘政治博弈与中亚地区秩序 // 国际关系与地区形势 = Цзэн Сяньхун. Геополитическая борьба и региональный порядок в Центральной Азии // Международные отношения и региональная ситуация. 2022. № 12. С. 38–42.
3. 曾向红。“无声的协调”: 大国在中亚的互动模式新探 // 世界经济与政治 = Цзэн Сяньхун. «Тихая координация»: новое исследование модели взаимодействия великих держав в Центральной Азии // Мировая экономика и политика. 2022. № 10. С. 42–70.
4. 曾向红, 韩彦雄。中亚五国外交政策调整新动向及其影响 // 新疆社会科学 = Цзэн Сяньхун, Хань Яньсюн. Новые тенденции в корректировке внешней политики и ее влияние в пяти странах Центральной Азии // Синьцзянские социальные науки. 2023. № 2. С. 73–82.
5. 曾向红, 庞卫华。美国对华竞争加剧背景下中亚国家外交政策的新变化 // 国际展望 = Цзэн Сяньхун, Пан Вэйхуа. Новые изменения во внешней политике стран Центральной Азии в условиях обострения конкуренции между США и Китаем // Международная перспектива. 2023. Т. 15, № 3. С. 115–134.

Сведения об авторе

Лексютина Яна Валерьевна, д-р полит. наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, lexyana@yandex.ru

Information about the author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the American Studies Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, lexyana@yandex.ru

УДК 004(470+571)+(510)

Инновационное и информационное сотрудничество России и Китая**Евгений Григорьевич Брындин***Исследовательский центр «ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА», г. Новосибирск, Россия
bryndin15@yandex.ru*

Вектор международного инновационного и информационного сотрудничества Российской Федерации ориентируется на государства-партнеры в рамках БРИКС, в рамках стратегии развития страны на долгосрочный период. Статья посвящена развитию отношений и различных форматов сотрудничества России и Китая. Актуальным форматом на данном этапе становится межрегиональное международное сотрудничество с Китаем. Актуальным направлением взаимодействия является инновационное информационное сотрудничество на региональных издательских цифровых платформах.

Ключевые слова: инновационное взаимодействие, информационное межрегиональное сотрудничество, Hong Kong, Новосибирск

Innovation and Information Cooperation between Russia and China**Evgeny G. Bryndin***Research Center for NATURALINFORMATICS, Novosibirsk, Russia
bryndin15@yandex.ru*

The vector of international innovation and information cooperation of the Russian Federation is oriented toward partner states within the BRICS framework, as part of the country's long-term development strategy. The article is devoted to the development of relations and various formats of cooperation between Russia and China. Interregional international cooperation with China is becoming a relevant format at this stage. Innovative information cooperation on regional publishing digital platforms is becoming a relevant area of interaction.

Keywords: Innovative Interaction, Information Interregional Cooperation, Hong Kong, Novosibirsk

Введение. С 2023 г. расширяется инновационное информационное региональное сотрудничество России и Китая [1; 2]. Михаил Мишустин в ходе встречи с Си Цзиньпином сконцентрировали внимание на кооперации стран в высокотехнологичных сферах и на выработке стратегии инновационного информационного развития и форм регионального взаимодействия.

В 2024 г. активизировалось сотрудничество регионов друг с другом. Масштабное межрегиональное взаимовыгодное сотрудничество призвано укреплять контакты и в целом активизировать взаимодействие между регионами двух стран.

В современных условиях приобретает актуальность взаимодействие в научной, образовательной и издательской деятельности на межрегиональном уровне на цифровых платформах.

1. Китайские издательские цифровые платформы. Китай входит в число крупнейших рынков цифровых издательских услуг в мире. В Китае развитая цифровая издательская индустрия. Около 90% издательств Китая выпускают цифровую продукцию. Число пользователей цифровых издательских продуктов растет ежегодно в связи с популярностью цифровых технологий.

Сегодня в Китае существует более 10 000 академических журналов по разным направлениям. В 2023 г. сообщалось, что Китай стал одной из ведущих стран мира, как по результатам научных исследований, так и по высоко цитируемым академическим статьям.

Многие научные журналы в Китае поддерживаются центральными, региональными или местными органами власти. Некоторые научные журналы принадлежат профессиональным ассоциациям. Частных научных журналов очень мало. Некоторые журналы, в основном поддерживаемые национальным правительством, считаются высоко престижными журналами, и авторы отдают предпочтение этим журналам для своих лучших статей. Большинство академических журналов индексируются основными индексными службами Китая.

Научные журналы в Китае в основном публикуются ежемесячно, раз в два месяца или ежеквартально. Некоторые из них публикуются два раза в месяц. Среднее время публикации составляет полмесяца. Много журналов выпускается в печатном виде и в электронном виде. Большинство научных журналов в Китае издаются на китайском языке; у некоторых есть английские переводы аннотаций исследовательских статей. На английском языке издается около 200 научных журналов. Боль-

шинство статей, опубликованных в англоязычных научных журналах в Китае, индексируются индексами научного цитирования и инженерным индексом.

По состоянию на 2023 г. в исследовании, опубликованном национальным институтом научно-технической политики Японии (NISTEP), сообщалось, что Китай стал одной из ведущих стран по производству как высококачественных, так и большого количества научных работ. На его долю приходилось 30% самых цитируемых статей мира, выйдя на глобальное лидерство и обогнав США, которые заняли второе место.

Актуальными аспектами инновационного информационного сотрудничества являются интеллектуальные права, информационная безопасность и стандартизация искусственного интеллекта для его безопасного применения на цифровых издательских платформах. Растущая популярность цифрового издательства требует защиты интеллектуальной собственности. Для этого приняты законодательные и нормативные акты защиты интеллектуальной собственности на цифровых издательских платформах. Принятые меры обязывают разработчиков цифровых издательских систем обеспечивать контроль контента, нахождение заимствованных текстов и сотрудничество с правообладателями.

2. Межрегиональное сотрудничество «Pioneer Academic Publishing Limited Hong Kong» и «ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА». Чтобы новые знания могли быть использованы, необходимо донести их или информацию о них до реальных потребителей. Базы данных научных публикаций являются инструментом поиска и анализа новых знаний. Региональные указатели позволяют проводить оценку научной деятельности исследователя или организации. Научные журналы являются источником информации о результатах научной деятельности в конкретной области исследований. Все это позволяет развивать научные исследования, представляющие интерес для научного сообщества и, следовательно, способствующие появлению новых научных публикаций и развитию научных направлений.

Достигнутые договоренности России и Китая по межрегиональному сотрудничеству и издательской деятельности на территории обоих государств позволили Новосибирскому исследовательскому центру ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА в 2023–2024 гг. на платформе издательства «Pioneer Academic Publishing Limited Hong Kong» взаимодействовать с журналами

по нескольким направлениям научных исследований, по информационным, экономическим, социальным, образовательным, космическим и медицинским технологиям.

Издательства «Pioneer Academic Publishing Limited Hong Kong» публикует научные статьи в следующих журналах:

- *Journal of World Economy*;
- *Journal of Progress in Engineering and Physical Science*;
- *Journal of Advanced Research in Education*;
- *Journal of Research in Social Science and Humanities*;
- *Current Research in Medical Sciences*;
- *Other Journals*.

В 2023 г. издательство «Pioneer Academic Publishing Limited Hong Kong» опубликовало научные статьи в перечисленных выше журналах. Во-первых, две по интеллектуальным системам, во-вторых, одну по экономике, в-третьих, четыре по социальным технологиям, одна из которых посвящена безопасному мировому порядку [3], в-четвертых, две по образовательным технологиям, одна из которых посвящена развитию знаний [4], в-пятых, одну по космической технологии, в-шестых, одну по медицинской технологии.

В 2024 г. издательство «Pioneer Academic Publishing Limited Hong Kong» опубликовало научные статьи в перечисленных выше журналах, во-первых, одну по интеллектуальной экономической платформе [5], во-вторых, одну по социальной технологии, в-третьих, две по космическим технологиям <https://actascientific.com/ASAP-Current-Issue.php> Взаимодействие продолжается по остальным направлениям исследований.

Научные публикации являются средством коммуникации, анализа и оценки исследовательской деятельности.

Сотрудничество с журналами издательства «Pioneer Academic Publishing Limited Hong Kong» позволяет знакомить китайских ученых и исследователей с новыми исследованиями и получить международную экспертизу на них исследовательскому центру. «ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА». Материалы опубликованных статей в издательстве «Pioneer Academic Publishing Limited Hong Kong» используют преподаватели и студенты различных университетов.

3. Образовательное межрегиональное сотрудничество России и Гонконга. Университеты некоторых регионов России сотрудничают с университетами Гонконга. Университет образования Гонконга и Санкт-Пе-

тербургский политехнический университет взаимодействуют с 2019 г., а Балтийский федеральный университет с 2021 г. проводят совместные исследования в области когнитивной нейронауки. Радиотехнический, классический и медицинский университеты Рязани активизируют сотрудничество с соответствующими университетами Гонконга.

Образовательное сотрудничество расширяет доступ к современным знаниям. Усвоение современных знаний и процесс развития знаний являются важным этапом инновационного развития. Взаимодействие позволяетзнакомиться с образовательными системами двух стран; наладить рабочие контакты в целях проведения в перспективе совместных научно-исследовательских работ.

Особое внимание уделяется сотрудничеству по направлению цифрового образования, в том числе обмену опытом по созданию национальных цифровых платформ и внедрению искусственного интеллекта в профильную сферу. В Китае более 25 открытых цифровых платформ онлайн курсов. Большинство этих платформ предлагают курсы, созданные китайскими университетами.

Министерство образования Китая продолжает реализовывать национальную стратегию оцифровки, которая распространяется на онлайн образование. Комплексный веб-сайт "Chinaoos", запущенный в 2023 г., централизует все платформы MOOC (модульных открытых онлайн курсов), позволяя студентам искать курсы, предлагаемые поставщиками, через единый портал.

"Tencent Classroom" – это китайская платформа онлайн обучения для профессионального образования, охватывающая широкий спектр предметов, включая разработку программного обеспечения, дизайн, подготовку к экзаменам, язык.

"iMOOC" представляет собой платформу онлайн обучения, ориентированную на образование информационных технологий. Он предлагает более 3 000 онлайн курсов, структурированных по карьерным направлениям, охватывающим фронтенд разработку, серверную разработку, мобильную разработку, основы информатики, искусственный интеллект, разработку данных, анализ данных, тестирование программного обеспечения и дизайн.

"Nocturne Programming" – это интерактивная платформа обучения программированию. Предлагает курсы "Python" по визуализации, парсинг веб-страниц и искусственный интеллект.

Заключение. Исследовательский центр «ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА» планирует сотрудничать на цифровых площадках других китайских издательств, чтобы расширить коммуникацию с региональными исследователями, вести диалог и в будущем выйти на совместные научные исследования. Это позволит углублять связи по стратегическим направлениям высокотехнологичного взаимодействия и развивать регионально-частное партнерство с учеными и исследователями обоих государств.

Инновационные информационные цифровые платформы в эпоху быстрой смены профессий используются в системе виртуального образования. Через систему виртуального образования человек может получать одновременно несколько профессий, или получить другую профессию, совмещая работу.

Инновационные информационные цифровые образовательные платформы помогают работодателям делать заявки на подготовку кадров учебным заведениям, а также самим готовить специалистов на них в виртуальном режиме.

Список литературы

1. Трофимова И. Н. Публикационная активность в контексте целевых ориентиров научной политики // Научные и технические библиотеки. 2023. № 2. С. 59–79.
2. РД МНТС инициировал создание инновационной платформы на 26-м заседании Российско-китайской подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству. 30.08.2022. РД МНТС. Текст: электронный // Российский дом международного научно-технического сотрудничества. URL: <https://rd-mnts.ru/novosti/tpost/rvapvt3bv1-rd-mnts-initiisiroval-sozdanie-innovatsio> (дата обращения: 08.08.2024).
3. Bryndin E. Formation of Fair and Safe World Order at the BRICS+ Platform // Journal of Research in Social Science and Humanities 2023. Vol. 2. P. 40–44.
4. Bryndin E. Formation and Development of Scientific Knowledge and Research to the Use of Natural Technologies // Journal of Advanced Research in Education. 2023. Vol. 2.
5. Bryndin E. Sovereign Intelligent Platform Economy on BRICS+ Platform // Journal of World Economy. 2024. Vol. 3.

Сведения об авторе

Брындин Евгений Григорьевич, Исследовательский центр «ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА», г. Новосибирск, Россия, bryndin15@yandex.ru.

Information about the author

Evgeny G. Bryndin, Research Center for NATURALINFORMATICS, Novosibirsk, Russia, bryndin15@yandex.ru.

УДК 165.612(510)

Перспективы «сотрудничества» философии и китайской традиционной мысли

Ирина Михайловна Цибизова

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
г. Москва, Россия
itsibizova@mail.ru*

В статье на основе анализа значительного количества англоязычных публикаций даётся оценка потенциальной возможности «сотрудничества» философии и традиционной китайской мысли. Отмечается, что взаимодействие западной и восточной мысли представляется очень перспективным, поскольку способно вызвать возвращение от абстрактного, искусственно разделенного знания с противопоставлением субъект/объект к мудрости.

Ключевые слова: традиция, знание, философия, мысль, даосизм, конфуцианство, Китай

Prospects of “Cooperation” between Philosophy and Chinese Traditional Thought

Irina M. Tsibizova

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
itsibizova@mail.ru*

Based on the analysis of a significant number of English-language publications, the article attempts to assess the potential for “cooperation” between philosophy and traditional Chinese thought. It is noted that the interaction of Western and Eastern thought seems very promising, since it can cause a return from abstract, artificially divided knowledge with the opposition of subject/object to wisdom.

Keywords: Tradition, Knowledge, Philosophy, Thought, Taoism, Confucianism, China

В свете 335 годовщины установления дипломатических отношений России с Китаем предлагается поразмыслить об одной из граней взаимоотношений между странами, а именно перспективах, связанных с взаимодействием философии с китайской традиционной мыслью, которое способно помочь в выходе из тупика, в котором, по мнению многих мыслителей, находится западная философия.

Стоит напомнить, что в китайский язык понятие «философия» пришло поздно, лишь в XIX в. и обозначает именно академическую дисциплину «любителей Софии», с которой познакомил Китай Запад. В середине XIX в. японский философ Нисэ Амане изобрел термин *тетсугаку* для обозначения философии академических институтов Запада. Слово «мудрость» (*кен, ken*) он сознательно заменил на «ясность» (*мецу, tetsu*), предлагая понимать философия как науку, основанную на реальностях мира. В китайский язык термин позднее передался как *чжэйсюэ (zhexue)*. Таким об-

разом, понимание западной академической дисциплины как «любви к мудрости» отсутствует и в Японии, и в Китае [14, с. 8].

Западные ученые¹ сосредоточены на знании. Мудрость же означает нечто большее, чем простое знание, и обладает практическим компонентом: мудрыми считаются люди, знающие не только множество вещей, но и как жить. Т. Хондерич в Оксфордском Введении в философию определил ее как форму понимания, объединяющая рефлексивную (созерцательную) позицию и практические соображения [цит. по: 1, с. 125].

Сосредоточенность на абстрактном чистом знании при искусственно введенных системных различиях критиковали и М. Хайдеггер и Чжуан-Цзы (Чжу Си). Первый считал, что репрезентативная и пропозициональная мысль с различением субъект-объект вызывают забвение *Бытия*, а Чжуан-цзы видел в искусственном различении уровней потерю

¹ Российские мыслители пользуются понятийным аппаратом и методологиями западной философии.

дао, поскольку мышление связано с конкретным существованием. Оба мыслителя рассматривали различие между знанием и мудростью как таковое между неверным и верным мышлением [1, с. 126].

Хотя знание в конфуцианстве ценится, оно не всегда благо, если оторвано от конкретной ситуации. Даосизм же отвергает абстракцию, поскольку знание, переводясь в категории, отвергает от этой ситуации внимание. «Дао де цзин» предупреждает против кумулятивного искусственного знания, отвлекающего от ежедневного прокладывания пути дао. Идеальное знание извлекается из сердца. Осуждает знание с фиксированными принципами, останавливающее дао. Напрашиваются аналоги с современными предложениями западных философов витализировать философию, рассматривать все в комплексе и развитии². Даосизм же традиционно стремится понять целостность и непрерывность, не разделяя ничего на части. Мудрость и заключается в понимании глубокой взаимозависимости и взаимоотношениях между людьми и миром [Там же, с. 130]. Разделять означает оставить что-то неразделенным, различать альтернативы – оставить что-то без альтернативным, делать это – не суметь что-то понять.

Хайдеггер придерживался похожей позиции, делая различие между научной/вычисляющей (*Wissenchaft*) и репрезентативной/символизирующей (*Vorstellen*) мыслью с одной стороны, и мышлением (*Denken*) и осознанностью или рефлексированностью (*Besinnung*), с другой. Наука не думает и не может думать, используя ограниченный подход субъект-объект при рациональном осмыслении. Попытки философии возвыситься до науки (аналитическая философия, логический позитивизм) – отказ от сущности мышления. Различение им научного и «реального» знания или мышления подобно различению Чжуан-цзы. Согласно Хайдеггеру, люди знают не цели, но лишь путь [Там же, с. 131]. Подобная мудрость связана с Бытием, а надежды – с возвращением или нахождением обновленного значения Бытия и соответствующего образа жизни [Там же, с. 132]. По словам Чжуан-цзы, мудрейший, обладая полным видением далекого и близкого, не принижает мень-

шего и не возвеличивает большего, зная, что у измерения нет пределов. У Хайдеггера расчитывающая и репрезентативная мысль не могут возвыситься до *Denken* (мышления) и *Besinnung* (мысли созерцательной), но это не означает отсутствия места для их существования. И Хайдеггер и Чжуан-цзы соглашались в том, что знание отвлекает/абстрагирует от мира, а реальное знание или мудрость возвращает в него [Там же, с. 134]. *Dasein*, «бытие там», понимается как принадлежность, которая, сохраняясь на земле, относится к прояснению бытия. Мудрость в осознании к принадлежности к миру, Бытию. Оно ввергнуто в мир (*Geworfen*), неким образом созвучно/гармонично ему (*Befindlichkeit* и *Stimmung*). Важно знание «как», а не «что» и «почему» [Там же, с. 136]³. Разделение мышления и мира искусственное. В высказывании Парменида «мышление и бытие – одно и то же» для Хайдеггера «то же» – не идентичность, но форма принадлежности друг другу. Мудрость лежит в признании связи всех друг с другом как мыслящих существ в Бытии [Там же, с. 137]. Немецкий и китайский мыслители стремятся преодолеть разделение человека и мира, вызванное, по Хайдеггеру, доминированием метафизического мышления, по Чжуан-цзы, – конфуцианских и моистских методов дискредитации или разделения мысли [Там же, с. 137, 138]. Согласно Чжуан-цзы, бытие в мире – не попытки избежать его, не полная потеря себя в нем, но погружение и рефлексия о его изменяющейся природе, и это мудрость [Там же, с. 139]. У немецкого мыслителя Бытие воплощается посредством живущих. В китайской философии именно человек прокладывает путь, расширяет и освещает дао, а не путь просветляет его [Там же, с. 143].

Многие мыслители считают жесткое разграничение западной и восточной мысли искусственным, находя ряд объединяющих их вещей.

Мэй Сим, ведущая Бостонский региональный коллоквиум по античной европейской и древней китайской философии, подчеркивает, что для Аристотеля философия – поиск первопринципа всех вещей или первоначальной сущности (*ousia*) – того, что предшествовало множеству существующих вещей, согласно Чжу Си, мудрости/знания достигает тот, кто знает принцип ли, вызывающий все остальное. Любовь к мудрости для них приняла форму постановки вопросов о Бытии или Одним принципе всех вещей [13, с. 111]. У Чжу

² В частности, преподавательница Университета Данди (Шотландия) Тина Рёк в рамках проекта «Пересечения аналитической и континентальной философии» предлагает собственную философскую систему «динамический реализм» для рассмотрения мира в динамике и учета, недооцениваемого прежде многими философами обстоятельство, что человек – не только мыслящее существо, как у Рене Декарта, но и телесное.

³ Т. Рёк уделяет этому аспекту особое внимание.

Си Принцип творения (*ли*) один, но в нем различаются «Предельный принцип небытия» (*вуцзы*) и «Великий предельный» (*тайцзы*). Первый неподвижен и не проявляется, второй активен и проявляется. Они едины. Сравнивая их осмысление с пониманием сущности (*ousia*)/Бога и движущего всем единства Аристотеля, автор показывает, что оба мыслителя интересовались вопросом: «что такое бытие», и что их интерес к субстанции, функционированию, благу многих и знанию об этом восходит к бытию как первому принципу. Как это формулирует Аристотель, из концепции субстанции обретают значение все остальные модусы бытия. По Чжу Си, этот принцип – предназначение, которое Небеса даруют всем вещам, называющееся их природой с точки зрения полученного ими от Них. Разные имена выражают лишь разные точки зрения. Первый принцип природы – *циань ли* или *дао* присутствует во всех вещах и делает их такими, какие они есть, что является формой или сущностью *дао* [13, с. 112, 113]. Сущность *дао* – всеохватывающая целостность, содержащая все и содержащаяся во всем. *Дао* не навязывает насильно со стороны, он врожденный и существует в мире во всех местах и во все времена. Как Аристотель противопоставляет конкретную форму универсальной, Чжу Си сопоставляет универсальный принцип *дао* с конкретными принципами вещей [Там же, с. 114]. Стагирит согласился бы с Чжу Си относительно определения и границ конкретных принципов, так как он сродни его пониманию действия формы, а также в том, что принципы должны существовать до конкретных вещей. Однако был бы не согласен с тем, что принцип генерализации один. По Аристотелю, необходим покоящийся перводвижитель, первоначальная полная реальность, принцип, сущность, существующая вечно и необходимая, дабы двигать всем [Там же, с. 116]. В отличие от Чжу Си, по которому *ци* индивидуализирует вещи и затрудняет познание принципа природы (*тянь ли*), Аристотель полагает, что вещи делают индивидуальными форма и материя, которые создают человека и уникальны в нем. Предельный принцип небытия (*вуцзы*) также не является функциональным эквивалентом Бога Стагирита. Независимый от материи *вуцзы* неактивен [Там же, с. 118]. Чжу Си наделяет людей особым статусом благодаря способности познавать *тайцзы* и действовать в соответствии с моральными принципами, Стагирит делает это в связи со способностью познать первый принцип и дости-

гать блага в соответствии со своей природой. Лишь у людей есть бессмертная и отделимая особая часть души (*nous*), наиболее приближающаяся к Богу в размышлении о вечных истинах [9]. *Ли/тайцзы*, присутствующее во всем. Трансцендентный Бог движет всем, оставаясь неподвижным. Это ведет к различным мнениям о знании первого принципа, как и о человеческой деятельности, но в обоих случаях желание ответа на вопрос о бытии или первом принципе – это одновременно и желание мудрости [13, с. 121].

Специалист в области этики окружающей среды и компаративной западной и восточной философии Университета Южной Флориды М. Шонфельд полагает, что ценности и течения западной философии – либерализм и индивидуализм, прикрывающие «зло капитализма» – не только неприемлемы в эпоху экологического кризиса, но и во многом его обуславливают, становясь «взрывоопасной смесью», когда к ним добавляется эмпиризм. Взывая к чувствам и разуму властей, он фокусируется на частном и конкретном и ведет к «биосферической слепоте» [11, с. 188]. Цивилизация циркулирует, ведя свой бизнес, словно в ее распоряжении ресурсы полутора планет [Там же, с. 189]. Она пересекла три планетарные границы – утрата биоразнообразия (видов), изменения циклов азота и углекислого газа, составляющие биологические, химические и климатические пределы среды обитания [Там же, с. 189, 190]. Между тем мудрость даосизма и конфуцианства никогда не противопоставляла человека миру, а учила человека жить в нем.

Преподаватель Университета Южной Каролины П. А. Миллер, рассматривая концепции и практики мудрости в европейской и азиатской традициях, предлагает использовать конфуцианские и ранние буддистские тексты для дестабилизации западного самосознания, и открытия дискурса о новых практиках, языках и понимании мудрости и истины [8, с. 75].

Согласно М. Хайдеггеру, режим истины, под властью которого находится Запад, был установлен Платоновым мифом о пещере. Люди соотносят изображения на стене пещеры с пониманием их природы, а просвещенный философ – феноменальный мир вещей с их идеальными сущностями. Истина стала свойством мыслей субъекта, а не мира, охватывающего сознательное и остальное. Это перемещение истины от природы к концепции Хайдеггер провозглашает началом метафизики. Метафизическое мышление – репрезентативное:

в пост-платонической традиции мир существует как серия «картин», оцениваемых посредством концепций, которыми обладает субъект. Философия – критика, прояснение этих концепций или манипуляция ими [8, с. 76, 77].

Метафизика Хайдеггера воспринимает мир как тесное единство, объекты которого существуют для использования: это конечный набор средств ради существующего ранее набора целей. Жизнь становится проблемой, решаемой технологией. По Миллеру, это адекватное описание доминирующего на Западе видения истины и философии.

Философия превращается в искусство заверения в том, что утверждения отражают верное отношения между ментальными представлениями и внешними объектами (логика); средство уточнения представлений об объектах по сравнению с ними (эпистемология) и верное ограничение природы представляемых объектов (метафизика). Фактически – в «политическое на луче знания, «бюро защиты прав производителя на рынке идей» [Там же, с. 77].

Однако, как подметил М. Фуко, еще со времен Платона существует альтернативная традиция «духовной практики», и тексты этого философа предоставляют самые серьезные аргументы для опровержения того, что названо «метафизическим платонизмом». Согласно Седьмому письму Платона, аутентичное знание исходит не из письменных сведений об известных вещах, а из постоянного взаимодействия учителя и ученика [Там же, с. 77, 78]. Метафизическая парабола, иллюстрирующаяся движением от представления в нозтическое царство, поворачивает, являя невозможность чистой трансцендентности, полного ухода от мира. Нозтика – не царство чистого мышления, но нуждается в гипотезах – ступенях, на которых она основывается. Нозтическая душа использует предположения как подсобия [Там же]. Философия желает недостающего, не только для описания этого другим, но и для того, чтобы измениться самой. Это действие, и она действенна. Афинские возлияния, по Платону, – не столько поиск удовольствия, сколько поиск знания и мудрости через практику общения. Создав узы социальной солидарности из взаимного удовольствия, они стали центром формирования теории культуры, лабораторией обретения опыта и образования, методами тренировки души, дабы она воспринимала мудрость и стремилась к знанию, не как изолированному объекту, а процессу, в котором изменяется личность. Это не имеет ничего общего с обособленностью

субъекта в хайдеггеровой интерпретации мифа о пещере. Абстракция, отделение субъекта от опыта развилась в августинской теологии о душе, достигнув апогея у Р. Декарта [Там же, с. 80, 81].

Для римской риторической философии характерно понимание мудрости как действия. Цицерон отличал просвещенного римского оратора – юриста, политика, мыслителя – от праздного греческого философа. Сократ в «Горгии» продемонстрировал, что идеальный философ – идеальный оратор, знающий правду, красноречивый и убеждающий других. Чистая философия отвергается как праздная цель, но риторика без нее пуста [Там же, с. 83, 84]. Истина – не свойство пропозиций, сформулированных в отношении определенных объектов, но форма действия, оружие, которым думающий человек воюет в обществе, когда философ возвращается в пещеру. Знание неотделимо от деятельности [Там же, с. 84].

Сентенции конфуцианства созвучны с этой недоминантной традицией Запада, что позволяет не только начать диалог, но и открыть изучающим западные философские, риторические и поэтические традиции различные практики мудрости, видящие истину не как нечто внешнее, а как комплекс актов, когда знающий/делающий постоянно вовлечен в деятельность, в которых проявляется глубинная связь между знающим, знанием и практикой [Там же, с. 83, 84]. Ключевым является конфуцианское понятие *ли*, содержащее ритуальные свойства, видения и знания необходимого действия в наборе практик, делающих человека знающим/действующим и позволяющим знать, быть мудрым [Там же, с. 86].

Интересны и сентенции о политической философии. Согласно второй книге аналектов Конфуция, радикальное разделение между лидером и руководимыми вызывает политический хаос. Рекомендуются управлять с помощью силы морали, поддерживая порядок через ритуалы. Политический лидер – не командующий, навязывающий подданным кодекс, но всегда готов к переговорам для создания общей культуры, не только как набора пропозиций, но и ритуалов посредством поэзии, изображений, рассказов и практик в форме сервировки еды, чаепитий и песнопений [Там же, с. 86, 87]. По «Книге песен», жизнь благочестивой личности подобна драгоценному камню, отшлифованному и ограненному, как язык поэзии. Благочестивый, следующий по Пути, любит ритуалы и знает поэзию.

Цзиньцзы — личность, стремящаяся к полному воплощению человечности. По словам Цицэна, этот тот, кто знает, что его дом — Вселенная. Согласно Конфуцию, без знания, предначертанного [Небесами] нельзя стать благородным. Без знания ритуалов нельзя занять собственную позицию. Без знания слов нельзя узнать других людей [8, с. 87, 88].

На Западе духовные практики отделились от философии и ее определения науки. Сравнительная интерпретация западных, конфуцианских и других азиатских практик мудрости обнажит закрытость западной системы и ее «слепые пятна», предоставит инструменты для переосмысления таких фундаментальных концепций как истина, знание и мудрость, а также более человеческого и активно отношения к миру [Там же, с. 89, 90].

Ш. Макрат предлагает, используя и опыт восточной традиции, прекратить порочную практику превращения философии в орудие потребительского джагернута, и вернуть философию, объясняющую «как жить», между тем как либеральный капитализм отобрал у нее ее основную задачу [7, с. 153]. Если онтологические вопросы решаются точными науками (Селларс), а этико-политические вопросы можно считать решенными (Фукуяма), философии как мысли уже ничего не остается [Там же, с. 154]. Следует вернуть философию как духовную практику, рефлекссию, как заботиться о себе в свете самых достойных предположений об истинности вещей и о том, что нужно сделать для обеспечения процветания человечества [Там же, с. 155]. Практический философ стремится изменить эго, а это неизбежно изменит и общество, пусть и микроскопическим образом. Возможно, это хотя бы отчасти позволит разрешить проблему Т. Элиота, размышлявшего, удастся ли привести Землю в порядок [Там же, с. 161].

Компаративист из Исландского университета Г. Сигурдссон, характеризуя современную жажду славы и связанную с ней утрату ощущения качества, как разновидность культурной деградации [12, с. 106], предлагает обратиться к дальневосточной мудрости.

Конфуций подобно Платону, считая мудрость предпосылкой славы, боялся, что жаждущие власти индивидуумы, возможно, умные, но не мудрые по-настоящему, смогут манипулировать настроением народа, дабы их сочли заслуживающими власти [Там же, с. 101]. Мэн-цзы относит к естественным склонностям образцовых личностей человечность (*рень*), понимание уместности (*и*), при-

стойности (*ли*) и мудрость (*ци*), коренящиеся в мыслях и чувствах (*синь*). Конфуций делает явное различие между бытием, выдающимся (*да*) и бытием знаменитым (*вэнь*). Если мудрость (*чжи*) обретает форму изнутри, это называется добродетельным поведением (*дэ*), простая имитация тщетна [Там же, с. 103]. В даосизме же истинно мудрый избегает находиться в центре внимания. Согласно Чжуан-цзы, превосходная личность не думает о себе, духовная — об успехе, мудрая — о славе. Дальновидная превзошла этот уровень эгоизма. Слава и восхваления не придают людям величия. Превосходная личность не стремится к восхвалению. Слава считается злом, ведущим к увлеченности незначительными делами, между тем как на участие в изменение положения вещей не остается времени. Стремиться к славе не мудро. Истинно мудрые остаются неизвестными [Там же, с. 105, 106].

В. С. Харрисон, акцентируя важность метафор не только для речи, но и для мышления, в котором используются концептуальные таковые [4, с. 209], показывает, что метафорическое восприятие знания/познания как видения присутствует практически во всех языках мира [Там же, с. 214], даже в китайской концептуальной системе, где *mingbai* — с одной стороны, ясный, очевидный, с другой — понимание, осознание, знание, *mingliang* — яркий, хорошо освещенный, блестящий и одновременно ясность (понимания). Однако эта метафора играет второстепенную роль по отношению к другой основополагающей структурирующей метафоре, генерирующей концепцию цели философии в классических китайских традициях. Ключ к пониманию китайской традиции содержится в метафоре *zhīdao* — знать. *Zhī* уже значит «знать», но часто употребляется с *dao* — путь, метод (а также говорить, сказать, рассказывать). Данный вид знания, в основном, не абстрактный, указывает в направлении иного способа знать [Там же, с. 218]. В этом и состоит основное различие двух традиций: метафорах знания как (умо)зрительной и движущей/стимулирующей, знания субъектов созерцающего и уже вовлеченного в деятельность, обладающего способностью продвигаться в мире и обществе в манере спонтанной, но совершенно гармоничной порядку миров природы и людей — это *Дао* или «Путь» [Там же, с. 220]. Самое парадоксальное заключается в том, что нечто подобное присутствовало, по мнению Харрисона, в античной философии, но было забыто и отвергнуто в средние века [Там же, с. 221, 222].

Философ-компаративист У. Демарко полагает, что постановка мудрых вопросов – это обретение мудрости и способ отказаться от личных пристрастий и устаревших социальных предпочтений для их экспонирования. Обдумывание таких вопросов может составлять и ориентировать проблемы всей жизни. Под мудростью автор понимает знание истины, в особенности о важных вещах, а также жизнь в ней и с ней. Это включает практику плодотворного присутствия в корневых (основополагающих) реалиях. Для мудрых в этом смысле окончательная истина сияет сквозь каждую истину, они чувствуют корни вещей во всем, между тем как возможности работать ради первостепенных ценностей находятся на каждом витке практики. Мудрость – это гармонии жизни и мысли, а также жизнь с мысленной гармонией мысли и жизни. «Вспомогательная мудрость» состоит в открытости любой истины. Путь мудрого вопрошания – *via interrogativa* – путь мудрости во втором смысле и, возможно, в первом [2, с. 163]. Это вопросы *дао*, как естественном пути природы и возможном человека, и вопрос *чэн* (*cheng*) интегральности существующего реально в неоконфуцианстве [Там же, с. 170].

Карл-Хайнц Пол утверждает, что проблема классификации даосизма, буддизма и конфуцианства как религии или философии, базируется на европейской культурной традиции. Эти учения и являются, и не являются тем и другим в зависимости от идеологических предпочтений интерпретатора, по мнению автора, краткое собрание избранного из европейской философии от Гераклита до Ж. Дерриды будет мало отличаться от дальневосточной традиции [9, с. 25]. В конфуцианстве существует метафизическая связь с трансцендентными «небесами» (циан), ответственными за этическое функционирование Вселенной. Высшее добро считается имманентным, вне практик человека и проявляется в выполнении обязательств по отношению к другим или в практике добродетели «человечности» (рень). В отличие от конфуцианства, «ведущего в мир», даосизм и буддизм выводят за его пределы. Даосизм считает, что путь (Дао) вселенной (небес и земли) не этический. По Лао-цзы, «небеса не гуманны». Конфуцианство имеет дело с мудростью мира в моральном и этическом смысле. Даосизм – с искусством жить в гармонии с природой и даже выживания. Буддизм, приобретший специфический характер в Китае, сочетает знание и мудрость [Там же, с. 26].

Их общность заключается в ориентированности на деятельность, объединение ее со знанием [Там же, с. 26, 27]. В даосизме *Дао* – основополагающая причина бытия, или Путь, в непознаваемой тотальной реализации не доступен сознанию [Там же, с. 29]. Приблизившийся к нему полагает: «Знающий не говорит. Говорящий не знает» [Там же, с. 29, 30]. Дао проявляет себя в спонтанной, естественной деятельности [Там же, с. 30]. В «Дао дэ цзин» пустота как бесконечный потенциал более сущностна, чем полнота [Там же, с. 32]. Особенности пути таковы, что [Там же, с. 30]. Неограниченное движется в царство ограниченного, ограниченное – в царство неограниченного [Там же, с. 34, 35]. Лишь мудрый находит гармонию между верным и неверным и покой в Уравновешивающих Небесах [Там же, с. 35]. Можно говорить всю жизнь и ничего не сказать. Можно не говорить слов, если продолжает говорить дело. Это эссенция и цель невысказываемого [Там же, с. 36]. Основные постулаты даосизма – это единство, лежащее за разнообразием; относительность всего существующего, в том числе, точек зрения; невозможность знания фундаментальной реальности («Пути») и невозможность говорить об этом. Метод достижения целей – признание того, что неистинное – не метод. Недействие (*у вей*) позволяет вещам развиваться без вмешательства, но следует рассказывать об абсурдных вещах, парадоксах в притчах, чтобы передать немудрому склонность к невысказываемому [Там же, с. 37]. Дальневосточные традиции представляют искусство жизни, разрешения ее противоречий, а не извлечения логического смысла мира [Там же, с. 47, 48]. Бесстрастное даосистское отношение к жизни, духовная свобода, дистанцирование от мира в сердце/разуме выражено в знаменитом стихотворении Тао Юанмина окончанием в виде философского молчания. Это знание о невыразимости природы вещей: можно интуитивно предчувствовать истинный смысл мира, но его нельзя облечь в слова [Там же, с. 48]. Так что, если бы автор писал трактат в этом духе он ограничился бы чистым листом бумаги.

Процесс сближения европейской философии с китайской традицией является двусторонним. Современные китайские мыслители активно осваивают западную философию, в том числе аналитическую таковую. Бай Гурень, пользуясь ее инструментами, демонстрирует эпистемическую несправедливость

в китайской науке: явный приоритет физики и космонавтики, с одной стороны, и недостаточные исследования наряду с их замалчиванием в области медицины, в частности пневмокониоза, от которого страдают свыше шести миллионов человек в бедных и труднодоступных районах Китая [5].

Преподаватель Технологического института в Харбине, руководитель китайского проекта Центра методологии обучения (исследовательских процессов) Фань Мейдзюнь и руководитель Центра конструктивных исследований постмодерна, директор Института постмодернистского развития Китая Ван Чжихэ говорят о необходимости новой эпохи Просвещения, кардинальной отличающейся от первой, пришедшейся на XVII–XVIII в [3]. Это просвещение оно видят, как эстетическое вопреки развивающейся на Западе со времен Просвещения подавления красоты, привнесенного и в Китай [Там же, с. 161–165]. Новая эпоха должна объединить лучшее из западной и восточной культуры. Это уважение к науке и инновациям, признание ценности индивида и поощрение граждан к участию в политической жизни, с одной стороны, и гармония, уважительное понятие персоны (рень) и мышление в соответствии с природой, с другой. Среди ценностей, которые помогут исцелить болезни современной эпохи, особенно важны динамичная гармония и красота, как идеалы человеческой жизни. Особенности этого периода должны стать продвижения 1) от антропоцентризма к экологической сознательности; 2) от сосредоточенности на Западе – к взаимному осмыслению Китая и Запада; 3) к противодействию гомогенному мышлению и оценке красоты многообразия; 4) от абстрактной свободы – к осознанной; 5) от единственной формы демократии – к демократии подлинной; 6) от гегемонии науки – к союзу науки и сочувствия (сострадания); 7) от чистого разума – к эстетическому сознанию. Особый упор делается на ценность красоты и гармонии. Новое Просвещение будет эстетическим, так как: 1) считает красоту ядром и фундаментальной идеей; 2) экспонирует эстетическую мудрость; 3) подчеркивает важность гармонии [Там же, с. 162]. Авторы видят в эстетической мудрости объединенную мудрость Востока и Запада, которая нужна всему миру для продвижения от мелкобуржуазного потребительства к более глубоким возвышенным областям жизни [Там же,

с. 164] и духовному благородству, творчеству. Оно разовьет экологическую сознательность, ответственность за всю землю, будет поощрять творчество, поможет преодолеть противоречие город/деревня помимо прочего благодаря пониманию прелестей пасторального образа жизни [Там же, с. 166, 167].

Специалист по древней китайской мысли, доктор философских наук Фуданьского университета в Шанхае, преподаватель Института китайской литературы и культуры Нанкинского педагогического университета Сюй Кэцян рассматривает доктрину о доброте/благородстве человеческой природы философа Мэн-цзы (VI или IV в. до н. э., согласно автору 313–238 гг. до н. э.). Рассуждая о человеческой природе «*рень син*», он понимал под ней и особенности человеческого бытия и происхождения человека. Структура китайского иероглифа, состоящего из иероглифов «разум» и «жизнь» или «рост/развитие», позволяет предположить, что он означает жизнь, руководимую разумом, в противовес простой жизни растений или животных. Этот термин следует скорее понимать, как человечность, поскольку он означает каким должен стать человек и подразумевает совершенствование всех людей, а его основным содержанием являются четыре доблести конфуцианства: доброжелательность, справедливость, собственность и мудрость [6, с. 35]. Культивирование этих добродетелей должно основываться на естественных склонностях. Миссией человека становится выполнение мандата, дарованного ему Небом [Там же, с. 37]. Люди созданы для продвижения путем добра, и, хотя у них есть возможность, свернуть с него, лучше ради нравственного становления не делать этого [Там же, с. 38].

Межкультурное взаимодействие западной и восточной мысли представляется очень перспективным. Оно способно вызвать возвращение от абстрактного, искусственно разделенного знания с противопоставлением субъект/объект к мудрости, позволяющей видеть мир в целом, привести к преодолению индивидуализма, культурной деградации, а в самом широком смысле – острого кризиса, с которым столкнулось человечество, поскольку его технические возможности, в том числе и самоуничтожения, значительно превышают уровень его гуманитарного развития.

Список литературы

1. Burik S. Wisdom as Realization: Heidegger and Zhuangzi on Belonging in the World // *Wisdom and philosophy: Contemporary and comparative approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 125–149.
2. DeMarco C. W. Wise Questions // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 163–187.
3. Fan Meijun, Wang Zhihe. The Second Enlightenment as an Aesthetic Enlightenment and its Relevance // *Balkan Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 7, no. 2. P. 159–169.
4. Harrison V. S. Conceptual Metaphors and the Goals of Philosophy // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 205–223.
5. Huijen Bai. Epistemic Injustice and Scientific Knowledge Distribution // *Filosofija/Sociology*. 2020. Vol. 31, no. 3. P. 217–224.
6. Keqian Xu. Ren Xing: Mencian's Understanding of Human Being and Human Becoming // *Dialogue and Universalism*. 2015. Vol. 25, no. 2. P. 29–39.
7. McGrath S. J. Philosophy as a Spiritual Practice: An Old Idea Whose Time has Come // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 149–163.
8. Miller P. A. Wisdom as Knowledge and Wisdom as Action: Plato, Heidegger, Cicero and Confucius // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 75–93.
9. Pohl K.-H. The Wisdom of the Unsayable in the Chinese Tradition // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 25–55.
10. Röck T. Dynamic Realism: Uncovering the Reality of Becoming through Phenomenology and Process Philosophy. Edinburg: Edinburg Univ. Press, 2022.
11. Schönfeld M. Future-Oriented Philosophy and Wisdom East and West // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 187–205.
12. Sigurdsson G. Anonymous Sages: Wisdom and Fame in the Greco-Sino Philosophy // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 93–111.
13. Sim M. Seeking Wisdom with Aristotle and Zhu Xi // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 111–125.
14. Whitehead A. K., Moeller H.-G. Introduction // *Wisdom and Philosophy: Contemporary and Comparative Approaches* / ed. by H.-G. Moeller, A. K. Whitehead. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2016. P. 7–12.

Сведения об авторе

Цибизова Ирина Михайловна, канд. ист. наук, научный сотрудник Отдела философии, Институт информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия, itsibizova@mail.ru

Information about the author

Irina M. Tsibizova, Candidate of Historical Sciences, Department of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, itsibizova@mail.ru

УДК 338.48(518)

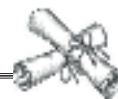
高质量发展视域下呼伦贝尔口岸文旅融合的优化路径—以满洲里口岸为例

金鑫鑫

呼伦贝尔学院

呼伦贝尔市拥有丰富的旅游文化资源，作为边境口岸城市的满洲里是深受游客喜爱的旅游目的地，但在发展中还存在着景区配套设施不完备、旅游产品开发单一、从业人员素质有待提高和营销力度不足等问题。为促进呼伦贝尔口岸文旅融合提质增效，应加快口岸地区旅游基础设施及配套建设、加快口岸文旅融合特色产品的研发和推广、加强旅游从业人员的教育培训、加大资金投入、加大宣传促销力度、加强旅游行业的规范化管理。

关键词：高质量发展；呼伦贝尔口岸；文旅融合；优化路径

Путь оптимизации культурной и туристической интеграции в Хулуьбуире с учетом опыта активного развития города Маньчжурия

Цзинь Синьсинь

Хулунбуирский институт, г. Хайлар (Хулунбуир), Китай
373634129@qq.com

Город Хулунбуир богат туристическими и культурными ресурсами. Маньчжурия как приграничный город является популярным туристическим направлением. Однако по-прежнему существуют такие проблемы, как недостаточная инфраструктура для выстраивания туристических маршрутов по живописным местам, разовая разработка туристических продуктов, необходимость повышения качества персонала и недостаточные маркетинговые усилия. В целях повышения качества и эффективности культурной и туристической интеграции города Хулунбуир необходимо ускорить строительство туристической инфраструктуры и вспомогательных объектов, ускорить исследования, разработки и продвижение продуктов культурной и туристической направленности, а также обеспечить необходимый уровень образования и профессиональную подготовку специалистов в области туризма, увеличить капиталовложения, активизировать усилия по рекламе и продвижению туристических услуг, а также укрепить стандартизированное управление индустрией туризма.

Ключевые слова: качественное развитие порта Хулуьбуир, путь оптимизации культуры и туризма

Optimization of Culture and Tourism Integration in Hulunbuir Port under the Perspective of High quality Development—Taking Manzhouli Port as an Example

Jin Xinxin

Hulunbuir University, Hailaer (Hulunbuir), China
373634129@qq.com

The city of Hulunbuir is rich in tourist and cultural resources. Manchuria, as a border city, is a popular tourist destination. However, there are still problems such as insufficient infrastructure for building tourist routes through picturesque places, one-time development of tourist products, the need to improve the quality of staff and insufficient marketing efforts. In order to improve the quality and effectiveness of cultural and tourism integration of Hulunbuir City, it is necessary to accelerate the construction of tourism infrastructure and ancillary facilities, accelerate research, development and promotion of cultural and tourism products, as well as provide the necessary level of education and professional training for tourism professionals, increase investment, and step up efforts to advertise and promote tourism services, as well as strengthen the standardized management of the tourism industry.

Keywords: High Quality Development, Hulunbuir Port, cultural and tourism integration, optimal path

位于中蒙俄三国的交界地带的呼伦贝尔市，拥有融草原文明、红色传统、异域风情为一体的口岸文化。^[1]满洲里是中蒙俄经济带的重要的桥头堡，它与俄罗斯和蒙古两国紧密相连，具有特殊地理优势、同时，还拥有极具特色的文化旅游资源。充分拓展文化和旅游业互动融合发展，发挥好文化旅游产业的综合性、带动性、富民性和全民性功能，以推动呼伦贝尔文化旅游产业提标提效发展。^[2]

一、呼伦贝尔口岸旅游文化资源概况

(一) 源远流长的民族旅游文化资源

蒙古族文化传播在呼伦贝尔口岸地区有着悠久的历史。史籍记载，秦代以前，曾是东胡渔猎和游牧之地。清朝时，周边虽然没有常驻游牧民族，但是常有游牧民族和游猎者在此游牧和狩猎，其中有巴尔虎、布里亚特蒙古和达斡尔、鄂伦春等民族。雍正五年(1727年)，清政府为巡查俄国人越界，在此设三个伦卡(哨所)。^[3]因此，以满洲里为代表的呼伦贝尔口岸区域在社会的发展历程中，融合了蒙古族、达斡尔族、鄂温克族、鄂伦春族、俄罗斯族等东北人口较少民族及其族群的古朴、传统、优秀的草原文化。

目前，当地牧民家庭建设草原生态旅游区，是由当地的蒙古族牧民家庭开展集住宿、餐饮和民族文化体验的旅游接待点，牧民为游客提供骑马、射箭、放牧等蒙古族文化体验，同时，不断完善和提升草原历史文化和生态文明的了解，通过对牧区民族生产生活的体验进一步深度了解民族民俗文化。

(二) 底蕴深厚的红色旅游文化资源

国门景区是呼伦贝尔口岸的标志性旅游景区，也是重要的爱国主义教育基地，更被列为全国100个红色旅游经典景区之一。国门景区因为其所处的特殊位置，向周边国家展现着国家风貌和实力，为旅游文化产业带来了一抹别具特色的亮彩。^[4]很多游客来到呼伦贝尔地区，一定要游览的项目就是国门、界碑，体现了较强的国家荣誉感 and 民族自豪感。

红色国际秘密交通线也是呼伦贝尔口岸地区重要的红色旅游文化资源。它形成于20世纪20年代，经过百年的发展蕴含厚重独特的历史内涵，是在中国共产党领导下，在革命、建设、改革开放时期形成的各种精神形态及其物质载体之总和。^[5]

满洲里红色文化为代表的呼伦贝尔口岸红色旅游文化蕴含着爱国主义薪火相传的精神,彰显着中国共产党人的优良传统,具有厚植思想政治教育文化根基的教育价值。近年来,通过深入挖掘国门周边红色旅游资源,探索口岸历史文化遗迹遗存保护性开发模式,深化旅游与各产业融合,开发青少年研学游、红色旅游等旅游线路产品,重点发展红色旅游、民族演艺、康体运动、特色餐饮等,形成特色口岸文化底蕴和城市景观风貌。

(三) 独具特色的异域旅游文化资源

呼伦贝尔口岸地区拥有高度融合并相互作用的中西独具特色的草原边疆口岸文化,具有浓郁的中蒙俄三国风情,尤其是很大程度带有俄罗斯文化的影子。因中东铁路的修建,很多俄国人来到中国工作,这些俄国人的到来将俄罗斯文化融入到呼伦贝尔当地文化中,在满洲里、额尔古纳等地有着非常深远、随处可见的俄罗斯文化韵味。中俄异域风情旅游区的建立对呼伦贝尔口岸地区的文化产业、商贸往来、经济社会发展产生了深刻影响,强有力地带动了旅游和地方旅游产业的快速崛起,这不仅充分展示了呼伦贝尔口岸地区的特殊地位及中蒙俄贸易通道的特殊作用,同时,充分彰显了我开放包容和谐文明的国际化发展战略思路。

二、呼伦贝尔口岸旅游文化基础条件分析

(一) 区位优势

呼伦贝尔市具有非常明显的区位,与俄罗斯、蒙古国相连,有着1733公里的边境线和8个国家一类、二类通商口岸。^[1]其中,满洲里口岸与俄罗斯的后贝加尔边疆、蒙古国的东方省共同接壤,为三国在此建设跨境经济合作区奠定了地理基础。口岸地区的交通类型主要是公路和铁路以及近年来迅猛发展的航空运输。全方位立体式的交通线路为游客的游览和参观提供了极大便利。

(二) 资源条件

呼伦贝尔口岸地区自然生态资源丰富多样,具有极高的原生态旅游资源价值。呼伦贝尔草原属于高纬度优质草原,是世界闻名的优质草场。呼伦贝尔境内的河流水量大,河道迂回曲折,目前已开发莫日格勒河等著名景区。这些自然资源有机地结合,不论是旅游观赏还是科研开发,都存在相当大的利用价值。

(三) 政策条件

2002年起,中蒙俄三国交界地区旅游节每年举办一次,以此不断推动地域性、区域性、本土性、民族性的文旅融合产业发展。2010年5月19日,由国家发展改革委和旅游局以及内蒙古政府,同俄联邦地区发展部、体育旅游部、青年发展联合主办,以满洲里市政府承办名义组织召开高层次、高级别、高规格的中俄旅游国际合作交流会,很大程度上强力推动了口岸旅游产业建设与发展。2016年6月,中蒙俄三国元首在上海合作组织塔什干峰会上进行了第三次会晤,签署了《建设中蒙俄经济走廊规划纲要》,同年9月,

国家发改委就正式公布了纲要。^[2]这一系列举措为中蒙俄三国的互利合作关系打下了良好的政治基础,同时,也为呼伦贝尔口岸地区旅游经济发展提供重要契机。建设呼伦贝尔中蒙俄合作先导区,成为中国推进东北亚中蒙俄三国多边区域合作、打造全方位对外开放新格局、落实国家区域发展总体战略的重要举措。2021年6月28日,中俄两国元首发表联合声明,正式决定《中俄睦邻友好合作条约》延期。当前,中俄关系达到前所未有的高水平,两国经贸关系也正处于提质升级的深入合作阶段。

三、呼伦贝尔口岸旅游文化融合发展现状

(一) 营造了良好的文旅融合环境

呼伦贝尔口岸地区的旅游文化丰富多样,各种文化在交融中相互学习,文化之间既有融合又有发展,形成了独具魅力和吸引力的旅游文化。^[3]通过积极推动文旅融合,以中蒙俄三国特色文化为主要表现手段,打造了独具边境口岸特色的套娃广场等文旅融合产品,吸引了大量的游客观赏。同时建立旅游监管机制,实施“1+5+X”“旅游综合管理——”1”是指文化旅游行政管理部门,“5”是指旅游警察大队、食药工商旅游市场监管分局、旅游巡回法庭、旅游卫生应急办、文化市场综合执法局,“X”是指旅游执法监督委员会,即与旅游产业发展密切相关的文化、交通、城市综合执法等33个相关部门,通过设立旅游综合执法指挥中心,实施统一调度指挥,集中监管多部门联合执法、联合查办旅游案件。组织了海满阿旅游联合执法检查活动。建立以信用为核心的新型市场监管体制,制定了《关于对旅游领域守信联合激励和失信联合惩戒的措施》,依法采集各相关单位的被行政处罚信息,并归集至社会信用信息平台,依法予以公开。建立健全旅游投诉长效机制,实施24小时旅游投诉热线6232315。

(二) 打造了响亮的文旅融合品牌

2000年,中俄人文合作委员会成立,探索建立了与“一带一路”沿线国家城市旅游合作新机制,建立联通中蒙俄三国的自驾旅游环线以及贝加尔湖自驾游线路等多条精品旅游线路。积极培育满洲里红色旅游线路,协助自治区文旅厅组织“友谊和平年轻的使者”中蒙俄青少年旅游夏令营活动。目前,跨境自驾游、跨境旅游专列、万里茶道、青少年夏令营、中蒙俄环线游、红色游、冰雪游、研学游等一批特色跨境旅游产品日臻成熟。挖掘中蒙俄三国的文化和旅游资源,成功举办了十八届中俄蒙国际旅游节、二十届中俄蒙国际冰雪节、十六届中俄蒙美丽使者国际大赛,形成了一系列区域性边境旅游节庆会展品牌。通过参与三国文化交融的各项活动,既加深了三国人民对呼伦贝尔地缘特点、口岸特色、资源优势、民风民俗的深刻了解,又极大地促进了三国交界地区的经济、文化、旅游等产业的融合与发展。

(三) 树立了绿色的文旅融合意识

开展了“文明旅游,绿色出行”、“文旅融合美丽满洲里”、“文明旅游为中国加分——百城千景

在行动”等文明旅游活动，成立了“新时代文明实践”文旅志愿服务队，加大了旅游文明宣传教育力度，强化了人们对旅游可持续发展深度把握的思想意识，通过提高保护旅游环境、严守旅游生态文明、爱护旅游资源的自觉性，让每一位市民、每一位游客都意识到，旅游与环境保护、生态保护、自然资源保护间产生的不可忽视内在联系与重要关系。特别是在红色遗迹或风景美丽的自然景区开发旅游，以不破坏自然景观、自然环境、自然资源和生态环境为前提，严格遵守旅游管理法律法规，做到了开发与保护并重，以开发促保护，以保护带开发。

四、呼伦贝尔口岸旅游文化融合主要困境

(一) 景区配套设施不完备

呼伦贝尔口岸文旅融合产业自然条件丰厚，但由于旅游经济相对落后，使得跟不上游客需求的基础配套设施建设，成为了限制边境旅游发展的重要因素之一。大多数地区景点在进行优化升级和深度开发的力度上严重不够。大部分宾馆存在着设施陈旧、规模较小等问题，无法满足游客日渐提高的旅游居住质量要求。自2017年国家旅游局提出“厕所革命”以来，虽然全国已取得了实质性进展，但仍需要地方政府进一步加强改进和督促落实，部分地区还存在服务区卫生间关闭、公共服务部门卫生间不允许外来人员使用等现象，同时，用于收藏和保护文物的专业机构建设意识还不够强。

(二) 旅游产品开发单一

呼伦贝尔口岸地区文旅融合开发层次仍需进一步深入，大多数旅游线路只是单纯的观光，而没有进一步融合休闲度假型。旅游产品与文化融合度不高，无法满足游客的期望。同时很多旅游线路的个性化特征不突出。没有从顾客的角度出发，设计个性化的旅游线路。

(三) 景区人员服务能力有待提高

呼伦贝尔口岸地区具有极其丰富的历史文化内涵，因此对从业人员的素质有着较高要求。但旅游人才极度匮乏，景区整体服务能力质量不高，特别是具有前瞻性和创新性的旅行社、宾馆中高层管理人才，具有良好素质和文化底蕴的优秀导游，具有专业旅游策划思维以及能够熟练掌握出境游业务和接待出入境游客的高水平外语导游人才严重不足。

(四) 宣传营销模式被动

由于近年来旅行社企业的门槛越来越低，旅行社之间水准良莠不齐，严重制约了呼伦贝尔口岸文旅融合的健康发展。在景区的开发运营管理上往往存在重视规划，轻视营销的现象。缺乏文化内涵和稳定的整体形象定位，无法形成有效的影响力。宣传形式单一，专业水准有限，往往追求短期盈利目标，而忽视了长期效果，对售后服务重视度不够。

五、呼伦贝尔口岸旅游文化融合的优化路径

(一) 加快口岸地区旅游基础设施及配套建设

重点建设好旅游道路、景区停车场、游客服务中心、旅游安全及资源环境保护等基础设施，解决游客服务“最后一公里”问题。加快旅游景区的酒店提档升级建设，提升容客量及接待大型旅行团的各项能力。继续深入推进实施旅游厕所改扩建工程。加强主要景区连接中心城市的交通干线旅游公路建设，完善旅游航线网络及无线通讯建设，确保景区与交通沿线通信全覆盖。力争旅游景点标识全覆盖。

(二) 加快口岸文旅融合特色产品的研发和推广

加强与沿线国家旅游合作。利用交通线路优势，打造高端休闲和文化体验精品，充分发挥区位优势，全力开发口岸文旅融合产品。大力培育和扶持以实践学习、音乐绘画、休闲农业、乡村度假、特色民俗、治疗康养、休闲体育为内容“旅游+研学”“旅游+文化”“旅游+农业”“旅游+康养”“旅游+体育”等边境旅游新业态，研究“一带一路”沿线国家旅游偏好和文化，兼收并蓄，培育形式多样、内容丰富的适销旅游精品，如中医温泉疗养休闲、国际避暑休闲山庄、主题假日酒店、游艇休闲娱乐等高端精品。^[9]

(三) 大量储备优秀旅游人才

高素质的旅游从业人员，是衡量旅游产品整体价值的重要体现，更是提升旅游产品附加值及旅游回游率的主要因素之一。依托中蒙俄大学知识平台、国家对口支援高校、科研院所、呼伦贝尔市和东北高校联盟等构建高级旅游人才培养基地，根据中蒙俄具体旅游发展的实际需要，联合培养高层次旅游人才。^[10]把旅游业的队伍建设纳入全市中长期人才发展规划，加强旅游企业管理者队伍建设，全面提高旅游企业管理者的综合素质和驾驭旅游市场的能力，通过短期培训、进修学习、参加专题讨论会或讲座等多种形式培养在职人员。建立院校、企业和社会三结合的旅游培训教育体系，深度推进研学旅游体制机制，让课堂走进景区、走进旅行社、走进酒店，让学生在实践中提升专业素质和综合能力。积极与各市地中职院校建立贯通培养机制，加快推进专业人才订单式培养。积极与俄罗斯、蒙古国进行国际合作办学，通过参与学术论坛、共同举办导游大赛、互派学生交流访问等活动，共同提升双方教育教学水平。深度开展校企合作，推进企业与学校双向选择，鼓励大学生回乡就业，造就一批留得住、用得上、叫得响的高素质旅游人才队伍。

(四) 多措并举加大口岸文旅融合宣传营销力度

呼伦贝尔口岸旅游需增强营销意识。首先，政府需要充分发挥主导作用，明确呼伦贝尔口岸旅游的发展定位，并确定其旅游形象，提炼宣传口号，统一对外推介，叫响口岸文旅品牌。^[10]其次，要利用“抖音”“小红书”等多种平台宣传全方位全视角加大口岸文旅宣传力度，让世界了解呼伦贝尔、向往呼伦贝尔、宣传口岸文旅，促进地方旅游经济发展。加强电商旅游建设，扩大旅游信

息的传播和推广, 有计划、有针对性的组织旅游企业进行边境旅游专项促销。^[14]以相关主题活动为契机, 以各类旅游交易会、博览会、展销会、洽谈会为载体, 大力推出精品边境旅游线路和旅游产品。充分利用智慧景区项目、微博、微信、门户网站、电视广告、列车电视、报纸杂志及其他电商系统, 强势推出边境旅游。在航空、高铁等杂志上刊登旅游信息, 制作完善相关宣传片, 制作机场、公路旅游宣传广告牌、域内道路交通旅游标识牌。主动向主要客源地旅行社、旅游协

会、旅游网站、旅游微博博主、摄影协会等寄发直邮广告。充分发挥旅游协会职能, 相互宣传, 彼此推介, 全方位促进呼伦贝尔口岸文旅全域发展。

呼伦贝尔口岸地区汇集兼具中蒙俄三国特色的文化旅游资源和自然景观。深入挖掘口岸特色文化资源, 优化口岸旅游发展体系举措, 以满洲里口岸带动呼伦贝尔口岸地区整体文旅融合高质量发展, 从而实现呼伦贝尔文旅产业进一步提质增效。

文献列表

1. 呼伦贝尔 美丽与发展双赢[J]. 实践(思想理论版). 2018. (9): 10–11.
2. 王友文. 伊犁特色文化开发与“旅游兴疆”战略互动模式研究—以“一带一路”文旅融合为视角[J]. 中共伊犁州委党校学报. 2020. (4): 52–56.
3. [秦丹. 内蒙古民族旅游与地方文化重构—基于满洲里市民族旅游的田野调查[J]. 内蒙古民族大学学报(社会科学版). 2020. 46(5): 95–100.
4. 金慧亮. 一带一路战略下的内蒙古边境旅游业发展研究[D]. 辽宁师范大学, 2017.
5. 李天源. 满洲里红色文化教育价值及实现路径研究[J]. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版). 2020. (12): 166–168.
6. 马境岭. 中国满洲里跨境经济合作研究[D]. 内蒙古财经大学, 2017.
7. 丰华. 中蒙俄经济走廊内蒙古文化旅游发展研究[J]. 合作经济与科技. 2021. (6): 43–45.
8. 李桂芹. 哈尔滨市旅游文化产业融合发展对策研究[J]. 商业经济. 2020. (6): 4–5.
9. 葛欣. 中俄蒙区域旅游合作机制研究[D]. 内蒙古财经大学, 2016.
10. 潘冬南. “一带一路”背景下中越边境口岸旅游业发展的优化路径[J]. 中国集体经济, 2020(18): 25–27+51.
11. [李日欣. 黑龙江省对俄边境旅游发展对策研究[J]. 黑龙江对外经贸. 2011. (7): 4–5.

关于作者的信息

金鑫鑫-研究员、博士, 呼伦贝尔学院, 中国, 电子邮箱: 373634129@qq.com.

Сведения об авторе

Цзинь Синьсинь, д-р наук, науч. исследователь, Хулунбуирский институт, г. Хайлар, Китай, 373634129@qq.com.

Information about the author

Jin Xinxin, Researcher, PhD, Hulunbuir University, Hailaer, China, 373634129@qq.com.

УДК 303.446.23(470+571)+(510)

Трансформация российско-китайских межкультурных отношений

Екатерина Евгеньевна Богодухова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
674232@mail.ru

В статье рассматриваются основные аспекты становления и развития российско-китайских межкультурных отношений. Дается краткая характеристика их современного состояния, сформулированы внутренние и внешние предпосылки развития межкультурного взаимодействия России и Китая в условиях диалога культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, взаимодействие, Россия, Китай, приграничное положение, диалог культур

Transformation of Russian-Chinese Intercultural Relations

Ekaterina E. Bogodukhova

Transbaikalian State University, Chita, Russia
674232@mail.ru

The article examines the main aspects of the formation and development of Russian-Chinese intercultural relations. A brief description of their current state is given, internal and external prerequisites for the development of intercultural interaction between Russia and China in the context of a dialogue of cultures are formulated.

Keywords: Intercultural Communication, Interaction, Russia, China, Border Situation, Dialogue of Cultures

Становление дружественных отношений между Россией и Китаем заняло немало десятков лет и продолжается в настоящее время. Современная эпоха глобализации определяет необходимость развития и укрепления международного сотрудничества, учитывая национальные интересы каждого государства.

Многие исследователи занимаются изучением вопроса становления и развития культуры России и Китая. Так, например, М. Н. Фомина и М. Б. Лига говорят о том, что культура в современном мире формируется и развивается под воздействием внешних и внутренних факторов. Под влиянием внутренних воздействий происходит отход от традиций, которые характерны для каждой этнической культуры к ценностям потребления, которые не соотносятся с какой-то определенной культурой. Под воздействием внешних трансформаций понимается глобализирующаяся культура, которая формируется в настоящее время в процессе диалога культур и межкультурного взаимодействия. Культура стремится к гармонии и взаимопониманию, взаимодействию и развитию, она направлена с одной стороны на сохранение самобытности культур и ценностей, с другой стороны – создание единого культурного пространства, обеспечивая культурную безопасность в современных условиях глобализации [3, с. 223–226].

А. Ю. Мещеряков, О. К. Антропов говорят о наличии культурной гибридации в российско-китайском межкультурном взаимодействии. Они отмечают, что одной из форм межэтнического взаимодействия русского и китайского населения являются смешанные браки. Брак является определённой формой коммуникации между культурами. Исторически многие русские женщины иммигрировали в Китай в поисках работы и замужества [2].

А. Н. Маркова отмечает, что культура Китая развивалась под воздействием трех идеологических направлений: даосизма, конфуцианства и буддизма. В середине I тыс. до н. э. в Китайской Империи зародились первые идеологические течения, которые положили начало к формированию основных культурных парадигм и продолжают оказывать влияние на жизнедеятельность и менталитет китайского народа [1, с. 45].

Интересен факт, что изначально даосизм воспринимался как философское учение, с течением времени оно переросло в религию,

крупное идеологическое направление. Даосы считали основой всего Дао. Хотя это понятие являлось непонятным и не выражало конкретики, его трактовка содержала в себе непрерывное изменение и естественный ход происходящего. Конфуцианство зародилось примерно в одно время, что и даосизм. Этому идеологическому направлению отводится значительная роль в становлении культурного пространства Китая. Основоположителем конфуцианства был Кун-фу-йзы (Конфуций). Его идеи легли в основу китайской общественной мысли и оказали большое влияние на становление менталитета китайского народа. Следующим религиозно-философским направлением, оказавшим влияние на становление культурного пространства Китая и менталитета китайского общества, явился буддизм, который просуществовал в государстве почти два века и в настоящее время отголоски его влияния отражаются на современной жизни китайцев.

Рассматривая российское культурное пространство, необходимо отметить, что процесс смены культурных парадигм происходил многократно с течением исторического времени под влиянием смены власти, политических, религиозных реформ в государстве, что накладывало отпечаток не только на трансформацию культуры, но и на устоявшиеся модели политического, социального, экономического устройства, меняя образ жизни российского народа и их мировоззрение.

Анализируя развитие международного взаимодействия Россия и Китая, мы приходим к выводу, что, несмотря на прогрессивное развитие государств, они стремятся к сохранению самобытности культуры, уважению традиций и обычаев своего народа. История российско-китайского взаимодействия насчитывает несколько десятков лет, которое имело различные направления в историческом времени. На сегодняшний день межгосударственное взаимодействие России и Китая носит характер диалога, который можно проследить практически во всех сферах деятельности государств. Диалог выражается в выстраивании стратегического партнёрства, торгово-экономического взаимодействия, укрепление коммуникации в области науки, искусства и культуры. Культурный диалог выступает связующим звеном между самобытными культурами России и Китая, оказывая влияние, главным образом, на формирование приграничного культурного простран-

ства, а также на общество, находящееся в нём. Характер межкультурного взаимодействия между государствами оказывает влияние на общество, населяющее их территорию. Это проявляется в господствующей идеологии, религии, нормах и ценностях. При взаимодействии с другой культурой, её границы становятся «прозрачными» и приобретают некоторые культурные элементы иной культуры, которые либо адаптируются в новом социокультурном пространстве, либо отвергаются. В частности, элементы китайской и русской культуры находятся в постоянной взаимосвязи, дополняя друг друга и открывая новые возможности для межкультурного взаимодействия. Можно предположить, что между приграничными государствами формируется особый тип культурного пространства, содержащий в себе элементы китайской и русской культуры. Их интеграция способствует развитию межкультурного взаимодействия и диалога культур.

Безусловно, такое приграничное культурное пространство накладывает отпечаток на менталитет населения, проживающего на приграничной территории. Культура пригра-

ничного общества содержит в себе не только элементы самобытной культуры с её нормами, устоями, традициями, но и элементы чужой культуры, представляя собой межкультурный симбиоз, благотворно влияющий на процесс диалога между государствами. Диалог между культурами обусловлен историческими, политическими, экономическими, религиозными факторами. В настоящее время элементы русской культуры можно встретить на улицах китайских городов, население Китая заинтересовано изучением русской литературы, произведений искусства, музыки, театра, а также популяризацией русского языка.

Сущность диалога заключается в одновременном понимании чужой точки зрения и сохранении собственной. Каждый из участников диалога выступает в роли партнера, готовому к пониманию и уважению интересов своего оппонента, восприятию элементов другой культуры. В процессе межкультурного взаимодействия сталкиваются элементы культуры, диалог направлен на урегулирование сложных моментов, раскрытие культурных ценностей и норм, познание и почитание традиций и принципов иных культур.

Список литературы

1. История мировой культуры: учебник / под ред. А. Н. Марковой. 2-е изд. М.: ЮНИТИ, 2008. 600 с.
2. Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал Фронтирных исследований. 2017. № 2. С. 30–58.
3. Фомина М. Н., Лига М. Б. Ценности в контексте диалога культур // Россия-Китай: диалог в условиях глобализации: сб. ст. I Междунар. российско-китайского симпозиума. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 223–226.

Сведения об авторе

Богодухова Екатерина Евгеньевна, канд. филос. наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, 674232@mail.ru

Information about the author

Ekaterina E. Bogodukhova, Candidate of Philosophy, Docent of the Department of European Languages and Linguodidactics of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita, Russia, 674232@mail.ru

УДК 330.34(470+571)+(510)

Проблемы использования ресурсов Дальневосточного региона в контексте российско-китайского сотрудничества

Оксана Ивановна Бодрова¹, Дарья Григорьевна Меркулова²

^{1,2}Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

¹oksana-rul@yandex.ru, ²dgmerkulova@mail.ru

Уровень двустороннего доверия между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой определяется широким спектром межгосударственного взаимодействия, длительное сотрудничество в сфере урегулирования проблем природопользования подтверждает значимость Дальневосточного региона как перспективной территории. Анализ законодательной базы проектной деятельности в области

освоения ресурсов Дальнего Востока подтверждает заинтересованность двух стран во взаимовыгодном сотрудничестве.

Ключевые слова: КНР, РФ, Дальневосточный регион, социально-экономическое развитие, природные ресурсы, инвестиционное сотрудничество

Problems of Using the Resources of the Far Eastern Region in the Context of Russian-Chinese Cooperation

Oksana I. Bodrova¹, Daria G. Merkulova²

^{1,2}Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

¹oksana-rul@yandex.ru, ²dgmerkulova@mail.ru

A wide range of interstate interaction determines the level of bilateral trust between the Russian Federation and the People's Republic of China; long-term cooperation in resolving environmental problems confirms the importance of the Far Eastern region as a promising territory. An analysis of the legislative framework for project activities in the field of development of resources in the Far East confirms the interest of the two countries in mutually beneficial cooperation.

Keywords: People's Republic of China, Russian Federation, Far Eastern Region, Socio-Economic Development, Natural Resources, Investment Cooperation

Отношения Китайской Народной Республики и Российской Федерации представляют собой многоуровневое и многовекторное сотрудничество. Одним из наиболее актуальных направлений в области реализации совместных усилий России и Китая является освоение ресурсов, и Дальний Восток в этом отношении представляет особый интерес для обеих стран как перспективный регион для претворения в жизнь взаимовыгодных проектов.

Согласно данным Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, статистика по товарообороту региона Дальнего Востока с Китайской Народной Республикой свидетельствует об увеличении объемов в два раза – 2 трлн р. в 2023 г., при этом пункты пропуска российского региона в том же году обработали 211 млн т товаров, в частности сухопутные пункты с нарастили грузооборот с 30 до 40,5 млн т, показывая рост более чем на треть [2]. Китайская сторона, помимо активизации сотрудничества в сфере торговли на территориях опережающего развития и в Свободном порту Владивосток, участвует в реализации проектной деятельности различных направлений в более чем пятидесяти целевых программах, размер инвестиций КНР достигает 816 млрд р. [Там же], что подтверждает заинтересованность Китая в активном сотрудничестве с Россией в данном регионе.

За последние несколько лет российская и китайская стороны заключили ряд соглашений и договоров, предусматривающих совместные действия по освоению ресурсов Дальнего Востока. В качестве знаковых примеров следует выделить «Программу разви-

тия российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы» [4], что соотносится с «Единой концепцией развития острова Большой Уссурийский» [6], а также с «Национальной программой социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г.)» [3], где определены важнейшие сферы экономики, способные вывести Дальневосточный регион на новый этап развития.

В постковидный период одним из наиболее актуальных вопросов в двусторонних и многосторонних отношениях России и Китая является фактор оживления экономики и поиск новых путей получения ресурсов и их реализации, ввиду чего необходимость освоения ресурсов Дальнего Востока, как региона, представляющего взаимный интерес, как для России, так и для Китая, очевидна. Регион представляет особую значимость в контексте получения большого числа биологических ресурсов, полезных ископаемых, а также представляет собой возможность развития промышленных и иных видов предприятий.

В мае 2024 г. в рамках экономического форума «АмурЭкспо» центральными аспектами пленарного заседания «Ценность межгосударственного партнерства в новом многополярном мире. Дальневосточные приоритеты» стали поручения Президента РФ Владимира Путина в контексте «...функционирования международных территорий опережающего развития, использования уникальной геогра-

фии Амурской области и накопленного опыта межрегионального сотрудничества на Дальнем Востоке» [2]. Форум проходил одновременно на двух площадках, в г. Благовещенске (Амурская область, РФ) и г. Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян, КНР), подобный формат международных конференций и форумов является на сегодняшний день традиционным, что подтверждает взаимное признание значимости и уважения двух сторон.

В рамках проведения форума «АмурЭкспо» отмечалось, что по поручению Президента РФ В. В. Путина был разработан «...специальный преференциальный режим для обеспечения наиболее удобных и безопасных условий инвестирования в совместные проекты – режим международных территорий опережающего развития (МТОР)» [Там же]. В настоящее время происходит формирование законодательной базы, регулирующей особенности реализации данного проекта, которая будет распространена на территории Дальнего Востока, в том числе в Амурской области. Участники форума, как с российской, так и с китайской стороны подчеркнули значимость отношений двух стран, особо выделив высокий уровень политического доверия, что следует считать «...залогом сохранения благоприятного климата для дальнейшего укрепления межрегиональных связей на длительную перспективу» [Там же].

В 2023 г. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) была включена в состав делегации Министерства промышленности и торговли Российской Федерации для участия в XVIII заседании постоянной российско-китайской рабочей группы по освоению и использованию лесных ресурсов [5]. На заседании, прошедшем в Пекине особое внимание было обращено к «Меморандуму о взаимопонимании между Министерством промышленности и торговли РФ и Министерством

коммерции КНР об углублении инвестиционного сотрудничества в области освоения и использования лесных ресурсов» [1], который вошел в пакет документов, подписанного Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином во время визита в Российскую Федерацию. Значимость сотрудничества в области лесопользования подчеркнул заместитель Министра промышленности и торговли Российской Федерации Олег Бочаров, «...российская сторона придает особое значение сотрудничеству с Китаем в сфере лесного комплекса, которое проходит под стратегическим руководством глав наших государств и достигло положительного прогресса» [6]. В ходе работы XVIII заседания постоянной российско-китайской рабочей группы по освоению и использованию лесных ресурсов были выделены основные направления совместной работы двух стран, а вопрос укрепления взаимодействия в сфере торговой инвестиционной политики по проектам, затрагивающим лесную промышленность стал одним из наиболее актуальных.

В заключение стоит отметить, что фактор освоения ресурсов Дальнего Востока, безусловно, является перспективным направлением для углубления российско-китайского сотрудничества. Регион обладает высоким потенциалом в контексте расширения сфер партнерства между странами, что стимулирует обмен специалистами и технологиями, а также повышает уровень экономической интеграции между государствами. Однако важно отметить, что при всех положительных аспектах реализации взаимовыгодных проектов, остаётся актуальной проблема обеспечения законодательной базы, регламентирующей соблюдение территориальной целостности и независимости российской стороны в контексте усиления экономической и политической интеграции между странами.

Список литературы

1. Меморандум о взаимопонимании между Министерством промышленности и торговли РФ и Министерством коммерции КНР об углублении инвестиционного сотрудничества в области освоения и использования лесных ресурсов. Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014967> (дата обращения: 08.08.2024).
2. Механизмы дальнейшего развития взаимодействия России и Китая обсудили в рамках форума «АмурЭкспо». Текст: электронный // АмурЭкспоФорум. URL: <https://roscongress.org/news/mechanizmy-dalnejshego-razvitiya-vzaimodejstviya-rossii-i-kitaja-obsudili-v-ramkah-foruma-amurekspo-24-05-2024-1> (дата обращения: 08.08.2024).
3. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. Текст: электронный // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье». URL: <https://madviz.ru/files/docs/2020/a2382c3a7402c6606ce7.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).

4. Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы. Текст: электронный // Министерство коммерции Китайской Народной Республики. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 08.08.2024).

5. Россия и Китай будут наращивать сотрудничество в области освоения и глубокой переработки лесных ресурсов Дальнего Востока. Текст: электронный // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://erdc.ru/news/rossiya-i-kitay-budut-narashchivat-sotrudnichestvo-v-oblasti-osvoeniya-i-glubokoy-pererabotki-lesnykh> (дата обращения: 08.08.2024).

6. Соглашение о совместном развитии Большого Уссурийского острова. Текст: электронный // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства. URL: <https://madviz.ru/files/docs/2020/a2382c3a7402c6606ce7.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).

Сведения об авторах

Бодрова Оксана Ивановна, канд. ист. наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, oksana-rul@yandex.ru

Меркулова Дарья Григорьевна, ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, dgmerkulova@mail.ru

Information about the authors

Oksana I. Bodrova, Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of Oriental Languages and Linguoculturology at the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, oksana-rul@yandex.ru

Daria G. Merkulova, Assistant at the Department of Oriental Languages and Linguoculturology at the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, dgmerkulova@mail.ru

УДК 330.34(476+510)

Место и роль Брестской области в развитии экономического сотрудничества Беларуси и Китая

Наталья Николаевна Ковалёва

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь
nataliakavaliova4@gmail.com

В статье на основании документов и материалов анализируются основные направления и формы сотрудничества Брестской области и Китая, сложившиеся с учетом геополитического положения Брестского региона, отраслевой специализации промышленности, приоритетных интересов партнёров и особенностей современной политической ситуации.

Ключевые слова: сотрудничество, торговля, прямые инвестиции, регионы, совместные предприятия, транспортировка грузов

The Place and Role of the Brest Region in the Development of Economic Cooperation between Belarus and China

Natallia N. Kovaliova

Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus
nataliakavaliova4@gmail.com

The article, based on documents and materials, analyzes the main directions and forms of cooperation between the Brest region and China, which have developed taking into account the geopolitical position of the Brest region, the specifics of the sectoral specialization of industry, the priority interests of partners and the characteristics of the current political situation.

Keywords: Cooperation, Trade, Direct Investment, Regions, Joint Ventures, Cargo Transportation

Одна из самых молодых в Беларуси, созданная в 1939 г., Брестская область занимает четвертое место по территории и третье по населению среди областей республики. Не от-

носясь к основным индустриальным районам Беларуси, Брестская область в условиях, когда многие промышленные гиганты республики вынуждены были снизить темпы производ-

ства, главным образом из-за неблагоприятной конъюнктуры на внешних рынках и перебоев с поставками сырья, демонстрирует устойчивый рост производства продукции, ориентируясь на развитие обрабатывающей промышленности, особенно, на переработку продукции сельского хозяйства, занимая 2-е место по производству сельхозпродукции после Минской области.

Контакты между Китаем и Брестской областью были установлены более 30 лет назад. К этому времени в результате визита в Китай делегации, возглавляемой Председателем Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевичем в январе 1993 г. произошло укрепление договорно-правовой базы двусторонних отношений. Сторонами было подписано семь документов, включая межправительственное соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций [6]. В последующие годы договорно-правовая база двусторонних отношений Беларуси и Китая охватила все ключевые области сотрудничества.

Первое соглашение о сотрудничестве и развитии партнёрства между городами Брест и Сяогань (провинция Хубэй) было заключено еще в 1993 г. В это время экономика области, как и всей республики, находилась в состоянии кризиса. Интенсивному развитию сотрудничества в 90-е гг. – начале 2000-х гг. препятствовало низкое качество белорусских товаров, при довольно высокой цене, и недостаточная платежеспособность белорусских субъектов хозяйствования. Китайский рынок первыми стали осваивать производители мясной и молочной продукции. В последующие годы произошла диверсификация товарной номенклатуры, как экспорта (молочная сыrovotka, изделия из графита, камня, льна, лесоматериалы, сухое молоко, мясо крупного рогатого скота и другие товары), так и импорта из Китая (шины, пигменты, крепежная арматура, смолы нефтяные и т. д.). Крупнейшими экспортёрами продукции сегодня являются ОАО «Савушкин продукт» (занимающий в промышленном производстве г. Бреста более 30%), СП «Санта Бремор», ОАО «Брестский мясокомбинат», выпускающие продукцию высокого качества. В 2023 г. Китай стал вторым (после России) по величине товарооборота торговым партнёром Брестчины [1].

Развивая отношения с Китаем, руководство области, стремилось не только к наращиванию экспорта, но и к привлечению в экономику китайского капитала. С появлением в области преференциальных зон – Брестского

научно-технологического парка, ставшего центром притяжения малого бизнеса и инновационных стартапов, и расширения свободной экономической зоны «Брест» – возникли возможности для организации совместной работы, направленной на создание современных высокотехнологичных производств на основе прямых инвестиций. При создании первой в Республике Беларусь свободной экономической зоны «Брест» (1996) учитывалось выгодное географическое положение Бреста, близость к главным автомобильным, железнодорожным, речным и воздушным путям сообщения, и наличие производственных площадей, обладающих развитой инженерно-транспортной инфраструктурой. Эти же факторы определили и привлекательность региона для китайских инвесторов. В 2015 г. на территории СЭЗ «Брест» был реализован с использованием китайских инвестиций и технологий проект (ООО «Арлайт и К») по производству светодиодов, на основе которых изготавливаются светодиодные ленты и световые приборы под брендами Arlight и LichtAR. Компания «БУГИНКОМ», являющаяся резидентом свободной экономической зоны с 2009 г, целенаправленно развивала кооперационное взаимодействие с китайскими партнёрами в производстве фурнитуры для мебельной отрасли, а в июле 2023 г. СЭЗ «Брест» установила контакты с китайской компанией Unicorn, которая занимается производством изделий из металла, используемых, в том числе, при изготовлении мебели. В 2021 г. «Концерн Брест-мясокомпром» и китайская компания WEITA Baoding Co., Ltd подписали соглашение о строительстве предприятия по изготовлению гепарина натрия и кормового белка. По объёму китайских инвестиций в реальный сектор экономики в 2021 г. Брестская область заняла третье место в республике (1,2 млн долл.) после Минска и Минской области [5, с. 42–43].

Важным направлением сотрудничества стало развитие контактов между Брестской областью и отдельными регионами Китая. С 1994 г. вступило в действие соглашение об установлении дружеских связей между Брестской областью и провинцией Хубэй. Начиная с 2014 г. Брестская область установила контакты еще с тремя китайскими провинциями: Аньхой, Шаньси и Ляонин. Особенно активно развивалось сотрудничество между городами-побратимами Брестом и Сяогань, а рамках которого брестские предприятия («Савушкин продукт», мясокомбинат и другие) и китайские компании напрямую заключали соглашения о

взаимных поставках продуктов. Развивая взаимодействие, регионы со временем смогли вывести сотрудничество с локально-точечных деловых контактов между отдельными субъектами хозяйствования на более высокий уровень одновременно по всему широкому спектру потенциальных направлений. 20 мая 2022 г. руководители Брестской области и провинции Хубэй подписали дорожную карту на 2022–2024 гг., включающую план мероприятий по развитию торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества [7].

В рамках сотрудничества с провинцией Аньхой компания JAC Motors, которая занимается производством микроавтобусов, выразила заинтересованность в создании совместного производства с ОАО «Брестмаш» по выпуску малотоннажных автомобилей и микроавтобусов. К настоящему времени уже есть положительный опыт сотрудничества в этом направлении. Аньхойская внешнеэкономическая строительная корпорация выиграла тендер на строительство жилых домов в Брестской области по генподряду с привлечением технико-экономической помощи Китая. В результате в области были возведены четыре 10-этажных дома [2, с. 10].

В различных сферах развивается и сотрудничество с провинцией Ляонин. В июне 2024 г. во время визита делегации города Далайянь в Брест было подписано соглашение о дружбе и сотрудничестве, нацеленное на углубление взаимодействия в области экономики, медицины, образования и туризма. Руководство Брестского горисполкома проявило, в частности, большую заинтересованность в привлечении китайского инвестора к строительству гостиницы в Бресте [4].

Во время визита Александра Лукашенко в Китай в феврале-марте 2023 г. было подписано соглашение об установлении побратимских отношений между провинцией Шаньси КНР и Брестской областью Республики Беларусь. И уже в ноябре 2023 г. руководство Брестской области и провинции Шаньси наметили перспективы сотрудничества фармакологических компаний ОАО «Экзон» и «Данинтан».

После принятия Китаем программы «Один пояс – один путь», когда Беларусь превратилась в своего рода «логистический перекресток», неизмеримо выросло значение Брестской области. Географическое положение Брестской области на пересечении важных магистралей, соединяющих Восток и Запад, делает ее идеальным пунктом для логи-

стики товаров внутри страны и на экспорт, а, значит, уникальной для развития внешнеторговых отношений с Китаем. Из трёх возможных вариантов экономического пояса шелкового пути самым выгодным был признан Северный коридор, который пересекает наименьшее количество стран из трёх альтернативных железнодорожных коридоров из Китая в Европу [3, с. 200–201]. Для использования этого коридора Беларуси, также как и России, пришлось решать серьёзные проблемы, связанные с низким уровнем развития инфраструктуры, изыскивая дополнительные инвестиции. В марте 2021 г. была принята Государственная программа «Транспортный комплекс», рассчитанная на 2021–2025 гг., определившая источники финансирования мероприятий по совершенствованию транспортного комплекса республики, а также поставившая дополнительные задачи перед унитарным предприятием Белинтертранс (транспортно-логистическим центром), имеющим филиалы в различных городах республики, первый из которых был создан в Бресте (1992). Брестский филиал транспортно-логистического центра, наряду и ТЛЦ «Колядичи», расположенным в Минской области, стали крупнейшим ТЛЦ в Беларуси, оказывающими весь комплекс экспортно-импортных услуг по грузовым перевозкам, включая контейнерные перевозки по белорусской железной дороге. Здесь ведется обработка и перевалка грузов в регионы Беларуси, а также в страны СНГ, Балтии и дальше зарубежье с использованием возможностей, как железнодорожного транспорта, так и интермодальных перевозок.

Китайская сторона также приняла участие в совершенствовании транспортного комплекса Беларуси. В г. Барановичи (Брестская область) в 2016 г. было зарегистрировано предприятие ЦРРЦ-КУЭК ЖелДорТехника, в которое китайские инвесторы вложили 1 млн долл. по поставке запасных частей для электроваз и оказанию услуг по гарантийному и послегарантийному их обслуживанию [2, с. 7–8]. В феврале 2017 г. в районе парка Заречица станции Брест-Северный по межправительственному соглашению между Беларусью и Китаем введен в строй инспекционно-досмотровый комплекс, предназначенный для контроля товаров, перемещаемых железнодорожным транспортом.

Проведенные мероприятия создали дополнительные возможности и для транспортировки грузов из Беларуси в Китай. Многие экономисты и хозяйственники обращали внима-

ние на ненормальность ситуации, когда белорусские товары ввозились из Беларуси в Китай через Сингапур или Чили. С целью продвижения продукции белорусских предприятий на рынок КНР Белорусская железная дорога и транспортно-логистическая платформа Yu-XinOu Logistics (г. Чунцин, КНР) достигли договоренности об организации перевозок путем присоединения груженых одиночных контейнеров к транзитным контейнерным поездам, следующим из стран Европы назначением в КНР. В настоящее время в направлении Китай – Западная Европа – Китай по белорусской территории курсирует уже восемь контейнерных поездов, большинство из них – через Брест.

Новая ситуация, с одной стороны, создала дополнительные стимулы у руководства Беларуси и Брестской области для модернизации собственной экономики, а с другой, повысила заинтересованность китайской стороны в создании совместных предприятий на территории Брестской области, продукция которых также может стать предметом экспорта. Укреплению производственных потенциалов двух стран будет способствовать, и совмест-

ная реализация крупных инвестиционных проектов высокотехнологической направленности, таких как, например, совместное предприятие Savushkin (Dailan) Intl Trading Co. Ltd, зарегистрированное ОАО «Савушкин продукт» в 2023 г., в адрес которого поставляют сухую молочную сыворотку, сырный жир, цельномолочные продукты.

Таким образом, Брестская область в силу отраслевой специализации промышленности, наличия преференциальных зон и поддержки со стороны руководства совместных предприятий, сложившейся транспортно-логистической базы, особенностей её географического положения представляет интерес для Китая с точки зрения реализации его стратегических целей. С другой стороны, развитие взаимовыгодного сотрудничества с Китаем является важным фактором ускорения экономического развития области. Однако введенные в последнее время санкционные ограничения в отношении грузоперевозок в Европу снижают привлекательность Беларуси в целом и Брестской области, в частности, как партнера в развитии сотрудничества.

Список литературы

1. Волчек Н. Международный форум деловых контактов «Брест-Китай. Стратегическое партнерство» проходит в Бресте // Вечерний Брест. 2024. 23 апр.
2. Залесский Б. Брестская область – провинции Китая: перспективы взаимовыгодного сотрудничества // Стратегии рекламного продвижения: сб. ст. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. С. 7–11.
3. Ковалев М. М., Королева А. А., Дутина А. А. Транспортная логистика в Беларуси: состояние, перспективы. Минск: БГУ, 2017. 327 с.
4. Олейник Михаил. Делегация китайской провинции Ляонин посещает Брестчину // Вечерний Брест. 2024. 1 июня.
5. Преснякова Е. Межрегиональное сотрудничество Беларуси и КНР в производственной сфере. Текст: электронный // Наука и инновации. 2022. № 6. С. 40–45. URL: <https://innosfera.belnauka.by/jour/article/view/79/77> (дата обращения: 16.05.2024).
6. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций (11 января 1993 г.). Текст: электронный // Право. Законодательство Республики Беларусь. URL: <http://levonevski.net/pravo/razdel3/num7/3d711.html> (дата обращения: 16.05.2024).
7. Ярмошук Н. В Бресте подписали план мероприятий по сотрудничеству с китайской провинцией Хубэй // Беларусь сегодня. 2022. 20 мая.

Сведения об авторе

Ковалёва Наталья Николаевна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь, natalliakavaliova4@gmail.com

Information about the author

Natallia N. Kovaliova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of Humanities, Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus, natalliakavaliova4@gmail.com

УДК 339(470+571)+(510)

Направления сотрудничества таможенных служб России и Китая**Татевик Вартановна Григорян***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

Tatevick.1@yandex.ru

В статье рассматриваются направления сотрудничества таможенных служб двух государств – России и Китая. Отмечается, что российско-китайское сотрудничество характеризуется стабильно высокой динамикой развития и достижением договоренностей, получающих закрепление в виде международных юридически значимых документов, по некоторым ключевым аспектам, безусловно, исходя из своих государственных интересов, взятых на себя международных обязательств. Делается вывод, что дальнейшее целенаправленное развитие торгово-экономических связей между государствами априори предполагает необходимость дальнейшего сотрудничества по различным вопросам из области таможенного дела и внешнеторговой деятельности с уклоном на конкретные процессы автоматизации и цифровизации, реализации на практике идеи «бизнес без границ».

Ключевые слова: товарооборот, таможенные службы, Россия, Китай, двустороннее сотрудничество

Cooperation Areas between the Customs Services of Russia and China**Tatevik V. Grigorian***Transbaikal State University, Chita, Russia*

Tatevick.1@yandex.ru

The article examines the cooperation areas between the customs services of the two countries – Russia and China. It is mentioned that Russian-Chinese cooperation is characterized by consistently high development dynamics and the agreements achievement that are secured in the international legally significant documents form on some key aspects, certainly, also based on their state interests and international obligations. It is concluded that trade and economic relations further purposeful development between the countries obviously implies the need for further cooperation on various issues in the field of customs and foreign trade activities, with a focus on particular processes of automation and digitalization, and the practical implementation of the “business without borders” idea.

Keywords: Trade Turnover, Customs Services, Russia, China, Bilateral Cooperation

Сотрудничество России и Китая, в том числе внешнеэкономическое, имеет давнюю историю. Если не затрагивать исторический аспект развития двухстороннего сотрудничества, которое на протяжении долгих лет является взаимовыгодным, а взглянуть на перспективы развития, то они характеризуются амбициозностью. В перспективе к 2040 г. намечены действия по увеличению российско-китайского товарооборота почти в два раза по сравнению с нынешними показателями, – и такие амбициозные цели вполне реально достижимы, учитывая, огромный промышленный, торговый и иной потенциал двух государств, в том числе беря во внимание востребованность российско-китайской платформы цифровой оптовой торговли КИФА [1].

По мере развития внешнеторговых отношений между государствами, возникла объективная необходимость в развитии сотрудничества между государственными службами этих стран, в частности – таможенными службами. Одним из важных двусторонних документов является Соглашение о сотрудниче-

стве и взаимном содействии по таможенным вопросам, которое было заключено в Москве 3 сентября 1994 г. [2]. В данном документе сказано, что содействие выполняется в форме направления запросов, а полученные по запросу информация, документы и сведения используются исключительно в таможенных целях и иных целях, не противоречащих достигнутым договоренностям.

В связи с вышесказанным, важно отметить прошедшее в период с 17 по 21 мая 2024 г. российско-китайское ЭКСПО, которое состоялось уже восьмой раз. Причем, в процессе организации и проведения данного мероприятия, направленного на развитие межрегионального сотрудничества, большую роль сыграло своевременное совершение таможенных операций и эффективное проведение таможенного контроля в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу, необходимых для проведения соответствующей выставки.

Ежедневно огромное количество товаров, в том числе международных почтовых отпра-

лений, перемещается через таможенную границу и, соответственно, проходит таможенный контроль. Поэтому на таможенные органы возлагается огромный пласт полномочий в сфере контроля за перемещением через таможенную границу товаров.

Обеспечивая экономическую безопасность, в рамках своих полномочий, таможенные органы содействуют реализации стратегических целей и задач государства и в то же время применяют новые и усовершенствованные инструменты в своей профессиональной деятельности, позволяющие ускорить, упростить, унифицировать совершение таможенных операций, форм и мер таможенного контроля (около 90 % товарных партий выпускаются таможенными органами в течение четырех часов с момента регистрации таможенной декларации; в отношении менее 2 % товарных партий проводится таможенный досмотр), тем самым содействуя развитию внешней торговли. Отдельную важную роль играют в этом процессе инновационные автоматизированные информационные технологии, в особенности те из них, которые относятся к цифровым информационным технологиям, а также технологиям, основанным на искусственном интеллекте («умные пломбы» на основе GPS и ГЛОНАСС; системе «единое окно» (с участием компаний Nutech и Huawei со стороны Китая, портала «Морской порт» – в России); технологии автоматизированного взимания таможенных платежей и другие).

Сотрудничество таможенных служб России и Китая на практике отчетливо отражается в конкретных действиях правового характера, следствием которых являются принятые совместно решения. В частности, с целью обеспечения бесперебойного товаропотока через государственные границы было принято решение с 15 мая 2023 г. изменить время работы многосторонних автомобильных пунктов пропуска на территории России. В частности, многосторонний автомобильный пункт пропуска Забайкальск был переведен на круглосуточный режим работы, предполагающий посменный график работы должных лиц таможенных органов, введя дневную и ночную смены работы. Кроме того, было продлено время работы двух многосторонних автомобильных пунктов пропуска – Пограничное и Краскино до 23:00 и 21:00 часа соответственно. Также в 2022 г. была увеличена штатная численность дальневосточных таможен, а в 2023 г. – и во Владивостокском центре электронного декларирования.

Особого внимания с нашей стороны заслуживают те направления сотрудничества, которые относительно недавно были введены. Так, таможенные органы России и Китая договорились на официальном уровне о взаимном признании результатов таможенного контроля, об обмене рентгеновскими снимками инспекционно-досмотровых комплексов по результатам таможенного осмотра, эксплуатируемых в пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе. Кроме того, в целях повышения эффективности таможенного осмотра товаров и транспортных средств, перемещаемых через российско-китайскую государственную границу, проводится обмен опытом по использованию инспекционно-досмотровых комплексов [3].

Обозначив таможенный контроль, важно сказать и о сотрудничестве таможенных служб двух стран в области управления рисками. Еще 1 ноября 2017 г. было подписано соответствующее Соглашение в целях развития двустороннего и взаимовыгодного сотрудничества.

В настоящее время Федеральная таможенная служба Российской Федерации и Главное таможенное управление Китайской Народной Республики взаимно признали статус такого юридического лица, пользующегося упрощениями, как уполномоченного экономического оператора, что в полной мере способствует обеспечению безопасности и соблюдению законодательства в отношении всей цепи поставок товаров, в том числе при контейнерных перевозках. Таможенные органы двух стран проводят регулярный обмен информацией об уполномоченном экономическом операторе и его деятельности и используют полученную информацию в таможенных и иных целях [4].

В статусе обсуждения находятся многие вопросы, направленные на развитие трансграничного сотрудничества. В частности, введение и правовое регулирование электронной коммерции [5], создание института уполномоченного оператора интернет-торговли и другие.

Стоит кратко сказать и о том, что должностные лица таможенных органов в своей практической деятельности ежедневно выявляют и пресекают факты незаконного перемещения товаров через таможенную границу сопредельных государств. По направлению Россия-Китай часто пассажиры пытаются незаконно вывезти в ручной клади культурные ценности (картины великих художников, ста-

ринные монеты, отчеканенные в различные периоды времени и другие). Тем самым недекларирование товаров и не соблюдение установленных запретов и ограничений, согласно законодательству Российской Федерации, ведет к возбуждению дел об административном правонарушении (например, в соответствии со статьями 16.2 и 16.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [6]. Контрабанда боевой экипировки военнослужащих, стратегически важных товаров и ресурсов (статья 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), будь то ценных пород леса, золотых слитков, кедровых орехов, экзотических животных (например, обезьян, лемуру) пресекается правоохранительными органами [7].

Отдельно нужно отметить достигнутые договоренности по организации совместных действий в пунктах пропуска и местах почтового обмена по предотвращению незаконного перемещения через российско-китайскую государственную границу ядерных материалов, радиоактивно-опасных предметов, радиоактивных веществ и отходов [8]. Взаимодействие также проводится по вопросам оснащения инновационными технологиями и оборудованием радиационного контроля.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что последнее десятилетие таможенные службы России и Китая, несмотря на различные международные «катаклизмы», будь то эпидемия «ковид», санкционная поли-

тика в отношении России и других, продолжают сотрудничать и оказывать взаимную помощь в таможенных делах, создавая тем самым благоприятные условия для торгово-экономического развития государств, содействуя торгово-сотрудничеству, обеспечивая безопасность цепи поставок товаров при организации международных перевозок. Минимизация торговых издержек, проведение профилактических мероприятий, направленных на предотвращение нарушения международных договоров, законодательных и иных нормативно-правовых актов России и Китая; применение системы управления рисками; оказание помощи по административным делам и многое другое также способствует укреплению сотрудничества между государствами.

В целом, российско-китайское государственное сотрудничество характеризуется высокой динамикой развития и постепенным развитием правовой базы, безусловно, исходя из своих государственных интересов и взятых на себя международных обязательств. Такая необходимость обусловлена ежегодным ростом российско-китайского товарооборота. Поэтому дальнейшее целенаправленное развитие торгово-экономических связей между государствами априори предполагает необходимость дальнейшего сотрудничества по различным вопросам из области таможенного дела с уклоном на процессы автоматизации и цифровизации, реализации на практике идеи «бизнес без границ».

Список литературы

1. КИФА: цифровая торговля: [официальный сайт]. URL: <https://www.qifa.ru> (дата обращения: 09.08.2024). Текст: электронный.
2. О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах: постановление Правительства Российской Федерации: [от 8 сентября 1994 г. № 1037] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 19 сент. № 21. Ст. 2412.
3. О проведении переговоров о заключении Протокола между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики в области обмена данными, полученными в результате использования инспекционно-досмотровых комплексов, проводимого в рамках взаимного признания результатов таможенного контроля в отношении определенных видов товаров, с целью повышения эффективности таможенного контроля: распоряжение Правительства Российской Федерации [от 4 октября 2017 № 2151-р] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. 9 окт. № 41. Ст. 6072.
4. Протокол между Федеральной таможенной службой Российской Федерации и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о взаимном признании статуса уполномоченного экономического оператора (Москва, Пекин, 4 февраля 2022 г.). Текст: электронный // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnye-dogovory,-zaklyuchen/kitaj> (дата обращения: 03.08.2024).
5. Соглашение между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области управления рисками (Пекин, 1 ноября 2017 г.). Текст: электронный // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnye-dogovory,-zaklyuchen/kitaj> (дата обращения: 03.08.2024).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек. № 25.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

8. Протокол между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о взаимодействии в области предотвращения незаконного перемещения через российско-китайскую государственную границу ядерных материалов и радиоактивных веществ (Москва, 13 октября 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 42. Ст. 5771.

Сведения об авторе

Григорян Татевик Вартаковна, канд. филос. наук, доцент кафедры административного права и таможенного дела, международный факультет права и бизнеса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, Tatevick.1@yandex.ru

Information about the author

Tatevik V. Grigorian, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Department of Administrative Law and Customs Affairs of the Faculty of International Law and Business, Transbaikals State University, Chita, Russia, Tatevick.1@yandex.ru

УДК 94(470+571)+(510)

Исследовательский проект «Жизнь и судьба участника Маньчжурской операции»

Татьяна Николаевна Потемкина¹, Лариса Владимировна Мурзакина²

¹*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

²*Баунтовская централизованная библиотечная система, с. Багдарин, Республика Бурятия, Россия*

¹tn.potemkina@mail.ru, ²bauntcbs@rambler.ru

В статье освещаются результаты исследовательского проекта, посвященного поиску биографических данных и сведений о месте захоронения воина-эвенка Батора Петровича Френденштейна, погибшего в боях за Хайларскую крепость в августе 1945 г. в результате Маньчжурской операции. В статье говорится о коренных малочисленных народах Севера, проявивших смелость и отвагу в борьбе с фашистскими захватчиками и японскими милитаризмом.

Ключевые слова: эвенки, Б. П. Френденштейн, Хайларская крепость, город Хулун-Буир, сопка Сяогушань, Маньчжурская операция

The Research Project "The Life and Fate of a Participant in the Manchurian Operation"

Tatiana N. Potemkina¹, Larisa V. Murzakina²

¹*Transbaikals State University, Chita, Russia*

²*Baunt Centralized Library System, Bagdarin Village, Republic of Buryatia, Russia*

¹tn.potemkina@mail.ru, ²bauntcbs@rambler.ru

The article highlights the results of a research project dedicated to the search for biographical data and information about the burial place of the Evenk warrior Frindishtein Bator Petrovich, who died in the battles for the Hailar fortress in August 1945 because of the Manchurian operation. The article talks about the indigenous small peoples of the North who showed courage and bravery in the fight against the fascist invaders and Japanese militarism.

Keywords: Evenki, B. P. Frindishtein, Kalar Fortress, Hulunbuir City, Xiaogushan Hill, Manchurian Operation

«Какова цена, которую заплатили за Победу коренные малочисленные народы?» До сих пор отсутствуют точные данные о числе, особенно об именах, призванных в Красную Армию представителей малочисленных народов. Восстанавливать сейчас эти списки сложно: уже не осталось очевидцев этих событий,

в архивных документах не всегда указывалась национальность бойца [17].

7 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА», которое напрямую касалось коренных малочисленных народов Севера [4]. 1 сентября 1939 г. Вер-

ховным советом СССР утвержден закон «О всеобщей воинской обязанности». Призыв первых лет войны не распространялся на данные народы, на это был особый указ Государственного комитета обороны.

Но, несмотря на освобождение от воинских обязанностей, в военкоматы приходили сотни добровольцев из числа коренных народов, что, учитывая и на ту пору их малую численность, было очень много [17].

Для всех малочисленных народов Севера эта война была первой. Баунтовский эвенкийский район Республики Бурятия призвал на фронт 116 эвенков, которые проявили невероятную смелость и отвагу. Охотники-эвенки на войне очень ценились: за меткость их записывали в снайперские подразделения, а за умение ориентироваться на местности они зачастую попадали в состав разведгрупп. Осложняла задачу на службе природная стеснительность и незнание русского языка [2].

В рамках проекта «Эвенки Баунта Великой Победе» мы занимаемся поиском, изучением и сохранением исторических фактов о воинах Баунтовского эвенкийского района. Судьбы многих отправленных на фронт эвенков узнаются их потомками только сейчас, спустя долгие годы.

Целью данного исследования является поиск биографических сведений и информации о воинском захоронении участника Великой Отечественной войны Френдинштейна Батора Петровича, эвенка по национальности.

Стоит отметить, что фамилия Батора Петровича в документальных источниках пишется по-разному, и в связи с этим мы будем использовать тот вариант, который указан в том или ином документе.

Согласно данным личного дела, сохранившегося в Государственном архиве Республики Бурятия, «Фриндиштейн Батор Петрович родился в августе 1916 г. в селе Белые Воды (с эвенк. яз. «Элэхукэн») Баргузинского района Забайкальской области в бедной крестьянской семье» [9, л. 7]. «По переписи 1896 г. в Беловодско-Хабаржанском улусе проживал 251 чел., из них 125 лиц мужского пола, 126 лиц женского пола. Всего было 48 дворов» [18]. Сейчас села Белые Воды не существует.

В анкете, прилагающейся к заявлению на вступление в ряды коммунистической партии Советского Союза и кандидатом в члены ВКП (б) от 28.01.1940 г., Батор Петрович указывает, что в 1921 г. остался сиротой, воспитывался у дяди по отцовской линии, окончил 6 классов. На момент написания заявления Фрин-

диштейн работал заведующим Красным чулом, а в феврале этого же года был принят в ряды ВКП (б) [9, л. 7].

1940 г. стал знаковым в жизни Батора Петровича: в октябре он был отправлен на декаду бурят-монгольского искусства, проходившую в Москве, в качестве руководителя эвенкийского хора из 27 чел. Об этом событии сообщается в статье районной газеты «Красный Баунт» от 1940 г. [13]. Также указывается, что Б. П. Френдиштейн проходил длительную подготовку к декаде в Доме творчества и филармонии г. Улан-Удэ [10, л. 7; 13]. Он еще успел проявить себя и в качестве артиста: «в «Баире» Батор играл роль охранника дворца хана, в «Энхе-Булат-Баторе» – старика, носильщика хана» [13].

В столицу делегация прибыла 3 октября. Батор Петрович «видел вождей советского народа и среди вождей видел человека, которого знает весь мир, которого любит все трудовое человечество – он видел тов. Сталина <...>. И особенно было радостно Батору, когда его представили к высокой награде, и М. И. Калинин прикрепил к молодой груди Батора медаль «За трудовую доблесть»» [Там же].

Когда началась война, Б. П. Френдинштейн проживал в с. Багдарин. Это подтверждают записи из «Именного списка жителей военных лет Багдаринского поселкового Совета депутатов трудящихся» и «Списка населения 1940–1946 гг. Баунтовского района. Эвенки»: с. Багдарин, № 723 Френдинштейн Батор Петрович, 1916 г. р., эвенк, с декабря 1941 г. в РККА [6; 14].

12 декабря 1941 г. Баунтовским РВК Б. П. Френдинштейн был призван в ряды Красной армии [16].

Информации о том, где воевал Б. П. Френдинштейн с 1941–1944 гг., пока обнаружить не удалось. По данным «Книги Памяти Баунтовского района», «Книги Памяти Республики Бурятия», сайта «Память народа: подлинные документы о Второй Мировой войне» известно, что Б. П. Френдинштейн был сержантом, командиром отделения 94 стрелковой дивизии, погиб 14 августа 1945 г. Хайлар, Маньчжурия [5; 7; 11].

Согласно «Именному списку безвозвратных потерь личного состава 94 стрелковой дивизии за период с 9–17 августа 1945 года» о гибели воина было сообщено жене А. Н. Ганюгиной [3]. По «Именным спискам жителей военных лет Багдаринского поселкового Совета депутатов трудящихся» она работала воспитателем в детском саду [6].

В Хайларе в августе 1945 г. шли ожесточенные бои между частями 36 армии Забайкальского фронта, 80 пехотной бригадой и 6-тысячным гарнизоном Хайларского укрепленного района. Для его ликвидации была создана специальная группа, которая штурмовала его девять дней. По данным Совинформбюро известно, что в боях на Дальнем Востоке погибло 8 912 чел. Каждый седьмой солдат пал, сражаясь за Хайларскую крепость [12].

Изучив документы, мы решили начать поиск воинского кладбища, где похоронен наш земляк.

Нами была найдена информация о советских захоронениях. В общем списке под номером 69 числится «Советское воинское кладбище на сопке Сяогушань в районе Хайлар г. Хулун-Буир». А под номером 979 в «Списке советских военнослужащих, погибших в районе города Хайлара в августе – сентябре 1945 г.» – Френденштейн Батор Петрович [1].

Автором материала, опубликованного на сайте, является С. Ю. Еремин, руководитель Исторической секции Русского клуба в Харбине, член РГО г. Владивосток. В ходе переписки с Сергеем Юрьевичем, а также при помощи представителя Минобороны России А. А. Кисенко, ответственного за организацию и ведению военно-мемориальной работы за рубежом в Китайской Народной Республике, нам удалось получить фотографии воинского захоронения и фото мемориальной плиты с именем Б. П. Френденштейна.

«На сопке Сяогушань похоронено 1 086 военнослужащих 36-й армии Забайкальского фронта, погибших в ходе боев с частями японской Квантунской армии за освобождение Хайлара в период с 9–19 августа 1945 г. В де-

кабре 1945 г. на этом месте был возведен памятник. С двух сторон от памятника расположены 8 могил, на которых размещены 24 плиты с фамилиями и воинскими званиями похороненных воинов. В 2009 г. мемориальное кладбище было внесено в перечень объектов культурного наследия г. Хулун-Буир. Шефствует над захоронением Народное правительство г. Хулун-Буир» [8; 19].

«В настоящее время 234 ступени ведут на холм Сяогушань – Сиротка на восточной окраине Хайлара. Здесь сохранились 24 братские могилы, где покоятся 1 130 павших героев Красной Армии. Китайские историки справедливо называют их победу над Японией крупнейшим военно-дипломатическим достижением России с 1917 года» [15].

Герой нашего исследования Батор Петрович Френденштейн хотел стать солистом эвенкийского хора, артистом филармонии, мечтал о счастливом будущем [13], но его планам не суждено было сбыться. «Цена Великой Победы – судьбы целых народов, которые на долгие годы, десятилетия были искорежены войной» [17].

Итоги исследования: найдены документы, подтверждающие факты захоронения, место захоронения, получено фото мемориальной плиты с именем Б. П. Френдинштейна, личные дела по Б. П. Френденштейну в Государственном архиве Республики Бурятия, статья 1940 г., родственники воина не найдены, но их поиск продолжается.

Что предстоит сделать: продолжить поисковую работу по Б. П. Френденштейну (личное фото, боевой путь), найти контакты для сотрудничества с целью посещения советского воинского захоронения на территорию Китая.

Список литературы

1. Воинские захоронения КНР. Текст: электронный // Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – Общество изучения Амурского края. URL: <https://xn--80aphn.xn--p1ai/voinskie-zakhoroneniya-na-territorii-knr> (дата обращения: 23.06.2024).
2. Галерея славы эвенкийских воинов Баунта: документально-краеведческое издание / сост. Л. В. Мурзакина. Багдарин: Баунтовская ЦБС, 2020. 150 с.
3. Именной список безвозвратных потерь личного состава 94 стрелковой дивизии за период с 9 августа по 17 августа 1945 года. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 24.06.2024). Текст: электронный.
4. Какие народы не призывали в армию во время ВОВ. URL: https://weekend.rambler.ru/read/40634106-kakie-narody-ne-prizyvali-v-armiyu-vo-vremyavov/?utm_source=copysharing&utm_medium=social (дата обращения: 24.06.2024). Текст: электронный.
5. Книга Памяти Баунтовского района / авт.-сост.: А. В. Точнов [и др.]. Улан-Удэ: НоваПринт, 2020. 506 с.
6. Книга памяти Баунтовского эвенкийского района / ред.-сост. Е. Ф. Куренная. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 319 с.
7. Книга Памяти Республики Бурятия / ред. Б. С. Семенов, И. Я. Сыщук. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1994. 719 с.

8. Место памяти. URL: <https://xn--80ajknckhoje6l.xn--h1aaidg8g.xn--p1ai> (дата обращения: 25.06.2024). Текст: электронный.
9. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. Р-53. Оп. 01. Д. 928.
10. НАРБ. Ф. Р-53. Оп. 01. Д. 1062.
11. Память народа. 1941–1945. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 25.06.2024). Текст: электронный.
12. Советско-японская война 1945 г. Взгляд доктора Дацышена на события и проблемы. Текст: электронный // СЧИТА.RU. URL: <https://www.chita.ru/text/longread/2021/09/11/71206994> (дата обращения: 26.06.2024).
13. Сотников К. Солист эвенкийского народа // Красный Баунт. 1940. 15 дек. С. 2.
14. Список населения за 1940–1946 гг. Баунтовского района. Эвенки // Муниципальный архив МЛ «Баунтовский эвенкийский район».
15. Тарасов А. Честь и Победа. URL: https://expert.ru/siberia/2008/17/chest_i_pobeda (дата обращения: 24.06.2024). Текст: электронный.
16. Френдинштейн Батор Петрович // Список призывников Баунтовского РВК Бурят-Монгольской АССР, призванных в Красную Армию в 1938–1945 гг. / сост. «Музей народов Севера Бурятии им. А. Г. Позднякова». Багдарин: [б. и.], 2020. 92 с.
17. Цена Победы. Вклад коренных народов. URL: <https://news.kmnsoyuz.ru/news/27282> (дата обращения: 26.06.2024). Текст: электронный.
18. Эвенки Белых Вод. Текст: электронный // Мир Байкала. URL: <https://world-of-baikal.ru/index.php/mnogolikaya-buryatiya/narodov-mnogo-strana-odna/1193-evenki-belykhvod> (дата обращения: 24.06.2024).
19. 75 лет Великой Победы. Борьба советского и китайского народов против японского милитаризма: сб. ст.: пер. с кит. / отв. ред.: Ли Яньлин, Ю. В. Тавровский. Владивосток: ВГУЭС, 2020. 394 с.

Сведения об авторах

Потемкина Татьяна Николаевна, ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, tn.potemkina@mail.ru

Мурзакина Лариса Владимировна, директор, Баунтовская централизованная библиотечная система, с. Багдарин, Республика Бурятия, Россия, bauncbs@rambler.ru

Information about the authors

Tatyana N. Potemkina, Assistant Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita, Russia, tn.potemkina@mail.ru

Larisa V. Murzakina, Director of the Municipal Budget Cultural Institution "Bauntovskaya Centralized Library System", Bagdarin Village, Republic of Buryatia, Russia, bauncbs@rambler.ru

РАЗДЕЛ III. Филологические проблемы трансграничья России и Китая:
лингвистический, литературоведческий и методический
аспекты. Проблемы культурологии (лингвистическое,
филологическое и культурологическое направления)

CHAPTER III. Philological Problems of the Cross-Border Region of Russia
and China: Linguistic, Literary and Methodological Aspects.
Problems of Cultural Studies (Linguistic, Philological and
Cultural Studies)

УДК 81(571.54/55)

Нерчинский договор как лингвистический источник. К проблеме изучения

Юлия Викторовна Биктимирова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
pravo_chita@mail.ru

В статье рассматривается возможность изучения мирных договоров XVII–XVIII вв. в качестве лингвистического источника. На примере анализа языка Нерчинского договора (1689) выявляется целесообразность исследования подобных документов, доказываемая лингвистическая содержательность этого исторического источника. На этом этапе исследования применялся источниковедческий метод, который используется лингвистами для выявления зависимости между жанром источника, его формой, местом и временем создания.

Ключевые слова: лингвистическое источниковедение, история русского языка, лингвистическая содержательность, лингвистическая информативность, письменный источник, Нерчинский договор

The Nerchinsk Peace Treaty as a Linguistic Source. On the Problem of Studying

Yulia V. Biktimirova

Transbaikal State University, Chita, Russia
pravo_chita@mail.ru

The article considers the possibility of studying peace treaties of the XVII–XVIII centuries. as a linguistic source. Using the example of the analysis of the language of the Nerchinsk Treaty (1689), the expediency of studying such documents is revealed, and the linguistic content of this historical source is proved. At this stage of the study, a source-based method was used, which is used by linguists to identify the relationship between the genre of the source, its form, place and time of creation.

Keywords: Linguistic Source Studies, History of the Russian Language, Linguistic Content, Linguistic Informativeness, Written Source, Nerchinsk Treaty

В 27–28 августа 1689 г. в г. Нерчинске представители Московского государства и Цинской империи подписали договор о границах и торговых взаимоотношениях. Нерчинскому договору предшествовали несколько веков наблюдений стран-соседей друг за другом и попытки налаживания дипломатических и торговых отношений. Интенсивные контакты

между Россией и Китаем начались только к XVII–XVIII вв. Именно в этот период Российское государство начинает выстраивать взаимодействие с Китаем на государственном уровне. Источниками о русско-китайских контактах выступают различные документы, созданные российской и китайской сторонами, а также, на первый взгляд, независимыми и не-

заинтересованными русско-китайскими отношениями представителями европейских стран. Памятники деловой письменности, в частности древние дипломатические документы, играют важную роль в воссоздании более точной и объективной картины взаимодействия России и Китая в XVII–XVIII вв.

Для исследователей интерес, конечно же, вызывает первый договор между Россией и Китаем – Нерчинский. Нерчинский договор неоднократно становился объектом различных исследований ученых, но в основном интерес проявляли историки и краеведы, специалисты по русско-китайским отношениям [4; 9; 10; 19 и др.]. Исторические данные, культура, ремесла, повседневная жизнь, информация о социально-экономических отношениях между первыми русскими поселенцами в Сибири, маньчжурами и народами империи Цин, а также аборигенным населением, содержащиеся в документе, представляют особый интерес для российских и китайских историков.

С точки зрения лингвистической содержательности Нерчинский договор не был исследован лингвистами и не подвергался лингвистическому анализу.

Настоящее исследование является первым опытом изучения с точки зрения лингвистики этого памятника письменности и выполнено в контексте лингвистического источниковедения. Основатель лингвоисторикологии С. И. Котков регламентировал лингвистические подходы к изучению исторических источников. Вот как видел ученый объект исследования: «Лингвистический источник представляет собой единицу непосредственно (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов, объем, содержание и характер которой определяется, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой – строем запечатленного» [11, с. 9].

Научная новизна исследования обусловлена целесообразностью систематического описания историко-правовых документов России и Китая XVII–XVIII вв. с точки зрения лингвистического источниковедения. На примере Нерчинского договора рассматривается потенциал древних дипломатических документов как объекта лингвистических исследований.

Историко-правовые документы между Россией и Китаем в XVII–XVIII вв. интересны в качестве лингвистического источника, и исследовались автором статьи как источник для анализа языковых фактов русского языка XVII–XVIII вв. В данной статье мы сужаем об-

ласть исследования и анализируем один документ – Нерчинский договор.

Цель статьи – выявить целесообразность изучения языка Нерчинского договора, доказать лингвистическую содержательность этого исторического источника. Для этого применялись методы лингвистического источниковедения.

Материалы исследования: «Нерчинский договор 1689 г.» [15].

Методы исследования: источниковедческий, который используется лингвистами для выявления зависимости между жанром источника, его формой, местом и временем создания, экстралингвистических факторов, которые повалили на языковое содержание текста; сравнительно-сопоставительный для выявления общих черт источника и его копий на других языках; метод формулярного анализа, для выявления устойчивых и воспроизводимых языковых средств, соответствующих определенному жанру; историко-лексикологический метод – для анализа словарного состава текста; описательный – для анализа языковых единиц разного уровня, с точки зрения функционирования их в тексте.

В лингвистическом источниковедении учеными выделяются три стороны изучения памятников письменности, которые были сформулированы историком языка М. С. Выхрыстюк: «Изучение *лингвистической содержательности, информационности* источника, *определение степени достоверности* в нём фактов языка при соблюдении эдических лингвистических правил» [6]. Рассмотрим эти три стороны изучения лингвистических памятников в Нерчинском договоре.

1. Информационность источника. Для того чтобы понять причины отсутствия исследований этого документа лингвистами, необходимо сказать об истории и особенностях создания Нерчинского договора.

В настоящей работе мы не ставим задачу рассмотреть весь сложный процесс русской колонизации Восточной Сибири, но общий обзор фактов о колонизации земель необходим для понимания причин создания Нерчинского договора, поскольку эти факты объясняют историю заключения первого русско-китайского договора.

Включение Даурии (территория Забайкалья и Приамурья) в состав России в XVII в. сопровождалось колонизацией этих малонаселенных районов. Создание русскими земледелия, промыслов, различных ремесел и торговли свидетельствовало о серьезных наме-

рениях Московского государства. Это внушило доверие автохтонным кочевым племенам, способствовало переходу кочевых племен к оседлости и земледелию. В 1655 г. было образовано Нерчинское воеводство, которое включало несколько острогов и поселений, где проживали русские первопроходцы и первопоселенцы.

Все эти процессы не остались незамеченными Китайским государством. Цинское правительство вступило с Россией в борьбу за даурские земли тогда, когда этот край был уже в составе России. На осваиваемых русскими первопроходцами землях Даурии цинские войска разрушали форпосты, разоряли посевы, изгоняли жителей, превращая территорию за Байкалом в пустынную зону, для того, чтобы оградить Маньчжурию и особенно Китай от русского влияния. После нескольких боевых столкновений – решено было обеими сторонами стремиться к мирному соседству двух государств. Первым шагом должна была произойти встреча в столице Даурской земли – Нерчинске послов от двух правителей с дальнейшей подготовкой к составлению и подписанию договора о добрососедстве, общей границе государств и торговле.

Переговоры для российской стороны были тяжелым испытанием на стойкость, так как Нерчинск был осажден цинскими войсками, а дипломатическую миссию сопровождали европейцы – приближенные к китайскому императору католические монахи, которым была дана установка всячески мешать сближению Московского государства и Цинского Китая. Представители двух сторон в качестве языка переговоров могли использовать монгольский язык, который понимали маньчжуры и толмачи из бурят, но монахи-иезуиты настояли на том, что латинский язык должен стать языком-посредником.

В течение нескольких дней путем сверок, неоднократных переписываний были составлены три экземпляра Нерчинского договора на русском, маньчжурском и латинском языках, которые были скреплены государственными печатями и подписями послов. К сожалению, до наших дней дожили лишь два последних экземпляра – договор на русском языке был утрачен в XVIII в. Но даже при восстановлении русского варианта путем перевода с латинского языка и маньчжурского возникает чувство неидентичности трех вариантов текстов договора. В первую очередь бросаются в глаза разночтения названий и территориальная привязка упоминавшихся в вариантах

договоров географических объектов. Отсюда понятно, что каждый из субъектов переговоров имел собственную версию разграничения между двумя государствами.

2. Достоверность источника. Что касается подлинности памятника письменности, то и здесь мы встречаем трудности, связанные с невозможностью палеографического описания источника, поскольку оригинал текста договора на русском языке был утрачен. Текст русскоязычного варианта договора воспроизводится при переводе с маньчжурского или латинского вариантов.

3. Лингвистическая содержательность. Лингвистическая содержательность источников определяется многими факторами: содержанием, жанром, индивидуальной манерой автора памятника, временем его создания, историей его функционирования и бытования, степенью его изученности лингвистами, историками, литературоведами.

Известный лингвист Л. М. Городилова называет жанр документа «высшей формой организации этого типа речи», так как именно он «демонстрирует процесс закрепления в деловой письменности специфических языковых средств» [7, с. 66]. Выбор жанра документа определяется коммуникативной задачей, а также отношениями между пишущим и адресатом. По своему жанровому содержанию указанный документ относится к жанру договора.

Договоры между государствами имеют много общих черт и шаблонов, которые обычно включают в себя следующие элементы:

1. Стороны договора: указываются государства, которые заключают договор, и их официальные представители.

2. Цель договора: определяются основные цели и задачи, которые стороны намерены достичь с помощью заключения договора.

3. Предмет договора: описывается конкретное содержание и область применения договора, включая права и обязанности сторон.

4. Условия и сроки исполнения: указываются условия выполнения обязательств сторон и сроки, в течение которых должны быть выполнены эти обязательства.

5. Механизмы обеспечения выполнения: указываются меры и механизмы, предусмотренные для обеспечения исполнения договора и разрешения возможных споров между сторонами.

6. Ответственность за нарушение: предусматриваются меры ответственности и ком-

пенсации за нарушение обязательств, установленных договором.

7. Процедура оформления и ратификации: описывается порядок оформления и ратификации договора, чтобы он вступил в силу и был обязателен для сторон.

Хотя каждый договор уникален и может содержать дополнительные элементы и условия, вышеперечисленные черты и шаблоны обычно присутствуют в большинстве международных договоров.

В деловых документах устойчивые элементы этикетных фраз и шаблонов сильны и противостоят проникновению в них живых тенденций развития разговорных форм, в памятнике практически не встречаются элементы народно-разговорной речи.

Жанром во многом определяется лексика документа. Например, указы, доношения, репорты содержат лексику делопроизводства – стилистически окрашенную терминологию. В договоре используется лексика, которая соответствует языку международных документов: *клятвы, соглашения, подданные, установить границы, прекратить пограничные ссоры и войны, установить согласие и вечный мир* и др.

Содержание договора передает информацию о жизнедеятельности самого отдаленного региона Русского государства – Забайкалья: перечисляются географические объекты, фиксируются свидетельства о народах, перешедших «под руку Белого царя», сведения о разбойнических шайках на границах обоих государств.

Широко представлены имена собственные: *«генерал Сонготу; Тунгуве-ган; корпусной командир Лантань; корпусной командир Баньдарша; командующий войсками Сабсу; начальник знамени Мала; советник Трибунала внешних сношений Уньда, великий посол, окольничий и наместник брянский Федор Алексеевич Головин»* [15].

Широко представлена в изучаемом памятнике топонимика Забайкалья и приграничных с Китаем и Монголией территорий: *река Горбича, река Чорная, Урум, Сахалян-улу, Большой Хинган, река Уди, Хинганский хребет*.

Грамматические формы в договоре являются актуальным вопросом в изучении языка деловых документов Восточного Забайкалья. Нерчинский договор интересен с точки зрения отраженных в нем словарного состава, фонетической и грамматической систем периода формирования языка русской нации.

Еще одна тема для исследования договора – личность русскоязычного автора и переводчиков на латинский и маньчжурский. Сравнение трех вариантов договора может раскрыть процесс работы переводчиков над текстом договора.

Сама информация о создании договора содержит причины отсутствия исследований лингвистами. Резюмируем их: во-первых, это отсутствие русскоязычного оригинала Нерчинского договора, при наличии латинского и маньчжурского вариантов; во-вторых, сложность изучения первого договора России с Китаем связана, прежде всего, с отсутствием публикаций китайских документов по этому вопросу; в-третьих, до сих пор учеными не выяснено, сохранились ли такие документы в архивах Китая; четвертая самая главная причина – отсутствие ученых, которые смогли бы соотнести три варианта на типологически разных языках для анализа, между тем метод сопоставления мог бы выявить интересные языковые факты.

Таким образом, рассматриваемая возможность изучения мирных договоров XVII–XVIII вв. в качестве лингвистического источника на примере анализа языка Нерчинского договора (1689) выявляет целесообразность исследования подобных документов, доказывает лингвистическую содержательность этого исторического источника.

Список литературы

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1984. 272 с.
2. Артемьев А. Р. О некоторых спорных вопросах пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2002. № 1. С. 7–22.
3. Багрин Е. А. Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г. Текст: электронный // Известия Восточного института. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-aspekty-zaklyucheniya-nerchinskogo-dogovora-v-1689-g> (дата обращения: 08.08.2024).
4. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. 338 с.
5. Венюков М. И. Старые и новые договоры России с Китаем. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1863. 95 с.

6. Выхрыстюк М. С. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Челябинск: Челябинский гос. пед. ун-т, 2008. 558 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/tobolskaya-pismennost-xvii-xviii-vv-v-aspekte-lingvisticheskogo-istochnikovedeniya-i-istoric> (дата обращения: 08.08.2024). Текст: электронный.
7. Городилова Л. М. Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. и региональная историческая лексикография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2004. 503 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/delovaya-pismennost-prieniseiskoi-sibiri-xvii-v-i-regionalnaya-istoricheskaya-leksikografiya> (дата обращения: 08.08.2024). Текст: электронный.
8. Каштанюк В. А., Шелудько А. С. Необходимость заключения Нерчинского договора 1689 года // Молодой ученый. 2022. № 35. С. 128–131. Текст: электронный. URL: <https://moluch.ru/archive/430/94711> (дата обращения: 08.08.2024).
9. Кравченко Е. А. Русско-цинский пограничный конфликт и заключение Нерчинского мирного договора 1689 г. Текст: электронный // Актуальные вопросы современной науки: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Томск, 21 ноября 2018 года). Томск: Дендра, 2018. С. 162–166. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36977574> (дата обращения: 10.07.2024).
10. Крушанов А. И. История Дальнего Востока СССР от эпохи первобытного общества до 80-х годов XX века: в 3 т. Т. 2. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
11. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 291 с.
12. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 гг.) Барнаул: Азбука, 2003. 346 с. Текст: электронный // INTERNET ARCHIVE. URL: <https://web.archive.org/web/20070930184921/http://new.hist.asu.ru/biblio/ruskit> (дата обращения: 18.08.2024).
13. Муратшина К. Г. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI в. Екатеринбург: Урал, 2016. 126 с.
14. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1987. 512 с.
15. Нерчинский договор 27 августа 1689 года. Текст: электронный // Сборник договор России с Китаем. 1689–1881. Издание Министерства иностранных дел. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. С. 1–11. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003547898?page=6&rotate=0&theme=white (дата обращения: 08.08.2024).
16. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
17. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691: в 2 т. / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.
18. Цзян И. История вопроса о китайско-российской границе и значение его решения для укрепления межгосударственных отношений России и Китая. Текст: электронный // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3. С. 18–36. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44448530> (дата обращения: 10.07.2024).
19. Чапыгин И. В., Петрушин Ю. А., Чапыгин И. И. К истории становления российско-китайских отношений // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы межд. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. (Чита, 18 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 23–26.

Сведения об авторе

Биктимирова Юлия Викторовна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка как иностранного, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, pravo_chita@mail.ru

Information about the author

Yulia V. Biktimirova, Candidate of Philological Sciences, Docent, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, pravo_chita@mail.ru

УДК 81(571.55)

**Иноязычные элементы как источник эргонимической номинации
(на материале города Читы)****Юлия Васильевна Щурина***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
shchurina@inbox.ru*

В статье на материале языкового пространства г. Читы рассматриваются проблемы продуцирования и оформления эргонимов современного города, а также основные направления номинации. Результаты исследования связаны с выявлением источников эргонимической номинации и тенденций развития эргонимии города Читы, определяемых прагматическими целями: это стремление к повышению экспрессивности и направленность на потенциального адресата. Показано, что одним из основных источников мотивирования эргонимов оказывается использование иноязычных элементов, часто в сочетании с игровыми приемами.

Ключевые слова: язык города, городская эргонимия, эргонимическая номинация, языковое пространство города, эргонимы, эмпоронимы, трапезонимы

**Foreign Language Elements as a Source of Ergonomic Nomination
(based on Chita City Material)****Yuliya V. Shchurina***Transbaikal State University, Chita, Russia
shchurina@inbox.ru*

The article deals with the problems of producing and designing ergonyms of a modern city (based on the linguistic space of Chita city) and the main directions of the nomination. The results of the study are related with the identification of ergonomic nomination sources and trends in the development of Chita city ergonymy, determined by pragmatic goals: the desire to increase expressiveness and focus on a potential addressee. It is shown that one of the main sources of motivation for ergonyms is the use of foreign language elements, often in combination with language gaming techniques.

Keywords: Language of the City, Urban Ergonymy, Ergonymic Nomination, City Language Space, Ergonym, Emporonym, Trapezonym

Последние десятилетия характеризуются активизацией исследований языкового пространства современного города. В структуре урбанизированного коммуникативного пространства выделяют ряд составляющих: речевые жанры устной городской речи, жанры официальной и неофициальной городской эпиграфики, годонимикон, тексты наружной рекламы, эргонимикон и пр. [4]. Значительную часть пространства городской коммуникации составляет совокупность названий городских объектов [2].

По мнению некоторых исследователей (Р. Лоундри, Р. Борхис, П. Бакхаус и др.), пространство городских номинаций образует так называемый «лингвистический ландшафт» определенной территории [5, с. 25], включающий соотношение языков, посредством которых оформляются вывески, городские указатели, надписи на зданиях, наружная реклама и пр.

Тексты городской среды могут быть рассмотрены в аспекте использования иноязычных элементов, в частности, в оформлении такого важного компонента городского языко-

вого пространства, как эргонимы. Иноязычные элементы можно считать одним из источников эргонимической номинации города, определяющим ее место как значимой части культуры, показателя языковой ситуации и функционального потенциала языка [1].

В значительной степени производство и оформление эргонимов определяется социокультурными условиями и местом в коллективном языковом сознании. Эргонимикон оказывается наиболее мобильной частью ономастической системы города, в максимальной степени подверженной различным изменениям, обусловленным историческими, социальными, политическими и культурными факторами [Там же].

Факторы, влияющие на выбор той или иной номинации, варьируются от случайных до строго продуманных. Одним из главных источников пополнения эргонимов являются лексемы естественного языка, но и иноязычные слова и/или элементы (морфемы, графемы и пр.) могут выступать как значимые единицы.

Рассмотрим основные разряды эргонимов города Читы, так или иначе мотивированные включением иноязычных элементов.

Наименования различных заведений города оформлены с использованием средств разных языков, эргонимикон города включает русизмы, англицизмы, «латинизмы» (эргонимы, оформленные с применением латиницы), а также номинации, мотивированные использованием элементов китайского, японского, корейского и бурятского языков.

Языковая эклектичность современного городского эргонимикона делает очевидной проблему целесообразности и уместности использования в городском коммуникативном пространстве иноязычных номинаций. Необходимость включения иноязычных элементов в значительной степени обусловлена паралингвистическими факторами, в частности, важностью реализации рекламной функции городских наименований [3].

Так, языковая среда города Читы широко представлена номинациями-трапезонимами на бурятском и китайском языках; такие эргонимы называют заведения национальной кухни, а выбор лексем для названий чаще всего носит неслучайный характер, поскольку обусловлен культурными и/или национальными ассоциациями, так, эргонимические номинации *Дангина*, *Алтаргана*, *Баян Зочин*, *Баян Гол*, *Zolto* обнаруживают связи с лексемами из бурятского/монгольского языков. В семантике использованных лексем важное место занимают коннотации с положительной оценочностью, обеспечивая соответствующие позитивные ассоциации и привлекательность онимов для потенциальных клиентов (*Дангина* означает «красавица, фея, волшебница», *Баян Зочин* переводится как «богатые гости»; *Баян Гол* – «богатая река, богатая долина», *зол* – «удача» с монгольского). Примечательно, что название кафе монгольской и бурятской кухни *Zolto* оформлено с применением латиницы.

В эргонимах, происхождение которых связано с китайским языком (кафе *Цинсян*, *Хэ Се*, *Лунфу*, ресторан *Дун Фан*, кафе *Нухао*), используются как приемы транслитерации, так и иероглифы, что само по себе может выглядеть несколько экзотично, но, очевидно, находит адресата. Сами слова и/или их компоненты так или иначе отражают особенности национальной картины мира, так, *Лун* в китайской мифологии означает «дракон, повелитель водной стихии», *Хэ се* переводится как «крик горы», *Цинсян* – «нежный аромат», *Дун Фан* – «восток», *Нухао* – китайское привет-

ствие. Впрочем, среди номинаций присутствует и большое количество слабо мотивированных или таких, мотивированность которых выглядит неясной: кафе китайской кухни *Май*, доставка готовых блюд *Ли сянь*, позная *Talaan*.

Достаточно высока частотность эргонимических номинаций, иноязычные элементы в структуре которых представляют собой отсылки к тем или иным прецедентам: это могут быть национальные блюда (позная *Бухлёр*, кафе *Buuzaday*, кафе бурятской кухни *Бууза мания*, кафе *Vkus buuz*), известные топонимы (ресторан *Русский Шанхай*, кафе *Аян*, ресторан китайской кухни *КИТАЙ-ГОРОД*, кафе *Vip вкус Китая*), прецедентные имена, связанные с опознаваемыми традициями (кафе *Китана*), или собственно указания на традиции, обычаи, стереотипы и пр. (кафе *Пекинская опера*, кафе *Китайский фонарь*, ресторан *Звезда ковчегника*, супермаркет *Караван*, доставка роллов *Tetaki*, кафе китайской кухни *Юань*, этно-кафе *Белая Юрта*, лапшичная *Панда*, кафе *Золотой дракон*) и мн. др.

Значительное число эргонимических номинаций города мотивировано обращением к английскому языку и/или иноязычным графическим элементам. Типично при этом включение приемов языковой игры: среди них смешение элементов разных алфавитов, креолизация текста, обыгрывание многозначности, графические каламбуры, сочетание разных регистров букв, сегментация слов и т. п.

Так, название торгово-развлекательного центра *Likërka plaza* оформлено преимущественно с использованием средств латиницы, содержит узнаваемый элемент *plaza*, придающий ощущение престижности, при этом включает кириллическое написание буквы *Ё*, рассчитанное на нарушение шаблонности восприятия, достижение комического эффекта и т. п. Трудно сказать, намеренным или случайным оказалось ироничное сочетание неофициального названия ликероводочного завода, в здании которого располагается указанный ТРЦ, и иноязычного *plaza*. Название кофейни *Che Kavo* оформлено латиницей с целью визуализации просторечного выражения, характерного (как принято считать) для забайкальской народно-разговорной речи. Название бильярдного клуба *Zasada* формирует определенные ассоциации в том числе за счет графического оформления.

Креолизованные наименования *ШашлыкоFF*, *Infiniti*, *HoVocumi* содержат элементы знаковых систем, отличных от языка: заглавная буква первого эргонима оформлена в

виде трех языков пламени, во втором случае написание буквы *f* напоминает символ бесконечности, в третьем названии буква «В» оформлена как знак «галочка», одновременно вызывающий ассоциацию и с латинской буквой «V», звучание которой аналогично.

Графические каламбуры и разные виды сегментации предполагают игру с внутренней структурой слова, с целью рождения нового смысла (салон-парикмахерская *BuGOODu* магазин инструментов *МастерОК*, магазин автозапчастей *ZaBchasti*, магазин сумок *BAGira*, продуктовый магазин *Гос'т-TuM*, мебельный салон *GoodWin* и мн. др.).

В некоторых случаях порождаемые ассоциации носят намеренно вульгарный характер (названия сети доставки суши и роллов *Ёбидоёби*, блинной *Еблинский*), что вызывает вопросы, связанные с эстетичностью подобных наименований и соблюдением этических требований.

Итак, иноязычные элементы в эргонимических номинациях коммуникативного пространства города Читы используются с целью привлечения внимания и создания яркого и/или запоминающегося образа, однако результат не всегда представляется эстетически и этически удачным. Разнообразные игровые приемы, основанные на иноязычности, могут быть эффективны, поскольку соответствуют как утилитарным, так и эстетическим потребностям адресата. Использование иноязычных элементов при продуцировании эргонимов

способствует реализации прагматического и культурологического потенциала указанных единиц, позволяет создавать необычные названия, хотя и не всегда эстетически и культурологически удачные.

В целом, эмпоронимы и трапезонимы как значимые разряды эргонимов формируют облик города. Активная коммуникативно-прагматическая направленность современной эргонимии на потребителя порождает многообразие способов мотивированности, причем реализация творческого подхода к оформлению эргонимических номинаций может быть связана с применением иноязычных элементов, часто в сочетании с игровыми приемами.

Можно считать, что эргонимия г. Читы развивается в рамках общих современных тенденций оформления публичного урбанизированного коммуникативного пространства, таких как направленность на адресата и стремление к экспрессивности, однако некоторая часть мотивированных использованием многоязычности онимов выглядит как результат неуместного использования языковых единиц, связанного с порождением двусмысленности, вульгарных или даже скандальных ассоциаций. Эстетическая и культурная ценность подобных номинаций вызывает вопросы, даже при условии реализации прагматических функций. Соотношение прагматических функций и эстетических возможностей эргонимической номинации составляет основную задачу при производстве новых онимов.

Список литературы

1. Мархеева Т. В., Дашеева В. В. Мотивы номенклатурной номинации на материале эргонимической и прагмонимической лексики японского, монгольского и китайского языков // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2016. № 6. С. 105–111.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 200 с.
3. Романова Т. П. К вопросу о типологии названий торговых предприятий губернского города // Ономастика Поволжья: материалы VII Конференции по ономастике Поволжья. М.: [б. и.], 1997. С. 181–188.
4. Шарифуллин Б. Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города: материалы междунар. науч.-практ. конф. (8–9 ноября 2007 г.). Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. С. 45–51.
5. Laundry R., Bourhis R. Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. No. 16. P. 24–49.

Сведения об авторе

Шурина Юлия Васильевна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, shchurina@inbox.ru

Information about the author

Yulia V. Shchurina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, shchurina@inbox.ru

Китайский код городского эргонимикона Читы**Елена Олеговна Филинкова***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

lef11@rambler.ru

В статье рассматриваются эргонимы города Читы, отражающие китайский код культуры, т. е. содержащие такие языковые знаки разных типов, которые выражают связь с Китаем, его особенностями и культурой. Отмечается отнесённость таких эргонимов к городским объектам, связанным с питанием и продуктами. Далее в эргонимах рассмотрен субстанциональный код, проявляющийся не только на уровне лексики, но и на уровне фонетики, а также графики и частично орфографии; а также концептуальный код, который находит своё выражение в различных смыслах, реализуемых эргонимами.

Ключевые слова: город, код культуры, ономастикон, эргоним, Чита

Chinese Code of the Urban Ergonymicon of Chita**Elena O. Filinkova***Transbaikial State University, Chita, Russia*

lef11@rambler.ru

The article examines the ergonyms of the city of Chita, reflecting the Chinese cultural code that is, containing such linguistic signs of various types that express a connection with China, its features and culture. The attribution of such ergonyms to urban objects related to food and products is noted. Further, the ergonyms consider the substantial code, which manifests itself not only at the level of vocabulary, but also at the level of phonetics, as well as graphics and partially spelling; as well as the conceptual code, which finds its expression in various senses realized by ergonyms.

Keywords: City, Culture Code, Onomasticon, Ergonym, Chita

В исследованиях языка города описание городского ономастикона составляет значительную часть. Это объясняется той важной, существенной ролью, которую играют городские топонимы в языке города и, шире, в жизни горожан. При этом ономастикон города может быть исследован в разных аспектах: собственно, лингвистическом, коммуникативном, лингвокультурологическом и прочих.

Особую группу слов в городском ономастиконе составляют эргонимы, то есть «собственное имя делового объединения людей, в том числе организации, учреждения, предприятия, заведения» [1, с. 166]. Эргонимы создаются намеренно, для определённых целей, и поэтому они отражают в большей степени представления людей о мире в целом и о специфике называемого объекта в частности. В этой связи эргонимы могут быть рассмотрены как реализация культурного кода, который понимается как «совокупность знаков, составляющих план выражения для культурного содержания, внутренне связанной системы культурно ценностной информации и установок, носящих конвенциональный характер и формирующихся в пределах культуры» [2, с. 40]. Вслед за Т. В. Шмелёвой рассматриваем культурный код, проявляющийся в языке города, с двух сторон: как код субстанцио-

нальный (вербальный, предметный), то есть носитель информации; и как код концептуальный, который описывается через ключевое слово, в данном случае – китайский код, имеющий отношение к данной стране, её культуре и особенностям [3, с. 52–53]. Описывая китайский код в читинских эргонимах, будем опираться на семантику эргонима, его фонетическое и графическое оформление, а также культурный контекст.

Необходимо отметить, что отражение китайского кода прослеживается в тех эргонимах Читы, которые относятся в основном к предприятиям общественного питания (кафе, рестораны, доставка готовых блюд), продуктовым магазинам, что представляется неслучайным, поскольку национальная кухня Китая является значимым аспектом культуры этой страны, в гастрономической культуре отражается этническая самобытность народа, на которую прежде всего, и обращают внимание все другие. Также эргонимы, отражающие китайский код, относятся к магазинам, гостиницам, торговым центрам Читы.

Одним из проявлений субстанционального кода считается лексика, используемая в эргонимах, в этом смысле обращают на себя внимание китайские слова в названиях предприятий: *Пантао, Цинсян, Хаочи, ХАО ХАО*,

Хохэю, Дунфан, Лун-фу, Ли сян, Ся-ян, Хай Ха, Ян-хуа. Данные слова используются в эргонимах без перевода или какого-то пояснения, однако с коммуникативной точки зрения перевод оказывается ненужным, так как сам фонетический облик слова в данном контексте является значимым и указывает на китайское слово и, следовательно, на соответствующий культурный смысл эргонима.

В связи с этим стоит обратить внимание на фонетический облик китайских слов, используемых в эргонимах, в них наблюдаются не совсем типичные сочетания звуков ([ао], [уа], [эу], [с'а]), часто встречаются звуки [х], [ф], [ц], что в представлениях многих людей характерно для китайского языка.

Кроме китайских слов в рассматриваемых эргонимах используется и русская лексика, прямо указывающая на необходимый смысл, отсылающая к Китаю, то есть само название страны и её столицы: слова «Китай», «китайский», «Пекин», «пекинский»: *Китай-город, Вкус Китая, Китайский фонарь, Пекин, Пекинская опера.* В другом случае эргонимы часто сопровождаются на вывеске квалификатором, уточняющим профиль предприятия и содержащим те же слова: *Хохэю. Магазин продуктов и товаров из Китая, У карефана. Магазин китайских продуктов.*

Также к проявлениям субстанционального кода относится графика, с помощью которой выполнены эргонимы на вывесках. В этом смысле важны иероглифы, безусловно заметные в среде российского города, однако, по наблюдениям, иероглифы на вывесках используются довольно редко, поскольку не могут быть прочитаны русскоговорящими жителями города, то есть потенциальными клиентами предприятия. Поэтому иероглифы используются на вывесках только как дополнение к эргонимам, написанным кириллицей, особенно если сам эргоним не содержит в себе китайских слов: *Китайское кафе Минутка, Жемчужина Востока, кафе Дружба* (сопровождаются иероглифами). Кроме того, графическим средством для китайских эргонимов, заменяющим иероглифы, можно назвать особый шрифт, стиль начертания кириллических букв, напоминающий начертание иероглифов. Данное средство более активно используется на вывесках Читы, чем сами иероглифы, что позволяет сделать вывод о том, что в этом случае важен только отсыл к соответствующему культурному смыслу, а не особые средства графики, которые могут оказаться коммуникативно нецелесообразными.

Помимо этого, эргонимы, написанные кириллицей, имеют особенности в орфографическом оформлении. Как правило, двусложное слово бывает написано с использованием средств, позволяющих разделить слоги этого слова: с дефисом, пробелом, прописной буквой для второй части или сочетанием двух средств. Например: *Хай Ха, ХАО ХАО, Ли сян, Ся-ян, ЯН-ХУА, Дун-Фан, Кунг-Фу.* Если рассматривать слово «кунг-фу», которое фиксируется в орфографических словарях, или в случае с топонимами, которые зафиксированы в справочниках и на картах в определённой орфографии, то можно наблюдать, что использование некодифицированных средств в кириллическом написании данных эргонимов делает их внешний облик более экзотическим, необычным, создаёт элемент «китайскости» и, таким образом заметнее проявляет субстанциональный код в них, как бы отодвигая на второй план или совсем нивелируя их значение. Кстати, необходимо отметить, что в разных источниках подобные эргонимы могут иметь разный орфографический облик, что говорит о неустойчивости, некодифицированности их внешней формы.

Таким образом, субстанциональный код китайской культуры представлен в городском эргонимиконе Читы на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, графическом. Это говорит о разнообразии и относительно богатстве его проявления и, далее, о его востребованности в городской среде.

Концептуальный код может быть представлен в языке города различными смыслами, которые передают эргонимы, а также идиомами, метафорами. Ограничивая своё исследование только китайским кодом, тем не менее, рассмотрим различные смыслы, отражённые в нём.

Прежде всего, группа названий, которые содержат слово «Китай». Они довольно многочисленны, так как использование этого слова существенно облегчает передачу и восприятие национального колорита предприятия: *Вкус Китая, Китайский фонарь, Продукты из Китая.* Однако не всегда заложенные в эргоним смыслы прочитываются однозначно. Например, в названии *Китай-город* содержится не только указание на страну Китай, но и отсылка к историческому району Москвы. Данный второй смысловой план, если он известен, может помешать восприятию первого.

Другие топонимы, имеющие отношение к Китаю, также представлены в эргонимах: *Пекин, Маньчжурия, Русский Шанхай,* а также

менее известные (или неизвестные) в России китайские топонимы: *Хуалун*, *Ян-хуа*, *Лунфу*, *Дунфан*, *Ли сян* (возможно, Лицзян), *Хай Ха* (возможно, искажённое Хэйхэ) – населённые пункты в Китае. Данные слова в эргонимах обычно не воспринимаются как топонимы, в этом случае гораздо важнее их внешний – фонетический и графический облик, – который и формирует необходимый смысл, относящий их к китайской культуре. Известные же клиентам китайские топонимы в читинских эргонимах, как можно видеть, немногочисленны.

Следующая группа названий может быть вполне ожидаемой, поскольку большинство предприятий, имеющих отношение к Китаю, связаны с питанием. В эту группу входят слова, называющие продукты и блюда, приготовленные из них: *Рис*, *ГоБаоЖоу* (блюдо), *Цинсян* (вид чая). Сюда же можно отнести эргоним *Хаочи* (в переводе – вкусный, аппетитный), хотя этот смысл большинством горожан не воспринимается; а также *Сытый папа*, хотя в данном случае почти не воспринимается отсыл к китайской культуре.

Ещё одну группу составляют эргонимы, использующие некоторые идиомы, устойчивые названия феноменов китайской культуры, имеющиеся в представлениях россиян: *Китайский фонарь*, *Пекинская опера*, *Кунг-фу*, *Юань*, *Sansara*, *Мастер Ли*. Данная группа является самой «осмысленной», поскольку тут китайский код опирается именно на значения слов и словосочетаний, и представления горожан, а не на внешние проявления чего-то китайского в эргонимах. К этой же группе можно отнести эргонимы *Панда*, *Золотой дракон*, *Рис*, *Пантао* (персик бессмертия), которые отражают своеобразный ботанический и зоологический китайский код, однако больше несут в себе культурную, нежели природную семантику.

Имеются эргонимы, содержащие сленговые слова, которые появились или стали активно использоваться именно в общении русских и китайцев в 1990-е гг., когда в местах торговых и туристических контактов складывался своеобразный русско-китайский пиджин. К таким эргонимам относятся *Чифань* (от китайского слова «есть», небольшое уличное

кафе) и *У карефана* (жаргонное «друг»). Слова создают соответствующий культурный контекст и отражают китайский код.

И всё же во многих эргонимах китайский код представлен именно субстанционально, поскольку концептуально они не воспринимаются в русскоязычной среде из-за малой известности, без перевода и пояснений: *Цинсян* (вид чая), *Дунфан* (город в Китае), *Хэсе* (гармония), *Хаочи* (вкусный) и подобные. При восприятии эргонима *Май* может возникнуть разное понимание смысла из-за омонимии русского и китайского слова: названия месяца и значения «покупать, продавать». Семантика некоторых читинских эргонимов, как, например, *Ся-ян*, *ХАО ХАО*, для большинства горожан остаётся неизвестной.

Таким образом, концептуальный код представлен в эргонимике Читы рядом взаимодействующих смыслов, отражающих культуру Китая, его географию, гастрономические традиции, а также языковые контакты русских и китайцев. При этом концептуальный код отражается не во всех «китайских» эргонимах Читы.

В целом, использование китайского кода в эргонимике Читы основано на коммуникативных потребностях горожан, которые должны иметь представление о предприятиях города, их особенностях и предоставляемых услугах. При этом горожане должны быть готовы воспринимать разные культурные коды: субстанциональные и концептуальные, которые лежат в основе многих «китайских» эргонимов.

Присутствие именно китайского кода в эргонимах Читы обусловлено не только территориальной близостью города к Китаю, но и экономическими, туристическими, культурными контактами жителей, их разнообразным взаимодействием. Характерно и то, что китайский код представлен в основном в эргонимах предприятий сферы питания, что связано со своеобразием и богатством китайской гастрономической культуры. Эргонимы в результате влияния внеязыковых факторов становятся своего рода культурным кодом, в котором отражаются культурно-ценностные ориентиры жителей определённого города.

Список литературы

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 198 с.
2. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. 192 с.
3. Шмелёва Т. В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 51–66.

Сведения об авторе

Филинкова Елена Олеговна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, lef11@rambler.ru

Information about the author

Elena O. Filinkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching It of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, lef11@rambler.ru

УДК 81(470+571)

Освоение иноязычной лексики как путь расширения тезауруса школьников

Лариса Витальевна Черепанова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
cherepanovaLara@mail.ru

В статье обосновывается необходимость систематичной работы по освоению обучающимися иноязычной лексики, которая содействует обогащению тезауруса современного школьника. Приводятся примеры познавательных лингвистических рефлексивных задач с иноязычной лексикой, направленные на формирование у обучающихся опознавательных, аналитических, классификационных, синтетических и творческих умений. Показано содержание языковой биографии рефлексивного языкового портфеля. Описанный инструментариум направлен на достижение требований ФГОС ООО.

Ключевые слова: тезаурус, обогащение словарного запаса, познавательная лингвистическая рефлексивная задача, рефлексивный языковой портфель

Mastering Foreign Vocabulary as a Way to Expand the Thesaurus of Schoolchildren

Larisa V. Cherepanova

Transbaikal State University, Chita, Russia
cherepanovaLara@mail.ru

The article substantiates the need for systematic work on the development of foreign vocabulary by students, which contributes to the enrichment of the thesaurus of a modern schoolchild. Examples of cognitive linguistic reflexive tasks with foreign vocabulary are given, aimed at the formation of students' identification, analytical, classification, synthetic and creative skills. The content of the language biography of the reflexive language portfolio is shown. The described tools are aimed at achieving the requirements of the Federal State Educational Standards of LLC.

Keywords: Thesaurus, Vocabulary Enrichment, Cognitive Linguistic Reflexive Task, Reflective Language Portfolio

Важнейшие предметные результаты изучения русского языка согласно ФГОС ООО [2] связаны с формированием у школьников способности определять лексическое значение слова разными способами, распознавать слова с точки зрения их происхождения, принадлежности к активному или пассивному запасу, сферы употребления. Работа со словом, заключающаяся в его семантизации, анализе и актуализации в речи, направлена на решение важнейшей задачи обучения русскому языку – «обогащение словарного запаса <...> для свободного выражения мыслей и чувств в соответствии с ситуацией и сферой общения» [Там же].

Под обогащением речи в методике обучения русскому языку понимается 1) количественное увеличение активного словаря

школьника, 2) освоение незнакомых значений известных школьникам слов, 3) качественное совершенствование речи за счет исключения из активного словаря просторечных, диалектных, жаргонных слов, речевых штампов и канцеляризмов, т. е. средств, нарушающих чистоту речи [1].

Сегодняшнее время характеризуется обогащением русского языка за счет большого числа заимствованной лексики. Поэтому логично, что обогащение тезауруса школьников может и должно осуществляться путем освоения заимствованной лексики как на уроках русского языка, так и во внеурочное время.

Современная методика обучения русскому языку располагает достаточным числом традиционных, вошедших в золотой запас

лингводидактики методов и приемов обогащения словаря школьника [1]. Мы остановимся на инновациях, призванных в единстве и взаимосвязи решать данную задачу и формировать школьника как субъекта учения [3].

1. Познавательные лингвистические рефлексивные задачи (ПЛРЗ).

Познавательная лингвистическая рефлексивная задача – задача, способствующая формированию у учащихся умений осмысливать и контролировать мыслительную деятельность, осуществлять поиск оснований собственных действий. Одна из функций задачи – обратить внимание ученика на то, как он мыслит, и проверить уровень осмысления материала [Там же]. Она содержит вопрос/ы или задания, направленные на осознание школьником содержания знаний и/или процесса решения задачи (смысла учебно-познавательных действий).

Приведем примеры познавательных лингвистических рефлексивных задач, решение которых направлено на освоение школьниками заимствованной лексики и, как следствие, обогащение активного словарного запаса, а также рефлексии.

1 группа: ПЛРЗ, направленные на развитие у школьников учебно-языковых **опознавательных** умений:

1. Найдите в предложениях заимствованные слова. Определите, понятны ли они. Почему? С чем это связано?

А) *На самом деле в моде правил нет – есть приемы стилизации, которые помогут тебе составлять грамотные и стильные аутфиты и выражать свою индивидуальность.*

Б) *Маша предпочитает городской расслабленный стиль: что-то между смарт кэжуал и спортиком. Для этого стилист выбрала укороченный бомбер и кроссовки на толстой подошве, которые зрительно удлиняют ноги.*

2. Найдите слова с иноязычными приставками. Определите, что они означают? Объясните, как вы определяли.

Ультрамодный, экстраординарный, безответственный, исходный, архиважный.

3. Определите, какое слово является «четвертым лишним» в группе слов? Почему? Объясните, чем вы руководствовались при выполнении задания.

А) *Котиган, тренкот, бомбер, атлижер.*

Б) *Мунбуты, лоферы, слипоны, чиносы.*

В) *Палаццо, кюлоты, джоггеры, митенки.*

2 группа: ПЛРЗ, направленные на развитие у школьников учебно-языковых **классификационных** умений:

1. Определите, к какой группе слов относятся выделенные слова? Объясните свое мнение.

А) Путешествие во времени: как появились *лоферы* и почему популярны до сих пор.

Б) Позже *мюли* стали популярны и среди обычных граждан, но носить непрактичную, легко соскакивающую с ноги и, к тому же, дорогую обувь могли позволить себе только богатые люди...

В) *Атлижер* – тенденция носить кроссовки, спортивные костюмы и др. в повседневной жизни: на учёбу, работу и т. д.

Г) Когда-то *дафлкот* носили лишь военные, но ещё в середине XX века он стал гражданской верхней одеждой.

2. Запишите слова, распределяя их на три группы, в зависимости от способа образования. Объясните, чем вы руководствовались при выполнении задания.

Стритстайл, гленчек, кроссбоди, чиносы, бодикон, свитшот, конверсы, плейзер, кроксы, лонгслив.

3. Определите, по какому признаку слова объединены в группы. Объясните, как вы определяли.

А) *Бини, карго, бандо, монокини, мюли, боди, поло.*

Б) *Дастер коут, дафл-коут, тотал-лук, гайд лайн, дресс ап.*

В) *Граутфит, монокини, трендбук, колорблок, бельтбэк.*

3 группа: ПЛРЗ, направленные на развитие у школьников учебно-языковых **аналитических** умений:

1. Выберите из предложенных слов два интересных с вашей точки зрения заимствованных слова. Проведите их орфоэпический анализ. Расскажите, чем с точки зрения произношения интересны эти слова.

Капор, бомбер, тренч, деним, балконетт, брасьер, бодилайнер, комбидресс, горпкор.

2. Выберите из предложенных слов три интересных заимствованных слова и проведите морфемный разбор. Объясните, чем они интересны.

Фэшэнист, мунбуты, чиносы, тренкот, брифы, слипы, бодилайнер, дафлкот, аутфит, джорты.

4 группа: ПЛРЗ, направленные на развитие у школьников учебно-языковых **синтетических** умений:

1. Подберите слова, образованные при помощи суффикса, приставки. Войдут ли в эту группу слов слова «*фэшэнист, минимализм, металл*»? Почему?

2. Определите, какие заимствованные слова не соответствуют схеме . Объясните свой выбор.

Бардотка, гловелетты, боди, поло, горжетка, митенки, бато, кюлоты, мегинсы, бермуды.

5 группа: ПЛРЗ, направленные на развитие у школьников учебно-языковых **творческих** умений:

1. Подберите примеры неизменяемых заимствованных слов. Объясните, почему их считают неизменяемыми. Составьте с ними предложения. Возникли ли у вас трудности при выполнении задания?

2. Укажите недочёты в употреблении заимствованных слов. Исправьте и запишите предложения. Объясните, чем вы руководствовались при выполнении задания.

А) Презентация парфюма состоялась в прошлую пятницу; парфюм продавался хорошо.

Б) Марина купила джинсы-карги и двое туфлей.

В) На мероприятие Ольга подобрала ряд аутфита в серых оттенках.

2. Рефлексивный языковой портфель.

Рефлексивный языковой портфель призван поэтапно и системно формировать у школьников умения самоанализа, самооценивания знаний, владения умениями и способами действия как предметными, так и общепредметными [4]. Поэтому содержательная часть языкового паспорта как центральной

части портфолио представлена компонентами содержания обучения. Так, в аспекте освоения иноязычной лексики она может соержать следующее:

Знаю/понимаю: – что такое заимствованная лексика, причины заимствования, – какие слова называются заимствованными, – как по морфемам опознать заимствованное слово, – как определить, заимствованное слово или нет (по словарю, по словообразовательным аффиксам и др.), – как определить лексическое значение заимствованного слова, – где могу найти дополнительный материал о заимствованиях в русском языке, – куда нужно обратиться при затруднениях в определении лексического значения заимствованного слова.

Умею/могу: – дать определение понятию «заимствованное слово», – назвать причины заимствования слов русским языком, – привести примеры заимствованных слов, – определить лексическое значение знакомого и незнакомого заимствованного слова, – использовать целесообразно заимствованные слова в своей устной и письменной речи, – объяснить, почему я считаю употребление данного слова в своей речи целесообразным, – найти дополнительный материал о заимствованиях в русском языке, – рассказать, как определить лексическое значение заимствованного слова и куда обратиться при затруднениях.

Данный инструментарий поможет учителю разнообразить как урочную, так и внеурочную работу по освоению обучающимися иноязычной лексики, организовать системную работу по обогащению тезауруса школьников, комплексно формировать предметные и общепредметные умения и способы действия.

Список литературы

1. Методика преподавания русского языка / под ред. М. Т. Баранова. М.: Просвещение, 2001. 368 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утверждён приказом Министерства образования и науки РФ № 1897 от 17 декабря 2010 г. Текст: электронный // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2010/12/19/obrstandart-site-dok.html> (дата обращения: 31.07.2024).
3. Черепанова Л. В. Формирование лингвистической компетенции при обучении русскому языку. Новосибирск: Наука, 2006. 324 с.
4. Черепанова Л. В. Технология «Языковой портфель» в контексте перехода на ФГОС по русскому языку второго поколения основной школы // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Профессиональное образование. Теория и методика обучения». 2012. № 6. С. 83–93.

Сведения об авторе

Черепанова Лариса Витальевна, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, cherepanovaLara@mail.ru

Information about the author

Larisa V. Cherepanova, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department Russian Language and Methods of Teaching It of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, cherepanovaLara@mail.ru

Языковая картина художественного текста: категории пространства-времени**Анастасия Викторовна Иванова***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

sova2006.83@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена языковой картины мира, понимаемой нами как индивидуальная репрезентация языковой картины мира. Языковая картина мира представляет научный интерес для современной отечественной лингвистики, в частности, для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Языковая картина мира представляет преломление и репрезентацию в языке тех представлений об окружающей действительности, которые характерны для конкретного народа, этноса, коллектива. Языковая картина текста рассматривается как частный случай языковой картины мира, реализованной в художественном тексте.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, универсалии языковой картины мира, языковая картина текста

The Linguistic Picture of a Literary Text: Categories of Space-Time**Anastasia V. Ivanova***Transbaikal State University, Chita, Russia*

sova2006.83@mail.ru

The article is devoted to the study of the phenomenon of the linguistic picture of the world, understood by us as an individual representation of the linguistic picture of the world. The linguistic picture of the world is of scientific interest for modern Russian linguistics, in particular, for cognitive linguistics and linguoculturology. The linguistic picture of the world represents the refraction and representation in language of those ideas about the surrounding reality that are characteristic of a particular people, ethnos, and collective. The linguistic picture of the text is considered as a special case of the linguistic picture of the world realized in a literary text.

Keywords: Cognitive Linguistics, Linguistic Picture of the World, Universals of the Linguistic Picture of the World, Linguistic Picture of the Text

Феномен естественного языка характеризуется особой сложностью и многоаспектностью. Его исследование является задачей ряда наук, имеющих разные подходы к предмету изучения. Генеративная лингвистика предполагает традиционное изучение языка, основанное на признании его иерархичности, таким образом, изучается строй языка. Помимо генеративной лингвистики, отечественная и зарубежная наука о языке на современном этапе характеризуется наличием междисциплинарных направлений, таких, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология. Язык в них рассматривается как хранилище культуры, как когнитивный механизм, средство познания окружающей действительности и одновременно её трансформации в сознании носителей, как отражение и преломление ментальности народа, как особый, уникальный культурный код нации или даже человечества. Когнитивная лингвистика изучает связь языка и мышления, отражение в языке познавательных процессов, знания и продуктов познания, способы расчленения и структурирования мира, характерные для конкретного языкового сознания.

Стремление человека видеть мир вокруг себя сквозь призму собственного бытия, поведения определяется как антропоцентризм, проявление которого в языке понимается учеными как преломление человеческого сознания, психологии, представлений о самом себе, то есть человеческой ментальности сквозь призму языковой системы. Антропоцентрическая научно-культурная парадигма определяет человека как своеобразную точку отсчета в системе языка. В последнее время следует отметить факт усиленного внимания к антропоцентризму в лингвистической науке.

Антропоцентрический подход в лингвистике породил теорию языковой картины мира, которая отражает соотношение языка как системы, с одной стороны, с предметами и явлениями окружающей реальности, с другой, — с понятийной системой человеческого разума и эмоционально-чувственной сферой. Языковая картина мира понимается как исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит

к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, – с другой. Данная концепция нашла свое отражение, как в содержательной стороне языка, так и в отборе и организации языковых средств, что позволяет ученым говорить о таком явлении, как языковая картина мира, то есть совокупность представлений о мире, преобразованная и зафиксированная в языке.

Учёные разделяют два явления – когнитивную (концептуальную) и языковую картину мира, причём последняя представляет вербализованный национально-специфический конструкт трансформации первой. Когнитивная картина мира отражает познавательные процессы, характерные для сознания человека любой этнической и культурной принадлежности, тогда как языковая картина мира характеризуется этнокультурной спецификой, что объясняет многие проблемы усвоения чужого языка, а также трудности перевода. Тем не менее учёные, в частности, В. А. Маслова, выделяют универсалии языковой картины мира. К ним относят такие категории, как пространство и время, эстетические представления, этические оценки, мифологические воззрения, артефактный мир и др. Разумеется, каждая частная языковая картина мира отличается спецификой содержательного наполнения существующих универсалий, однако сам факт их наличия является бесспорным.

Однако язык в полной мере реализуется в тексте, который является как единственным естественной форме проявления языка. Следовательно, возможным представляется наличие языковой картины текста как частного варианта языковой картины мира. Если языковая картина мира предполагает трансформацию фактов реальности в языковом сознании носителей, то есть не точное их отражение в языковой системе, то языковая картина текста предполагает вторичное преломление языковых фактов через призму авторского взгляда на мир – частную знаковую систему, для которой также характерно индивидуальное воплощение универсалий.

В данной статье рассматриваются такие универсальные языковые текстовые категории, как пространство и время, представляющие единую систему координат текстовой реальности. Для анализа выбраны произведения современных российских авторов. Исследование показателей пространства и времени

опирается на выявление языковых средств с соответствующей семантикой.

Предлагаем для анализа короткую прозу Шамиля Идиатуллина – писателя и журналиста, дважды лауреата премии «Большая книга» («Город Брежнев», «Бывшая Ленина»), автора мистических триллеров «Убыр» и «Последнее время».

Рассмотрим пространственно-временные критерии рассказа «Дедовский способ» (Сказочная миниатюра о встрече Нового года в (не)далеком будущем). Несмотря на то, что, по мнению исследователей, в частности, И. Р. Гальперина, пространство и время в тексте образуют целостную категорию (континуум), целесообразным рамках статьи представляется разделить анализ на два блока.

Рассмотрим языковые **средства создания пространства**:

1. Слова со значением направления движения:

– *Чуть левее, вон на ту ветку. Молодец. Отойди;*

– *Ага, – сказала Маечка, сделала ручкой и что-то крикнула в сторону.*

Следует отметить, что в тексте два примера подобных средств, не являющихся значимыми для языковой картины текста в целом.

2. Языковые средства со значением локальных географических объектов (предметов интерьера, зданий и прочих объектов архитектуры):

В сенях зажужжало и шлепнуло: въехала очередная посылка, сброшенная во двор потовым дроном, пятая или шестая с утра.

У нас, в отличие от некоторых, планер в сарае не стоит.

– *Сидел Гоша тридцать лет на печи сиднем и вдруг решил селёдку съесть и на елку влезть.*

3. Языковые средства со значением крупных географических объектов (наименования населённых пунктов, регионов, стран, ландшафтных объектов, а также близкие им):

– *Пес, это какой язык? – быстро спросил Гоша.*

– *Испанский.*

<...> – *А со мной она на каком говорила?*

– *На тамильском, центральный диалект.*

– *Так там вроде китайская квота в этом и следующем году.*

– *Запрещали же все языки, кроме русского, почему...*

Несмотря на небольшой объём текста, именно географические наименования расширяют пространство языковой картины:

Может, на Байкал получится – вот по пути и к тебе попробуем.

– *Так приезжай. Маечка хоть Россию посмотрит.*

– *Здесь как будто не Россия.*

– *Ага, и у вас Россия, и в Калифорнии Россия, и в Каталонии Россия, как же. Россия, Маш, – это мы.*

Как видим, языковое пространство с общим концептуальным названием «Россия» характеризуется динамизмом и расширением, включением в его состав объектов других стран неясных границ (Россия = Калифорния + Каталония + ...). Такое расширение мотивировано фантастическим жанром произведения и, несмотря на несколько ироничный характер, носит патриотический оттенок (предположение о будущем влиянии России в мире).

При этом данные пространственные координаты связаны со стереотипными представлениями о России, что отражает следующий контекст.

4. Языковые средства, ассоциативно связанные со стереотипными признаками России:

Россию он покажет. Да кто к тебе захочет-то? «А, это там, где нефть выращивают и тайгу сажают? Спасибо, мы лучше здесь как-нибудь, по старинке». Еще и выюга, да? И минус двадцать, да?

Еще и выюга, да? И минус двадцать, да?

Гоша усмехнулся. С утра было минус двадцать семь.

Как видим, Россия традиционно связана с представлением о холоде и зиме.

5. Названия русских мер измерения:

Три дня по пяти рекам с пересадками, спасибо, потом еще дронами сто верст, и ни души вокруг, даже медведи разбежались, один ты сидишь, пенсию копишь.

Старинная единица измерения пространства подчёркивает традиционность взглядов главного героя.

6. Имена собственные, имеющие географическую маркированность:

– *О господи. Маш, ну что вы с ребенком делаете?*

...сказала Маечка, сделала ручкой

– *Сидел Гоша тридцать лет на печи...*

Следует отметить, что помимо имён собственных, условно относящихся к исконно русским в силу их русификации и полной адаптации в русской культуре (Маша, Майя/Маечка,

Гоша), в языковое пространство текста включаются антропонимы иных языков и культур, что отражает мультикультурный и многонациональный характер образа России в тексте:

– *Да, вы оба, с Амиржоном;*

– *Почему, Кимы еще.*

Помимо антропонимов, пространство художественного текста создают также мифонимы – имена вымышленных персонажей, ставших символами культуры:

– *А как же елка, Дед Мороз...*

– *И Дед Мороз. Со Снегурочкой.*

– *То есть Снегурочку прямо сейчас делаю? – уточнил Пес.*

Помимо русских номинативных символов, языковое пространство текста расширяется включением инокультурных мифонимов, которые составляют оппозицию русским:

– *Гад ты, дед. Правильно майонез запретили. И Деда Мороза вашего...*

– *Тоже запретили? – не поверил Гоша.*

– *Не, сам вымер. Мэй про него и не знает.*

– *Санта-Клауса знает поди, – сказал Гоша неодобрительно.*

– *А вот не уверена. Тамильского разве что. Да она и большая уже, в Деда Мороза-то верить.*

Как видим, языковое пространство текста характеризуется динамичностью и тяготением к расширению (сени – сарай – Байкал – Россия – испанский – тамильский – китайский – Калифорния – Каталония = неограниченное пространство), а также включает номинации инокультурного происхождения, отражающие как многонациональность российского государства, так и противопоставление другим этнокультурным пространствам (Санта-Клаус).

Перейдём к рассмотрению **языковых средств создания категории времени** в рассказе:

1. Показатели малого астрономического цикла – вербализация календарного времени:

В сенях зажужжало и шлепнуло: въехала очередная посылка, сброшенная во двор почтовым дроном, пятая или шестая с утра.

С утра было минус двадцать семь.

– *До вечера не снимаю. Пять подходов на каждый уровень по пятнадцать минут, массаж и все сначала.*

– *А мы долетим? – скучно спросил Пес. – Это семь часов, если патрули не задержат; я уж молчу, что полугодовую квоту горючего высадишь.*

– Ладно, не трясись, дед Отмороз, я проверил – шесть часов лететь, с запасом там будем.

Как видим, временные показатели не только организуют полный астрономический цикл (утро – вечер), но и отражают единицы его измерения (шесть часов).

2. Показатели большого астрономического цикла – вербализация календарного времени:

– Зимует, за порядком следим, елку украшаем.

– Еще полгода будет, чтобы накопить, – ответил Гоша, поспешно переодеваясь в дорожное.

Конкретизация времени года концептуально значима для идейно-содержательной стороны текста, в котором показан конфликт разных мировоззрений – старшего и младшего поколений, различия во взглядах которых выражены в их отношении к русским традициям, в частности, к празднованию Нового года.

3. Показатели системы исчисления – вербализация календарного времени:

– Дед, ты совсем за политикой не следишь? Запретил прошлый созыв, а сейчас созыв отменен запрета, еще два года будут все предыдущие отменять. А потом уже опять все позапрещают.

– Начнем, прям со следующего года. Да, Пес?

– У тебя все еще Пес? – изумилась Маша. – С них же даже поддержку сто лет как сняли. Давай тебе современную оболочку поставим, как раз акция сейчас...

– Сидел Гоша тридцать лет на печи сиднем и вдруг решил селедку съесть и на елку влезть.

Деление жизненного цикла на годы с их конкретизацией (два года, следующий год) сочетается с условным временным членением (сто лет, сидел тридцать лет на печи).

4. Маркёры событийного времени – названия праздников и иных мероприятий, характеризующихся временной закреплённостью:

Когда-то новогодние подарки Гошу радовали, потом интересовали. Хорошие были времена.

– Спасибо. А так нет, получается. Эх, Маш. Ну главный же праздник вообще.

– Да какой праздник. Рождество вон отметили, китайский отметим, куда еще-то.

– Не пихай, вешай давай. Новый год должен быть по всем правилам.

Центральным для текста является концепт «Новый год», концентрирующий в себе отношение к традиционной русской культуре.

5. Языковые средства, называющие понятия, вызывающие ассоциации с определёнными событиями (косвенные маркёры событийного времени):

Елка еще сильнее растопырила лапы, разноцветно подмигивая под хрустальное «В-ле-су-ро-ди-лась», запахло хвоей, смолой и мандаринами.

– Зимует, за порядком следим, елку украшаем. Смотри какую игрушку вспомнил, красивая же? Тебе отдам. Вы елку поставили?

– А как же елка, Дед Мороз, мандарины, салют, «Ирония судьбы», сельдь под шубой, наконец?

Звезду держи, в руках повезешь, чтобы не кокнулась. И звук на себя переключи, умоляю. Я эту «Иронию судьбы» больше слышать не могу.

Названные явления отражают стереотипные представления о праздновании Нового года, характеризующие традиционный уклад жизни в России.

6. Номинации – показатели определённых или неопределённых исторических периодов, значимых для народа или конкретного человека:

– Это свитер с оленями, в ваше время их космонавты носили, – снисходительно объяснила Маечка и, просяв оттого, что вовремя вспомнила, добавила: – На рок-концерты.

– Где Сталин и динозавры, – пробормотал Гоша

– Господи, дед, ты-то тут при чем? И почему – назло? Просто... так. Все они так. Зара вон соседская строго на праайнском говорит, а она сама его восстановила, словарей нет, родители вешаются, и остальные, и оболочки. А Мик, он годом младше, вообще только граф-кодами общается.

– Вспомнил. Я под шубой с детства не ела, там же майонез. Все соленое, жирное, губы потом лиловые... Эх. Вкусно же как... Как детство.

«Ирония судьбы», селедка под шубой, мандарины, елка и звезда сверху.

Намеренное смешение отдалённых исторических периодов и эпох не только служит средством создания комического эффекта, но также выражает горькую иронию, поскольку указывает на невежество младшего поколения (свитер с оленями, в ваше время их космонавты носили, На рок-концерты, Сталин и дино-

завры). Кроме того, условные маркёры неуточнённых исторических периодов усиливают противопоставление позиций старших и младших, чьи средства коммуникации представлены как загадочные и непонятные для первых (*строго на праайнском говорит, вообще только граф-кодами общается*). В целом средства вербализации времени создают образ некоего

будущего, при этом обращённого в прошлое. Именно этот образ объединяет категории пространства и времени – будущее России.

Таким образом, пространство языковой картины текста характеризуется динамикой и расширением, а время характеризуется как календарными, так и событийно-историческими языковыми показателями.

Список литературы

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2004. 208 с.
2. Идиатуллин Ш. Ш. Всё как у людей. Текст: электронный // BookZip.ru. URL: <https://bookzip.club/b/63715-vsyo-kak-u-lyudey/reader> (дата обращения: 05.08.2024).

Сведения об авторе

Иванова Анастасия Викторовна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, sova2006.83@mail.ru

Information about the author

Anastasia V. Ivanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of the Russian language and methods of its teaching of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, sova2006.83@mail.ru

УДК 811.581

Переносное значение дополнительного элемента направления в китайском языке

Сергей Владимирович Науменко¹, Виктория Николаевна Соловьева²

¹Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,

²Российский новый университет, г. Москва, Россия

²victoriasolovjeva@mail.ru

В статье рассматривается проблема одного из видов глагольного дополнительного элемента китайского языка – дополнительного элемента направления. В то время как прямые (пространственные) значения этого члена предложения, не имеющего аналога в русском языке, достаточно полно описаны в учебных пособиях и научных трудах российских китайистов, его переносные значения, за редким исключением, не рассматриваются, что создаёт определённые проблемы при обучении китайской грамматике.

Ключевые слова: китайская грамматика, дополнительный элемент направления, прямое значение, переносное значение, учебное пособие

The Figurative Meaning of an Additional Element of Direction in Chinese

Sergei V. Naumenko¹, Victoria. N. Solovjeva²

¹Transbaikal State University, Chita, Russia,

²Russian New University, Moscow, Russia

²victoriasolovjeva@mail.ru

The paper deals with one of the types of verbal complement of the Chinese language – the complement of direction. While the direct (spatial) meanings of this element of sentence, which has no analogue in the Russian language, are described quite fully in textbooks and scientific works written by sinologists in Russia, its metaphorical meanings, with rare exceptions, are not studied, which creates certain problems in teaching Chinese grammar.

Keywords: Chinese Grammar, Complement of Direction, Direct Meaning, Metaphorical Meaning, Textbook

В данной статье речь пойдёт о специфической синтаксической категории китайского языка – так называемом дополнительном элементе, а именно о такой его разновидности как дополнительный элемент направления (далее по тексту ДЭН) в его переносном, непространственном значении.

В синтаксисе русского языка отсутствует прямой аналог этого члена предложения, что вызывает определённые трудности у русскоязычных учащихся при прохождении данной грамматической темы. Дополнительным источником трудности усвоения этого грамматического явления является почти полное отсутствие описания переносных (вторичных, производных) значений различных видов ДЭН в учебных пособиях по китайскому языку, созданных российскими авторами, в то время как пространственные значения ДЭН описаны довольно полно и чётко. Следует также отметить, что дополнительный элемент направления в обязательном порядке выделяется всеми авторами трудов по китайской грамматике, как в самом Китае, так и за рубежом, в частности в России. Это свидетельствует об очень высокой частотности употребления ДЭН в речи носителей китайского языка, что, в свою очередь, предполагает уверенное владение данным синтаксическим явлением и лицами, изучающими китайский язык как иностранный. Подробнее проблема классификации дополнительных элементов китайского языка и выбора оптимального термина для русскоязычного наименования данного члена предложения рассмотрена в статье С. А. Маннаповой и Т. С. Лопаткиной «Глагольный дополнительный элемент в современном китайском языке: проблема терминологического плюрализма и единства классификации» Упомянутые выше трудности изучения грамматической темы, касающейся дополнительного элемента направления, и побудили авторов обратиться в данной статье к этой теме.

Наиболее подробно из всех дополнительных элементов направления в учебных пособиях, созданных отечественными авторами, описаны два: 起来 и 下去, имеющие соответственно значения начала действия и его продолженности. В данной статье нам бы хотелось остановиться на простом дополнительном элементе направления 上 и созданных на его базе сложных ДЭН 上来 и 上去.

Глагол + 上

上 – одна из двух морфем, выражающих движение чего-либо вверх. Другая морфема – 起. Разница между ними заключается в том,

что, в отличие от 起, 上 имеет четкую конечную точку. 上 так же может сочетаться как с 来, так и с 去, в то время как 起 образует комплемент направления только с 来.

1. Указывает на то, что действие началось и продолжалось на протяжении какого-то времени [2, с. 196].

– 老师刚说了一句话·学生们就议论上了。Как только учитель сказал несколько слов, ученики сразу начали обсуждать.

– 你不是还在上学吗·怎么做上生意了? Ты разве уже не учишься, с чего вдруг ты начал заниматься бизнесом?

– 从去年开始, 我喜欢上了集邮。Начиная с прошлого года я полюбил собирать марки.

– 当她刚来中国时不习惯·一年后她已经爱上了这个地方·不愿意离开了。Когда она только приехала в Китай, было непривычно, но спустя год она полюбила это место и не хотела уезжать.

– 去了以后, 也许你会爱上这个美丽的城市。После поездки туда ты, возможно, полюбишь этот прекрасный город.

– Также может выражать идею контакта, присоединения или даже закрепления чего-либо. В этом значении употребление 上 встречается чаще, чем 上来 и 上去 [3, с. 550, 553].

– 我把窗户关上·锁上门·咱们就走。Я закрою окно, запру дверь и тогда мы пойдем.

– 一到春天, 人们都脱下冬衣·换上春装。С приходом весны люди снимают зимнюю одежду и меняют ее на весеннюю.

– 今天外边很冷·把大衣穿上吧。На улице сегодня холодно, надень пальто.

– 他把电脑拆了·自己又装上了。Он разобрал компьютер и снова сам его собрал.

– 她一进屋就脱下皮鞋·换上拖鞋。Войдя в дом, она сняла туфли и сменила их на тапочки.

2. Значение достижения ожидаемого результата или осуществления заветной цели считается разговорным [3, с. 550].

– 他终于买上了他喜欢的汽车。Он, наконец, купил понравившуюся ему машину.

– 我弟弟去年好不容易考上了北京大学。В прошлом году мой младший брат с трудом поступил в Пекинский университет.

Глагол + 上来

1. Указывает на возможность совершения и на успешное и правильное завершение действия или состояния [3, с. 552].

– 他的问题我回答上来了。На его вопрос я ответила (смогла ответить).

– 这篇文章的内容他说上来了。Он рассказал (смог рассказать) содержание этой статьи.

2. Указывает на присоединение или добавление. Это значение заложено в 上去, в то время как 上来 или 上去 используются в зависимости от того, на чем говорящий фокусирует внимание. Если фокус на объекте, находящемся перед говорящим, в его поле зрения, то выбор падает на 上来.

– 这个参考书目上的书还不够，能不能在补上来几个。В библиографии все еще недостаточно источников, можно ли добавить еще несколько?

В данном случае говорящий фокусирует внимание на библиографии (参考书目) и если заменить 上来 на 上去, то библиография будет находиться где-то еще, но не у говорящего в руках или перед глазами на компьютере и уже не будет являться предметом сообщения.

Глагол + 上去

1. Обозначает присоединение, прирост или перемещение от говорящего, от ближнего к дальнему [4, с. 316].

– 你这张照片怎么贴上去，就怎么揭下来！Как приклеил эту фотографию, так и сдирай! (присоединение)

– 他生我气了，所以我挂上电话去。Он разозлил меня, поэтому я повесила трубку. (перемещение от говорящего)

– 我也要报名，请你把我的名字写上去。Я тоже хочу зарегистрироваться, пожалуйста, запишите мое имя (присоединение).

2. Может выражать оценку.

– 看上去挺不错。Выглядит очень даже неплохо.

В этом случае 上去 указывает на оценку видимой ситуации или объекта. Однако упо-

требление 上去 в данном значении очень схоже с 起来 с тем же глаголом 看 и в некоторых случаях они даже взаимозаменяемы.

– 她看上去/看起来有点紧张。Она выглядит слегка напряженной.

– 看上去/看起来他有五十多岁。Ему, судя по внешнему виду, больше 50 лет.

В этих примерах видно, что 起来 и 上去 в переносном значении оценки вместе с глаголом 看 взаимозаменяемы только в случае, если эта оценка основана на том, что можно реально увидеть своими глазами. А различие между 看起来 и 看上去 заключается как раз в том, что 看起来 также может использоваться более абстрактным образом, когда предположение сделано не на основе чего-то, что можно увидеть физически, а скорее на ситуации или определенных обстоятельствах.

– 已经七点多了，看起来他今天不来了。Уже восьмой час, кажется, сегодня он не придет.

Здесь предположение о том, что «он» не придет, основано просто на том факте, что время за семь (восьмой час), то есть время, которое говорящий считает слишком поздним для того, чтобы «он» пришел. Все это является предположением, сделанным исходя из ситуации. В этом случае нельзя использовать 上去.

Как можно видеть из приведённых примеров, переносные значения дополнительного элемента направления, не всегда связанные с идеей нахождения или перемещения в пространстве, весьма разнообразны и заслуживают специального рассмотрения в учебных пособиях по грамматике китайского языка.

Список литературы

1. Маннапова С. А., Лопаткина Т. С. Глагольный дополнительный элемент в современном китайском языке: проблема терминологического плюрализма и единства классификации // Казанский лингвистический журнал. 2024. № 7. С. 213–242. DOI: 10.26907/2658-3321.2024.7.2.213-242
2. 对外汉语教学实用语法 / 卢福波著. 北京：北京语言文化大学出版社；2002重印.
3. 实用现代汉语语法/刘月华等著. 增订本. 北京：商务印书馆；2001.
4. 实用现代汉语语法/刘月华等著. 增订本. 北京：商务印书馆；2001.

Сведения об авторах

Науменко Сергей Владимирович, канд. пед. наук, доцент кафедры китайского языка, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Соловьева Виктория Николаевна, ст. преподаватель кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций, Российский новый университет, г. Москва, Россия, victoriasolovjeva@mail.ru

Information about the authors

Sergei V. Naumenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chinese Language Department of the Historical and Philological Faculty of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia

Victoria N. Solovjeva, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communications, Russian New University, Moscow, Russia, victoriasolovjeva@mail.ru

УДК 811.581

Трансформация коннотативных значений ряда слов китайского языка: историческая обусловленность**Жанна Владимировна Шмарова***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
shmarova73@mail.ru*

Лексика языка непосредственным образом связана с историческим развитием общества. II Пленум ЦК КПК 1978 г. явился важной вехой в истории КНР, конференция положила начало политике «реформ и открытости». В данной статье рассмотрены случаи коннотативных изменений слов китайского языка. Трансформация коннотативных значений обусловлена, с одной стороны, динамикой лингвокультурных и общечеловеческих ценностей, а с другой – сменой политического и экономического курсов.

Ключевые слова: коннотация, положительная коннотация, отрицательная коннотация, изменение коннотативного значения, политика «реформ и открытости»

Connotative Meanings Transformation of Some Chinese Words: Historical Conditionality**Zhanna V. Shmarova***Transbaikal State University, Chita, Russia
shmarova73@mail.ru*

The language vocabulary is directly related to the historical development of society. The second Plenum of the CPC Central Committee in 1978 was an important milestone in the history of the PRC; the conference marked the beginning of the “reform and opening up” policy this article examines cases of connotative changes in words in Chinese. The transformation of connotative meanings is determined, on the one hand, by the dynamics of linguocultural and universal values, on the other hand, by changes in political and economic courses.

Keywords: Connotation, Positive Connotation, Negative Connotation, Change in Connotative Meaning, “Reform and Opening up” Policy

Лексика языка, представляя единство лексем в языковой системе, непосредственным образом связана с историческим развитием общества. Поэтому слово обладает свойством относиться к определенной исторической эпохе. В ходе социальных изменений одно слово может производить новые смыслы. Посредством расширения или сужения появляются новые значения у имеющихся в системе языка слов.

В данной статье мы рассмотрим на примере китайского языка случаи коннотативных изменений слов. С одной стороны, нейтральное слово, не включающее в свою структуру оценочные семы, в процессе своего исторического развития приобретает положительные или отрицательные коннотации, а с другой стороны, какое-либо слово, включающее в свою структуру положительные или отрицательные семы, меняет свое коннотативное значение на противоположное.

В. И. Шаховский считает, что коннотация – это аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодировано выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение [по:

3]. В современной лингвистике большинство исследователей связывает коннотацию, прежде всего с экспрессивным компонентом значения. Данная традиция укрепилась благодаря развитию психолингвистики и усилению интереса к экспериментальным исследованиям в конце XIX в. [Там же].

Ю. Д. Апресян писал «...коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [цит. по: 4, с. 436]. В данном понимании коннотация несет информацию о мире и восприятии мира социумом.

Коннотативные значения слов не являются раз и навсегда заданными. Они могут со временем меняться под влиянием изменений в культуре и обществе; новых ассоциаций, возникающих у слова; индивидуального авторского использования; влияния моды на определенную лексику. С изменением общественных условий жизни, по мере развития культуры и повышения грамотности населения, у людей меняется отношение к некоторым явлениям, что как раз отражается и на коннотативном значении слова. В статье мы

рассмотрим определенный исторический период: с начала образования КНР до начала периода реформ и открытости.

Трансформация коннотативных значений главным образом проходит в трех вариантах: из положительной в отрицательную, и, наоборот; из отрицательной в нейтральную; из нейтральной в отрицательную.

Первый случай. Слова с положительной коннотацией приобретают отрицательную и наоборот. Такие изменения в семантике зачастую связаны с переоценкой общественного мнения к определенной категории людей или определенным явлениям.

В течение нескольких месяцев 1958 г. по всей стране была проведена сплошная «коммунизация» деревни. 740 тыс. кооперативов были преобразованы в 26 тыс. «народных коммун», каждая из которых в 20–30 раз превосходила прежние кооперативы по земельной площади и числу рабочих рук [1]. «Народным коммунам» передавалось все: скот, птица, приусадебные участки. Такой способ перераспределения благ появляется в обществе при существовании нестабильности производства благ первой необходимости. В неблагоприятные периоды, когда производство основных продуктов питания сокращается по не зависящим от людей причинам (неурожай, война и т. д.), единственным способом выживания будет раздел небольшого количества имеющихся продуктов между всеми членами общества. В это время (60–70-е гг. XX в. политика «большого скачка») в стране становится популярным выражение «еда из одного котла» (大锅饭), обладающее положительной оценкой. «Как известно политика «большого скачка» привела Китай к плачевным результатам: к дезорганизации на годы народного хозяйства, резкому снижению производительности, снижению качества производимой продукции и даже голоду» [2, с. 101]. В современном обществе выражение «еда из одного котла» имеет негативную коннотацию, совпадающую с русским словом «уравниловка».

Приведем для примера слова «бедный» (穷) и «богатый» (富). В период до образования КНР и в первые десятилетия после 1949 г. во время классовой борьбы были популярны следующие выражения: «чем беднее, тем ближе к революции» (越穷越革命), «чем беднее, тем ближе к славе» (越穷越光荣), «только бедный стремится к изменениям» (穷则思变). Если ты беден, значит ты вместе со всеми, ты понимаешь необходимость перемен и революции. Слово «бедный» несло положитель-

ную оценку. Напротив, слово «богатый» обладало отрицательной коннотацией: «богатый, значит ревизионист» (富则修), «богатеешь, значит идешь по капиталистическому пути» (富就要走资本主义道路). Так было до 1978 г. [5]. С 18 по 22 декабря 1978 г. в Пекине прошёл третий пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая одиннадцатого созыва. Вместо классовой борьбы руководящей идеей ЦК КПК стало экономическое строительство, выдвинуты задачи реформ и открытости. Конференция положила начало политике «реформ и открытости» и широко рассматривается как момент, когда Дэн Сяопин стал верховным лидером Китая. Партия выдвигала лозунг «Труд приводит к процветанию» (劳动致富). В обществе появились первые зажиточные люди, появились богатые деревни, уезды. Постепенно слово «богатый» стало приобретать положительную оценку.

Изменения в семантике отражают определенную переоценку ценностей в обществе. В 70-е годы в Китае ходила поговорка «непрофессионал руководит профессионалом» (外行领导内行) и слово «непрофессионал» не носило оттенок уничижительности. Сейчас же в стране поощряется кадровая переподготовка, повышение образовательного уровня кадрового состава, слово утратило тот исторически положительный контекст.

Другой пример, слово «за счет государства, казенный, бюджетный» (公费) изначально имело положительное значение, с начала 90-х гг. XX в. прошлого столетия появились такие выражения, как «есть, пить за казённый счет» (公费吃喝), «путешествовать за казённый счет» (公费旅游) и другие, которые явно имеют негативную оценку.

Второй случай. Другая часть слов имела явно отрицательную оценку, но с периодом реформ и открытости в речевой практике носителей языка закрепляется нейтральный статус данных лексических единиц. Особенно это проявилось в период культурной революции, в то время некоторые политические и экономические термины подверглись переоценке. Так, например, профессор Пекинского педагогического университета Дяо Яньбинь (刁晏斌) отмечает: «с вступлением страны в новую эпоху в лексической системе современного китайского языка происходят еще одни значительные изменения. Если вспомнить первую волну, то семантический сдвиг был в сторону смещения к отрицательной коннотации, вторая же волна связана с отходом от пейоратива, то есть возвращению к перво-

начальной оценочной коннотации» [6]. Например, слова: *планирование* (策划), *реформа* (改良), *корпорация* (集团), *планировать* (谋划) утратили свое отрицательное значение и вернулись к первоначальному нейтральному. Переоценка в семантике произошла и у таких слов, как *босс* (老板), *зажиточность* (小康), *совмещать должности* (兼职), *заниматься своим бизнесом* (下海), *предприниматель* (个体), *инвестиции* (外资), *частный* (私营), *наживать капитал* (赚钱). Причина такой переоценки заключается в коренных изменениях политического курса страны. Уход от классовой борьбы в период культурной революции в сторону экономического строительства государства. Уход от идеологии «придавать значение сельскому хозяйству и ограничивать торговлю» (重农抑商) в сторону «богатеть за счёт честного труда» (劳动致富), в такой ситуации ведение бизнеса уже не считалось чем-то постыдным или осуждаемым.

Слово «перекупщик, спекулянт» (二道贩子) было неодобрительным, в период реформ и открытости стало нейтральным словом.

Слово «конкуренция» (竞争) долгое время имело уничижительный оттенок и было связано с капиталистическим методом хозяйствования. Начиная с 1979 г. в Китае формируется двухсистемная модель экономики, сочетающей элементы плана и рынка, то есть социалистического и капиталистического хозяйствования. В такой системе имеет место быть здоровая конкуренция. Понятие «конкуренция» получило положительную окраску, поскольку на смену пришли капиталистические установки, в которых решающую роль стали играть рыночные отношения.

Третий случай. К первоначально нейтральным словам добавляется отрицательный компонент значения и слова становятся единицами с отрицательно-оценочным значением. Например, слово 第三者 (小三) имело

значение «третье лицо, не имеющее непосредственного отношения к делу», в период реформ у него появилось дополнительное значение «любовница, содержанка». Или слово 陪 имело значение «помогать, сопровождать», в дальнейшем появилось сопутствующее значение с отрицательным оттенком «присоединиться к какому-то действию». Данная единица получила распространение в современном общении, появились такие выражения, как «составить компанию в пирушке» (陪酒), «сходить вместе попеть» (陪唱), «сходить вместе потанцевать» (陪舞), «тройное сопровождение» (о работниках ночных развлекательных заведений, которые обязаны петь, пить и танцевать с клиентами) (三陪), «эскорт-девушки» (陪女).

У некоторых слов происходит повторная смена коннотаций: положительная – отрицательная – положительная и, наоборот, отрицательная – положительная – отрицательная. Например, слово «господин» 先生 впервые встречается в «Великих одах» (один из разделов «Шицзин» или «Книги песен», датируется II–I тыс. до н.э.) со значением «рожденный первым». В «Беседах и суждениях» Конфуция это слово выступает в значении «старший по возрасту». С эпохи Воюющих государств этим словом стали называть образованного человека в годах. В первой половине XX-го века до образования КНР употреблялось в отрицательном значении «нереволюционный», не красивый, в то же время в положительном значении употреблялось только с фамилиями Лу Сюнь и Сунь Ятсен. Сейчас же употребляется повсеместно с положительной коннотацией и заменило слово «товарищ», которое имело яркую политическую окраску.

Таким образом, трансформация коннотативных значений обусловлена, с одной стороны, динамикой и инверсией лингвокультурных и общечеловеческих ценностей, а с другой – сменой политического и экономического курсов.

Список литературы

1. «Большой скачок». Текст: электронный // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1877262 (дата обращения: 10.07.2024).
2. Канарш Г. Ю., Никитина Э. В. Китай: национальная модель капитализма. 2021. № 2. С. 96–111. Текст: электронный // Знание. Понимание. Умение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-natsionalnaya-model-kapitalizma> (дата обращения: 12.07.2024).
3. Кропотова Л. В. История развития лексической коннотации. Текст: электронный // CYBERLENINKA. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-leksicheskoy-konnotatsii/viewer> (дата обращения: 20.05.2024).
4. Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сб. науч. ст. к 80-летию проф. К. В. Горшковой. М.: МГУ, 2001. С. 436–446.
5. 崔永华. 词汇文字研究与对外汉语教学. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1997.

6. 吴晓雪。小议新时期汉语词义褒贬变化。现代语文(语言研究) 2014年第02期。URL: <https://www.qikan.com.cn> (дата обращения: 25.06.2024). Текст: электронный.

Сведения об авторе

Шмарова Жанна Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры китайского языка, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, shmarova73@mail.ru

Information about the author

Zhanna V. Shmarova, Candidate of Philology, Docent of the Department of Chinese Language of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita, Russia, shmarova73@mail.ru

УДК 378(510=111)

文化融合视域下中华优秀传统文化融入高职英语教学中的有效途径

吴靖梓

呼伦贝尔职业技术学院·内蒙古呼伦贝尔
707190723@qq.com

在新时代的背景下,我国高等教育正经历着改革与转型,其中,传承和弘扬中华优秀传统文化被赋予了重要的使命与责任。高职英语教学作为高等教育体系中的重要组成部分,应当积极响应这一号召,将中华优秀传统文化融入教学过程中,以培养学生的文化自觉和文化自信。结合高职英语教学的特点,本文将从教师文化素养的提升、教学理念的转变、教学内容的丰富、评价机制的完善以及学习氛围的创设等多个维度,旨在探讨如何在高职英语教学中融入中华优秀传统文化的有效途径,以实现教育的全面性和均衡性。

关键词: 传统文化; 高职英语; 文化融合

**Эффективный способ интеграции традиционной китайской культуры
в преподавание английского языка в высших профессиональных колледжах**

У Цзинцзы

Хулунбуирский профессионально-технический институт, г. Хайлар (Хулунбуир), Китай
707190723@qq.com

На фоне новой эпохи высшее образование в Китае претерпевает реформирование и трансформацию. На него возложена важная миссия и ответственность по развитию традиционной китайской культуры. Это изменение не только отражает важность традиционных культурных ценностей, но и ответственность высшего образования за воспитание талантов. В сочетании с характеристиками преподавания английского языка в высших профессиональных колледжах и институтах эта статья направлена на изучение эффективных способов интеграции традиционной китайской культуры в преподавание английского языка в высших профессиональных колледжах с нескольких сторон, таких как повышение культурных достижений учителей, изменение концепции преподавания, обогащение содержания обучения, совершенствование механизма оценки и создание атмосферы обучения для достижения всесторонности и сбалансированности образования.

Ключевые слова: традиционная культура, профессиональный английский, интеграция культуры

An Effective Way to Integrate Traditional Chinese Culture into English Teaching in Higher Vocational Colleges

Wu Jingzi

Hulunbuir Vocational and Technical College, Hailaer (Hulunbuir), China
707190723@qq.com

Under the background of the new era, higher education in our country is undergoing reform and transformation. Among them, it has been given an important mission and responsibility to carry forward the excellent traditional Chinese culture. This change not only reflects the importance of traditional cultural values, but also reflects the responsibility of higher education in cultivating talents with all-round qualities. Combining with the characteristics of English teaching in higher vocational colleges, this paper aims to explore effective ways to integrate traditional Chinese culture into English teaching in higher vocational colleges from several dimensions, such as the improvement of teachers' cultural accomplishment, the change of teaching concept, the enrichment of teach-

ing content, the improvement of evaluation mechanism and the creation of learning atmosphere, so as to achieve the comprehensiveness and balance of education.

Keywords: Traditional Culture, Vocational English, Integration of Culture

一、引言

在全球化背景下, 世界文化的交流与融合日益加深, 稳固文化根基、提升文化软实力, 已成为我们在多元文化交流中保持坚定立场的坚实基础。中国传统文化, 作为中华民族数千年的文化积淀与结晶, 其博大精深之处不容小觑。而高职英语教育肩负着培养具有国际化视野、高素质技术技能人才的重要职责。将中华优秀传统文化融入高职英语教学之中, 不仅能够有效发挥英语作为文化桥梁的作用, 推动文化的交流与互鉴, 更能增强学生的文化自信, 引导他们树立正确的文化价值观。因此, 高职英语教师需具备跨文化的教学视野, 从中西方文化比较的维度, 正视并深化中华优秀传统文化融入高职英语教学的重要性。同时, 教师应结合专业特色及实际需求, 全面评估学生的英语水平和自主学习能力, 对教学内容、目标、方法、评价机制等进行针对性的改革与创新, 这将有助于学生在未来的职业生涯中更好地进行跨文化交流与合作, 成为满足社会发展需求的高素质技术技能人才。

二、高职英语教学与中华优秀传统文化融合的必要性的

在全球化的浪潮中, 英语作为一种国际通用语言, 其地位不言而喻。然而, 仅仅掌握英语语言技能并不能满足当今社会对人才的全面需求。特别是在文化多元化、信息爆炸的时代背景下, 高职英语教育必须肩负起培养学生跨文化交流能力、文化自觉和文化自信的重要使命。将中华优秀传统文化融入高职英语教学之中, 不仅是对学生英语技能的提升, 更是对他们文化素养的熏陶和提升。

三、提升教师文化素养与转变教学理念

同时, 教师还应转变教学理念, 将传统的以教师为中心的教学模式转变为以学生为中心的教学模式。在教学过程中, 教师应注重培养学生的自主学习能力和跨文化交流能力, 鼓励学生主动参与课堂活动, 发表自己的观点和看法。通过互动式、合作式的教学方式, 激发学生的学习兴趣 and 热情, 提高他们的学习效果和参与度。

(一) 中华优秀传统文化融入高职英语教学有助于培养学生的跨文化交流能力

在全球化的舞台上, 跨文化交流能力已成为个体和社会成功的重要因素。高职英语教育作为培养未来职场人才的重要基地, 其教学内容和方式必须紧跟时代的步伐, 注重培养学生的跨文化交流能力。通过将中华优秀传统文化融入高职英语教学中, 学生能够在学习语言技能的同时, 深入了解中华文化的精髓, 掌握其独特的表达方式和思维方式, 从而在跨文化交流中更加自信、准确地传递信息, 避免因文化差异而产生的误解和冲突。这不仅有助于学生更好地融入国际社会, 也有助于他们在国际舞台上展示中华文化的魅力, 推动中华文化的传播和世界文化的交流互鉴。

(二) 中华优秀传统文化融入高职英语教学有助于增强学生的文化自觉和文化自信

在全球化的冲击下, 不少年轻人对传统文化的认知与认同感逐渐减弱。然而, 文化自觉和文化自信是国家和民族发展的精神支柱。将中华优秀传统文化融入高职英语教学之中, 可以让学生在接触和学习西方文化的同时, 更加深入地了解 and 欣赏中华文化的独特魅力和价值。这不仅能够增强学生的文化自觉意识, 让他们认识到自己作为中国人的文化根基和身份认同, 更能够激发他们的文化自信, 让他们在全球化的舞台上更加自豪地展示中华文化的魅力, 更加坚定地传承和弘扬中华文化, 成为中华文化的传播者和守护者。通过英语教学这一平台, 我们可以将中华文化的精髓传播到世界各地, 增强国际社会对中华文化的认同感和尊重, 推动中华文化走向世界舞台的中心。

(三) 中华优秀传统文化融入高职英语教学有助于丰富教学内容, 提高教学质量

中华优秀传统文化融入高职英语教学也有助于推动高职英语教育的改革和创新。传统的高职英语教学往往注重语言知识和技能的传授, 而忽视了对学生文化素养的熏陶和提升。通过将中华优秀传统文化融入高职英语教学中, 教师可以结合传统文化的内容和特点, 丰富教学内容, 设计更具针对性和趣味性的教学活动, 使英语教学富有内涵, 激发学生的学习兴趣 and 主动性。同时, 教师还可以通过引入传统文化元素, 丰富教学内容和形式, 提高教学效果和质量。这种改革和创新将有助于高职英语教育更好地适应时代的需求和发展趋势, 培养出更多具有全面素质的技术技能人才。

三、高职英语教学融入中华优秀传统文化的有效途径

在高职英语教学实践中, 为有效融入中华优秀传统文化, 教师应提升自身文化素养, 深入发掘传统文化要素, 对现有的课程体系和教学内容进行全面更新, 及时调整教学目标和教学模式, 充分发挥传统文化在英语教学中的独特优势, 将传统文化的弘扬与英语教学的开展紧密结合, 实现英语教学效果的最优化, 从而培养出高素质技术技能人才。

(一) 提升文化素养, 拓宽知识视野

在当前全球教育交流日益频繁的背景下, 教师的角色与责任愈发凸显其重要性。教师作为教育教学的引领者和实践者, 尤其是在语言教学的领域中, 教师的文化素养不仅是其专业知识和教学能力的体现, 更包含了对多元文化的深刻理解和有效传播。为了有效地将中华优秀传统文化融入高职英语教学, 教师的文化素养必须得到提升。这包括教师对中国传统文化的深入了解、对其精髓的把握以及对其现代价值的重新认知。只有当教

师具备了深厚的文化素养,才能在教学过程中自然而然地引导学生感受到传统文化的魅力,激发学生对传统文化的兴趣。为此,高职院校应加强对英语教师的培训,可以通过参加讲座、研讨会、进修班和文化交流活动等方式,来提升教师的文化素养。同时,教师也应主动学习,通过阅读经典文献,不断加深对中华优秀传统文化的理解和认识。此外,高职院校还应鼓励英语教师进行跨学科学习,不仅可以拓宽教师的知识视野,还可以促进不同学科之间的融合,为英语教学注入新的活力。

(二) 转变教学理念,调整教学目标

传统高职英语教学过度聚焦于西方文化的引入,而对中华文化的弘扬稍显不足。外语学习应当紧密契合时代潮流,从单纯的语言知识传授转向注重学生的文化素养和跨文化交际能力。这就要求高职英语教师需转变传统的教学理念,及时调整教学目标。在教学过程中,应注重引导学生对中华优秀传统文化的理解和认同,鼓励学生用英语表达和传播中华文化。《高等职业教育专科英语课程标准(2021年版)》的发布,为高职院校公共英语课程建设及教学改革奠定了理论基础。高职英语教师应基于课程改革与时代发展的指引,调整原有教学目标。在理论知识层面,除基本知识外,还需让学生了解中华优秀传统文化的方方面面;在语言能力方面,培养学生的国际视野和跨文化交际能力,使学生能够流畅地用英语讲述中华优秀传统文化故事;同时增强他们的民族自豪感和文化自信,坚定民族文化自信,激发他们更加积极地学习传统文化。因此,高职英语教师应当深刻领悟中华优秀传统文化在英语教学中的核心价值,积极主动地将其融入教学环节中,并制定切实有效的措施,以充分发挥传统文化与英语教学融合的优势,从而达到最佳的教学效果。

(三) 丰富教学内容,创新教学方法

在教学内容的选择上,高职英语教师需确保中西文化的平衡性。鉴于当前高职英语教材中西方文化内容分布不均的实际情况,教师应当审慎地调整优化教材内容,在传授西方文化知识的同时,应适当补充和强调中华优秀传统文化的内容,如中国传统节日、历史典故、诗词歌赋等内容。通过引导学生阅读经典文学作品、故事讲解、角色扮演、小组讨论等形式,让学生在参与中领略中华文化的核心精神和独特魅力;通过结合学生所学专业的特色,将中华优秀传统文化与专业知识相融合,使学生在实践中真切感受到中华文化的非凡价值。同时,教师还可以利用多媒体教学资源,如视频、音频、图片等,使教学更加生动、直观,激发学生的学习兴趣。

在教学方法上,教师应注重培养学生的自主学习能力,创新教学方法,使课堂教学更加活跃和有趣。可以采用情境教学法,通过模拟真实的交际场景,让学生在实践中学会如何用英语表达和传播中华优秀传统文化。在情境教学中,教师可以设定各种与中国传统文化相关的主题,如“春节习

俗”、“中国茶文化”等,让学生分组进行讨论和角色扮演,通过互动交流,加深对传统文化的理解和认同。还可以运用任务型教学法,让学生在完成具体任务的过程中学习中华优秀传统文化。教师可以结合学生所学专业设计一些与传统文化相关的英语项目,如制作英文版的中国传统故事绘本、撰写关于中国名胜古迹的解说词等,让学生在完成任务的过程中,主动探索和学习中华优秀传统文化,提高他们的跨文化交际能力。

(四) 完善评价机制,激励学生学习

为确保对学生中华优秀传统文化学习成果的全面检验,避免中西方文化融合的教学模式仅停留在形式层面,高职英语测试内容亟待进行相应的调整与优化。传统的英语教学评价往往过于注重语言知识的考核,而忽视了对学生文化素养和跨文化交际能力的评价。因此教师应完善高职英语教学中中国文化的评价机制,确保中国文化在英语课堂中的有效融入。首先,要增加对中华优秀传统文化理解和表达的考核比重。在考试和作业中,可以设置一些与中国传统文化相关的题目和任务,使学生在应试过程中不断深化对中华文化的理解与认知。同时,设置开放性题目,鼓励学生就中华文化发表独到见解,以培养其批判性思维和创新的能力。其次,要采用多元化的评价方式。除了传统的笔试和口试外,还可以采用小组讨论、角色扮演、项目展示等方式来评价学生的学习成果。这些评价方式可以更加全面地展现学生的语言能力和文化素养,也可以激发学生的学习兴趣 and 创造力。最后,要注重评价的及时性和反馈性。教师要及时对学生的表现进行评价和反馈,指出他们的优点和不足,并提供具体的改进建议。这样可以帮助学生更好地认识自己,明确学习方向,激发他们持续学习的动力。

(五) 创设学习氛围,增强实践体验

学习环境的创设对于学生学习兴趣的激发和实践能力的提升至关重要。高职英语教师应致力于打造一个充满中华优秀传统文化氛围的英语学习环境,让学生在耳濡目染中感受中华文化的博大精深。一方面可以在教室的布置上融入中华优秀传统文化的元素,如悬挂中国画、摆放中国传统工艺品等,让学生在日常学习中就能感受到中华文化的独特魅力。同时,可以利用校园广播、公众号等媒体平台,定期播放和报道与中华优秀传统文化相关的英语节目和文章,让学生在校园内就能接触到丰富的中华文化知识。另一方面高职院校可以组织各种形式的中华优秀传统文化实践活动,如中国传统文化主题演讲比赛、配音大赛、诗词朗诵交流等。还可以结合大学生暑期“三下乡”、“返乡”活动,让学生深入基层,亲身体验和了解中华传统文化的魅力。这些活动旨在丰富学生课余生活,让学生在亲身实践中深刻领悟中华文化的深厚底蕴,从而增强文化自信和民族自豪感。同时,通过这些活动的参与,学生亦能提升英语口语表达与跨文化交际能力,为未来职业生涯奠定坚实的基础。

四、结语

高职英语教育在培养具有国际视野和跨文化交际能力的同时，更应肩负起传承和弘扬中华优秀传统文化的重任。通过丰富教学内容、创新教学方法、完善评价机制以及创设学习氛围，不仅可以有效提升学生的英语语言能力，还能帮助他们更深刻地理解中华文化的内涵和价值，激

发其文化自信和民族自豪感。在未来的教学中，高职英语教师应继续探索和实践，努力将中华优秀传统文化与高职英语教学深度融合，真正实现高职英语教育的目标，培养出既具有国际竞争力又具备深厚文化底蕴的优秀人才。

参考文献

1. 中华人民共和国教育部. 高等职业教育专科英语课程标准 (2021年版) [M]. 北京: 高等教育出版社, 2021.
2. 王英华. 大学英语教学与传统文化的融合策略研究[J]. 文化创新比较研究, 2022. (17): 144–147.
3. 于洪波. 中华优秀传统文化融入高职英语教学的有效途径研究[J]. 海外英语, 2021. (19): 178–179.
4. 韩奕. 新时代背景下中华优秀传统文化融入高职英语教学研究[J]. 校园英语, 2023. (33): 24–26.
5. 徐雪元. 大学英语教学中融入中国传统文化教学的策略研究[J]. 创新创业论研究与实践, 2020. (15): 22–23.
6. 周津茹. 文化自信视域下中华文化融入高职英语实践教学研究[J]. 晋城职业技术学院学报, 2023. 16(5): 71–74, 78.

关于作者的信息

金鑫鑫, 硕士, 呼伦贝尔职业技术学院讲师, 呼伦贝尔职业技术学院, 中国, 电子邮箱: 707190723@qq.com

Сведения об авторе

У Цзинцзы, Магистр, преподаватель, Хулунбуирский профессионально-технический институт (Хулунбуир), г. Хайлар, Китай, 707190723@qq.com

Information about the author

Wu Jingzi, Master, Lecturer at Hulunbuir Vocational and Technical College (Hulunbuir), Hailaer, China, 707190723@qq.com

УДК 39(510)

Изучение литературы и фольклора Северного Китая в Забайкалье: проблемы и перспективы

Татьяна Викторовна Воронченко¹, Екатерина Владимировна Фёдорова²

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹tavoronch@mail.ru, ²katyaz@bk.ru

Статья посвящена краткому обзору исследований литературы и фольклора народов Северного Китая, которые осуществляются на базе Научно-исследовательского института филологии и межкультурной коммуникации (рук. профессор Т. В. Воронченко) историко-филологического факультета Гуманитарно-педагогического института ЗабГУ. Отмечается, что изучение словесности народов трансграничья Россия-Китай имеет большое значение для построения «культурных мостов» между двумя странами.

Ключевые слова: российско-китайская граница, Северный Китай, Забайкалье, литература, фольклор

Study of Literature and Folklore of Northern China in Transbaikial Region: Problems and Prospects

Tatiana V. Voronchenko¹, Ekaterina V. Fyodorova²

Transbaikial State University, Chita, Russia

¹tavoronch@mail.ru, ²katyaz@bk.ru

The article provides a brief overview of the studies of literature and folklore of the peoples of Northern China, conducted at the Research Institute of Philology and Intercultural Communication, led by Professor T. V. Voronchenko, within the Faculty of History and Philology at the Humanitarian and Pedagogical Institute of Transbaikial State University. The authors emphasize that investigating the verbal culture of Russian-Chinese transboundary communities is crucial for establishing “cultural bridges” between the two nations.

Keywords: Russia-China Border, North China, Transbaikial Region, Literature, Folklore

Одним из важных шагов в осуществлении исследований литературы и фольклора Северного Китая на базе НИИ филологии и меж-

культурной коммуникации стала публикация учебного пособия Т. В. Воронченко, Е. В. Фёдоровой, К. Р. Потаповой «Эвенкийский мир в

фольклоре и литературе Северного Китая» (Чита, 2022). Оно направлено на формирование общей картины фольклора эвенков (орочонов) Северного Китая и «литературе родных краёв» КНР. В книге определяются отличительные признаки мироощущения эвенков Китая, выявляются характерные черты художественного мира произведений китайских авторов, в творчестве которых проявляется эвенкийский колорит.

Вышедшее в 2020 г. учебное пособие Т. В. Воронченко, Е. А. Гладких, Е. В. Фёдоровой «Эвенкийский мир в устном народном творчестве и художественной литературе Забайкалья» посвящено изучению эвенкийских сказок, легенд, преданий, произведений забайкальских авторов-эвенков и других писателей Забайкалья в широкой панораме. Серия учебных изданий выстраивается на основе изучения эвенкийского дискурса в словесности Забайкалья и Северного Китая, содействует совершенствованию подходов к литературному образованию в регионе и способствует дальнейшему выстраиванию полилога культур в пространстве трансграничья Россия-Китай.

Одной из проблем изучения словесности народов Северного Китая в российском академическом сообществе является недостаточное количество учебно-методической литературы по вопросам развития эвенкийского фольклора и литературы в КНР. Следует отметить, что широкая география расселения эвенков, по словам этнографа В. А. Туголукова, представляет «уникальное явление в истории человечества» [3, с. 4]. В Китае, по данным переписи 2010 г., численность эвенков и орочонов, вместе взятых составляет 39 534 чел. [4] На территории Северного Китая (Внутренняя Монголия КНР), в особенности вдоль границы, на правом берегу реки Аргунь, сосредоточено до 90 % эвенков Китая. «Литература и фольклор эвенков, населяющих приграничные территории, рассматриваются в трудах учёных России, Китая и других стран, однако к настоящему моменту разработки в данном проблемном поле носят разрозненный характер» [2, с. 144] и в большинстве своём сосредоточены в отдельных научно-образовательных центрах.

Обращение к произведениям устного народного творчества и художественной литературы эвенков Северного Китая продиктовано остротой проблемы сохранения культуры эвенков как одного из коренных малочисленных народов мира и необходимостью включения соответствующего материала в образова-

тельный процесс высших и средних учебных заведений.

Перевод фольклора эвенков, научной и документальной литературы, посвященной этносу, осуществляется с XVIII в. Именно в этот период времени эвенкийские легенды и эпос получают своё распространение за рубежом, и увеличивается круг читателей. Первыми переводились фольклорные тексты эвенков: эпические произведения и сказания. Благодаря отечественным и зарубежным учёным, работающим в области фольклористики, лингвистики и этнографии, возможно выявить диахронию изучения культуры и литературы этноса. Несмотря на то, что фольклор и литература эвенков признаны важным объектом изучения учёными стран мира, острой проблемой является потеря некоторых уникальных текстов, причиной чему служит отсутствие перевода оригинала на русский или китайский языки. В результате этого затруднительно представить «полную картину географии переводов и рецепции эвенкийского творчества» [1, с. 75], в том числе в Китае.

Среди исследовательских организаций КНР, занимающихся изучением литературы и фольклора народов страны, в том числе, эвенков, выделяется научный центр страноведения (Centre for China Studies), ранее Центр исследования Восточной Азии, на базе университета Гонконга, где формируются знания о китайской культуре и культуре народов, проживающих на территории Китая. В рамках работы академического центра особое место занимают изыскания Авроры Дюмон (Aurore Dumont), которая опубликовала несколько статей, касающихся этногенеза эвенков, освоения и культивирования территорий, на которых они проживают.

В ряде работ участников научного коллектива НИИ ФМК освещаются вопросы изучения отдельных образцов фольклора эвенков Китая. Выделяются основные образы и характеризуются свойственные эвенкийскому устному творчеству эпические жанры. Так, обобщены сведения об эвенкийских легендах – «Вуйнь» (Wuyin) или «Вуйинэн» (Wuyinen), что переводится как «реальные истории из жизни». Они включают легенды об этническом происхождении, национальные легенды о миграции, легенды о героях, исторические легенды, легенды о местных обычаях, легенды о животных и растениях, легенды об обычаях и т. д. Возникновение таких легенд, как «Происхождение людей с девятью фамилиями» и «Происхождение фамилий Вуда», «Эньдули создаёт орочо-

нов» имеет важное справочное значение для изучения истории каждого клана.

Коллективом в указанном пособии также представлены творческие портреты известных писателей Северного Китая, которые обращаются в своём творчестве к «эвенкийской теме». Книга включает материал, мало или почти неизвестный русскоязычному читателю (например, портреты таких писателей Северного Китая, как Чи Цзыцзянь, Ужэртү, Герелчимег Блэкрейн, Ао Чанфу), что позволит существенно расширить представления как об этнокультуре эвенков Китая, так и в целом о национальной литературе КНР и особенностях её развития в последней трети XX – начале XXI в. Одним из самых малоизученных в российском литературоведении эвенкийским писателем КНР является Ао Чанфу – автор рассказа «Путь охотника» [5] и сборника произведений «Охотничий нож», в котором были собраны все его произведения с 1981 по 1987 г. Позже при упоминании современной литературы эвенков литературные критики всегда ссылались на данный сборник. Впоследствии Ао Чанфу объединил несколько романов об эвенках. В 1998 году официально издан очередной сборник литературных произведений Ао Чанфу «Вчерашняя охотничья деревня», в которой не только отражены условия жизни

и мировоззрение охотников-орочонов, но и обозначены тревожные мысли писателя о будущем этноса.

Отдельный пласт работ членов НИИ ФМК посвящён изучению неравномерного процесса исследования эвенкийского фольклора и литературы и обобщению имеющихся трудов учёных стран мира, которые заинтересованы в эвенкийской словесности Китая. Отдельное внимание уделяется взглядам учёных стран мира на проблематику, связанную с этнической самобытностью эвенков, этногенезом и традиционными верованиями.

Предварительные результаты исследований литературы и фольклора народов Северного Китая, в частности, эвенков, выполненных на базе НИИ ФМК Гуманитарно-педагогического института ЗабГУ в течение 2019–2024 гг., позволяют наметить перспективы дальнейших изысканий. Несомненно, что совершенствование процессов изучения и популяризации словесности народов, населяющих пространство трансграничья Россия-Китай, должно быть связано с активизацией переводческой деятельности (китайский-эвенкийский, китайский-русский) и консолидацией усилий учёных двух стран в виде создания междисциплинарных научных коллективов, что будет способствовать поддержанию выстраивания полилога культур.

Список литературы

1. Воронченко Т. В., Потапова К. Р. «Тунгусский след»: рецепция словесности эвенков Сибири и Северного Китая XVIII–XXI вв. в свете глобальных стратегий этнополитики и геокультуры // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 73–83.
2. Воронченко Т. В., Фёдорова Е. В. Эвенкийская литература и фольклор в пространстве трансграничья (Россия – Китай): обзор современных отечественных и зарубежных исследований // Научный диалог. 2021. № 9. С. 142–164.
3. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 285 с.
4. Chinese Nationalities and Populations (2010) Descending by Population Left to Right. Текст: электронный // In memory of Paul Stanley Noll. URL: <http://www.paulnoll.com/China/Minorities/China-Nationalities.html> (дата обращения: 21.08.2024).
5. 敖長福簡介 = Ао Чанфу. Путь охотника. URL: <https://www.mingyanjiaju.org/tool/zhongguowenxuemingren/1051114060110102841.htm> (дата обращения: 26.07.2024). Текст: электронный.

Сведения об авторах

Воронченко Татьяна Викторовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, tavoronch@mail.ru

Фёдорова Екатерина Владимировна, ст. преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, katyaz@bk.ru

Information about the authors

Tatiana V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Literature Department of the History and Philology Department of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita, Russia, tavoronch@mail.ru

Ekaterina V. Fyodorova, Senior Lecturer, European Languages and Linguodidactics Department, History and Philology Department, Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita Russia, katyaz@bk.ru

УДК 82.343(571.512+510)

**Символика волшебных сказок эвенков России и Китая
(на примере сказок «Бегалдар» и «Сказание о хребте Синъаньлинь»)**

Елена Анатольевна Гладких

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
gourouleva@mail.ru*

В статье рассмотрена символика волшебных сказок эвенков России и Китая на материале сказок «Бегалдар» и «Сказание о хребте Синъаньлинь». Выделены основные символы, общие для сказок эвенков, а также обозначены символы, выступающие уникальными для российских и китайских эвенков. Представлена роль процесса обогащения культур малых народностей со стороны доминирующей в государстве культуры – российской и китайской.

Ключевые слова: символика, волшебные сказки, эвенки, Россия, Китай

**The Symbolism of the Fairy Tales of the Evenks of Russia and China
(on the Example of the Fairy Tales “Begaldar” and “The Legend of the Xinanlin Ridge”)**

Elena A. Gladkikh

*Transbaikial State University, Chita, Russia
gourouleva@mail.ru*

The article examines the symbolism of fairy tales of the Evenks of Russia and China based on the tales “Begaldar” and “The Tale of the Xin’anlin Ridge”. The main symbols common to Evenk tales are highlighted, and symbols unique to Russian and Chinese Evenks are designated. The role of the process of enrichment of the cultures of small peoples by the dominant culture in the state – Russian and Chinese – is presented.

Keywords: Symbolism, Fairy Tales, Evenks, Russia, China

Изучение фольклора эвенков Сибири и Северного Китая обретает особую актуальность – особенно при учете тенденции к сохранению культурной самобытности малочисленных коренных народов и возрастающего интереса к народному творчеству. Следует отметить, что подобный интерес характерен как для исследователей нашей страны, так и для китайских специалистов.

При относительно небольшой численности – около 37 тыс. чел. в России и около 39 тыс. в Китае – эвенки превосходят все иные коренные народности по площади расселения [3, с. 74]. Внутри этнической группы эвенков можно выделить более мелкие подгруппы, каждая из которых отличается своими культурными особенностями, сформированными под влиянием локальной природной среды, этнического окружения, историко-политических реалий [9, с. 29]. Особенно отчетливо различия проявляются между этническими подгруппами, проживающими в России, и китайскими эвенками. Вместе с тем, в культуре эвенков, локализуемых на разных территориях, можно найти множество общих черт. Общеэвенкийские традиции укореняются в глубинных слоях фольклорного сознания, в этноопределяющих константах художественного мышления, в ядре мифологического на-

следия, в мировосприятии этноса, в особой эвенкийской космогонии.

Сказки эвенков тесно связаны с природой и миропониманием этого северного народа. Главным героем эвенкийских сказок, как правило, выступает молодой воин или охотник, смелый, решительный и мужественный. На своем жизненном пути он встречает множество испытаний и трудностей, преодолевая которые он приходит к достижению своей цели – гармонии, счастливой жизни и процветанию. Духи в эвенкийской мифологии играют важную роль, выступая олицетворением различных сил природы; духи в сказках могут быть как помощниками, так и противниками главного героя. Природные элементы (тайга, река, скалы, животные) часто изображаются как одушевленные существа, обладающие своей волей и характером. Взаимодействие главного героя с природными силами отражает его способность выживать и адаптироваться в суровых условиях окружающей среды. В сказках могут присутствовать различные магические артефакты, которые помогают герою в его путешествии. Символы, встречающиеся в сказках эвенков, отражают специфические черты этнического мировоззрения, в котором природа, животные, духи и человек переплетаются в единую си-

стему, направленную на поддержание гармонии и баланса в мире.

В фокусе настоящего исследования находятся две эвенкийские сказки – «Бегалдар» (российский забайкальский север) и «Сказание о хребте Синьяньлинь» (китайская сказка). Основным мотивом обеих эвенкийских сказок выступает мотив путешествия, имеющий символическое значение. Следует сказать, что путешествие в целом является распространенным мотивом для сказок разных народов мира. Многие исследователи отмечают, что в основе многих сказок лежит сюжет о том, как «одиноким юноша покидает родной дом ради познания мира и поиска себе подобных, а также с целью найти достойного противника, помериться с ним силой и добыть жену» [9, с. 32].

Путешествие выступает и символом, и сюжетной возможностью для эволюции личности главного героя, для укрепления его духа, становления в качестве полноценного члена общества. Путешествие предполагает прохождение героем ряда испытаний, которые также символизируют собой перерождение, знаменуют переход человека от одного этапа жизни к другому. В рассматриваемых нами сказках испытанием является поиск невесты и решение всех проблем, которые возникают в процессе достижения этой цели: *«дом стоял на скале, за рекой. Не попасть было туда. Скала высокая. В реке камни зубьями скалились, коряги костями торчали»* [7, с. 100].

Путешествие во многих мифах и сказках может предполагать смерть главного героя или, по крайней мере, его поход в потусторонний (загробный) мир. Все это, безусловно, символизирует прохождение инициации, становление героя; подобный мотив был обнаружен нами в сказке эвенков, проживающих на территории России: *«лег парень в гроб. А они большого жука туда кинули. Заколотили гроб, бросили в реку»* [Там же, 103]. В сказке китайских эвенков мотив перерождения через смерть не встретился, но, тем не менее, в ее тексте также представлен мотив путешествия и испытания: *«зашумели сосны, забулькали ручьи – по лесу громом отдавалось эхо от стука копыт. Сердце Ухэная горело надеждой, и пять дней пути пролетели для него незаметно»* [8, с. 483].

Как отмечено выше, в сказочном сюжете часто возникают животные, которые могут создавать дополнительные препятствия для главного героя, либо, напротив, выполнять

функцию помощника. В обеих сказках – «Бегалдар» и «Сказание о хребте Синьяньлинь» главным и второстепенным персонажам помогают животные. Дикие (реже – домашние) животные как помощники героя в волшебной сказке выполняют, как правило, следующие функции: 1) транспорт героя, в т. ч. в иной мир; 2) советы для персонажа, который оказался в трудной ситуации; 3) сражение с противником героя; 4) выполнение трудных заданий в интересах героя; 5) предоставление волшебных предметов для героя; 6) оживление героя [4, с. 49]. Особенно богатый и разнообразный символизм в эвенкийской сказке «Бегалдар» среди прочих зооморфных помощников имеет лошадь (конь). Российские эвенки, по всей видимости, наделяли коня волшебной силой или, по крайней мере, необычными способностями: *«состриги волосы от хвоста и гривы. С собою возьми. Крикнешь – конь будет»* [7, с. 103]. Кроме того, животные в сказках используются как инструмент для испытания: *«У меня есть молодой конь, – говорит. – Он дикий. Людей на куски разрывает. Если поймаешь его, ручным сделаешь, моим мужем станешь. Два дня ловил парня коня. На третий поймал»* [Там же, с. 102].

Анализ различных волшебных сказок мира, в т. ч. сказок «Бегалдар» и «Сказание о хребте Синьяньлинь», позволяет понять, что именно конь является наиболее популярным зооморфным помощником главного героя, и в основном он выполняет функции перевозчика и советчика. В локальной фольклорной традиции российских эвенков конь способен говорить на человеческом языке, давать ценные советы, летать, преодолевать [4, с. 48]. В китайской традиции конь также символизирует достаток, материальное благополучие и аристократизм персонажа-владельца: *«ездил он на гнедом коне, в золотом седле сидел хребте»* [8, с. 482].

Еще одним животным, которое встречается как в российских, так и в китайских сказках эвенков, выступает олень: *«разговаривают вовсе не люди, а олени – самец с самкой»* [Там же, 483]. *«Однажды подъехали два брата. Решили они перебраться через реку. Старший брат первый разогнал оленя. Прыгнул олень – до другого берега немного не достал»* [7, с. 100]. Олень занимает значимое место в культуре и традиционном укладе жизни эвенков и выполняет множество функций – от утилитарных до сакральных. Это животное служит пищей для этого народа, из его

шкур и меха изготавливается одежда и обувь, шьются ковры. Он является основным средством передвижения эвенков, на нём перевозят грузы. Кроме этого, олень имеет сакральное значение в религиозных и ритуальных практиках эвенков. В их легендах и преданиях олень символизирует выносливость, силу, духовное благородство и связь с предками.

Следует сказать, что культура российских эвенков на протяжении истории тесным образом взаимодействовала с культурами иных малых коренных народов, а также с общерусской культурой, что, в свою очередь, отразилось на символизме, которым обладают те или иные животные в фольклоре. Чаще других в эпосах и сказках представлены те животные, которые (1) имели существенное значение в быту, с позиции охотничьего промысла, (2) которые имели значимость в иных культурах, которые оказывают влияние на культуру российских эвенков: *«Кабарга три раза вокруг парня бежала. Соболь фыркнул. Коннориканден в иглу сосны превратился. Игла к шкуре кабарги пристала. Кабарга на скалу понеслась. Соболь по деревьям запрыгал. Мигом очутились наверху»* [7]. Кабарга традиционно считалась одним из наиболее ценных видов добычи для эвенкийских охотников. Кабаргу эвенки считают неуловимым животным – мелкое парнокопытное ведет себя очень осторожно, отличается скрытным образом жизни, на глаза человеку показывается крайне редко. В связи с этим эвенки часто использовали символ кабарги для обозначения «волшебных» анималистических помощников для героев сказок и преданий.

Кабарга, соболь, олень, лошадь – очевидно, что российские эвенки включали в фольклорные сюжеты образы тех животных, которые непосредственно окружали их в повседневной жизни. В сказке китайских эвенков часто упоминаются животные, обладающие символизмом в китайской культуре, многие из которых в реальности не существовали: *«Первые двери охраняли лисица и кошка, вторые – птица и летающий дракон, третьи – собака и обезьяна, четвертые – олень и тапир, пятые медведь и кабан, шестые – тигр и леопард»* [8, с. 484]. Включение в сказку китайских эвенков символов-животных, характерных для китайской культуры, свидетельствует о тесном пересечении двух культурных пространств – Китая (страны проживания) и эвенкийского (локального). Китайская культура, как известно, богата ани-

малистической символикой, и животные в ней олицетворяют различные добродетели и пороки, силы природы и стихии. Так, дракон является одним из наиболее почитаемых символов в китайской культуре. В отличие от западных мифов, где дракон ассоциируется с разрушением и злом, китайский дракон символизирует силу, власть, мудрость и добро, считается покровителем воды, отвечающим за реки, озера и дожди; кроме того, дракон ассоциируется с императорской властью [6, с. 120–122]. Тигр – символ мужества, силы и защиты от злых духов. В китайской мифологии тигр ассоциируется с военным ремеслом. Обезьяна символизирует сообразительность, ловкость и находчивость.

Сказки, рассматриваемые нами, имеют схожие сюжеты, сущность которых – в стремлении главного героя получить в жены самую красивую девушку в округе. В обоих текстах имеет место подмен невест. Тем не менее, по сюжету обман вскоре раскрывается и жених, наконец, встречается с той девушкой, которая предназначена ему: *«Тогда так дернули дверь, что та слетела. Взглянул Коннориканден – обмер. На пороге – девушка с косами, как ночь, с лицом, как луна. Понял парень, что это и есть Бегадлар. А Бегадлар догадалась, почему не открывала двери служанка»* [7, с. 102]. *«Кала набралась храбрости и рассказала Ухэнаю, что она младшая дочь хана Сивоту – Кала, и что ее обманула старшая сестра»* [8, с. 486]. Подобный символизм в сюжете подмены/обмана не случаен: у эвенков вопросы семьи и брака являлись прерогативой родителей – они могли заранее договориться между собой о будущей свадьбе детей уже сразу после их рождения. Соответственно, ожидание встречи с будущей невестой/женихом является важной частью жизни молодого эвенка, а событие знакомства напрямую определяет его дальнейший жизненный путь.

Красота эвенкийской девушки часто сравнивается с луной, и подобный символизм присутствует в обеих сказках: *«На пороге – девушка с косами, как ночь, с лицом, как луна»* [Там же]. *«Глаза словно две нежные луны»* [Там же, с. 483]. *«Луна служила им зеркалом, птицы возвещали им зарю»* [Там же, с. 486]. В мифологии эвенков Луна связана с легендами о сотворении мира и взаимодействии с другими природными силами. Некоторые мифы описывают Луну как женскую фигуру, связанную с ночными небесными явлениями, которая помогает регулировать порядок в природе и охранять людей от злых духов.

Функционирование фольклора коренных малочисленных народов следует рассматривать в тесной связи со страной, на территории которой проживали эти народы. Взаимные контакты, несомненно, способствовали обогащению культур – что видно и в тексте рассматриваемых сказок, что отразилось на символике, применяемой в фольклоре. Так, в частности, в сказке российских эвенков встречаются артефакты и символы характерные для русских сказок. К примеру, для гостя, посетившего жилище после долгой дороги, принято накрывать стол, организовывать застолье, наливать спиртное – водку: *«Сказала, дверь закрыла. Сама на стол еду разную поставила. Водки парню полный стакан налила. Сели за стол»* [7]. В китайской сказке спиртное не является символом гостеприимства. Тем не менее, в ее тексте при этом встречаются уникальные для эвенкийской культуры образы. Так, к примеру, коусянь (российским эвенкам известный как евансан/варган) – традиционный музыкальный инструмент, широко распространенный среди народов Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии. Символика этого инструмента связана с радостью, гостеприимством, встречей, положительным жизненным событием, о чем неоднократно говорится в сказке *«Сказание о хребте Синьяньлинь»*: *«Ухэнай играл на коусяне /.../ И звуки музыки рассеяли облака /.../ и перед глазами Ухэная предстали очертания роскошного строения. Коусянь зазвучал ещё нежнее»* [8, с. 484].

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить:

– внутри этнической группы эвенков можно выделить более мелкие подгруппы, каждая из которых отличается своими культурными особенностями. Особенно отчетливо различия проявляются между этническими подгруппами, проживающими в России, и китайскими эвенками;

– в эвенкийских сказках *«Бегалдар»* и *«Сказание о хребте Синьяньлинь»* основным мотивом обеих эвенкийских сказок выступает мотив путешествия, имеющий символическое значение. Путешествие выступает и символом, и сюжетной возможностью для эволюции личности главного героя;

– в сказочном сюжете часто возникают животные, которые могут выполнять функцию помощника. Конь является наиболее популярным зооморфным помощником главного героя. Отмечается включение в сказку *«Сказание о хребте Синьяньлинь»* китайских эвенков символов-животных, характерных для китайской культуры;

– обе сказки, рассматриваемые нами, имеют схожие сюжеты, сущность которых – в стремлении главного героя получить в жены самую красивую девушку в округе. При этом оба сталкиваются с обманом. Подобный символизм в сюжете подмены/обмана обусловлен практикой договорных браков;

– среди значимых символов в фольклоре двух групп эвенков – луна, река, конь, красавица, олень.

Список литературы

1. Варавина Г. Н. Ментальные образы мироздания и пространственная лексика (на примере тунгусского фольклора) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2. С. 119–128.
2. Войтишек Е. Э. Этническая культура эвенков Китая (по материалам романа Чи Цыцзянь *«Правый берег реки Аргунь»*) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2014. № 5. С. 297–307.
3. Воронченко Т. В. *«Тунгусский след»*: рецепция словесности эвенков Сибири и северного Китая XVIII–XXI вв. В свете глобальных стратегий этнополитики и геокультуры // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. № 4. С. 73–83.
4. Павлова Н. В. Зооморфные помощники героя в якутской волшебной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-2. С. 48–50.
5. Подмаскин В. В. Отражение славянских эпических традиций в фольклоре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России (XVII–XX вв.) // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 171–179.
6. Репнякова Н. Н. Семантика образа дракона в китайских народных сказках и идиомах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-1. С. 120–123.
7. Сказки Забайкальского Севера, записанные М. Л. Пинегиной / под ред. Н. И. Бастрыкиной, М. А. Максименко. Новая Чара: Каларский историко-краеведческий музей, 2019. 200 с.
8. Сказки народов Китая. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. 496 с.
9. Фетисова Л. Е. Эвенкийский фольклор в мультикультурном пространстве Амуро-Сахалинского региона // Россия и АТР. 2021. № 4. С. 28–41.

Сведения об авторе

Гладких Елена Анатольевна, ст. преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, gourgouleva@mail.ru

Information about the author

Elena A. Gladkikh, Senior Lecturer, Department of European Languages and Linguistics, Faculty of History and Philology, Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, gourouleva@mail.ru

УДК 2(510)

Дилемма христианства в китайской культурной сфере

Елена Александровна Юйшина¹, Максим Александрович Юйшин²

^{1,2}*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

¹yuyshina@ya.ru, ²wax@ya.ru

Китайская христианская интерпретация в истории характеризуется тремя относительно независимыми парадигмами: 1) несторианская парадигма в династии Тан – буддизм трех религий; 2) католическая парадигма в династиях Мин и Цин – конфуцианский буддизм; 3) современная христианская парадигма – гуманистическая интерпретация. Формирование этих трех интерпретационных парадигм связано с китайским идеологическим и культурным контекстом конкретного исторического этапа. Формирование парадигмы несторианства «Три религии» определялось идеологической и исторической моделью трех религий: конфуцианства, буддизма и даосизма периода династии Тан. Католическая парадигма «конфуцианской интерпретации» в конце династии Мин связана с доминирующим положением неоконфуцианства в династиях Сун и Мин. Парадигма «гуманистической интерпретации» современного христианства сформировалась в идеологическом и культурном контексте гуманизма (Просвещения) на материковой части Китая. Нынешняя «гуманистическая интерпретация христианства», пока внешний политико-культурный контекст не претерпит серьезных изменений, в конечном итоге сможет по-настоящему привнести культуру христианской веры в китайскоязычный мир и сформировать устойчивую китайскоязычную христианскую традицию, которая не будет прерываться.

Ключевые слова: китайская христианская интерпретация, несторианская парадигма, католическая парадигма, гуманистическая интерпретация христианства

The Dilemma of Christianity within the Chinese Cultural Context

Elena A. Yuyshina¹, Maxim A. Yuyshin²

^{1,2}*Transbaikal State University, Chita, Russia*

¹yuyshina@ya.ru, ²wax@ya.ru

The Chinese Christian tradition has seen three relatively independent approaches in history: 1) The Nestorian approach in the Tang dynasty – a Buddhist interpretation of three religious traditions; 2) The Catholic approach in the Ming and Qing Dynasties, which is Confucian-Buddhism; 3) The modern Christian approach is a humanist interpretation. The formation of these three approaches is linked to the Chinese ideology and culture at a particular historical period. The formation of Nestorianism's "Three Religions" approach was influenced by the three religious ideologies of the Tang dynasty: Confucianism, Buddhism, and Taoism. The Catholic interpretation at the end of the Ming dynasty is associated with neo-Confucianism's dominant position in the Song and Ming Dynasties. The paradigm of "humanistic interpretation" of modern Christianity was developed in the ideological and cultural context of humanism (Enlightenment) in China. Until the external political and cultural contexts undergo serious changes, the current "humanistic approach to Christianity" will eventually be able to truly integrate the culture of the Christian faith into the Chinese-speaking world, and form a stable Christian tradition for the Chinese-speaking community that will not be disrupted.

Keywords: Chinese Christian Interpretation, Nestorian Paradigm, Catholic Paradigm, Humanistic Interpretation of Christianity

Ханс-Георг Гадамер определил задачу герменевтики как «преодоление индивидуальных или исторических дистанций между двумя точками» [2] и «причастность к общему смыслу (Teilhabe)», поскольку «цель всякого понимания состоит в том, чтобы достичь согласия (das Einverständnis in der Sache)» [1]. Установление или реконструкция последова-

тельности понимания как фундаментальной цели герменевтики неизбежно приведет к проблеме интеграции понимания, которую Гадамер называет слиянием горизонтов (Horizontverschmelzung). Более тысячи лет христианской китайской интерпретации (переводов, сочинений, проповедей, миссий и т. д.) фундаментально столкнулись с этой герменевтиче-

ской проблемой. Слияние горизонтов, как план интерпретации, всегда постоянно стирает существующие горизонты или понимания, чтобы интегрировать других и себя, объект и субъект, историю и настоящее, чтобы достичь новых горизонтов и пониманий. Хотя китайская интерпретация христианства с самого начала представляла собой конфликт и слияние двух иностранных и разнородных религиозных культур, языковых систем и жизненного опыта, после более чем тысячелетнего повторения, постепенно развивалось вместе с китайской христианской культурой и постепенно уступило место дискуссиям между древней и современной герменевтикой. Поэтому сегодняшние задачи и методы толкования христианства на китайском языке будут совершенно отличаться от прошлой парадигмы слияния точек зрения. Сосредоточатся на отношениях между историей и настоящим, а также исследуют новые способы интеграции взглядов на веру.

Обсуждение современных китайских христианских интерпретационных парадигм также неотделимо от отслеживания и сортировки их исторических парадигм. За последние 1400 лет китайская христианская интерпретация испытала три относительно независимые парадигмы. Формирование каждой интерпретационной парадигмы всегда связано с историческим и культурным контекстом китайского общества.

Нет сомнения, что деление на три парадигмы соответствует эволюции христианской интерпретации на китайском языке, но описание ее парадигмальных характеристик вряд ли является совершенным, и это часто напрямую связано с отсутствием точного понимания сценических характеристик китайской мысли и культуры.

Статья затрагивает область религиозной и культурной коммуникации между Китаем и зарубежными странами, чтобы получить общее представление об этой теме, не углубляясь в детали истории христианской церкви в Китае и миссионерских стратегий.

1. Три учения и толкования.

Хотя существует множество свидетельств того, что христианство в первые века нашей эры появлялось в Китае спорадически [3], есть исторические данные о введении сирийского несторианства из Персии в девятом году правления Тан (635), позднее записанной в истории как «несторианское учение» три иностранных религии (несторианство, манихейство и зороастризм). Двести десять лет спустя

несторианство сильно пострадало от уничтожения буддизма в период правления императора Тан У-цзуна (845) и с тех пор несторианство практически исчезло из китайскоязычного мира. Хотя несторианство вновь пришло в Китай с монгольским вторжением, оно было популярно лишь среди небольшого числа монголов и проповедников, и поэтому, строго говоря, не смешивалось с китайской культурой, а значит, не являлось событием в интерпретации китайского христианства.

До сих пор неясно, в какой степени несторианство как гетерогенная культура верований династии Тан повлияло на китайские культурные традиции. По крайней мере, до сих пор нет убедительных доказательств того, что оно оказало глубокое влияние на культурные традиции Китая или сформировало их. Напротив, несторианские китайские тексты запечатлены в знаниях, мыслях и верованиях Китая времен династии Тан. Очевидно, что герменевтические атрибуты несторианства в династии Тан как Китайская религия были проигнорированы.

Когда несторианство династии Тан вошло в китайский герменевтический контекст из чужой страны, первая проблема, с которой оно столкнулось при передаче своих верований и доктрин, заключалась в разбросе или неоднородности китайского языкового опыта по отношению к его верованиям. Язык – это дом существования, на котором основываются знания, мысли, верования. Как утвердить новую веру в опыт китайского языка, было первой задачей несторианцев, когда они прибыли в Китай. Из немногих существующих китайских несторианских текстов, таких как «Несторианские стелы» и «Дуньхуанские рукописи», мы ясно видим, что китайская интерпретация несторианского христианства заимствована из китайской лингвистической традиции. Такого рода заимствования выражаются не только в широком заимствовании религиозных терминов из буддизма и лаосизма, но также глубоко отражаются в поглощении и интеграции идей конфуцианства, буддизма и даосизма. Поэтому парадигмой интерпретации несторианства в династии Тан было «Три учения». Три Учения и толкования по существу вызваны историческими факторами опыта китайского языка. Потому что три религии: конфуцианство, буддизм и даосизм всегда превосходили все идеологические традиции и стояли в основной модели идеологии и культуры во время династии Тан, формируя тем самым основной контекст интерпретации китайских верований.

В период правления династии Тан культурный и идеологический мир в основном представлял собой модель совместимости, конфликта и интеграции трех религий – конфуцианства, буддизма и даосизма. Это было общеизвестно в академическом мире на протяжении многих лет [4]. Формирование этой мировоззренческой модели связано с теоретической зрелостью и социальной (организационной) зрелостью вероучительных традиций трех религий. Династия Тан, с одной стороны, хотела сохранить иерархическую систему и клановое правление с конфуцианской патриархальной этикой, с другой стороны, она также почитала даосизм, чтобы возвысить свою клановую идентичность и обелить легитимность своей политической системы, и в то же время пропагандировала буддизм, способствуя тем самым идеологической схеме трех религий и их взаимному проникновению. Формирование этой разнообразной идеологической и культурной модели неизбежно приведет к «размытию границ убеждений». Поэтому неудивительно, что, когда несторианство распространялось в период династии Тан, оно также полагалось на три религии для реализации своей китайской интерпретации.

С момента введения буддизма в Китае большое значение придавалось переводу и интерпретации буддийских писаний, а со времен династии Восточная Хань императорская семья неоднократно создавала национальные переводческие центры для помощи переводческому делу, так что к моменту распространения несторианства на Востоке уже существовало более 2000 китайских переводов буддийских текстов, за которыми последовала более масштабная кампания по переводу буддийских писаний, проводимая династиями Тан и Сун. Переводческая деятельность создала большое количество буддийских языков, сформировав собственную уникальную языковую систему веры, а также значительно обогатив и изменив лексику и мышление среднекитайского языка. Можно сказать, что это влияние продолжается и по сей день, почти до такой степени, что буддизм становится неписанным и невыразимым без китайского языка. Таким образом, китайский перевод несторианских писаний в попытке изменить религиозную культуру в контексте китайской интерпретации и заставить народ Тан понять и принять ее идеи, неотделим от опоры на китайцев-буддистов. С другой стороны, несторианство также впитало в себя большое количество буддийских идей, что привело к появ-

лению в несторианских текстах концепций знаний и верований, совершенно отличных от христианских.

Как местный религиозный ресурс, даосизм после развития династий Вэй, Цзинь, Северной и Южной династий, с одной стороны, слился с конфуцианством, а с другой стороны, в плане религиозных верований он заимствовал у буддизма, чтобы построить свою собственную относительно совершенную систему монастырей и писаний, создать свою собственную уникальную доктринальную систему.

Несторианство распространилось на восток, и его китайская интерпретация, помимо значительной опоры на буддийский язык, является даосизмом. По количеству заимствованных им даосских терминов уступает только буддизму, и, по оценкам, всего в восьми китайских несторианских текстах их около сотни. Кроме того, несторианство также впитало в себя многие даосские идеи и даже присоединило их к даосской классике.

Неоспоримо, что объединение северных и южных писаний Суй и Тан, хотя и улучшенное или возрожденное по сравнению с писаниями династий Вэй, Цзинь, все же относится к остаткам конфуцианства двух династий Хань. Конфуцианство двух династий Хань уже достигло той стадии, когда оно было поражено всеми видами пороков, и к нему было трудно вернуться, и, хотя после династии Средняя Тан появились школы Хань и Лю, которые были полны решимости восстановить и оживить конфуцианство, было невозможно восстановить абсолютное господство двух династий Хань с точки зрения идеологии и науки.

Такое положение дел сохранялось вплоть до уничтожения буддизма императором У-зун (814–846) династии Тан и императором Ши-цзуном (919–951) династии Чжоу, и вплоть до династии Северная Сун. Однако, несмотря на то, что конфуцианство утратило тот импульс, которым оно пользовалось во времена династии Хань, китайская феодально-патриархальная иерархия по-прежнему опиралась на его политические и этические доктрины. Другими словами, поскольку конфуцианство имеет практическую теоретическую основу, соответствующую патриархальной политической системе, оно никогда не теряло прибежища политической власти и не выпадало из основной идеологической модели.

Хотя даосизм занимал особое место в официальной идеологической конструкции ранней династии Тан, он также укрепил статус

конфуцианства как основной идеологии в официальной философии и политической теории. Например, династия Тан унаследовала имперскую систему экзаменов от династии Суй, которая была одной из институциональных гарантий основного культурного статуса конфуцианства.

В конце династии Тан, хотя буддизм и даосизм часто были в моде, политическая система и культура все еще оставались конфуцианскими. Таким образом, это не что иное, как трехстороннее противостояние, стоящее в основной культурной модели.

Поскольку конфуцианская система дискурса не имеет типичного религиозного выражения, а конфуцианская научная мысль династии Тан находится в состоянии депрессии, влияние несторианской китайской литературы династии Тан, естественно, не столь глубоко, как влияние буддизма и даосизма. Если взглянуть на несторианские тексты, то можно заметить, что уровень прямого заимствования конфуцианства значительно ниже, чем буддизма и даосизма. Отчасти это объясняется тем, что несторианство мало опиралось на конфуцианство, а отчасти тем, что конфуцианство долгое время находилось в центре китайской культуры как светская школа мысли, и большая часть его классической лексики потеряла свою сектантскую напряженность и полностью растворилась в китайской языковой системе, так что в настоящее время стало очень трудно четко выделить его специальную терминологию в несторианских текстах.

Одна из главных причин малого количества конфуцианских терминов в несторианских текстах заключается в том, что конфуцианская лексика уже давно вошла в систему среднекитайского языка и утратила свою школу мысли, но даже при этом ее духовные концепции не рассеялись. Оно не только не ослабло, но и давно превратилось в душу китайского языка. Поэтому, по сути, пока человек пользуется китайским языком, он неизбежно будет испытывать влияние конфуцианства. Несторианские китайские тексты династии Тан не являются исключением. Наиболее очевидным влиянием конфуцианства на несторианскую китайскую интерпретацию является этизация несторианства.

2. Конфуцианская интерпретация.

Приход католицизма в Китай в конце династии Мин возобновил давно утраченную историю интеграции христианского духа и китайской культуры. До этого, во время правления монголов, хотя католические пионе-

ры-миссионеры (такие как Джованни Монтекорвино, Джерадо Альбуини, Перегрино да Каstellло, Андре Перуджа) прибыли в Китай и обосновались в Даду (Пекин), Цытун (Цюаньчжоу), и других местах основали церкви и убедили десятки тысяч людей поверить в религию. Однако, поскольку эти верующие в основном монголы и выходцы из Центральной Азии «Сэ Му Жэнь» (色目人 цветноглазые, обозначение людей разных национальностей как отдельной группы населения при династии Юань со стороны монгольской администрации), а миссионерские языки в основном латинский, персидский и тюркский (миссионеры не владели китайским языком), то, строго говоря, их миссионерская деятельность не представляет собой встречи с китайской культурой, поэтому не существует исторической проблемы формирования парадигмы китайско-христианской интерпретации.

Столкновение восточной и западной культур в конце династии Мин и начале династии Цин, безусловно, началось с «восточного апостола» Ксавьера Франциско (Испанский миссионер-иезуит. Один из основателей ордена иезуитов (1534), он основал миссионерскую деятельность в Японии, на Цейлоне и в Ост-Индии). В конце династии Мин и начале династии Цин был Маттео Риччи (1552–1610), который прибыл в Китай тридцать лет спустя. Этот инцидент культурного обмена и китайской христианской интерпретации вызвал волну волнений в высшем обществе Китая и интеллектуальных кругах и длился более ста лет. Во время кризиса «китайского спора об этикете» это движение культурного обмена было прервано и оставалось бездействующим более ста лет, пока Опиумная война не сорвала маску двора Цин и не положила начало новому культурному обмену неравного характера.

Однако в эпоху позднего Мин и начала династии Цин событие китайской христианской интерпретации самого культурного обмена, благодаря миссионерской стратегии Маттео Риччи «культурной адаптации» или «культурной локализации» (инкультурации), в конечном итоге сформировало «интересы интерпретации христианства». «Правила Маттео Риччи» – интерпретационная парадигма, не была прервана тяжелым положением католической церкви в Китае, которое в конечном итоге было вызвано «спором о китайских обрядах». Более того, с открытием идеологического и культурного поля в последние 20–30 лет на материковой части Китая возникло

«христианское культурное увлечение», и парадигма китайской христианской интерпретации приобрела новую ориентацию. Таким образом, конфуцианство и буддизм стали исторической парадигмой.

Если эта парадигма, продлившаяся 300 лет, начинается с визита Маттео Риччи в Китай (1580) и заканчивается тем, что Папа Пий XII наконец снимает запрет и признает «Правило Маттео Риччи» (1939). Однако, что еще более важно, парадигма «Конфуцианство и христианство» наконец завершила интерпретацию христианства на китайском языке и сформировала относительно зрелый стиль и систему интерпретации, тем самым посеяв семена христианского духа и культуры в китайскоязычном мире.

Формирование католической парадигмы интерпретации «конфуцианства и буддизма» в эпоху позднего Мин и начала династий Цин было тесно связано с утверждением абсолютной ортодоксальности и доминирования конфуцианства и упадком буддизма и даосизма.

В качестве миссионерской стратегии конфуцианскую интерпретацию можно в конечном итоге определить, как историческую парадигму интерпретации китайского христианства. По сути, ее следует отнести к Маттео Риччи. Именно он создал «Правила Маттео Риччи», которые признал даже император Канси. «Когда-то был поставлен в центр китайской культуры, что позволило в определенной степени достичь контакта и интеграции китайских и западных ученых и верований».

Хотя китайское движение христианской интерпретации потерпело неудачу в конце династий Мин и начале Цин, парадигма «конфуцианской интерпретации», впервые предложенная Риччи, оставалась основной моделью культурного обмена между католицизмом и Китаем. Хотя ее оппозиция какое-то время опиралась на власть французского короля и Папы, они не предложили более конструктивной миссионерской и буддийской стратегии в Китае, и исторический результат доказал, что их консервативное упрямство является провалом. Только локализованные интерпретации, учитывающие китайскую языковую традицию и идеологический контекст, могут быть жизнеспособными. История китайских христианских миссий ясно подтвердила это.

3. «Гуманистическое толкование», метод объяснения значения слов в китайских иероглифах.

В связи с трансформацией современного китайского общества и открытием идеологи-

ческого и культурного полей в последние два десятилетия в континентальном Китае наблюдается «христианская культурная лихорадка», которой не было уже тысячу лет. Можно сказать, что впервые со времен распространения христианства на Востоке китайское интеллектуальное сообщество применяет такой комплексный и активный подход к усвоению его верований и культурного духа. Для китайского гуманитарного сообщества изучение христианства превратилось из «опасной науки» в «очевидную науку» и даже заняло одно из первых мест в китайском академическом сообществе. Эта беспрецедентная ситуация в академической мысли напрямую способствовала китайской интерпретации современного христианства.

В Китае наблюдается скромная «христианская культурная лихорадка». В основе культурной проблемы лежит философия. Одно из открытий «христианской культурной лихорадки» заключается в том, что китайцы с большей вероятностью понимают и принимают христианскую мысль с философской точки зрения, но менее знакомы с христианским богословием. В частности, такие разделы теологии, как христология, Троица, первородный грех, эсхатология, спасение, духовность и сакраментализм, сложны для понимания большинства нехристиан, и им трудно оказать большое влияние на современную китайскую культуру. Напротив, онтологические (метафизические), интеллектуальные и этические концепции христианской философии, а также их применение в политологии, экономике, науке, социологии, антропологии, истории, литературе и искусстве, и других областях культуры являются частью западной культуры, с которой китайцы знакомы, и некоторые из них уже ассимилированы в современной китайской культуре [5].

Таким образом, современная китайская парадигма христианского толкования может быть определена как «гуманистическое толкование». Парадигма «гуманистического толкования» в основном определяется характером современного китайского идеологического и культурного контекста. Следует оговориться, что «гуманистическое толкование» относится в основном к материковой христианской интерпретации. За рубежом (включая Гонконг, Макао и Тайвань) христианская интерпретация китайского языка, в силу многолетнего разделения режимов и культурно-идеологического отчуждения, имеет совершенно иной контекст, традиции и способ интерпретации, чем в материковом Китае. Наиболее типич-

ные из них, такие как философия теологии Ширин в тайваньском католицизме, на самом деле все еще являются традиционным путем интерпретации «использования конфуцианства». Однако из-за утраты основного контекста конфуцианской традиции (как на Тайване, так и в континентальном Китае) этот вид интерпретации не может по-настоящему войти в центр китайской науки и культуры и сформировать тенденцию. Пожалуй, единственная парадигма, которая может действительно возглавить интерпретацию китайского христианства в настоящее время – это парадигма «гуманистического толкования».

Утверждение «гуманистической интерпретации христианства» как парадигмы современной китайской христианской интерпретации по существу определяется идеологическим и культурным контекстом современного материкового Китая, но оно также неотделимо от продвижения интеллектуальной элиты.

Установление моральных моделей является главным образом задачей церкви, тогда как современная китайская гуманистическая теология взяла на себя инициативу и взяла на себя важную историческую задачу по утверждению китайских христианских писаний и традиции учения. Целью перевода Библии является исключительно развитие современных христианских ученых, а также трансплантация христианских идей в китайскую языковую традицию посредством их работы в области академической мысли.

Заключение. Учитывая предыдущие положительные встречи между христианством и китайской культурой, сформировались три парадигмы интерпретации – «Трехрелигиозная интерпретация», «Конфуцианская интерпретация» и «Гуманистическая интерпретация». Формирование каждой без исключения парадигмы является результатом столкновения христианской и китайской культуры. Именно это столкновение культуры и веры вдохновляет жизнеспособность герменевтики. Ибо «понимание есть процесс усвоения (eine solche Aneignung des Gesagten) сказанного, так что оно становится самостоятельным» [1]. Следовательно, столкновение, возбуждение, интеграция и проникновение этих двух разных религиозных традиций – это не

только процесс культурного проникновения/аккультурации, но и процесс культурной инкультурации. Китайская интерпретация христианства, по сути, представляет собой реконструированное понимание христианской веры, основанное на историческом опыте китайского языка, и является неотъемлемой частью китайской языковой традиции. Поскольку эти три парадигмы сформировались в результате столкновения христианства и китайского культурного контекста в разные периоды, между ними нет очень важной внутренней связи. Другими словами, три парадигмы независимы друг от друга и принадлежат разным историческим контекстам. Однако у этих трех парадигм все же есть одна общая черта: китайское христианство в соответствии с различными интерпретативными парадигмами имеет этическую и метафизическую тенденцию.

По сравнению с двумя предыдущими парадигмами, нынешняя парадигма «гуманистической интерпретации» имеет важное отличие, помимо того важного различия, что ее основные интерпретационные ресурсы и сила исходят от гуманистического интеллектуального сообщества, а не от церкви; есть еще одно, более существенное отличие, на этот раз оно было полностью сформировано из-за активного преследования христианского духа. «Если китайцы хотят религии, они должны искать ее сами. Есть три аспекта поиска религии: первый ищет практики, второй ищет источники и третий ищет тексты» [6].

Сравнивая прошлые христианские парадигмы интерпретации, можно увидеть, что контекст современных китайских культурных верований изменился. Гуманистические интеллектуальные круги китайской династии активно исследовали «истoki» и «культуру» христианства главным образом посредством перевода классики, что показало, что сформировался рынок религиозных запросов китайского народа. «Гуманистическая интерпретация Иисуса Христа» – это только начало, пока культура христианской веры не будет по-настоящему привнесена в китайскоязычный мир, формируя устойчивую китайскоязычную христианскую традицию, которая больше не будет прерываться.

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Текст: электронный // "Fort/ Da". URL: https://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf (дата обращения: 06.08.2024).
2. Степанович В. А. История философии: курс лекций: в 2 т. Т. 2: Неклассическая философия. М.: Прометей, 2018. 344 с.

3. 王治心, 《中国基督教史纲》 = Ван Чжисинь. Очерк истории христианства в Китае. URL: <https://book.douban.com/subject/4713759> (дата обращения: 06.08.2024). Текст: электронный.
4. 张岂之, 《中国思想史》 = Чжан Цичжи. История китайской мысли // 西安: 西北大学出版社. 1993. С. 235–238.
5. 赵敦华, 〈用中国人的眼光看基督教哲学〉 = Чжао Дуньхуа. Взгляд на христианскую философию с китайской точки зрения. URL: <https://davidnjnj.wordpress.com/2008/12/11/%E8%B5%B5%E6%95%A6%E5%8D%8E%E7%BC%9A%E7%94%A8%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E4%BA%BA%E7%9A%84%E7%9C%BC%E5%85%89%E7%9C%8B%E8%A5%BF%E6%96%B9%E5%93%B2%E5%AD%A6/> <https://davidnjnj.wordpress.com/2008/12/11/赵敦华：用中国人的眼光看西方哲学> (дата обращения: 06.08.2024). Текст: электронный.
6. 赵紫宸, 〈中国民族与基督教〉 = Чжао Цзычэнь. Китайская нация и христианство. URL: <https://www.kosmoschina.org/适应还是救赎？-赵紫宸谈基督教与中国文化-孙> (дата обращения: 06.08.2024). Текст: электронный.

Сведения об авторах

Юшина Елена Александровна, канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой китайского языка, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, yuyshina@ya.ru

Юшин Максим Александрович, ст. преподаватель кафедры китайского языка, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, wax@ya.ru

Information about the authors

Elena A. Yuyshina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Chinese Language of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, yuyshina@ya.ru

Maxim A. Yuyshin, Senior Lecturer of the Department of Chinese Language of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, wax@ya.ru

УДК 94(470+571)+(510)

Маркеры исторической памяти в медиадискурсе Китая и России

Ирина Викторовна Ерофеева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
irina-jour@yandex.ru

С использованием лингвокультурологического подхода представлен анализ проблемы репрезентации маркеров исторической памяти в медиадискурсе России и Китая. Дана характеристика понятию «маркеры исторической памяти». Обозначены ключевые маркеры национальной культуры, объективированные в дискурсах двух стран. Формулируются особенности использования маркеров, раскрывающих специфику типических коллективных переживаний носителя национальной картины мира.

Ключевые слова: маркеры культуры, историческая память, медиадискурс, Китай, Россия, репрезентация, ценности, национальная модель мира, языковая личность

Markers of Historical Memory in the Media Discourse of China and Russia

Irina V. Erofeeva

Transbaikal State University, Chita, Russia
irina-jour@yandex.ru

The article presents an analysis of the problem of representing markers of historical memory in the media discourse of Russia and China using the linguacultural approach. The concept of “markers of historical memory” is characterized. The key markers of national culture, objectified in the discourses of the two countries, are identified. The features of using markers that reveal the specifics of typical collective experiences of the bearer of the national picture of the world are formulated.

Keywords: Markers Culture, Historical Memory, Media Discourse, China, Russia, Representation, Values, National Model of Peace, Peculiarity

В современном мире идёт невиданная ранее информационно-психологическая война, реализуемая по особым метафизическим принципам и с использованием новейшего информационного инструментария. Китайская Народная Республика и Российская Федера-

ция в информационном пространстве противостоят единому актору когнитивного противоборства, нацеленного на отмену самобытной культуры и нейтрализацию исторической памяти. Развернувшаяся ментальная война ориентирована, как в мирное время, так и в условиях военного конфликта, на разрушение общественного сознания и национальной идентичности противостоящей стороны [7]. Конечной целью может стать уничтожение государства, навязывание чуждых смыслов и ценностей, перестроение культурного ядра под заданные противником стандарты [6].

Противостоять нежелательной перспективе способны создатели медиадискурса, обеспокоенные нынешней политической ситуацией и заинтересованные в сохранении национальной картины мира и исторической памяти социума. Важно обратить внимание на актуальные исследования в сфере когнитивной психолингвистики [5; 8–10]. Создатель медиадискурса апеллирует родным языком, который есть когнитивный и познавательный инструмент в процессе видения, интерпретации и изложения фактов реальности в пространстве текста. В корневой системе языка закреплены концепты национального мировидения и основные коды культуры. Современный автор (его языковая личность) в профессиональной рефлексии на мир невольно обращается к фоновым знаниям – архетипическим представлениям и семантическим глуткам многовековой истории своей страны.

В структуре языковой личности, утверждает В. И. Карасик, особое место принадлежит ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры [8, с. 166]. Национальная аксиология хранится на глубинном уровне общественного сознания, именно она является гарантом сохранения культурного лика социума, гарантирует его жизнеспособность в пространственно-временном континууме бытия. Как правило, языковая личность автора и читателя/слушателя/зрителя в процессе селекции поступающей информации воспринимает и осознает лишь значимые для его картины мира смыслы и ценности. Более того, диалог между создателем медиапроизведения и его потребителем возможен лишь при совпадении их ментального мира в фокусе национальной культуры. Поэтому инструментарий медиатекста, включающий конструкты иконного мировидения, представляет собой универсальный фактор интереса для целевой аудитории вне её половых, возрастных и политических характеристик.

Одним из ключевых когнитивных инструментов медиадискурса выступают маркеры исторической памяти. У каждого народа, в силу географии проживания, преобладающего климата и политической системы, исторической биографии, есть своя совокупность важных категорий бытия, сопряжение схем и моделей, в рамках которых носитель культуры представляет разные явления жизни. Данные конструкты сознания человека являются идеальными объектами, которые указывают (маркируют) на ключевые признаки, установки и семы отечественной культуры. Мы их называем маркерами – своеобразными метками и признаками объективации национальной картины мира. Учитывая озвученные качества, маркеры чрезвычайно устойчивы, именно это условие их существования обеспечивает национально-гражданскую идентичность и культурную преемственность поколений, то есть сохранность исторической памяти.

Маркеры исторической памяти – инструменты осознания, понимания, принятия, хранения и трансляции – трансфера ценностей и смыслов национальной культуры. Их структура включает когниции (смыслы и символы культуры), эмоции (энергию и характер народа – или «типические коллективные переживания»), а также паттерны поведения. Маркеры конденсируют национальную память народа, способствуют идентификации человека в культурно-историческом сообществе. В пространстве медиадискурса они осознанно или бессознательно репрезентируются автором, выступают «опорными морфоскульптурами ментального ландшафта» [12].

Следы маркирования наиболее ярко проявляют себя в проблемно-тематическом или идейно-концептуальном дискурсе, в пространстве глубинных связей и сюжета мысли. Учитывая структуру маркера, возможно выявить следующие основные типы: когнитивные (концепты); аффективные (энергемы), сценарные (нарративы). Маркеры пробуждают смыслы прототекста, – исходного текста культуры, и поддерживаются фоновыми знаниями автора и потребителя. В медиадискурсе Китая и России функционируют следующие маркеры исторической памяти.

В перечне *когнитивных маркеров*, аккумулирующих духовные представления нации, преобладают концепты *Коллективизм*, *Патриотизм*, *Семья*. В. В. Колесов в концептах видел опорную сеть коренных понятий национальной культуры, которые познаются интуитивно и всеми носителями культуры воспри-

нимаются одинаково [9, с. 25]. Концепты как некие содержательные единицы исторической памяти [10, с. 275], «как сущность смысла, данная в знаке как выражение знания о мире» [9, с. 431], отражают сложившийся в течение долгого времени народный опыт, позволяющий обрабатывать, хранить и передавать ментальную информацию. Посредством концептов и автор, и потребитель медиадискурса осознаёт и приобщается к родной культуре, к её системе ценностей.

В России и Китае, государствах с огромными территориями, объединяющими разные этносы в единую нацию, именно коллективизм и любовь к Отечеству выступают стержневыми общественно-значимыми ценностями социума [4]. Доминирование данной аксиологии в инфополе двух стран обусловлено исторической памятью — знаковыми реалиями исконной культуры: в России философией соборности, в Китае конфуцианской моралью, традициями буддизма и даосизма.

В пространственно-временном континууме национальной философии двух стран преобладают консерватизм и доминирование прошлого как ценностного фундамента благосостояния современного человека. И в этом принципиальное отличие наших стран от западной индивидуалистической культуры. По меткому замечанию Г. Г. Гачева, США и Западная Европа «растут без пуповинной связи с землей», предпочитают модель «Эдипова комплекса», когда сын убивает своего отца и женится на матери. Напротив, Россия, выбирает жизнь, как монастырь — «по своим мерам, потребам и ценностям», пребывает в модели «Иван Грозный убивает своего сына» [3].

Именно культ традиционной картины мира в РФ и КНР гарантирует в концептосфере *Семья* идентичную репрезентацию в медиадискурсе лингвокультуры «женщина» как хранительницы домашнего очага и семьи, несмотря на противоречивый синтез: с одной стороны, традиционные семьи роли супруги и матери — «почкорность, услужливость, трудолюбивость, заботливость» [2, с. 21], «материнство как долг женщины перед Богом, перед страной и государством, перед самой собой» [1, с. 72]. С другой стороны, популярный образ независимой и успешной женщины, заботящейся о своей внешности и здоровье, карьерном росте, желанной для мужчины [2, с. 23; 1, с. 72]. Тем не менее, в общем дискурсе именно ценности семьи занимают первостепенное место.

Медиадискурс Китая и России объединяет также энергетическая ёмкость *аффектив-*

ных маркеров, которые демонстрируют душевный строй и распространенный спектр чувств носителей определенной культуры. В русской культуре «выносить сор из избы» — дело неблагодарное и осуждаемое. В китайской культуре есть аналогичная поговорка — «Чужим не рассказывают о семейных распрях», в Поднебесной не принято открыто говорить о том, что ты думаешь и чувствуешь.

Одновременно нашим национальным характеристикам свойственна чувственная рефлексия, берущая начало в созерцании и совести. С. А. Суценко в перечне характеристик российского менталитета указывает «иррациональность/ эмоциональность, интуитивность, непредсказуемость поведения, мечтательность» [11, с. 268]. В китайском языке есть фразеологизм «думать в сердце» («xin li xiang»). Тем не менее, наши культуры этнопсихологи относят к высококонтекстным, типичный представитель которой прибегает к использованию плотной информационной сети, нацелен искать первопричину и смыслы в осознании верхнего и нижнего, святого и скверного в парадигме сложившихся традиций и правил.

Несомненно, китайский и российский медиадискурсы существуют в эпоху «экономики переживаний», востребованы и популярны многочисленные ток-шоу с жизненными повествованиями, коллизиями и противоречиями, конфликтами и юмором: в Китае «Светлый мир», «Свидание с Лу Ю», «Шоу Цзинь Син», «Неискренних просьба не беспокоить», «Грядущий Канси» и др.; в России «Эксклюзив с Дм.Борисовым», «Мужское/Женское», «Судьба человека», «Привет, Андрей» и др. Несмотря на скандальность общего контента, стержневым компонентом остаётся чеховский «звук натянутой струны», когда душевные метания героев необходимы для борьбы за правоту своего дела. Моделируемый ресурсами традиционных энергем медиаландшафт обладает особым потенциалом и возможностью генерировать необходимые смыслы.

Медиадискурсы двух стран связаны также общим *сценарным маркером «Восток — Запад»*. Данный исконный нарратив, отмеченный русской классической литературой (М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров и др.), стал неотъемлемым компонентом идентификации себя, осознания своеобразия жизни социума через антитезу Западу. В российском дискурсе частотны материалы о противопоставлении нашей и западной правды:

«Западу не нравится, когда его выводят на чистую воду» (Аргументы и факты. 2024. 1 июля), «Зачем Западу война с Россией» (Комсомольская правда. 2023. 4 февраля); «Запад испуганно заскулил после ультиматума Путина» (Комсомольская правда. 2024. 26 сентября) и т. д. В медиадискурсе Китая образ США встроен в многоуровневый конфликт: экономический, политический, технологический, военный: ««Quad не нацеливается на Китай»: лжет сквозь зубы, даже американские СМИ в это не верят» (Global Times. 2024. 23 сентября); «Старое клише США для подпитки риторики о «китайской угрозе» (Global Times. 2024. 24 сентября); «США должны покончить с навязчивой идеей сдерживания Китая» («Жэньминь жибао» 2024, 24 сентября); «США серьезно подрывают су-

веренитет и безопасность Китая» («Жэньминь жибао» 2024, 21 июня).

Ментальная война современности нацелена, в том числе, на столкновение «Дракона» и «Медведя», но пока социум опирается на фундаментальные традиции и исконные ценности, выстраивает современные реалии в парадигме исторической памяти, его духовное и экономическое порабощение невозможно. Когнитивную независимость демонстрирует и медиадискурс двух стран как результат архитипической работы автора медиатекста. Обозначенные маркеры исторической памяти обеспечивают культуронаследственную и аксиологические функции СМИ, перманентно воспроизводят ментальные ценности, повествуя о реальности в трихотомии национального бытия «прошлое – настоящее – будущее».

Список литературы

1. Богуславская В. В., Кувычко А. А. Лингвокультурологическое осмысление материнства в российском медиадискурсе: антиномия «долг женщины-матери – право женщины на самоопределение» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2021. № 2. С. 71–74.
2. Буянова Н. В., Лобанова Т. Н. Медийный образ китайской женщины в контексте культурного фона КНР // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2015. № 1. С. 19–23.
3. Гачев Г. Г. Национальный Космо-Психо-Логос. Текст: электронный // Образы мира. URL: http://www.niworld.ru/Statei/gachev/gachev_kosmos_5.htm (дата обращения: 25.08.2024).
4. Ерофеева И. В., Муравьев А. В. Когнитивно-языковой инструментарий моделирования медиаобраза страны: дискурс Китая о России // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5, № 2. С. 83–93.
5. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
6. Игнатъев С. О., Гончарова Н. П. Информационно-психологические технологии, используемые в ментальных войнах // Символ науки. 2023. № 9–2. С. 96–97.
7. Карабулатова И. С., Копнина Г. А. Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти // Медиалингвистика. 2023. Т. 3, № 10. С. 319–335.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
10. Кубрякова Е. С. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Сущенко С. А. Социальная психология. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 345 с.
12. Янглева М. М. Роль современных массмедиа в продвижении моделей национальной самоидентификации (на примере телепроекта BBC «100 величайших британцев») // Медиаламаны. 2019. № 1. С. 161–169.

Сведения об авторе

Ерофеева Ирина Викторовна, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, irina-jour@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Erofeeva, Doctor of Philology, head of Journalism and Public Relations Department of History of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, irina-jour@yandex.ru

**РАЗДЕЛ IV. Проблемы психологии и педагогики:
изучение в приграничье России и Китая
(психолого-педагогическое направление)**

**CHAPTER IV. Problems of Psychology and Pedagogy:
Studying in the Borderlands of Russia and China
(Psychological and Pedagogical Direction)**

УДК 37(510)

Культурно-исторические традиции воспитания элиты в системе образования Китая

Юлия Юрьевна Левданская¹, Екатерина Александровна Игумнова²

^{1,2}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹art-koltsova@yandex.ru, ²igumnova1@mail.ru

В статье анализируются культурно-исторические традиции воспитания элиты в системе образования Китая. Делается вывод, что в условиях современного мира система образования Китая заимствует и трансформирует мировой опыт в сугубо китайские специфичные формы на основе конфуцианских традиций.

Ключевые слова: культурно-историческая традиция, воспитание элиты, образование, система образования Китая

Cultural and Historical Traditions of Upbringing of Elite in the Chinese Education System

Yuliya Yu. Levdansкая¹, Ekaterina A. Igumnova²

^{1,2}Transbaikalian State University, Chita, Russia

¹art-koltsova@yandex.ru, ²igumnova1@mail.ru

The article analyzes the cultural and historical traditions of elite education in the Chinese education system. It is concluded that in the conditions of the modern world, the Chinese education system borrows and transforms world experience into purely Chinese specific forms based on Confucian traditions.

Keywords: Cultural and Historical Tradition, Upbringing of the Elite, Education, China's Education System

В элитологии аксиоматично положение о том, что социально ответственную элиту как высокопрофессиональный кадровый потенциал, формирующий и составляющий меритократию общества «делает» система образования, прежде всего, высшая школа с учётом национального опыта и традиций, а одаренная (талантливая) личность рассматривается в качестве потенциального представителя элиты (П. Л. Карабущенко, Л. Я. Подвойский, Е. Ю. Ольховская, Р. Г. Резаков и др.). Данный пул профессиональных кадров высшего уровня призван дать ответы на вызовы времени, а также разработать стратегию решения трансдисциплинарных проблем современности [3; 5; 9].

Думается, что стремительный взлёт Китайской Народной Республики как лидера мировой экономики, определяемый исследователями как китайское «экономическое чудо» связан с модернизационными процессами и реформированием системы образования.

Следовательно, анализ развития системы образования Китая сквозь призму противоречивых процессов глокализации, сложных геополитических, экономических, социокультурных условий в контексте изучаемой проблематики даст возможность описать продуктивные культурно-исторические традиции воспитания элиты в системе образования Китая, позволившие обеспечить прорывное раз-

витие общества, а также проанализировать лучшие практики, которые помогут снизить риски трансформации идентичности российской национальной системы образования.

Трансформация всей системы образования Китая обусловлена повышающимися требованиями высокотехнологичной экономики к компетенциям выпускников высшей школы и связана не только с продуктивным переосмыслением зарубежного педагогического опыта, модернизационных процессов и образовательных реформ, но и, прежде всего, с анализом ранее совершенных ошибок реализуемой образовательной стратегии и опорой на фундаментальные педагогические ценности традиционной китайской культуры [8].

Особенно внушительных результатов достиг Китай с началом реализации идеи параллельного развития элитарного и массового образования с приоритетным развитием высшей школы. Цель была поставлена амбициозная – достижение ведущих позиций в рейтингах ведущих мировых вузов (Постановлению о сфере работ приоритетных университетов и экспертов, 1954 г.; Проект 211, 1995 г.; Проект 985, 1998 г.; проект «Двойного первоклассного строительства», 2015 г.; проект «Университеты и дисциплины мирового класса», 2015 г.) [7]. В контексте вышесказанного осуществлялась дифференциация государственных вузов на категории центрального и местного подчинения. С целью повышения качества образования университеты центрального управления апробировали инновационные образовательные модели на основе переориентации на мировые стандарты. Университеты местного подчинения адаптировали передовой образовательный опыт к местным условиям с целью удовлетворения потребностей социально-экономического развития регионов [4].

К проблематике необходимости подготовки элиты в вузах различных категорий обращаются многие китайские исследователи, фокусируясь на различных аспектах такой подготовки. Так, Цзи Вэй и Инь Му обращают внимание, что в современных условиях возрастает спрос общества на таланты и аргументируют важность подготовки таких талантов – элиты для региональной экономики. В такой подготовке, отмечают авторы, необходимо сосредоточиться не столько на качественном росте региональной экономики, а прежде всего, осуществить скачкообразный рывок «в развитии талантов от квалифицированных талантов к квалифицированным талантам высокого класса», осуществляя непрерывную поддерж-

ку высокоспособных учащихся от школы до образования магистра [12].

На государственном уровне идеи поддержки талантливой молодежи представлены в Национальном плане реализации реформы профессионального образования (2019 г.), который направлен на улучшение всей системы профессионального образования для новой эпохи, ориентированных на прикладную деятельность, усиление такой подготовки на уровнях бакалавриата и магистратуры [Там же].

Ряд документов конца двадцатого века, принятых под влиянием прогрессивной китайской интеллигенции, касающихся нормативно-правовых оснований государственной политики в сфере развития высшего образования («Закон КНР о высшем образовании», «План мер по возрождению образования в XXI веке» и совместное решение ЦК КПК и Госсовета КНР «Об углублении реформы образования и всестороннем содействии продвижению качественного образования») основывались на идеологическом базисе взаимодействия традиционной китайской и западной моделей образования. В частности, Цай Юаньпэйем был теоретически обоснован аксиологический основой необходимости привнесения научных и технических достижений западной цивилизации в систему образования Китайской народной республики, встраивание и адаптация ценностей Запада в систему ценностей национальной культуры при безусловной приоритетности последней [6]. Таким образом, системой образования Китая был взят курс на обновление, открытость западному опыту, взаимодействие образования с производством и тенденциями рыночной экономики с безусловным приоритетом воспитания национального достоинства: формирование патриотизма и национальной идентичности. Многие ученые считают, что достижения в системе образования и науки Китая, последовавшие с началом реформ, есть заслуга, прежде всего, конфуцианской культуры [11].

Осознавая невозможность противостоять рациональным прагматическим западным влияниям, Китай формирует самобытную систему образования, в которой традиции и инновации гармонично сосуществуют, при этом заимствования мирового опыта трансформируются и осуществляются в сугубо китайских специфических формах. Так и в традиционном социально ориентированном воспитании с его основными добродетелями в духе послушания, управляемости и безынициативности происходит усиление тенденции поощрения

свободного развития личности при сохранении церемониального контекста взаимоотношений и базовых ментальных установок с опорой на конфуцианскую традицию, определяющую менталитет и систему ценностей в Китае [1]. Традиция конфуцианства ставит перед образованием триединую цель, состоящую, прежде всего, в принесении пользы обществу, нравственном самосовершенствовании и приобретении знаний. Ценности конфуцианства безусловно превалируют в подготовке и воспитании современных элит.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин сформулировал идеи современной концепции воспитания следующим образом: «Стремление служить Родине и народу – вот великая добродетель, и тот, кто воспитывает в себе нравственность таким образом, делает великое дело» [10, с. 36]. Согласно концепции содержание воспитания нравственности основывается на сформулированных ключевых ценностях социализма, восходящим как к базовым ценностям конфуцианской традиции (примат интересов общества над индивидуалистическими установками, солидарность, коллективизм, всестороннее развитие и позитивная оценка человека), так и современными ценностями, диктуемыми политико-экономическими потребностями и социокультурной ситуацией (модернизация, прогресс, прогрессивная социалистическая культура, социальная справедливость, гармоничное социалистическое общество, экокультура социализ-

ма, общее благосостояние всего народа, построение зажиточного, демократического, гармоничного современного социалистического государства и др.) [1; 10, с. 39].

Таким образом, в современном Китае всё большее внимание уделяют идейно-политическому, патриотическому воспитанию на всех уровнях образования, результатом которого должно стать воспитание нового человека – нравственного идеала современной личности, воспитанного в духе конфуцианских традиций, профессионально грамотного, социально ответственного и мобильного, занимающего активную жизненную позицию, успешно адаптирующегося к современным политико-экономическим условиям, способного участвовать в построении социалистической культуры с китайскими особенностями. Мы можем резюмировать, что культурно-исторические традиции воспитания элиты в системе образования Китая основываются на конфуцианской педагогической культуре, значительно адаптированной к современным реалиям, однако, продолжающей регулировать ментальные установки и нормы поведения, соответствующие высокой китайской традиции и её идеалам.

Данные традиции не только являются аксиологическим базисом и педагогической идеологической платформой для развития образования, но и выступают государственно-идеологической доктриной, закрепившей основные смыслообразующие установки в политике и идеологии Китая.

Список литературы

1. Гаврилова Е. В. Традиции воспитания личности в Китае // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. № 2. С. 60–66.
2. Гуаньнань Ц., Юйхань М. Идейно-политическое образование как необходимая часть современного высшего образовательного пространства Китая // Формирование единого образовательного пространства: задачи, решения, перспективы: материалы юбилейного форума с междунар. участием. М.: Ин-т стратегии развития образования, 2023. С. 286–393.
3. Карабущенко П. Л., Подвойский Л. Я., Резаков Р. Г. Элитология образования: элита и университет: монография. М.: Экон-Информ, 2019. 274 с.
4. Кузнецова В. В., Машкина О. А. Проект «шуан и лю». Глобализация китайского высшего образования // Образовательная политика. 2019. № 4. С. 76–90.
5. Левданская Ю. Ю. Проблемы воспитания элиты: историко-педагогическая традиция и современность // Психолого-педагогическое образование в ЗабГУ: традиции и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2021. С. 57–63.
6. Машкина О. А. Формирование новой модели подготовки школьных учителей в современном Китае // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2013. № 3. С. 108–123.
7. Машкина О. А. Феномен китайского образования: от ликбеза до лидерства в мировых рейтингах. Текст: электронный // Вести образования. 2023. 15 дек. URL: https://vogazeta.ru/articles/2023/12/15/quality_of_education/24311-fenomen_kitayskogo_obrazovaniya_ot_likbeza_do_liderstva_v_mirovyh_reytingah_chast_3 (дата обращения: 10.07.2024).
8. Новикова Л. А., Ушакова Л. К. Особенности среднего и высшего образования в Китае // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 5-1. С. 224–230.

9. Ольховская Е. Ю. Развитие элитарного образования в России (конец XIX–XX вв.): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. М., 2007. 545 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-elitarnogo-obrazovaniya-v-rossii-konets-xix-xx-vv> (дата обращения: 10.08.2024). Текст: электронный.

10. Простые речи сближают людей. Фрагменты классических текстов в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина / пер.: М. А. Беляева, В. В. Богомолов. М.: Шанс, 2022. 305 с.

11. Просеков С. А. Особенности образования и воспитания в КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 2. С. 72–81.

12. Цзи Вэй, Инь Му. Развитие профессионального образования в Китае // Инновационные технологии в технике и образовании: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2023. С. 42–53.

Сведения об авторах

Левданская Юлия Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, art-koltsova@yandex.ru

Игумнова Екатерина Александровна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, igumnova1@mail.ru

Information about the authors

Yuliya Yu. Levdanskyaya, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalsk State University, Chita, Russia, art-koltsova@yandex.ru

Ekaterina A. Igumnova, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalsk State University, Chita, Russia, igumnova1@mail.ru

УДК 373.5

Готовность к выбору профессии старших школьников с разной академической успеваемостью

Евгения Владимировна Гольберт

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
evg5539@yandex.ru

В данной статье рассматривается проблема выявления зависимости между академической успеваемостью и готовностью к выбору профессии старшеклассников. Целью исследования выступает изучение готовности к выбору профессии старших школьников с разной академической успеваемостью. В исследовании принимали участие учащиеся 10-го класса общеобразовательной школы г. Читы в количестве 40 человек. Автором резюмируется, что старшеклассникам в образовательном процессе необходима индивидуальная психологическая помощь в самоопределении и профессиональном выборе жизненного пути.

Ключевые слова: готовность к выбору профессии, старшеклассники, психологическая готовность, академическая успеваемость

Readiness to Choose a Profession for Senior Students with Different Academic Achievements

Evgeniya V. Golbert

Transbaikalsk State University, Chita, Russia
evg5539@yandex.ru

This article deals with the relationship between academic performance and readiness to choose a profession for high school students. The purpose of the study is to study the readiness of older students with different academic performance to choose a profession. The study involved students of the 10th grade of the general education school of Chita in the number of 40 people. As a result of the conducted research, it can be concluded that children need help in self-determination and finding a suitable field of activity for each child.

Keywords: High School Students, Choice of Profession, Psychological Readiness, Readiness to Choose a Profession, Academic Performance

Высокие требования к результатам образования и его качеству, готовности к выбору профессии, к личностному становлению определяют не только цель, но и «общие исходные положения, в которых выражены основные требования к содержанию, методам и организации воспитания» (О. Н. Локаткова) [4, с. 482].

В сложившейся ситуации выпускники школ ответственнее относятся к выбору профессии, для них вопрос о самоопределении в сложившихся быстроизменяющихся условиях является наиболее острым. На завершающем этапе обучения у старшеклассников должны быть сформированы адекватная самооценка, осознанный выбор профессионального пути и внутреннее убеждение в правильности выбранного пути.

Однако, как показывают исследования, для ребят это сложная задача. Сложившаяся неопределенность приводит к тому, что продолжают свое профессиональное обучение люди, которым не интересна выбранная профессия и у них нет стремления к профессиональному росту.

На данном этапе развития общества, как никогда раньше, от старшего школьника требуется сделать подходящий выбор будущей профессии. В тяжелых условиях конкуренции в профессии ученик старших классов должен конкретно представлять свой будущий вид деятельности и видеть себя в нём.

По мнению Н. И. Баньковской, «переход на старшую ступень общеобразовательной школы ставит выпускников основной школы перед серьезным выбором – предварительного самоопределения в отношении выбора профиля обучения и профилирующего направления будущей профессиональной деятельности. Если ключевой идеей профильного обучения является идея существенных возможностей выбора, то, ученик к такому выбору должен быть подготовлен. Практика свидетельствует, что уже на этапе профильной подготовки учащихся явно обозначилась негативная тенденция: психологическая неподготовленность старшеклассников к осознанному самостоятельному выбору дальнейшей будущей профессии» [1].

Несмотря на важность вопроса выбора профессиональной деятельности старшеклассниками, готовность к профессионализации старших школьников с разной академической успеваемостью недостаточно освещена в литературе. Это обусловило выбор темы исследования.

Цель исследования – изучение готовности к выбору профессии старших школьников с разной академической успеваемостью.

Объект исследования – готовность школьников к выбору профессии.

Предмет исследования – готовность к выбору профессии старших школьников с разной академической успеваемостью.

Гипотеза исследования. Мы предполагаем, что:

1) готовность к выбору профессии у старших школьников с разной академической успеваемостью отличается;

2) готовность к выбору профессии у старших школьников с более высокой академической успеваемостью выше, чем у старших школьников с более низкой академической успеваемостью.

В исследовании приняли участие школьники выпускных классов МБОУ СОШ № 8 г. Читы (в количестве 40 человек). Возраст участников: 15–17 лет.

Для реализации цели исследования были выбраны следующие методы и методики:

1. Квалиметрический метод оценки готовности к профессиональному самоопределению.

2. Опросник «Карта самоконтроля готовности к профессиональному самоопределению» (В. Д. Симоненко).

3. Опросник профессиональной готовности (Л. Н. Кабардова).

Для выявления успеваемости школьников, на первом этапе нашего исследования, использовался метод экспертных оценок. В качестве экспертов нами были приглашены учителя-предметники, которые хорошо знают испытуемых. В качестве анализируемых нами были выбраны основные предметы, по ним и определялась академическая успеваемость каждого школьника, выраженная в балльной системе от 1 до 5. Впоследствии выводился средний показатель по двум последним четвертям. Также в качестве критерия использовались четвертные и годовые оценки успеваемости.

Таким образом, мы выделили три группы испытуемых:

1 группа – высокая академическая успеваемость: 4–5 балла (25%);

2 группа – средняя академическая успеваемость: 3–4 балла (62,5%);

3 группа – низкая академическая успеваемость: 3 балла (12,5).

Качественное и количественное рассмотрение результатов исследования по методике «Квалиметрический метод оценки готовно-

сти к профессиональному самоопределению» свидетельствует о том, что у респондентов 1-й группы готовность к профессиональному самоопределению на высоком уровне сформирована по трем компонентам «Устойчивый профессиональный интерес», «Уверенность в овладении профессией», «Потребность в получении профессии». Старшеклассники этой группы имеют представления о своей будущей профессиональной деятельности, проявляют к ней интерес, заинтересованы в получении профессии.

По методике «Карта самоконтроля готовности к профессиональному самоопределению» (опросник В. Д. Симоненко) отмечается высокий уровень готовности к профессиональному самоопределению. Как отмечает Э. Ф. Зеер, «школьники со сформированной профессиональной идентичностью готовы совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития или уже его совершили, и у них присутствует уверенность в правильности принятого решения о своём профессиональном будущем» [2, с. 30].

По методике Л. Н. Кабардовой в 1-й группе сфера профессиональных интересов и склонностей обучающихся тяготеет к типам профессий «Человек – человек» и «Человек – техника». У этих респондентов отмечается желание напрямую взаимодействовать с людьми, занимать руководящие должности, быть лидерами в коллективе. Тем не менее техническая сфера деятельности остается не менее привлекательной.

У респондентов 2-й группы не обнаружен стойкий интерес своей будущей профессиональной деятельности, они имеют размытые намерения о своей ближайшей профессиональной перспективе, отмечается средний уровень выраженности профессионального самоопределения (что является нормальным для учащихся 10-х классов).

Респонденты 3-й группы не имеют четких представлений о своей будущей профессиональной деятельности, но они уверены, что овладеют профессией. Интересен тот факт, что такой компонент, как «Личная самооценка», развит у них на высоком уровне.

Методика В. Д. Симоненко показала выраженность профессионального самоопределения обучающихся на среднем уровне. Старшеклассники отдают предпочтение профессиям типа «Человек – художественный образ» и «Человек – знаковая система». По мнению Е. А. Климова, подобная ситуация показывает, что «они не только создают свои художественные произведения, но и умеют систематизировать информацию в своей области искусства и культуры, ведут поиск, анализ, создают оригинальные проекты (воплощая их графически, в новых моделях одежды, интерьера помещений, конструкторских новинках)» [3, с. 52].

Таким образом, выявленные различия между выборками подтверждают: готовность к выбору профессии у старших школьников с разной академической успеваемостью имеет различия.

Список литературы

1. Баньковская Н. И. Исследование взаимосвязи успешности учебной деятельности с мотивационно-смысловыми образованиями у старшеклассников. Текст: электронный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vzaimosvyazi-uspeshnosti-uchebnoy-deyatelnosti-s-motivatsionno-smyslovymi-obrazovaniyami-u-starsheklassnikov> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Садовникова Н. О. Профориентология. Теория и практика: учеб. пособие. М.: Академический Проект, 2020. 192 с.
3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие. М.: Академия, 2004. 304 с.
4. Локаткова О. Н. Период старшего школьного возраста как этап планирования и подготовки к профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 481–484.

Сведения об авторе

Гольберт Евгения Владимировна, канд. пед. наук, доцент, декан психолого-педагогического факультета, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, evg5539@yandex.ru

Information about the author

Evgeniya V. Golbert, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Psychological and Pedagogical Faculty of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, evg5539@yandex.ru

УДК 374.32

Гражданская идентичность молодежи, проживающей в условиях трансграничья

Нина Иннокентьевна Виноградова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
vin57@list.ru

В статье рассматривается несколько подходов к анализу понятия «гражданская идентичность». Обозначена его структура, а также возможный вариант развития. Выделены этнически обусловленные особенности становления гражданской идентичности представителей китайского и русского менталитетов.

Ключевые слова: гражданская идентичность, психологическая безопасность, категориальные установки личности

The Civic Identity of Young People Living in Cross-border Conditions

Nina I. Vinogradova

Transbaikal State University, Chita, Russia
vin57@list.ru

The article considers several approaches to the analysis of the concept of "civil identity". Its structure is indicated, as well as a possible development option. Ethnically determined features of the formation of the civil identity of representatives of the Chinese and Russian mentalities are highlighted.

Keywords: Civic Identity, Psychological Security, Categorical Attitudes of Personality

Необходимость и достаточность психологических средств, обеспечивающих мирное сосуществование людей русской и китайской этнических групп, требует особого анализа. С политической точки зрения союзнические отношения между нашими странами подкрепляются рядом договорных соглашений, первый из которых был подписан еще 335 лет назад. Долгое время в силу неопределенности границ наблюдалась миграция народов вглубь соседствующих стран. Граждане имели возможность осуществлять разные формы взаимодействия: вести совместный бизнес, договариваться по многим бытовым вопросам и даже вступать в брачные отношения. С появлением охраняемых границ тесное взаимодействие народов стало более ограниченным. Начинает формироваться и проявляться ментальная замкнутость этнических групп, прежде всего в культурной сфере.

В настоящее время для ученых исследователей в области философского и социологического знания стал важен анализ процессов аккультурации и последующей ассимиляции представителей различных этнических групп. В тоже время у представителей психологического знания вызвал интерес процесс «удерживания» людьми собственной гражданской идентичности.

В целом, процессы аккультурации и ассимиляции, с одной стороны, и становление гражданской идентичности, с другой стороны, имеют разнонаправленные векторы. Понимая

аккультурацию как взаимодействие культур [9], т. е. принятие и углубление в культурные традиции другого народа, можно говорить о внешне направленном векторе развития личности. Формирование гражданской идентичности в большей мере направлено вглубь себя, на активизацию процессов, связанных с самоидентификацией, самоопределением, саморегуляцией и в целом с определением направленности собственной жизни и прогнозированием способов ее реализации.

Исследование гражданской идентичности как сложного психологического феномена, имеющего разные контексты изучения, приобретает особое значение в современной геополитической обстановке. В связи с этим одни исследователи анализируют данный феномен с точки зрения взаимосвязи гражданской идентичности и становления патриотических настроений [4]. Другие рассматривают ее как «разновидность организационной идентичности, которая представляет собой самоопределение в организационной среде государства, а также самоидентификацию с ролью гражданина. В целом она является первичным психологическим регулятором гражданского поведения» [11, с. 168].

Третьим гражданской идентичность интересна с позиций важнейшего ресурса государства [8, с. 52].

Мы рассматриваем самоопределение личности базовым основанием становления гражданской идентичности, как впрочем и всех

иных взаимосвязанных направлений жизнедеятельности человека. Чем осознаннее рефлексия своего «Я», тем глубже он осмысливает «свое место, роль и степень активности в системе взаимодействия с другими гражданами и государством [7].

В процессе анализа человеком конкретных обстоятельств жизнедеятельности формируются представления о мире (населенном пункте, регионе, государстве в целом, отдельных людях и их группах). Данные представления соотносятся со степенью удовлетворенности потребностью в собственной физической безопасности (А. Маслоу). На основе принятия себя как жителя данной местности, представителя определенной этнической группы, личных впечатлений о традициях семейного уклада, способах гармоничного взаимодействия между людьми, степенях доверия друг другу, а также способах обеспечения экономической выживаемости у человека формируется понятие о собственной психологической безопасности.

Под психологической безопасностью мы понимаем состояние, характеризующееся восприятием и оценкой степени опасности со стороны социального уклада общества и государства. Под опасностью понимается степень рассогласованности собственных жизненных интересов и интересов общества и государства относительно согласия или принуждения действовать в интересах определенных групп или государства в целом. Вспоминаются слова из некогда популярной песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Для решения этого вопроса особо значимо осознание себя как самостоятельной личности, с одной стороны, и члена общества, с другой стороны. Такой анализ строится на основе осмысления опыта преодоления проблемных жизненных ситуаций в рамках прав и обязательств, диктуемых традиционным укладом общества и требований со стороны государства.

Осознание личностью гарантий собственной психологической безопасности обеспечивает качество гражданской идентичности. Здесь встает вопрос о том, как согласуются ценности, принятые личностью, обеспечивающие его психологическую безопасность и ценности, декларируемые государством. В процессе жизнедеятельности ценности человека могут меняться, в соответствии с чем может варьировать качество психологической безопасности, а, следовательно, и степень гражданской идентичности.

Принятые человеком ценности формируют основные категориальные установки, в

рамках которых он выстраивает свое поведение. «Формирование категориальной установки обеспечивается рядом психологических условий и факторов интегративной субъект-объектной природы, среди которых существенная роль принадлежит смысложизненным и ценностным ориентациям, макро и микро условиям реальной жизнедеятельности, ведущей деятельности, индивидуальным характеристикам. [6]

Обоснуем логику становления гражданской идентичности в соответствии с выводами теории самоопределения Р. Района и Э. Деси, 2009 [12]. С точки зрения исследователей, «мотивационная составляющая психики определяет основу социального поведения человека и его благополучия и высокого качества жизни». Они считают, что базовую основу самоопределения составляет самодетерминация человека, понимаемая как «действие, осуществленное благодаря свободному волеизъявлению». Р. Район и Э. Деси считают, что поведение людей детерминировано одним из двух разнонаправленных «причинных ориентаций человека» автономной и контролируемой. Мы предполагаем, что автономная ориентация выступает следствием ощущения человеком психологической безопасности, обеспечивая продуктивность его поведения. Контролируемая ориентация соотносится с недостаточным уровнем психологической безопасности, детерминируя навязываемое извне «подневольное поведение».

Таким образом, выстраивается следующая логическая последовательность развития гражданской идентичности. На первом этапе в процессе освоения окружающего мира и выстраивания образа «Я» формируется представление о собственной физической безопасности во всем многообразии осмысления себя как представителя определенной нации, слоя общества, присвоения ценностей и смыслов национальной культуры, формирования степеней доверия к близкому и дальнему кругу людей.

В соответствии с теорией К. Юнга [10], закрепленные на генетическом уровне способы выживания на определенных территориях закрепляются и проявляются в коллективном бессознательном. Он предположил, что коллективное бессознательное в 90% случаев участвует в принятии решений человеком. [Там же, с. 94]. То есть в становлении гражданской идентичности большое значение имеют поступки, которые человек совершает не задумываясь. Этот этап развития в большей мере обусловлен следованием традициям

общества, закрепленными на уровне бессознательного.

Второй этап связан с освоением своих прав и обязанностей в рамках гражданского общества. На этом этапе работают механизмы «интернализации стереотипов и установок гражданственности; имитации моделей гражданского поведения; индивидуализации смыслов гражданства; экстерииоризации» [5]. В данном случае речь идет об осмыслении факторов психологической безопасности в рамках страны проживания. Если человек ощущает проявления такой безопасности, то его гражданское самоопределение становится стабильнее, а гражданская идентичность более определенной. На этом этапе обостряется конфликт между элементами гражданской идентичности, поддерживаемыми генетикой и традициями, и теми элементами, которые проявляются в связи с особенностями воспитания. В результате данного конфликта обостряются процессы неопределенности и динамичности [1].

Третий этап становления гражданской идентичности связывается нами с осмыслением человеком степени гармоничности двух разнонаправленных процессов. С одной стороны, осознанием смыслов проживания собственной жизни в представлениях «Я понимаю ценность собственной жизни и хочу жить долго и счастливо». С другой стороны, высоким уровнем мотивации принятия системы прав и обязанностей, диктуемых государством, в представлениях «Я должен». При их гармоничном согласовании степень сформированности гражданской идентичности достигает зрелости. В этом случае человек осознает смысл понятия «Родина» во всей полноте его значения. Он осознано воспринимает призывы общества о защите Родины от внешних и внутренних врагов, защите своего образа жизни, своих родных, своей земли и культуры.

В условиях трансграничья у молодежи, проживающей на сопредельных территориях, становление гражданской идентичности в целом будет соответствовать трем описанным выше этапам. Однако наполнение каждого этапа будет иметь специфические особенности, определяемые национальной, культурной и экономической идентификацией. Особенно значимо они будут проявляться на первом этапе.

Китайские исследователи обозначают особые условия становления гражданской

идентичности, свойственные людям данной ментальности. К ним отнесены «историческая память и безусловное принятие прошлого, уникальное культурное наследие страны и ориентация на национальный менталитет, образовательная и молодежная политика государства, направленная на социальную консолидацию общества, также определена роль религии в Китае, а именно, конфуцианства, представлено влияние символической политики государства на развитие идентичности китайцев. Особо китайскими исследователями подчеркивается «системность и планомерность процесса внедрения идеи национальной идентичности в течение последних сорока лет [3, с. 24].

Т. Бордачев – исследователь проявлений русского менталитета отмечает, что самое важное для реализации внутренних устремлений русского человека – это возможность «поступать как хочешь», а не так как предписано. За реализацию этой возможности «мы сражались всю свою историю». Далее он отмечает, что «нашему народу трудно понять концепцию границы, как политического явления. Поскольку она, с нашей точки зрения, определяется лишь политической волей. А раз это политическая воля – значит, всегда может появиться другая, более сильная» [2, с. 144].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что самым важным этапом в становлении гражданской идентичности является второй этап. Это обусловлено тем, что гражданская идентичность выступает только одним из векторов развития культурной и экономической идентичности. Разнонаправленные векторы взаимодействуют между собой, обостряя противоречия, в развитии изучаемого явления у людей, проживающих в условиях трансграничья. Экономически Китай (в современных условиях) развивается мощнее России. Современная молодежь, особенно на трансграничных территориях оценивает этот факт. Его можно рассматривать как условие, снижающее качество гражданской идентичности российской молодежи. Вместе с тем, современные информационные коммуникации расширяют культурное пространство, сглаживая противоречия. В результате формируются новые формы развития гражданской идентичности, которые требуют своего изучения особенно в условиях трансграничья Россия-Китай.

Список литературы

1. Bespalova T. M., Tenyaeva O. N., Kudanova S. I. Self-Assessment of Personal Civic Identity in Adolescents // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EPSBS*. 2019. Vol. 73. P. 1–8.
2. Бордачев Т. В. Стратегия Московской Руси. М.: АСТ, 2024. 336 с.
3. Коряковцева О. А., Баранов Н. А., Бугайчук Т. В., Кузина С. И., Никовская Л. И., Попова О. В. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт. Ярославль: ЯГПУ, 2022. 179 с.
4. Казаева Е. А., Чхетиани Н. С., Пономарева Л. И. Патриотизм как инструмент формирования гражданской идентичности: анализ представлений студентов. Текст: электронный // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11, № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PDMN223.pdf> (дата обращения: 30.08.2024).
5. Каратаев Т. А. К вопросу формирования гражданской идентичности современных старшеклассников // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2015. № 2. С. 88–93.
6. Кучеренко С. Н. Системная детерминация формирования категориальной установки личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1999. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sistemnaya-determinatsiya-formirovaniya-kategorialnoi-ustanovki-lichnosti> (дата обращения: 10.08.2024). Текст: электронный.
7. Леп Ж., Зупанчик М. Гражданская идентичность в становлении взрослой жизни // *Европейский психологический журнал*. 2022. Т. 39, вып. 2. С. 56–62.
8. Сулима Е. Н., Шепелев М. А. Геоистория как парадигма осмысления международных отношений // *Международные процессы*. 2018. Т. 16, № 2. С. 49–59.
9. Ушканова Р. Д. Аккультурация как объект социально-философского исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Якутск: Северо-Восточный фед. ун-т им. М. К. Аммосова, 2011. 26 с.
10. Юнг К. Г. Избранные работы. СПб.: РХГА, 2014. 288 с.
11. Petrovska I. Psychological Model of Civic Identity Formation // *The Journal of Education, Culture, and Society*. 2021. Vol. 2. P. 167–178.
12. Ryan R. Self-determination theory in schools of education. Текст: электронный // *Center for Self-Determination Theory*. URL: https://selfdeterminationtheory.org/SDT/documents/2009_RyanNiemiec_TRE.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

Сведения об авторе

Виноградова Нина Иннокентьевна, д-р психол. наук, доцент, зав. кафедрой психологии образования, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, vin57@list.ru

Information about the author

Nina I. Vinogradova, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Educational Psychology of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, vin57@list.ru

УДК 37.047

Результаты исследования выбора школьниками Забайкальского края типов профессий

Наталья Николаевна Попова¹, Ольга Николаевна Корнилова²

^{1,2}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹nnp18@mail.ru, ²lok9008986734@yandex.ru

Значимой социально-педагогической проблемой является эффективность реализации программы профориентации школьников в разрезе запуска национального проекта «Кадры». Исследование выбора школьниками типов профессий позволяет сориентировать приемную кампанию университета на создание новых образовательных программ, продуктов и профессиональных кадров будущего.

Ключевые слова: профориентация, диагностика, типы профессий, Забайкальский край

Results of the Study on Choice of Occupations by Students of Transbaikal Territory

Natalia N. Popova¹, Olga N. Kornilova²

^{1,2}Transbaikal State University, Chita, Russia

¹nnp18@mail.ru, ²lok9008986734@yandex.ru

The significant socio-pedagogical problem is the effectiveness of implementation of the vocational guidance program for schoolchildren in terms of launching the national project "Frames". The study of the choice of the

students' types of professions allows directing the acceptance campaign of the University for the Creation of new educational programs, products and professional personnel of the future.

Keywords: Vocational Guidance, Diagnosis, Types of Occupations, Transbaikal Territory

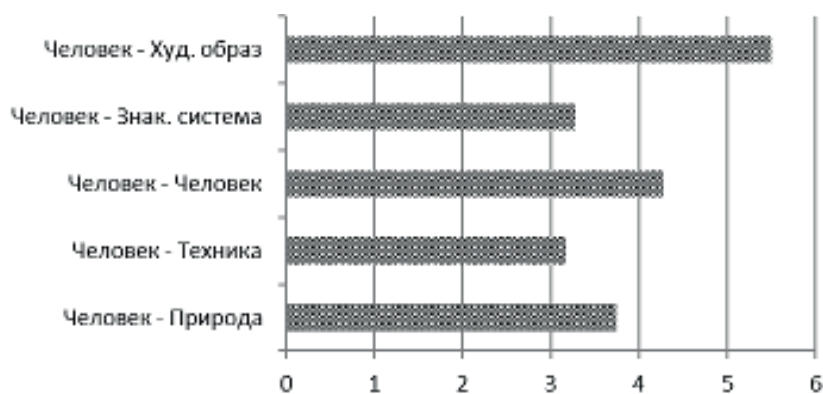
Нахождение своей профессиональной ниши для молодежи, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [6], является важным вызовом современности не только для достижения успеха, реализации своих способностей, но и значимости для общества (20 % опрошенных), которая оказалась в два раза важнее, чем ее престиж (10%). В первую тройку факторов, определяющих выбор профессии молодежью в возрасте от 18 до 34 лет, вошли: личный интерес (56 %), высокая зарплата (31 %) и востребованность на рынке труда (26 %). Опрошенные россияне единодушно высказались о целесообразности профориентации в школе (86 %). Это подтверждает все большую актуальность осознанности выбора профессии, определяющей как образ жизни, социальный статус, вклад в общество, так и ее личный интерес (64–66 %) в вопросах самореализации.

На Федеральном уровне значимость программы профориентации школьников актуализировалась в разрезе запуска национального проекта «Кадры», что вылилось в емкую систему профориентационной работы со школьниками. Будущие работодатели стали организовывать профпробы сразу на рабочих местах в цехах, лабораториях и симуляторах, чтобы профподготовка вступила в раннюю стадию и обеспечила личную мотивацию для школьников и сформировала адекватное

представление о будущей профессии и возможностях развития в ней.

Однако школьники сталкиваются с необходимостью определиться с типом своей будущей профессиональной деятельности, исходя из своих интересов, способностей и целей [1–3; 7]. Не обойтись на данном этапе без ошибок искажения информации о профессии; дезориентация в предмете труда и видах деятельности; неоправданный выбор уровня образования и места обучения. Мы решили разобраться в причинах данных ошибок и провели исследование психотипа личности с помощью дифференциально-диагностического опросника Е. А. Климова. Используемая в нашем исследовании методика позволяет респонденту изучить предпочтение к пяти конкретным видам деятельности, определить степень своего творческого потенциала и экономическую составляющую выбора профессии. Диагностику к определенным типам профессии мы осуществили на выборке школьников в количестве 36 человек, в возрасте 15 лет. Исследование, проведенное среди школьников Забайкальского края, позволяет понять, какие типы профессий наиболее популярны среди них.

Представим первичные значения данных описательной статистики исследуемой выборки, распределение которой по критерию Колмогорова-Смирнова, является нормальным (см. рисунок).

Средние значения выбора типа профессии

Качественный анализ представленных значений позволяет пилотажно определить доминирующий тип, свойственный большинству опрошенных, это профессии созидателей и творцов, по Е. А. Климову, психотип «че-

ловек – художественный образ». Далее с незначительным отрывом определились профессии двух психотипов – это «человек – человек» и «человек – природа». Характерной особенностью данной диады является вектор

усовершенствования окружающей среды через модели коммуникации и общения. Самые востребованные направления типов профессии в обществе сегодня, «человек-знаковые системы» и «человек-техника», лишь незначительно преодолели минимальный порог средних значений в исследуемой выборке. Возможно, сыграла существенное значение слабая самооценка доминирующих психофизиологических качеств школьников, которые недооценивают данные аспекты указанных психотипов. Радует, что школьники Забайкальского края проявляют интерес к разнообразным типам профессий, значит есть над чем работать в школах.

С целью выявления значимых взаимосвязей мы применили коэффициент корреляции r – Пирсона, определяющий степень прямолинейной зависимости между исследуемыми переменными (см. таблицу).

Значимые взаимосвязи психотипов (корреляция по Пирсону)

<i>Типы профессий</i>	<i>Человек – Техника</i>	<i>Человек – Знаковая система</i>
Человек – Человек (Ч-Ч)	-,507**	-,292
Человек – Художественный образ (Ч-Хо)	-,293	-,411*
Человек – Природа (Ч-П)	-,340*	-,389*

Данные таблицы свидетельствуют о том, что диада «человек – техника» и «человек – знаковая система» имеют обратную сильную и среднюю степень взаимовлияния на триаду «Ч-Ч»-«Ч-Хо»-«Ч-П». Интересно, что если, например, школьник выбирает психотип «человек – техника», то он достаточно четко знает, что с профессиями «человек – человек» ($r=0,507$) и «человек – природа» ($r=0,340$) у него мало общего, и наоборот.

Предполагаем, что опрошенные не совсем понимают и диапазон знаково-символьных систем, лежащих в основе профессий «Ч-Хо»-«Ч-П» [8], поскольку значения коэффициента корреляции r – Пирсона свидетельствуют о наличии средних ($r=0,411$ и $-0,389$) устойчивых, но обратных связях между ними и психотипом «человек – знаковая система».

Научно-исследовательская работа показала, что наиболее значимым типом профессии является желание быть образованным, интеллектуально развитым человеком, а также возможность найти подходящее место работы [4; 8]. Думаем, что общеобразовательная школа могла бы точнее ориентировать и лучше готовить (средний балл поступления 38 баллов, это минимум) будущих выпускников на соответствующий интересам личности, края и государства список профессий. И тогда ЗабГУ как ведущий вуз края мог бы осуществлять полноценную подготовку высококвалифицированных кадров, позитивно влияющих на социально-экономическое развитие региона и страны. Вуз лидирует в регионе по количеству профессий и направлений обучения. Здесь обучают на филолога, учителя, воспитателя, горного инженера, строителя и др. специальностей. Количество обучающихся, по данным 2022 года (ГИВЦ) [5] насчитывается более 11 тыс. чел., что делает ЗабГУ одним из ведущих вузов по числу студентов в Дальневосточном федеральном округе. Специальности выпускников Забайкальского государственного университета наиболее престижны на рынке труда и задействованы в различных сферах деятельности. Это разные образовательные учреждения и органы ГМУ, органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, агентство реклам и СМИ, туризм, заведения культуры, психологические центры и спортивные организации, предприятия горнорудной промышленности энергетики, лесного хозяйства, МЧС и другие структуры. Вуз использует систему «Суперсервис» портала Госуслуг, что облегчает приемную кампанию и освобождает абитуриентов от бумажных документов. «Поступление в вуз онлайн» как цифровая услуга пользуется популярностью среди наших земляков, поскольку значительно экономите семейный бюджет, наглядно и оперативно представляет индивидуально значимую информацию по цифрам и направлениям приема в 5-ти вузах страны, которые абитуриент выбирает самостоятельно. Главное, чтобы нынешний школьник понимал, что обучение в вузе создает базу для дальнейшего развития его профессионального самосознания и самосовершенствования в личностном плане.

Список литературы

1. Арендчук И. В. Проблема выбора профессии современными старшеклассниками. Текст: электронный // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 15–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-professii-sovremennymi-starsheklassnikami> (дата обращения: 04.08.2024).
2. Бондарев В. П. Выбор профессии. М.: Наука, 2004. 250 с.

3. Голоншток А. Е. Выбор профессии и воспитание личности школьника. М.: Наука, 1999. 250 с.
4. Горохова Н. С., Русакова П. Е., Попова Н. Н. Сравнительное исследование ценностных ориентаций современных старшеклассников // Воспитание как стратегический национальный приоритет: междунар. науч.-образоват. форум: в 2 ч. (Екатеринбург, 15–16 апреля 2021 г.). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2021. Ч. 2. 183–187.
5. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. Текст: электронный // МИРЭА – Российский технологический университет. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2023> (дата обращения: 20.08.2024).
6. Профориентация: хорошо, но мало! Текст: электронный // ВЦИОМ НОВОСТИ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo> (дата обращения: 29.08.2024).
7. Юрьева Ю. Д. Исследование склонностей к определенному типу профессий школьников и студентов по методике Е. А. Климова. Текст: электронный // Образовательный процесс. 2019. № 5. С. 19–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sklonnostey-k-opredelennomu-tipu-professiy-shkolnikov-i-studentov-po-metodike-e-a-klimova> (дата обращения: 24.09.2024).
8. Vinogradova G. A., Akhmadieva R. Sh., Konovalova V. M., Spirina E. V., Kalugina O. A., Erdyneeva K. A., Popova N. N., Mashkun N. A. Releasers as Factor of Student Ecological Focus Formation // *Ekoloji*. 2018. Vol. 27, no. 106. P. 1409–1415.

Сведения об авторах

Попова Наталья Николаевна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, nnp18@mail.ru

Корнилова Ольга Николаевна, магистрант 3-го курса, направление подготовки «Педагогическое образование», магистерская программа «Социально-педагогическая работа в детских образовательных организациях», психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, lok9008986734@yandex.ru

Information about the authors

Natalia N. Popova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of Pedagogy of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, nnp18@mail.ru

Olga N. Kornilova, 3rd Year Master's Student, Training Area "Pedagogical Education", Master's Program "Social and Pedagogical Work in Children's Educational Organizations" of the Psychological and Pedagogical Faculty of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, lok9008986734@yandex.ru

УДК 811(510)

К вопросу изучения языкового развития детей-мультилингвов (на примере проживающих в КНР)

Оксана Борисовна Ганина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
ganina_ks@mail.ru

В статье автор рассматривает некоторые аспекты языкового развития детей-мультилингвов, проживающих на территории КНР. Проанализированы результаты исследования, в котором участвовали 54 семьи с 75 детьми разного возраста. Делается вывод, что у детей не возникает особых трудностей в овладении несколькими языками, если они общаются на них в семейной и более широкой социальной среде, а мультилингвизм влияет на развитие в целом в основном положительно.

Ключевые слова: дети-мультилингвы, мультилингвизм, общение, полилингвизм, речевая сфера, языковое развитие

Studies on the Language Development of Multilingual Children (Using the Example of Those Living in the PRC)

Oksana B. Ganina

Transbaikal State University, Chita, Russia
ganina_ks@mail.ru

In this article, the author considers some aspects of the language development of multilingual children living in PRC. The article analyzes the results of a study involving 54 families with 75 children of different ages. The author concludes that children do not have any particular difficulties in mastering several languages if they com-

municate in them in family and wider social environment, and multilingualism has a generally positive effect on children's development.

Keywords: Multilingual Children, Multilingualism, Communication, Polylingualism, Speech Sphere, Language Development

В настоящее время на нашей планете проживает более 8 миллиардов человек, все они принадлежат к разным национальностям и этносам, которых в мире более 5 тысяч. Каждый человек индивидуален. Но, тем не менее, разные народы схожи между собой, в первую очередь, по языковому признаку. Но еще Гёте говорил, что кто не знает ни одного иностранного языка, тот не знает до конца и своего собственного [2].

Россия и Китай входят в пятерку самых многонациональных стран мира. На территории нашей страны проживают более 160 народов и народностей. На территории Поднебесной насчитывается более 56 народностей. Кроме этого, в данных странах проживают многочисленные мигранты и экспаты. По некоторым данным, в Китае проживает более двух миллионов иностранцев. Среди них больше всего азиатов (корейцев, японцев), жителей стран Запада, есть выходцы из Африки, Аравии, Персии. Из других стран и регионов – около 200 тыс. чел. Среди них, видимо, представители России (точных статистических данных о русских в Китае нет).

Тем не менее, эти тысячи человек, живущие в стране с другой культурой, менталитетом, языком, создают семьи, рожают детей (или приезжают уже с семьей). Нас интересовал вопрос языкового развития детей, живущих в условиях мультилингвизма.

Мультилингвизм (полилингвизм, многоязычие) – употребление нескольких (более двух) языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией [3].

Также мультилингвизм – это еще и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности разных цивилизаций, открытость к полилогу.

Мультилингвизм как языковой феномен на протяжении длительного времени привлекает внимание ученых и практиков; его исследовали А. Н. Гвоздев, Г. А. Зограф, А. Н. Лихачева, К. С. Мингалеева, Е. Ю. Протасова, С. Г. Тер-Минасова, А. И. Улзутуева, Е. А. Хамраева, М. Г. Хаскельберг, С. Н. Цейтлин, Р. Эпштейн и другие отечественный и зарубежные ученые.

Для практического изучения некоторых аспектов вопроса нами была разработана анкета, размещенная на сайте по адресу: <https://www.surveymonkey.com/ru/>

Анкета включала в себя 24 вопроса, предполагающих получение информации о том, каков состав интернациональных семей, проживающих на территории КНР, как родители оценивают развитие своих детей-мультилингвов, есть ли у них трудности.

В исследовании приняло участие 54 человека, из них женщин – 53; мужчин – 1. Возраст респондентов: 20–30 лет – 12 чел., 31–40 лет – 29 чел., 41 и старше – 13 чел.

В этих 54 семьях проживает 75 детей разного возраста: самому младшему – 2 месяца, старшему – 18 лет, дети дошкольного возраста составили 60 % от общего количества. Мальчиков – 41, девочек – 34.

Что касается национального состава семей, то практически все браки смешанные (кроме трех). Поэтому на вопрос «Какими языками владеет каждый член семьи?» мы получили разнообразные ответы. Перечислим эти языки: русский, английский, китайский, французский, испанский, украинский, филиппинский, японский, немецкий, кантонский, курдский, турецкий, румынский, итальянский, латышский, арабский, датский, польский, язык Ганы.

Соответственно, почти во всех семьях общение происходит минимум на двух языках (русский и китайский; русский и английский; русский, английский и китайский; английский, французский и русский...). Около 50 % отцов общаются с детьми на китайском, а почти 70 % матерей общаются с детьми на русском (но при этом, чаще всего, их общение может происходить и на других языках). Естественно, что в интернациональных семьях встречается очень много вариантов. Вот примеры ответов респондентов: «Мама говорит с ребенком по-русски, папа, бабушка, брат с папиной стороны – по-китайски, бабушка и дедушка с маминой стороны раз в неделю общаются по-русски в течение часа. Родители между собой общаются по-китайски. Ребенок говорит только по-китайски, прекрасно понимает русский»; «С рождения до 3 лет общение в семье было преимущественно на русском языке, так как жили в России. С ребёнком только папа общался на китайском, иногда подключалась

мама. Песни с рождения пели на обоих языках, сказки в основном русские, стихи учили на обоих языках. С середины сентября живём в Китае, языковая среда китайская, к нам приехала жить китайская бабушка, поэтому в семье стало превалировать общение на китайском. Также ребёнок начал ходить в китайский сад».

Интересные и разнообразные ответы были получены при ответе на вопрос «Если у Вас больше одного ребенка, на каком языке общаются дети?». Во-первых, у более 50% детей нет братьев или сестер (Тогда может быть так: «С кошкой ребёнок говорит на русском и английском:»)). Во-вторых, вариантов общения детей в семье много: «Русский в основном. Дополнительно – английский и немецкий»; «На китайском, старший учит младшую русскому»; «Младшей 1.3, только начинает говорить. Старшая говорит с ней на обоих языках, смотря кто участвует ещё. Если я, то на русском, если китайская бабушка, то на китайском»; «С другими детьми свободно общается на китайском, русском, английском»... Родители отмечают, что все дети, умеющие говорить, общаются на языке собеседника.

Ответы родителей на вопрос «Как хорошо ребенок дифференцирует, на каком языке разговаривать с каким членом семьи?» подтвердили (с одним исключением), что трудностей с этим у детей всех возрастов практически нет («Автоматически, не задумываясь, переходит на нужный язык»; «Легко переключается на трёх языках»; «Идеально и беспрепятственно»...).

В социуме дети, как и родители, разговаривают в основном на языке окружения. Дети, которые посещают китайские детские сады и школы, естественно, хорошо говорят на китайском. Те же, у кого образовательные организации международные, имеют возможность говорить на других языках – английском, немецком, французском.

Источники говорят, что 43 % живущих на планете людей являются билингвами, около 13% – трилингвы, и примерно 3 % – мультилингвы. Такая способность к овладению языками вызывает вопросы, особенно, если дело касается детей. Один из них: на каком языке думают мультилингвы? Исследования показывают: на том, который они используют в конкретной ситуации [6]. Ответы наших респондентов подтверждают: их дети-мультилингвы могут думать на любом языке («Зависит от ситуации и с кем он рядом»).

Лингвисты считают, что дети осваивают родной язык без его прямого изучения при-

мерно к 5 годам, т. е. они естественно овладевают языковыми конструкциями нескольких языков, если те составляют их языковую среду. Сложности могут возникнуть, если ребенку старше 8–11 лет приходится адаптироваться к таким условиям (переезд в страну с другим языком (языками)).

Мы пытались разобраться с вопросом, повлияла ли на начало речевого развития детей полиязыковая среда. Но однозначные выводы сделать не удалось: слишком много вариантов по времени произнесения первых слов, самих этих слов, использованного языка(ов) и т. д. Приведем некоторые ответы родителей на вопрос по поводу первых слов их детей: «придумывал свои слова, совмещая китайские и русские, например, пихэ (пить), хайще (еще) и т. д.»; «смешанные слова», «мама, папа – слова интернациональные; основное общение началось в большей степени с китайского; ребенок выбирал из каждого языка те слова, которые легче произносились, поэтому были смешанные предложения, общие для китайского и русского:»); «слова китайского языка – они короче и проще»; «猫, 鞋»; «爷爷»; «公共»; «биби, кыс-кыс, мама, пуяо (не нужно, не хочу)»; «мама, папа (на китайском и на русском), цветок (на китайском), собака (на китайском) у старшего, у младшего – мама, папа (на китайском)», «часы, кошка, собака, тапки (на русском)»; «звукоподражания животным (на русском у младшего)»; «мама (межъязыковой омоним), бабушка/дедушка (шанхайский диалект)»; «Yes, no, look»; «daddy, папа, нана (банан)».

Кроме непосредственно общения, дети играют, смотрят мультфильмы, читают книги (или слушают чтение взрослых). У детей-мультилингвов все это происходит на разных языках, и зависит, в первую очередь, от родителей, которые покупают игры, книги, выбирают видеоконтент... («Дочь читает на английском в 95% случаев, книги сына на английском 70%, но я поддерживаю интерес к русскому и практически каждый день так же читаю ему на русском. Доступа к русской литературе меньше, т. к. живем в Китае»; «Английский русский китайский немецкий»; «Китайский, русский, иногда английский. Предпочтение китайскому. Но с мамой только по-русски по маминому требованию»; «Книги в основном на русском (мама накупила), игры на разных языках. Предпочтений нет – любит все»).

Респондентам интересным показался вопрос о том, на каком языке дети видят сны. Понятно, что данный вопрос обращен непо-

средственно к детям, и они отвечали по-разному: кто-то не помнит свои сны (один ответ), кто-то указал один язык (русский – 5 чел., английский – 3, китайский – 6), 20 чел. видят сны на разных языках (один из ответов: «на русском, на английском, на немецком, на китайском»). Маленькие дети, естественно, не могут про себя рассказать, поэтому про сны восьми малышей мы ничего не знаем; но некоторые дети разговаривают во сне, и про них родители смогли дать информацию (дети говорят на разных языках; например, «ребёнку 3 года, тяжело ответить на этот вопрос; но она говорит иногда во сне на французском и русском»). В целом, можно сделать вывод, что большинство мультилингвов могут во сне разговаривать на разных языках, как и в реальной жизни; на язык во сне, видимо, влияют дневные впечатления.

Сравнивая своих детей-мультилингвов с их моноязычными сверстниками, 22 % родителей отметили, что не замечают особенностей в развитии их речевой сферы. Но остальные 78 % констатируют – такие особенности есть. Например, «Умеет читать на двух языках в 3 года»; «Проблемы со склонением в русском и французском, также проблемы с мужским и женским родами»; «Может быть, меньше говорит»; «Может быть, больше говорит»; «Есть немногой акцент»; «Есть особенности в произношении некоторых звуков».

Естественно, на речевое развитие детей влияют их индивидуальные особенности (задачи, особенности функционирования нервной системы и др.), организация общения с окружением, воспитание, позиция родителей и другие факторы. Одна мама рассказывает: «Дочь начала очень рано произносить звуки, следила за нашей артикуляцией, стремилась к коммуникации, рано начала отвечать на вопросы (где? что? покажи предмет). Примерно в 1 год 8 месяцев я заметила, что она может продолжить стихи, которые я ей часто читала, и не только в 4 строчки, а и более длинные. Примерно в 2 года она пела новогодние песни. В 2,5 года рассказывала стихотворение «Вот моя деревня». Около 3 лет начала вместо меня рассказывать сказки. С 3 до 3,6 мы ходили на хор, где она очень быстро запоминала песни, причём и взрослые тоже». Вот такой вариант развития речи, причём благодаря активности родителей. И ещё мнение другой мамы: «Много говорит, всегда, но думаю, что это больше характер и работа родителей, когда ребёнок с первых дней воспринимается как собеседник, с ним много говорят, читают, поют,

готовы ответить на многочисленные вопросы. Не мультики и телефон, а живое общение».

Для того, чтобы выявить, имеются ли какие-либо нарушения речевого развития у детей-мультилингвов, нужно провести логопедическое обследование на всех языках [7]. В данном случае мы не можем делать достаточно обоснованные выводы.

Ещё почти сто лет назад выдающийся отечественный психолог Л. С. Выготский считал, что «в развитии речи ребенка могут возникнуть затруднения, когда условия воспитания не гарантируют образования более или менее самостоятельной сферы приложения каждого языка, когда ребенок отдан во власть случайной смеси языковых систем, когда детское двуязычие развивается стихийно» [1].

Многие исследователи отмечают, что феномен мультилингвизма по своей социальной сути чаще приводит к расширению культурной идентичности, повышению рефлексивного и ценностного отношения к достижениям культуры, увеличению культурного богатства и возможностей личности вступать в межкультурный диалог [5].

Наш опрос подтверждает данный тезис, т. к. около 70 % респондентов указали, что мультилингвизм повлиял положительно на их детей. Примеров можно привести много: более широкий культурный кругозор; развитие мозга; хорошая память (в том числе слуховая); прекрасно развитые навыки общения; «очень большой опыт и более широкий взгляд на мир, понимание других культур, принятие того, что все разные со своими традициями, образом жизни, привычками – и это нормально»; «увереннее в себе, чем был бы, зная только один язык; был очень горд и доволен собой, когда в 6–7 лет мог помогать с переводом (в магазинах, ресторанах) приехавшим из России в Китай родственникам»; «очень развитые дети, любознательные, мультикультурные».

Надо отметить, что язык, речь являются не только средством общения, но и средством мышления; поэтому развитие речи связано со всем интеллектуальным развитием ребенка и психическим развитием в целом. Следовательно, родителям, педагогам и всему социальному окружению нужно внимательно относиться к данной проблеме, чтобы вырастить культурную, гармоничную личность. В качестве условий, способствующих полноценному языковому и общему развитию детей-мультилингвов, можно выделить: создание позитивной мотивирующей среды и благоприятного эмоционального фона, учет ин-

дивидуальных языковых способностей детей, развитие их мотивационно-потребностной и волевой сфер, правильные педагогические воздействия и направляющая роль воспитания [4].

Следует резюмировать, что проблема детского мультилингвизма в настоящее время является одной из самых сложных и важных в психологии и требует дальнейшего глубокого исследования.

Список литературы

1. Выготский Л. С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 328–337.
2. Выготский Л. С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте. Текст: электронный // Умственное развитие детей в процессе обучения: сб. ст. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. С. 53–72. URL: [https://psychlib.ru/mgppu/VUR/VUR-0531.htm#\\$p53](https://psychlib.ru/mgppu/VUR/VUR-0531.htm#$p53) (дата обращения: 15.08.2024).
3. Зограф Г. А. Многоязычие // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 303.
4. Лихачева А. Н. Трилингвизм как языковой феномен и методический прием формирования учебно-познавательной деятельности учащихся при обучении второму иностранному языку: психолого-педагогический аспект. Текст: электронный // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/80PDMN220.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
5. Мультилингвизм как социокультурный феномен. Текст: электронный // Иностранные языки в Москве. URL: <https://www.yescenter.ru/blog/articles/yazykovye-interesnosti/multilang> (дата обращения: 15.08.2024).
6. На каком языке думают билингвы. URL: <https://milcentre.ru/tpost/2e0iasghd1-na-kakom-yazike-dumayut-bilingvi> (дата обращения: 12.08.2024). Текст: электронный.
7. Харенкова А. В. Анализ особенностей речевого развития детей-билингвов. Текст: электронный // Проблемы современного образования. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osobennostey-rechevogo-razvitiya-detey-bilingvov/viewer> (дата обращения: 15.08.2024).

Сведения об авторе

Ганина Оксана Борисовна, ст. преподаватель кафедры психологии образования, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, ganina_ks@mail.ru

Information about the author

Oksana B. Ganina, Senior Lecturer at the Department of Psychology of Education of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, ganina_ks@mail.ru

УДК 37.047

Прикладные аспекты профессионального самоопределения школьников трансграничных территорий

Марина Викторовна Сёмина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
semina-67@mail.ru

В статье актуализируется проблема готовности молодежи к адекватному профессиональному выбору в трансграничных регионах. Отмечена специфика организации системы профориентационной работы в современном Китае и России. Проанализированы условия введения Программы профминимума в российских школах. Представлен авторский интеллектуальный продукт, подтверждающий инновационную активность обучающихся, как субъектов образования, в реализации Программы профминимума.

Ключевые слова: система образования, профессиональное самоопределение, подростки и молодежь, профминимум, практикоориентированная подготовка

Applied Aspects of Professional Self-Determination of Schoolchildren in Cross-Border Territories

Marina V. Syomina

Transbaikal State University, Chita, Russia
semina-67@mail.ru

The article actualizes the problem of youth's readiness for an adequate professional choice in cross-border regions. The specifics of the organization of the career guidance system in modern China and Russia are noted. The conditions for the introduction of the Professional Minimum Program in Russian schools are analyzed. The author's intellectual product is presented, confirming the innovative activity of students as subjects of education in the implementation of the Professional Minimum Program.

Keywords: Education System, Professional Self-Determination, Adolescents and Youth, Vocational

Известно, что поступательное развитие экономики любого государства во многом определяется качеством его рынка труда, на котором основную роль играет молодежь с ожидаемым работодателями спектром компетенций и личностных свойств, обеспечивающих высокую конкурентноспособность. Высокую значимость вопросы готовности молодежи к адекватному профессиональному выбору приобретают в трансграничных регионах.

Особый интерес, детерминируемый географическим положением России, составляет осуществление профессионального выбора российской и китайской молодежью. Сходство двух соседних держав в рассматриваемом контексте состоит в значительные доли государственного контроля за процессами профессионального самоопределения. В Китае с начала 2000 гг. был взят курс на популяризацию профессионального среднего образования. Последующие реформы проходили поэтапно и смогли существенно снизить рост безработицы среди выпускников вузов в стране. Проведенная в Китае реструктуризация системы образования позволяет обучающимся в возрасте 15–18 лет получить полное среднее образование в стенах профессиональной средней школы. Основными векторами образовательной подготовки школьников считается их ориентация на формирование предпринимчивости и готовность к созданию малого бизнеса. Так готовятся высокоэффективные кадры для работы в различных секторах производства и управления КНР. Девятилетнее обязательное среднее образование, как основное в стране, обеспечивает подготовку миллионов высококвалифицированных специалистов, способных к составлению бизнес-плана своего будущего предприятия, определению приоритетных видов предпринимательской деятельности [3].

В современном Китае, как дань конфуцианству, сохраняется существенное влияние старших членов семьи (прежде всего родители)

на профессиональные предпочтения детей и подростков. Сравнительно недавно многие родители в КНР мечтали о высшем образовании для своих детей как идеальной картине их профессионального пути, но четкая политика руководства страны определила иные приоритеты, превентивно устранив риск быть высокообразованным, но не трудоустроенным специалистом. Также исследователи все чаще отмечают растущую автономность современного поколения как российских, так и китайских молодых людей, игнорирующих советы старших и принимающих решения по выбору своей профессии и путей дохода самостоятельно. Как правило, последнее обстоятельство связано с реализацией попытки молодых людей к ранней экономической независимости и раздельному проживанию.

Отметим, что система практикоориентированной подготовки школьников к будущему профессиональному выбору успешно применяется во многих других странах: Великобритания: создание микропредприятий при школах; Германия: стажировки на предприятиях; США: составление портфолио (отзывов, показательное, рабочее и др.); Южная Корея: прохождение предпрофильных профкурсов (хагвонов), внедрение наставничества среди обучающихся (студент–школьник); Япония: прохождение профессиональных проб (Fukuyama-test), введение системы рейтинга и т. д.

Профориентационная работа в учреждениях образования в нашей стране имеет длительную историю. Основными вехами здесь являются: создание теории трудового воспитания в 1920–1930-е: А. С. Макаренко, М. А. Рыбникова, И. А. Рыбников, И. Н. Шпильрейн, И. М. Сеченов и др.; ее развитие и совершенствование, создание тезауруса профессионального выбора и диагностического инструментария для самоопределения школьников в 1950–1960 гг.: А. Е. Голомшток, Б. А. Федоршин, А. Н. Волковский и позднее в 1970–1990 гг.: Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжников

ва, О. П. Мешковская, Э. Ф. Зеер и др.; 2000–2010 гг.: Г. В. Резапкина, С. Н. Чистякова, А. А. Азбель, А. Г. Грецов и др. В 2004 г. в России была введена система профильного обучения в старших классах. С 2023 г. во всех школах России действует Единая модель профориентационного минимума (В. И. Блинов, Н. Ф. Родичев, И. С. Сергеев, С. Н. Чистякова и др.).

Введению профминимума предшествовало осознание научно-педагогической общественностью кризиса профориентационной работы в российском образовании, ее отделенности от реальной трудовой деятельности, ограниченностью по большей части диагностикой профинтересов, отсутствием комплексной коррекционно-развивающей работы с использованием новых методов и современных электронных ресурсов для профориентации [4]. Состояние элементов системы профориентационной работы в регионах России неравномерно. Отпечаток накладывают природно-климатические условия и отраслевые запросы, количество университетов и колледжей в регионе и разнообразие направлений обучения в них. Таких внешних факторов множество (мигранты, оплата труда, наличие вакансий и т. д.). Они создают общие экономические условия. Часто профориентация имеет манипулятивный характер – активную профориентацию извне проводят те организации, где есть недобор кадрового резерва, причем средствами профрекламы и завлечения, без учета личностных особенностей будущих специалистов [1].

Исследователями (Е. А. Климов, Н. С. Пряжников и др.) выделен ряд личностных трудностей профессионального самоопределения: во-первых, неправильная расстановка приоритетов в системе мотивов выбора профессии и труда; во-вторых, низкий уровень понимания обучающимися своих личностных особенностей, то есть ауторефлексии; в-третьих, низкая информированность обучающихся старшего подросткового возраста о мире профессий, кадровых запросах региона и страны, требованиях конкретных профессий.

При комплексной профориентационной работе в системе образования данные трудности профилируются еще на ранних стадиях развития человека как субъекта труда, а именно на стадиях игры (3–7 лет) и овладения учебной деятельностью (8–12 лет) [2]. Однако они активно проявляются на стадии оптации, на которой находятся старшие подростки, что приводит к неготовности к профессионально-

му самоопределению. В дальнейшем это может привести к «синдрому первокурсника» на стадии адепта. Внушительный процент как принудительных, так и самовольных отчислений из ВУЗов происходит именно в конце первого года обучения. Когда абитуриент понял, какова выбранная профессия изнутри, увидел учебный план и т. д., наступает разочарование. Студент оказывается под давлением ответственности за свой выбор, под давлением родителей, что может привести к личностному кризису: отказу от образования или продолжению обучения «через силу» и с прокрастинацией. Затем, вместо перехода на стадию адаптанта, выпускники-бакалавры зачастую проходят краткосрочную переподготовку или профессиональные курсы, которые позволяют получить «профессию мечты» за 2 мес. Бизнес по продаже таких курсов сейчас очень прибыльный и востребованный среди потребителей (Skillbox, «Вышка», Skillspace, Нетология, WAYUP, ProductStar, Coddyschool, Skyeng и многие другие). У людей на стадии интернала, вошедших в ту или иную профессию без осмысления своего профессионального самоопределения, проявляются феномены «провала квалификаций» и «трудового мяса». Первый означает низкий уровень квалификации и компетентности кадрового резерва, который выходит из всех уровней системы образования (но по большей части из уровней среднего и высшего профессионального образования), также несоответствие формальных доказательств квалификации (дипломов, сертификатов и т. д.), и реальных компетенций человека, ценностно-мотивационных и нравственных установок, психологической и психофизиологической готовности к работе. Второй термин рожден на основе аналогии с «пушечным мясом» и означает категорию людей, которые готовы работать где угодно и как угодно за определенную приемлемую для них заработную плату. Проблема состоит в разрастании данной категории населения и вхождение такой модели поведения и образа жизни в общественное сознание как нормального не для кризисного сложного периода жизни человека, а как среднестатистического. Все это создает отдаленные риски профессионально-личностной дезадаптации трудового населения.

С осени 2024 года в России введен обязательный профессиональный минимум. Сегодня профориентация в России – не только личный запрос школьника и его семьи, но и глобальная задача для нашей страны – государ-

ства с сильной экономикой, мощной обороноспособностью и уверенностью граждан в своем будущем. Каждому ребенку России теперь гарантирован минимальный набор профориентационных услуг вне зависимости от места проживания и жизненной ситуации, и этот набор будет непрерывно расширяться, становясь неотъемлемой частью образовательного процесса. Это в новейшей истории, несмотря на значительный опыт осуществления профориентационной работы, в таком масштабном и институционализированном виде происходит впервые.

Примечательно, что в ходе реализации Программы профминимума, приветствуется инновационная активность субъектов образования. Одним из примеров такого начинания является научно-исследовательская работа А. М. Ивановой, выпускницы ППФ ЗабГУ 2024 г. Под руководством автора статьи ею выполнена и успешно защищена (со статусом лучшей ВКР выпуска) выпускная квалификационная работа бакалавра на тему: «Индивидуально-групповая готовность к профессиональному самоопределению обучающихся старшего подросткового возраста». Практико-ориентированным приложением к ВКР стал оригинальный авторский продукт – дневник самопознания в мире профессий, отражающий психологическую направленность процесса профориентационного самоопределения школьника. Работа с ним может проходить как под руководством педагога – наставника, так и самостоятельно. Дневник успешно апробирован в рамках проекта «Психолого-педагогический навигатор» на базе ОЦ «Эврика» в г. Чите.

Практическая разработка Дневник «Я в мире профессий» (далее – Дневник) является формой рабочей тетради для обучающихся выпускных классов. Целевое назначение Дневника – обеспечение субъектной позиции школьника в процессе профессионального самоопределения, посредством широкого перечня средств и инструментов профессионально-личностного развития, предлагаемых в Дневнике. Автором выбран стиль изложения, аутентичный возрастным особенностям

целевой группы старших подростков – эмоционально-личностное взаимодействие школьника с автором, с содержанием, другими участниками образовательных отношений (психолог, учитель, родитель). Форма построения и структура Дневника в тематике истории с лирическим героем, также отвечает возрастным особенностям старших подростков, стимулируя участие в прохождении этапов пути собственного познания. Это, несомненно, является увлекательным и мотивирующим для старших подростков.

Содержание Дневника имеет глубокую информационно-образовательную, развивающую, воспитательную направленность. Материалы Дневника позволяют школьникам: расширять свой кругозор (автор удачно использует приём ссылок на основе QR-кода); мыслить над смыслом высказываний значимых личностей (система эпиграфов в тексте); осваивать эффективные приёмы личностного и профессионального самопознания и саморазвития (система заданий). В Дневнике применены различные профориентационные методы и приемы: портфолио отзывов, постановка цели по BSQ и HARD, построение «дерева» профиля (Голдратт), «лестница мотивов», анализ притчи, заполнение таблиц, профессиональные пробы в формате игры бинго и др. Эффективным средством обеспечения самостоятельной деятельности подростков с Дневником является наличие аппарата ориентировки – системы знаков и обозначений, ориентирующих обучающихся на определённые виды деятельности. Дневник может представлять интерес для широкого круга специалистов, обеспечивающих профориентационную работу со школьниками, а также стать эффективным средством для организации индивидуальной самостоятельной деятельности школьника в части профессионального самоопределения.

Прикладные аспекты профессионального самоопределения, реализуемые в соседних странах в форме индивидуальных и коллегальных интеллектуальных продуктов, могут стать предметом дальнейшего изучения и взаимообмена.

Список литературы

1. Арасланова А. А. Профориентационная работа: актуальные вызовы, этапы развития и современные проблемы // Человек. Социум. Общество. 2020. № 9. С. 4–10.
2. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 4-е изд., стереотип. М.: Академия, 2010. 304 с.
3. Петрищев В. И., Грасс Т. П. Профориентационные аспекты подготовки рабочих кадров в современном образовательном процессе развитых зарубежных стран (на примере США, Китая) // Профессио-

нальное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2022. С. 241–244.

4. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 334 с.

Сведения об авторе

Сёмина Марина Викторовна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры психологии образования, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, semina-67@mail.ru

Information about the author

Marina V. Syomina, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Psychology of Education of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, semina-67@mail.ru

УДК 355.097.2

Волонтерская деятельность как условие формирования гражданской идентичности студентов

Ксения Николаевна Павлова¹, Соелма Батомункуевна Дагбаева²

^{1,2}*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

¹p.kseniya13@mail.ru, ²soela@bk.ru

В данной статье поднимается вопрос о волонтерской деятельности среди молодежи, подчеркивается ее значимость в процессе формирования гражданской идентичности студентов. Волонтерство становится важным инструментом в современном мире. Оно не только способствует личностному росту, но и формирует активную гражданскую позицию у молодежи. В последние годы наблюдается рост числа волонтерских проектов в высших учебных заведениях, что свидетельствует о повышении интереса студентов к социальной ответственности и желанию внести свой вклад в общество. Авторы статьи представляют краткий анализ различных примеров успешных волонтерских инициатив, реализованных в университетах.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, волонтерство, студенты, вузы

Volunteer Activity as a Condition for the Formation of Students' Civic Identity

Ksenia N. Pavlova¹, Soelma B. Dagbaeva²

^{1,2}*Transbaikal State University, Chita, Russia*

¹p.kseniya13@mail.ru, ²soela@bk.ru

This article raises the issue of volunteering among young people, emphasizing its importance in the process of forming students' civic identity. Volunteering is becoming an important tool in the modern world. It not only promotes personal growth, but also forms an active civic position among young people. In recent years, there has been an increase in the number of volunteer projects in higher education institutions, which indicates an increase in students' interest in social responsibility and the desire to contribute to society. The authors of the article present a brief analysis of various examples of successful volunteer initiatives implemented in universities.

Keywords: Volunteer Activities, Volunteering, Students, Universities

В настоящее время актуализировался вопрос, касающийся формирования гражданской идентичности у современного поколения. Рассматривая данную проблематику, исследователи отмечают, что повлиять на изменения в отношении гражданской идентичности могли различные преобразования, происходившие последние десятилетия в нашей стране [10, с. 173]. Так как современный мир стремительно меняется, то ученые отмечают, что эти преобразования протекают гораздо быстрее, чем изменения в мировоззрении. В условиях информационного «взрыва»,

где социальные сети и средства массовой информации стали важными и основными ориентирами для определения своего образа. Но в результате этого у некоторых представителей современной молодежи наблюдается деформация индивидуальной идентичности. Возможно, это связано с тем, что виртуальный мир предлагает идеальный образ, навязывая стандарты красоты, желаемого успеха в жизни, которые зачастую не соответствуют реальности. Можно сказать, что образовался некий ценностный вакуум [Там же]. Образ самого гражданства недоста-

точно вписывается в молодежную повседневность, пронизанную глобальными информационными потоками, индивидуальными стратегиями реализации амбиций и целей, карьерными устремлениями [9].

Таким образом, современные реалии указывают на то, что присутствует необходимость развивать гражданскую позицию и традиционные духовно-нравственные ценности у молодежи. Об этом свидетельствуют и указы Президента Российской Федерации [1–3].

Нами была поставлена цель – проанализировать исследования, касающиеся волонтерской деятельности молодежи, как одно из условий формирования гражданской идентичности.

По мнению А. В. Винокуровой, волонтерство выступает эффективным инструментом в гражданско-патриотическом воспитании, так как важной составляющей данной деятельности является то, что человек не остается в стороне, а активно участвует в жизни общества. Вовлечение в волонтерские движения формирует чувство ответственности за будущее страны, развивает навыки командной работы, а также способствует развитию культурных ценностей [5]. Можно сказать, что волонтерская деятельность становится мощным катализатором для положительных изменений и условием в формировании гражданской позиции личности и развитии патриотизма. В своей работе автор описывает проект школьного отряда Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» [Там же].

З. Ш. Магомедова пишет, что формирование гражданской идентичности и патриотизма посредством волонтерства является важной задачей, которая требует активного вовлечения личности в добровольческую деятельность. Эта деятельность осуществляется на безвозмездной основе и направлена на благо населению страны [8]. Содержанием волонтерства выступает волонтерская деятельность – добровольная, сознательная деятельность, как одна из устоявшихся форм социальных инициатив и средство решения значимых общественных проблем [7].

Если рассматривать вузы, то студенческая молодежь вовлечена в различные проекты волонтерства. Например, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина организовал практико-ориентированный экологический волонтерский отряд, который дает возможность студентам внести свой вклад в охрану окружающей среды [4].

С. Г. Хиясова, М. Г. Мустафаева, З. С. Мустафаева пишут, что в рамках деятельности добровольческого отряда Дагестанского государственного педагогического университета функционирует ряд таких направлений как социальное; патриотическое; культурное, экологическое, спортивное, донорское, средство массовой информации (СМИ), событийное [11].

С 2022 года в школах ребята плетут для участников СВО маскировочные сети. Изготовлением занимаются не только школьники, но и родители с педагогами. Мы считаем, что также можно данной деятельностью заниматься и со студенческой молодежью. Например, внедрить полезную программу для студентов психологического профиля, которая будет включать в себя плетение маскировочных сетей для бойцов СВО. Так в процессе волонтерства у молодежи будет развиваться активная гражданская позиция, социальная ответственность, универсальные ценности.

Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков провели социологический опрос, в котором приняли участие 1 500 студентов. В ходе опроса респондентам был задан вопрос, касающийся их отношения к добровольческой помощи, оказываемой бойцам и мирным жителям, находящимся на территории специальной военной операции (СВО). Результаты опроса показали следующее: 65,5 % студентов выразили положительное отношение к возможности участвовать в таких акциях. Авторы исследования отметили, что студенты активно участвуют в различных формах добровольческой деятельности. Например, многие из них занимаются сбором и отправкой гуманитарных грузов, что включает в себя не только продукты питания и одежду, но и медикаменты, необходимые для поддержания здоровья бойцов и гражданских лиц. Кроме того, студенты плетут маскировочные сети, которые помогают защитить военнослужащих на фронте, а также пишут письма с поддержкой, что является важным моральным аспектом для бойцов, находящихся в зоне боевых действий. Такие письма помогают поддерживать дух солдат, показывая им, что о них помнят и заботятся. Однако стоит отметить, что третья часть опрошенных студентов, а именно 34,5 %, не рассматривают возможность участия в добровольческой помощи [6].

В Забайкальском государственном университете проходят различные мероприятия, направленные на добровольческую помощь

бойцам и мирным жителям, находящимся на территории СВО («День открытых дверей по плетению маскировочных сетей», патриотическая акция «Победа за нами»). Весной к

данным акциям были приобщены студенты третьего курса психологического профиля. Участие было добровольное, от группы приглашалось человек 5–6 (см. рисунок).

Студенты третьего курса, занимающиеся плетением маскировочных сетей для бойцов СВО

Таким образом, волонтерская деятельность позволит студенческой молодежи психологического профиля развить чувства сопереживания, эмпатии, заботы, личностные ценности и гражданскую ответственность. Пере-

численные качества необходимы психологу в его деятельности. Также волонтерство позволит обогатить жизнь студентов новыми знакомствами и расширить кругозор, помогая им увидеть мир с разных сторон.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ: [от 31 декабря 2015 г. № 683]. Текст: электронный // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 07.08.2024).
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: [Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809]. Текст: электронный // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 07.08.2024).
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ: [от 7 мая 2024 г. № 309]. Текст: электронный // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 07.08.2024).
4. Брыксина Е. С. Волонтерская деятельность в вузе: опыт регионов // Актуальные проблемы педагогики и образования: материалы XXV Междунар. науч.-практ. конф. Брянск: Аверс, 2024. С. 215–219.
5. Винокурова А. В. Волонтерская деятельность как инструмент гражданско-патриотического воспитания во внеурочной деятельности // Народное образование Якутии. 2023. № 3. С. 31–32.
6. Зинурова Р. И. Особенности добровольчества в условиях российской специальной военной операции // Управление устойчивым развитием. 2024. № 1. С. 76–81.
7. Леушина А. Ю. Волонтерская деятельность как социально-педагогический феномен // Социальное благополучие человека в современном мире: материалы XV Всерос. студ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Потеха [и др.]. Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т, 2024. С. 57–60.
8. Магомедова З. Ш. Формирование гражданской идентичности и патриотизма посредством волонтерской деятельности // Проблемы управления качеством образования: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. / под науч. ред. О. А. Столяровой. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2022. С. 130–134.
9. Максимова Л. Ю. Формирование гражданской идентичности в условиях цифровизации // Цифровое воспитание: реалии и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. Ю. Максимова, Л. А. Григорович. М.: Моск. ин-т психоанализа, 2022. С. 28–38.
10. Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах / Р. Б. Шайхисламов [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов, Н. Г. Хайруллина. Тюмень: ТюмИУ, 2022. 342 с. URL: <https://cloud.tyuiu.ru/index.php/s/rRhMe4c5Pxri5qi> ISBN: 978-5-9961-2950-8 (дата обращения: 07.08.2024). Текст: электронный.

11. Хиясова С. Г., Мустафаева М. Г., Мустафаева З. С. Волонтерская деятельность и формирование социальной ответственности у студентов вуза // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2024. № 2. С. 34–39.

Сведения об авторах

Павлова Ксения Николаевна, ст. преподаватель кафедры теоретической и прикладной психологии, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, p.kseniya13@mail.ru

Дагбаева Соелма Батомункеевна, д-р психол. наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и прикладной психологии, психолого-педагогический факультет, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, soela@bk.ru

Information about the authors

Ksenia N. Pavlova, Senior Lecturer at the Department of Theoretical and Applied Psychology of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, p.kseniya13@mail.ru

Soelma B. Dagbaeva, Doctor of Psychology, Assistant professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, soela@bk.ru

УДК 373.3(470+571)+(510)

Актуальные тенденции развития начального образования в России и Китае

Татьяна Игоревна Зиновьева¹, Марина Викторовна Сёмина²

^{1,2}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹konopleva.tanechka@mail.ru, ²semina-67@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые направления развития системы образования в России и Китае на протяжении XXI в. В частности, акцентируется внимание на роли начального образования как фундаментальной стадии в обучении и социализации молодого поколения. В ходе теоретического анализа обнаруживается, что образовательные системы обеих стран демонстрируют ряд параллельных особенностей. К таким общим элементам относятся возрастные требования ко входу, определенный набор предметов, который изучается учащимися в начальных классах, структурированность учебного года и стратегическое направление развития образования в целом. Предполагается, что существующее сходство и изучение частных содержательно-процессуальных различий может стать предметом дальнейшего научного рассмотрения и обмена опытом двух влиятельных держав Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: Китай, Россия, начальное образование, обучающиеся, развитие, сотрудничество

Current Trends in the Development of Primary Education in Russia and China

Tatyana I. Zinovieva¹, Marina V. Syomina²

^{1,2}Transbaikal State University, Chita, Russia

¹konopleva.tanechka@mail.ru, ²semina-67@mail.ru

The article examines the key directions of the development of the education system in Russia and China during the XXI century. In particular, attention is focused on the role of primary education as a fundamental stage in the education and socialization of the younger generation. During the theoretical analysis, it is found that the educational systems of both countries demonstrate a number of parallel features. Such common elements include age requirements for admission, certain set of subjects that students study in primary school, the structure of the school year and the strategic direction of education development in general. It is assumed that the existing similarities and the study of particular substantive and procedural differences can become the subject of further scientific consideration and exchange of experience between the two influential powers of the Pacific region.

Keywords: China, Russia, Primary Education, Students, Development, Cooperation

Образование является основной составляющей процесса социализации личности, представляя собой передачу накопленных знаний и опыта поколениям детей и молодежи. Данный процесс находит свое место в соответствующих организациях, ведущих обра-

зовательную деятельность. Образование вносит существенный вклад в развитие гражданской позиции человека. Получая образование, перенимая социально значимый опыт предшественников, мы знакомимся с мировой и отечественной историей и культурой, форми-

руем адаптивные модели поведения и деятельности, закладываем готовность к развитию личности с условием норм и правил общества. Образование помогает понять гражданские обязанности и стимулирует к их выполнению. Расширяется межкультурный кругозор человека, формируется толерантное отношение к явлениям и событиям духовной и материальной сфер жизни других народов.

Прогнозирование будущего образования представляется сложной задачей из-за переменчивости политического и социального контекста. Образование в прогрессирующих экономиках становится все более многогранным и гибким, опережая потребности времени. В текущей эпохе образование является ключевым ресурсом, определяющим эффективность личностного потенциала и качество жизни индивидуумов. По утверждению эксперта И. А. Тагуновой, в двадцатом столетии глобальная образовательная политика стремилась к формированию молодежи в рамках единой идеологии, что давало шансы на социальное продвижение лишь избранным талантливым индивидуумам. Сегодня гуманистические принципы обуславливают пересмотр образовательных стратегий. Современная образовательная система нацелена на раскрытие и развитие личных качеств каждого учащегося, его возможностей в контексте уникальной образовательной среды, как в школе, так и за ее пределами. Помимо этого, особое внимание уделяется поддержке обучающихся, сталкивающихся с трудностями в учебном процессе. Современная педагогика направлена на стимулирование эмоционального интеллекта и мышления детей, создание безопасной среды для раскрытия их внутреннего потенциала, физического и психологического здоровья, а также налаживания гармоничных отношений между учащимися [3].

На фоне этих изменений модифицируются и структуры власти в области образования, появляются новые формы сотрудничества между школами, государственными институтами и обществом. Одна из современных тенденций – это переход от ограниченной одногруппной социализации к модели, включающей взаимодействие между учениками разного возраста. Воспитательные подходы также меняются, учащиеся стремятся к индивидуализации, однако не теряют интереса к участию в коллективных формах обучения и групповой поддержке.

Научно-технический прогресс, интенсивное политическое и экономическое развитие

обуславливают все более возрастающую роль начального образования в обществе. В условиях ментального сближения двух великих держав – России и Китая, возрастает интерес к их национальным системам образования. Актуальность такой исследовательской задачи обусловлена объективными обстоятельствами. Россия и Китай являются членами блока стран БРИКС, который имеет множество перспективных линий сотрудничества не только в экономике и политике, но и в образовании, усилиями которого готовится будущее государств, формируется человеческий капитал наций. Уместно напомнить, что сравнительно недавно торжественно отмечалось 70-летие установления между КНР и РФ дипломатических отношений, 20-летие работы, выполняемой комитетом гуманитарного сотрудничества указанных стран [2]. 2024 г. соотносится в истории с 335-летием установления договорных отношений России и Китая. Такие важные вехи детерминируют усиление внимания научной и педагогической общественности к векторам развития дружественного государства и поиску путей сближения, в том числе, в сфере образования и науки. В этом исследовании мы предпримем попытку сравнения организации образовательной практики начальной школы в России и Китае.

5 лет назад Президент РФ Владимир Путин объявил о стратегическом курсе нашего государства на всестороннее социальное экономическое развитие, на достижение технологического прорыва. Поставленные задачи находят свое воплощение в реализации ключевых национальных проектов, которые касаются улучшения качества человеческого капитала, стимулирования экономического роста и создания условий, способствующих повышению уровня жизни граждан России. Одним из важнейших нацпроектов в России является проект «Образование», уже сегодня имеющий значимые достижения по всем сформулированным критериям его эффективности. Как известно, с 2012 г., нормами Федерального Закона «Об образовании в РФ» устанавливается, что первой ступенью получения образования для российских детей является дошкольное образование, а начальное образование становится следующим, обязательным этапом в этом процессе.

Начиная с 2021 г., внедрение Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) второго поколения стало ключевым направлением в области образования. Эти стандарты ориентированы на повышение

качества образовательного процесса и на достижение современных образовательных результатов, которые в полной мере отвечают требованиям и ожиданиям отдельных личностей, общества в целом и государственных интересов. Действующее китайское правительство также придает большое значение образованию детей и молодежи. Стратегия его развития на государственном уровне заключена в особую траекторию: «в развитии образования – лицом к модернизации, внешнему миру, будущему». В России основными управленческими структурами федерального уровня в сфере образования являются Министерство просвещения (включая контроль за деятельностью начальной школы) и Министерство науки и высшего образования. В КНР планирование и контроль за исполнением решений в сфере образования выполняют сотрудники единого ведомства – Министерства образования КНР.

В Китае образовательный путь у детей начинается с шести лет, когда они отправляются в начальную школу. Основное внимание в учебной программе уделяется двум ключевым предметам – китайскому языку и математике, которые вместе составляют 60% всего учебного времени. Эти основополагающие дисциплины, называемые «большой двойкой», завершаются проведением обязательных экзаменов после прохождения начальной ступени, на которых проверяются навыки учащихся в этих областях. Расписание школьника состоит из уроков музыки, природоведения, обществознания, искусства. Изучение иностранного языка, чаще всего английского, начинается с 3-го класса. В китайских начальных школах учат не только академическим предметам, но и нравственным основам, также уделяют внимание правилам поведения как в классе, так и в общественных местах. Эти аспекты этического образования отличаются от российской начально-образовательной системы.

В 2021 г. в Китае было принято новое законодательство, расширяющее рамки внеклассного образования. Теперь у детей есть возможность самостоятельно заниматься в дополнительное время, что поддерживается правительством как элемент формирования индивидуальной образовательной траектории. Китайское начальное образование продолжается 6 лет. Длительность школьного обучения распределена на весь день из-за большого объема материала, в т. ч. изучения большого количества иероглифов. В указанный период закладываются основы грамотности, патри-

тизма, начальные знания об обществе, мире, основы физкультуры, практических навыков. В Китае уже с младшей школы у обучающихся могут быть репетиторы. Национальная система образования Китая с детства формирует у своих маленьких граждан дисциплинированность, ответственность, трудолюбие и выносливость. Из-за плотного учебного графика многие китайские школьники ложатся спать в 12 часов ночи.

В России начальное общее образование начинается с возраста 6,5–7 лет, дети осваивают программу начальной школы за 4 года. Исключение могут составлять дети с ОВЗ, занимающиеся по индивидуальным образовательным маршрутам. В российских начальных школах учебные занятия начинаются в 8 утра. Но в некоторых учебных заведениях время начала 1-го занятия составляет 7:30. Длительность 1 урока – 40 минут. Перемены между уроками не являются продолжительными. Они необходимы для предоставления детям возможности для отдыха. После проведения первых двух уроков учащиеся имеют более длительный перерыв, в течение которого они могут выполнять физические упражнения и восстанавливать силы перед следующими занятиями.

В российских школах дети после уроков и внеклассных мероприятий (чаще в дневное время) отправляются домой в сопровождении родителей. Часть российских школ имеет группы продленного дня.

Цель начального образования в РФ заключается в развитии у детей интереса к знаниям, а также формирование требуемых умений для учебы.

Данный этап обучения характеризуется преподаванием интегрированных курсов. Это особые образовательные программы, направленные на создание основополагающих знаний о мире. Через них школьники получают начальные представления о природе, общественных явлениях и человеке, что служит подготовкой к более глубокому пониманию этих концептов в последующие годы обучения.

Переводные экзамены в российскую среднюю общеобразовательную школу как правило отсутствуют, их роль выполняют диагностические пробы обученности при переводе из класса в класс.

Россия и Китай признают образование ключевым направлением своего национального развития. Оба государства регулярно увеличивают инвестиции в данную сферу, что способствует значительным изменениям в

структуре и методиках педагогики, не только внутри стран, но и на глобальном уровне. Такая осознанная политика в области образования поддерживает динамичное обновление и адаптацию образовательных систем, отвечая на вызовы современного мира и подготавливая поколения к будущим изменениям.

И Китай, и Россия демонстрируют высокий адаптационный потенциал образования, в том числе начального, при угрозах мирового масштаба. Так, в период пандемии COVID-19, внезапно возникла высокая эпидемиологическая нагрузка, охватившая мир.

Китай одним из первых столкнулся с необходимостью оперативного преобразования образовательной системы в ответ на возникающие угрозы, в результате чего динамично перешел на дистанционное обучение. В китайских школах начали функционировать такие формы обучения, как микроклассы и онлайн-платформы. Средства связи, например, QQ, позволили вести обучение в реальном времени, в то время как специализированные онлайн-курсы, представленные форматом SPOC для узкого круга пользователей и MOOC для более широкой аудитории, обеспечивают доступ к образовательным материалам. Платформы типа Education Cube и «облачные классы» способствовали продолжению образовательного процесса без существенных потерь в качестве обучения [3]. В РФ наблюдается прогресс в применяемых образовательных подходах с 2020 г. после появления потребности в дистанционных технологиях из-за пандемии COVID-19. Педагоги во всех регионах страны, начиная от начального уровня образования, адаптировались к обучению в смешанном формате, воплощая в жизнь новые дидактические методики и электронные средства для оценивания и общения с семьями своих учени-

ков. Этот переход активизировал освоение цифровых технологий и повысил уровень грамотности в области информационных и коммуникационных технологий среди участников образовательного процесса.

Система образования в КНР, стратегически соответствуя вектору практикоориентированности в воспитании молодежи, основана на таких базовых ценностях как «строгая дисциплина, патриотизм, трудолюбие, нерушимые нормы морали, этика». Россия, имея очень ценный для осмысления советский этап развития образования и последующий период ориентации на международные (преимущественно западные) стандарты качества образования, ищет свой путь в мировом образовательном пространстве. Миссия отечественного образования сегодня соотносится не только с высоким уровнем конкурентноспособности обучающихся, но и развитой гражданской, патриотической составляющей образа выпускника школы.

Приоритетная задача в РФ, КНР – повышение качества образования. Данная задача актуализирует потребность в обновлении учебных стандартов, усовершенствовании методов контроля выполнения образовательных программ, совершенствования системы по профессиональному развитию учителей [4].

Культурное и образовательное сотрудничество между Россией и Китаем позволяет углублять и расширять взаимодействие в образовательном пространстве, несмотря на наличие отличий в национальных системах обучения и в системах их управления. Обмен опытом, воплощение совместных учебных программ и механизмы признания академических достижений необходимы для будущего успешного партнерства между двумя крупными государствами Тихоокеанского региона.

Список литературы

1. Азитова Г. Ш., Краснова М. Н. Особенности системы образования в Китае. Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26953> (дата обращения: 10.08.2024).
2. Тагунова И. А. Мировые тенденции школьного образования // Педагогика. 2019. № 6. С. 106–113.
3. Шакурова М. В. Социальное воспитание в школе: учебник для высшего профессионального образования. М.: Академия, 2004. 272 с.

Сведения об авторах

Зиновьева Татьяна Игоревна, магистрант 3-го курса, направление подготовки «Психолого-педагогическое образование», магистерская программа «Психология развития», психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, konopleva.tanetchka@mail.ru

Сёмина Марина Викторовна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры психологии образования, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, semina-67@mail.ru

Information about the authors

Tatyana I Zinovieva, 3rd year Master's student, majoring in Psychological and Pedagogical Education, Master's Program "Developmental Psychology" of the Faculty of Psychology and Education, Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, konopleva.tanechka@mail.ru

Marina V. Syomina, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Psychology of Education of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, semina-67@mail.ru

УДК 17.023.35

Основные подходы к исследованию жизнестойкости личности в психологии**Ирина Валентиновна Берестецкая¹, Марина Викторовна Семина²**^{1,2}*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*¹tugai-irina@mail.ru, ²semina-67@mail.ru

В логике культурологического подхода в статье представлен краткий обзор основных подходов к пониманию феномена жизнестойкости личности, проанализированы направления научных исследований в зарубежной и российской психологии. На основе анализа доступных в электронной среде эмпирических данных обобщены результаты сравнительных исследований жизнестойкости российских и китайских студентов.

Ключевые слова: стресс, психологическое благополучие, адаптация, жизнестойкость, студенты, ценности, исследование

The Main Approaches to the Study of Personality Resilience in Psychology***Irina V. Berestetskaya¹, Marina V. Syomina²***^{1,2}*Transbaikal State University, Chita, Russia*¹tugai-irina@mail.ru, ²semina-67@mail.ru

In the logic of the cultural approach, the article provides a brief overview of the main approaches to understanding the phenomenon of personality resilience, analyzes the directions of scientific research in foreign and Russian psychology. Based on the analysis of empirical data available in the electronic environment, the results of comparative studies of the resilience of Russian and Chinese students are summarized.

Keywords: Stress, Psychological Well-being, Adaptation, Resilience, Students, Values, Research

В современных социальных условиях у человека велика вероятность наступления сложных жизненных и профессиональных ситуаций. В поиске выхода из них или приспособления к стрессовым условиям личность использует свои внутренние резервы. Поведение человека, его психологическое состояние будет зависеть от индивидуальных качеств личности, ответственных за самообладание и адаптацию к жизненным трудностям.

В условиях объективного сближения двух соседних государств – России и Китая, целесообразно создание общего научного поля, активизация дискуссий по интересующим обе стороны научным категориям, проведение комплексных междисциплинарных исследований. Категория жизнестойкости, безусловно, входит в число таких взаимноинтересных объектов научного познания. Его значимость для китайской стороны детерминирована приоритетом деловых качеств у молодых поколений современных китайцев [2]. В их ядро вхо-

дят стремление к лидерству и целеустремленность, а также властность. Готовность практико-ориентированной китайской молодежи к соперничеству и конкуренции логично предполагает значимость таких качеств личности как стрессоустойчивость и жизнестойкость в целом. Доминирование деловых ценностей во многом свойственно и для российской молодежи, человеческий капитал которой формируется в условиях прагматической атмосферы рыночной экономики. В связи с этим, рассмотрим категорию жизнестойкости личности более подробно.

Феномен жизнестойкости начал изучаться сравнительно недавно, в восьмидесятых годах двадцатого века. В настоящий момент в психологической науке отсутствует единое определение этого понятия. Так же существуют термины, которые имеют схожие значения, такие как жизнеспособность и/или резильентность. Резильентность у западных исследователей трактуется как умение справляться с

трудностями и сохранять стабильность в потенциально рискованных условиях [3, с. 223]. Кроме подходов, отождествляющих понятие жизнестойкости и резильентности в отечественной практике существуют и другие позиции.

Особое внимание из исследований зарубежных авторов заслуживает концепция жизнестойкости, разработанная американскими психологами Сьюзен Кобейса и Сальватор Мадди, которые впервые заявили такую проблематику и внесли огромный вклад в развитие понятия жизнестойкости [6]. Ими введен в научный оборот термин «hardiness», означающий устойчивость, выносливость. Концепция жизнестойкости, разработанная С. Мадди и С. Кобейса, представляет собой психологическую модель, описывающую то, как люди справляются с трудными жизненными ситуациями и стрессом. Жизнестойкость в данном контексте определяется как способность человека адаптироваться, восстанавливаться и развиваться в условиях «adversity» – сложностей и испытаний. Структура жизнестойкости, согласно Мадди и Кобейса, включает три ключевых позиции:

1. Вовлеченность: означает активное участие человека в жизни, его стремление к личным и профессиональным целям, а также готовность принимать вызовы. Люди с высоким уровнем вовлеченности видят смысл в своих действиях и готовы преодолевать препятствия.

2. Контроль: способность ощущать, что у человека есть влияние на свою жизнь и события, происходящие вокруг. Люди, обладающие этим качеством, чаще верят, что могут управлять своей судьбой и влиять на результаты своих действий, что помогает им справляться с трудностями.

3. Принятие риска: восприятие изменений и трудностей как возможностей для роста и развития. Люди, обладающие этим качеством, рассматривают испытания не как угрозы, а как шансы для улучшения себя и своих навыков.

С. Мадди и С. Кобейса утверждают, что эти три компонента взаимодействуют друг с другом и способствуют формированию устойчивости к стрессу. Исследования показывают, что развитие жизнестойкости может способствовать стабилизации психического и физического здоровья, а также повышению общей жизненной удовлетворенности. Несмотря на то, что по концепции С. Мадди жизнестойкость формируется в раннем возрасте и закладывается детско-родительскими отноше-

ниями, в определенных условиях человек может ее осознавать и корректировать на протяжении жизни, что очень ценно для психокоррекционной психологической практики.

Жизнестойкость является внутренним ресурсом психофизического благополучия и гармоничной социализации. Человек, согласно данной концепции, способен «найти внутренний потенциал в ограниченных условиях, несмотря на собственную уязвимость». Концепция жизнестойкости стала важным инструментом в психологии и психотерапии, применяясь для помощи людям в преодолении трудных периодов в жизни.

Зона понимания жизнестойкости продолжает расширяться и углубляться в исследованиях зарубежных психологов. Авторов интересует механизм действия данного качества, формирование его в структуре личности и последующее развитие.

Исследование влияния жизнестойкости на психофизическое здоровье стало следующим шагом в зарубежной науке. В 1985 г. Ла Грека анализирует жизнестойкость как психологический фактор регулирующего воздействия над стрессом. Так же в исследованиях Т. Солкана и Дж. Сикоры (1995) отмечено, что при условии низкой тревожности и высокой жизнестойкости личности человека, физические реакции на стресс снижаются.

В 1995 г. В. Флориан, М. Микулинчер и О. Таубман подробно описывают в своих исследованиях корреляцию жизнестойкости и психофизического здоровья человека [3, с. 225]. В 1999 г. Шарли совместно с соавторами исследуют влияние жизнестойкости в условиях напряженной деятельности на физическое и психофизическое благополучие личности.

Изучая исследования российских исследователей можно выделить следующие доминирующие подходы к пониманию феномена. Жизнестойкость рассматривается:

– как личностный ресурс, используемый при определенных условиях (Е. И. Рассказова, Р. И. Стецишин и др.);

– как интегральное психологическое свойство личности, которое формируется через активное взаимодействие с жизненными ситуациями (Д. А. Леонтьев, С. В. Книжникова и др.);

– как способность к социально-психологической адаптации, основанная на смысловой саморегуляции (Л. А. Александрова и др.).

Большой вклад в изучение жизнестойкости внесли российские ученые Д. А. Леонтьев и Е. И. Рассказова. В 2002 г. ими был переведен на русский язык, а также протести-

ван тест жизнестойкости, основанный на работах S. Maddi. Авторы исследовали взаимосвязь жизнестойкости и копинг-стратегии в условиях стресса и депрессивности, а также ее влияние на готовность человека принимать новые и непривычные для себя ситуации. Авторы рассматривают жизнестойкость как индивидуальную способность к саморегуляции, которая является одной из важных составляющих личностного потенциала [5, с. 178].

По данным С. Н. Книжниковой, жизнестойкость является фактором предотвращения суицидального поведения. По наблюдениям Е. Ю. Коржовой, данный феномен является необходимым в профилактике дезадаптации. По мнению Н. В. Краснопольской, такие психологические феномены, как эмоциональный интеллект и жизнестойкость находятся в непосредственной связи, определяя эмоциональное благополучие человека.

Особый интерес представляют работы россиян, исследующих жизнестойкость как фактор влияния на психофизическое состояние и работоспособность в условиях стресса, а также работы с результатами исследований взаимосвязи жизнестойкости и личностных качеств [1; 3]. Высокий уровень жизнестойкости человека позволяет ему активировать свои внутренние резервы и быть максимально вовлеченным в своем прохождении жизненных сложностей. К таким выводам приходит М. А. Одинцова в своей книге «Психология жизнестойкости». Так же автор рассматривает жизнестойкость как стиль преодоления жертвенности [6].

Возможности эмпирически измерить и интерпретировать жизнестойкость в доступной нам литературе связаны с российскими методиками и русскоязычными версиями опросников и тестов зарубежных авторов (Тест жизнестойкости С. Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) Д. Леонтьева, а также Морфологический тест жизненных ценностей В. Сопова, Л. Карпушиной).

В числе наиболее интересных для нас в практическом плане находятся научные изыскания Н. О. Леоненко с коллегами, выполненные в 2011–2012 гг. при поддержке РГНФ [4]. Комплексная диагностика выборки российских и китайских студентов, выполненная с применением техники двойного перевода, позволяет утверждать, как статистически достоверные более высокие значения интегрального показателя жизнестойкости китайских студентов, чем российских. Прослеживаемая тенденция касается всех трех описанных выше компонентов жизнестойкости. Авторская интерпретация полученных результатов составлена в ракурсе дихотомии Восток-Запад, с выделением «культурной модели», характерной для граждан Китая (упор на собственную активность личности в преодолении жизненных трудностей, ценности развития и ориентация на настоящее) и «гражданской модели» (ожидание внешних ресурсов, приоритет ценностей достижения и ориентация на будущее) у россиян.

Жизнестойкость в настоящий момент представляет большой интерес для зарубежных и российских исследователей. Анализируя научные работы, связанные с феноменом жизнестойкости можно обратить внимание на то, что его часто описывают и как самостоятельную категорию, и применяют для объяснения других психологических феноменов. Подходы к пониманию данного психического свойства весьма разнообразны, оно рассматривается как черта личности, как способность к адаптации, как внутренний ресурс и функционально коррелирует с понятиями выносливости, жизнеспособности, резильентности и др.

Существующие подходы к пониманию феномена дают возможность молодым ученым углубить теоретические знания о структуре данного феномена, понять механизм воздействия на личность, что в свою очередь поможет применять их в практической психологической работе, в том числе мультикультурной и транскультурной психологической практике.

Список литературы

1. Александрова Л. А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2005. Т. 51, № 7. С. 83–84.
2. Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Ярмач О. В., Ши И, Вэнсинь Ч. Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 135–151.
3. Корнилова Т. В. Современные зарубежные исследования феномена жизнестойкости (hardiness) // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2020. Т. 26, № 4. С. 223–229.

4. Леоненко Н. О. Этнические ресурсы жизнестойкости студентов в контексте межкультурного диалога в условиях образовательной среды // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 53–58.
5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 178–210.
6. Одинцова М. А. Психология жизнестойкости: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2015. 292 с.

Сведения об авторах

Берестецкая Ирина Валентиновна, магистрант 3-го курса, направление подготовки «Психолого-педагогическое образование», магистерская программа «Психология развития», психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, tugai-irina@mail.ru

Сёмина Марина Викторовна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры психологии образования, психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, semina-67@mail.ru

Information about the authors

Irina V. Berestetskaya, 3rd year Master's student, majoring in Psychological and Pedagogical Education, Master's Program "Developmental Psychology" of the Faculty of Psychology and Education, Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, tugai-irina@mail.ru

Marina V. Syomina, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Psychology of Education of the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, semina-67@mail.ru

УДК 159.9

Осознание кризисных ситуаций и выбор стратегий совладания

Юлия Борисовна Шимохина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
89244787112@mail.ru

В статье поднимается вопрос о кризисных ситуациях с точки зрения психологии. Автором описываются признаки кризисного состояния и даны краткие рекомендации, как выйти из них безопасно.

Ключевые слова: кризисные ситуации, совладание с жизненными трудностями, психология

Volunteer Activity as a Condition for the Formation of Students' Civic Identity

Yulia B. Shimokhina

Transbaikal State University, Chita, Russia
89244787112@mail.ru

This article raises the issue of crises from the point of view of psychology. The author describes the signs of a crisis state and gives brief recommendations on how to get out of them safely.

Keywords: Crises, Coping with Life's Difficulties, Psychology

В житейской психологии навык совладания со сложными жизненными ситуациями и осознание стратегии их преодоления имеет большое значение для каждого. С этой точки зрения кризисные состояния, причины их возникновения, пути выхода из кризисных состояний могут стать и быть запросом на психологическую помощь и тренировку адекватных состоянию действий [2].

Кризис – это переворот, пора переходного состояния, перелом, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации. Кризисы бывают

экономические, политические, жизненные, психологические.

Рассмотрим кризисные ситуации с точки зрения психологии. В психологии кризисные ситуации возникают в периоды эмоционального стресса и требуют пересмотра представлений о себе, своей жизни, и этот пересмотр может носить как позитивный, так и негативный характер. Задача психолога помочь клиенту осознать, преодолеть кризисные состояния, их вредоносные последствия и выйти на новый уровень жизни, приобрести новые механизмы совладания с жизненными трудностями, научить понимать, что пересмотр пред-

ставлений о себе несет изменения в структуре личности и этот процесс естественный и необходимый как часть личностного становления и взросления.

Какие бы события не становились причиной кризиса, будь то увольнение с работы, развод, утрата, рождение ребенка, повышение по службе, открытие бизнеса и т. д. человек сталкивается с ситуацией, когда действия по-старому не приносят нужного результата, а по-новому еще не умеет. Это то время, когда человек предъявляет к себе требования, которые выполнить не может на данный момент.

Признаками кризисного состояния может быть чувство апатии, отчаяния и тоски, ощущения несправедливости мира и окружающих людей, чувство страха, когда не известно, что будет завтра и как действовать в ситуации, если мир кажется враждебным, сил нет и жизнь становится унылой и бесцветной. С одной стороны, это трудный, мучительный период, с другой – это то время, когда необходимо обновление и оставаться прежним не представляется возможным.

Как же научиться преодолевать кризисные состояния?

Выход из кризисной ситуации зависит от многих факторов, это и личные ресурсы, стрессоустойчивость, активность, наличие

близких поддерживающих людей и то, как человек умеет справляться с одиночеством. Осознанность кризисного состояния – один из факторов его преодоления [1].

В первую очередь это принятие реальности и осознание потенциала своих возможностей.

Во вторую это найти поддержку близких людей, умение разговаривать на волнующие темы и умение принимать советы важный навык, который может помочь найти выход из сложившейся ситуации.

Не нужно пренебрегать помощью специалистов-психологов, здесь не только взгляд со стороны, но и профессиональная поддержка помогут преодолеть сложности, поставить новые цели, задачи, наметить пути выхода из кризисного состояния.

Не нужно отказываться от привычного образа жизни, замыкаться на своих проблемах.

Забота о своем здоровье, общение с домашними животными, прогулки на свежем воздухе, походы в театр, вкусная еда, по возможности путешествия, новые знакомства. Главное помнить, что нужно время, чтобы освоиться в новой ситуации, не нужно себя топить, обвинять, все сразу не получится, но все кризисы сменяются периодами стабильности.

Список литературы

1. Белинская Е. П. Осознанность и совладание: неоднозначность взаимосвязей // Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Кострома, 22–24 сентября 2022 г.). Кострома: КГУ, 2022. С. 60–64.
2. Бонкало Т. И., Полякова О. Б. Психология кризисных состояний: учебник. М.: НИИОЗММ ДЗМ, 2023. 340 с. URL: <https://niiioz.ru/moskovskaya-medsina/izdaniya-nii/metodicheskie-posobiya> (дата обращения: 12.08.2024). Текст: электронный.

Сведения об авторе

Шимохина Юлия Борисовна, студент 4-го курса, направление подготовки «Психология», психолого-педагогический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, 89244787112@mail.ru

Information about the author

Yulia B. Shimokhina, Fourth-Year Student of the Field of Study "Psychology" of the Psychological and Pedagogical Faculty of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita, Russia, 89244787112@mail.ru

**РАЗДЕЛ V. Актуальные вопросы преподавания
истории российско-китайских отношений
в высших и средних специальных учебных заведениях,
общеобразовательных школах**

**CHAPTER V. Current Issues of History Teaching Russian-Chinese
Relations in Higher Education and Secondary
Specialized Educational Institutions,
Secondary Schools**

УДК 378(470+571)+(510)

**Особенности сотрудничества России и Китая в обучении переводчиков
в условиях цифровизации современного образования**

Денис Русланович Бирюков

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
denis.biryukov.1997@mail.ru

Статья посвящена перспективам сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в области цифровизации образования для подготовки переводчиков. Рассматриваются аспекты цифровизации образовательных процессов. Проанализированы потенциальные возможности для развития сотрудничества между двумя странами в области внедрения цифровых технологий в образование. Отмечены преимущества внедрения цифровых технологий при подготовке переводчиков.

Ключевые слова: цифровизация образования, обучение устному переводу, преимущества, цифровые технологии

**Features of Cooperation between Russia and China in the Teaching of Interpreters
in the Context of Modern Education Digitalization**

Denis R. Biriukov

Transbaikal State University, Chita, Russia
denis.biryukov.1997@mail.ru

The article is devoted to the prospects of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of digitalization of education for the training of translators. The aspects of digitalization in educational processes are considered. An attempt is made to analyze the potential opportunities for the development of cooperation between the two countries in the implementation of digital technologies in education. The advantages of the introduction of digital technologies in the training of translators were noted.

Keywords: Digitalization in Education, Interpretation Training, Advantages, Digital Technologies

В противовес западной однополярности Россия и Китай стремятся к созданию многополярного мира касательно ключевых направлений экономики, политики и культуры. Обе страны состоят в различных организациях, как, например, ООН, АТЭС, ШОС, БРИКС, и подписывают в их рамках различные согла-

шения. Несомненно, фундаментом подобного тесного сотрудничества является взаимодействие в сфере образования для подготовки высококвалифицированных кадров, способных обеспечить культурный, торгово-экономический и технологический обмен. Именно поэтому для решения поставленных задач обе

страны взяли курс на сотрудничество в области цифровизации образования. В современном мире цифровизация оказывает значительное влияние на обучение специалистов в разных сферах, включая подготовку переводчиков. Сотрудничество между Россией и Китаем в этой сфере приобретает особую актуальность, так как обе страны активно развивают образовательные технологии и стремятся к интеграции в глобальное образовательное пространство.

Над разработкой и внедрением цифровых технологий в образовательную сферу страны работают очень активно и плодотворно. Например, в КНР – это проекты «Цифровой пояс Шелкового пути», «Проект современного дистанционного образования», проект «Датун», национальная система «Три связи и две платформы» и «Интернет+». Китайские технологические компании Alibaba и Tencent разрабатывают платформы онлайн-обучения с широким спектром курсов и ресурсов для учащихся всех возрастных групп. Также в стране добились успехов в применении искусственного интеллекта для персонализации образования: инструменты на базе ИИ способны приспосабливаться к темпу и стилю обучения конкретных учащихся. В России же правительство реализует проект «Цифровое образование» для модернизации системы образования и развития электронного обучения. Проект направлен на формирование цифровой «экосистемы» образования, которая включает в себя онлайн-ресурсы, виртуальные лаборатории, возможности обучения на дистанционной основе. Также была принята госпрограмма «Приоритет 2030». Она предусматривает гранты, в том числе на модернизацию технологий в вузах. Трансформация университетов должна проходить с учетом новых и перспективных технологий: адаптивного обучения, искусственного интеллекта, Big Data, блокчейна, облачных платформ, UX-дизайна, расширенной реальности. В программе участвуют 132 университета из 56 субъектов РФ.

Одним из ключевых событий стало также заседание в июне 2024 г. Подкомиссии по сотрудничеству в области образования Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству стороны обсудили перспективы сотрудничества по направлению цифрового образования, в том числе обмен опытом по созданию национальных цифровых платформ и внедрению искусственного интеллекта в профильную сферу. Тему цифровизации в об-

учении иностранным языкам можно считать, как нельзя актуальной, поскольку язык – живая и постоянно развивающаяся система, требующая регулярного обновления информации касательно всех ее аспектов. Помощником в этом деле могут стать различные цифровые инструменты и ресурсы. Цифровизация образования подразумевает следующие аспекты:

1. Использование цифровых ресурсов, как для дистанционного обучения, так и для непосредственного обучения в самом учебном заведении (например, как дистанционные курсы, предлагаемые институтом Конфуция для студентов).

2. Помощь в организации обучения. Например, замена бумажной документации на электронные журналы и переписки по электронной почте.

3. Реформация и расширение границ традиционного образования и его методов.

С учетом вышеперечисленных аспектов можно выделить следующие преимущества сотрудничества России и Китая в области обучения переводчиков:

1. Обмен опытом и знаниями. Обе страны обладают богатыми традициями в области перевода и преподавания иностранных языков. Сотрудничество позволяет обмениваться опытом и лучшими практиками, что способствует повышению качества подготовки переводчиков.

2. Развитие образовательных технологий. Россия и Китай активно внедряют современные образовательные технологии, такие как онлайн-обучение, мобильные приложения и искусственный интеллект, в процессе обучения переводчиков. Это позволяет сделать обучение более доступным, гибким и эффективным.

3. Расширение международного сотрудничества. Сотрудничество между Россией и Китаем в области обучения переводчиков способствует укреплению культурных связей и развитию международного сотрудничества в образовательной сфере.

Особенности обучения переводчиков в условиях цифровизации:

Цифровизация образования приводит к значительным изменениям в процессе обучения переводчиков. Вот некоторые особенности такого обучения:

Онлайн-обучение. Использование онлайн-курсов, мобильных приложений и видеоконференций позволяет обучающимся получать доступ к учебным материалам и общать-

ся с преподавателями и другими студентами из любой точки мира.

Искусственный интеллект. Применение искусственного интеллекта для автоматического анализа текстов, распознавания речи и машинного перевода позволяет повысить эффективность обучения и улучшить качество подготовки переводчиков.

Адаптивное обучение. Использование адаптивных систем обучения позволяет учитывать индивидуальные особенности обучающегося и предлагать ему наиболее подходящий учебный материал и методы обучения.

Существует несколько примеров успешного сотрудничества России и Китая в области обучения переводчиков:

Создание совместных образовательных программ. Например, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ) и Хэйлунцзянский университет (Китай) разработали совместную программу магистратуры по переводу и межкультурной коммуникации.

Проведение международных конференций и семинаров. Регулярно проводятся кон-

ференции и семинары, посвященные вопросам перевода и преподавания иностранных языков, в которых принимают участие представители России и Китая.

Обмен студентами и преподавателями. Студенты и преподаватели из обеих стран имеют возможность проходить стажировки и участвовать в совместных проектах, что способствует обмену опытом и развитию профессиональных навыков.

В итоге, цифровизация образования, прежде всего цифровизация в обучении переводчиков иностранным языкам, дает возможность ускорять и улучшать образовательные процессы, модернизировать и улучшать традиционные методики преподавания. В перспективе цифровые технологии позволят лучше усваивать материал на практике с применением технологий, что позволит повысить качество подготовки высококвалифицированных кадров. Это также позволит подготовить не просто переводчиков, со знанием иностранных языков, но и специалистов, которым будут прививаться компетенции в сфере цифровых технологий и навыков работы с ними.

在现代教育数字化背景下，俄罗斯与中国在翻译培训方面合作的特点

与西方的一极分化相反，俄罗斯与中华人民共和国正在努力在经济、政治和文化的关键领域创造一个多极化的世界。两国都是联合国、亚太经合组织、上海合作组织、金砖国家等组织的成员，并在其框架内签署了各种协议。毫无疑问，这种密切合作的基础是在教育领域开展合作，培养能够提供文化、贸易、经济和技术交流的高素质人才 [6]。为了解决既定的任务，两国已经开始在教育数字化领域开展合作。在现代世界，数字化对各个领域的专家培训产生了重大影响，包括翻译人员的培训。俄罗斯与中国在这一领域的合作变得尤为重要，是因为两方都在积极发展教育技术，努力融入全球教育空间。

双方正在积极和卓有成效地致力于数字技术在该国教育领域的发展和实施。例如在中国“k丝绸之路数字带”、“现代远程教育工程”、“大同工程”、国家体系“三通信两平台”和“互联网+”等项目。中国科技公司阿里巴巴和腾讯正在开发在线学习平台，为所有年龄段的学生提供广泛的课程和资源。[1] 该国在使用人工智能实现个性化教育方面也取得了成功：基于人工智能的工具能够适应特定学生的学习节奏和风格。在俄罗斯，政府正在实施数字教育项目，以实现教育系统的现代化和发展电子学习。该项目旨在创建一个数字教育“生态系统”，其中包括在线资源，虚拟实验室和远程学习机会。国家计划“优先2030”也获得通过。[4] 它提供赠款，包括大学技术现代化。大学的转型应该考虑到新的和有前途的技

术：自适应学习，人工智能，大数据，区块链，云平台，用户体验设计，增强现实。来自俄罗斯联邦56个地区的132所大学参加了该计划。2024年6月，在俄中人道主义合作委员会教育领域合作小组委员会会议上，各方讨论了数字教育领域合作前景，包括交流创建国家数字平台的经验和在相 [5]。

外语教学中的数字化主题可以被认为是尽可能相关的，是因为语言是一种活的和不断发展的物质，需要定期更新有关其所有方面的信息。各种数字工具和资源可以帮助解决这个问题。教育数字化意味着以下几个方面：

1. 在教育机构本身使用数字资源进行远程学习和直接学习。（例如，作为孔子学院为学生提供的远程学习课程）；

2. 协助组织培训。例如，用电子期刊和电子邮件通信取代纸质文档；

3. 传统教育及其方法的边界的改革和扩大。[2]

在这方面，俄罗斯和中国在翻译培训领域的合作具有许多优势：

- 1) 交流经验和知识。两国在外语翻译和教学领域都有丰富的传统。合作允许交流经验和最佳做法，这有助于提高翻译培训的质量。

- 2) 教育技术的发展。俄罗斯和中国正在积极实施现代教育技术，如在线学习，移动应用程序和人工智能，在培训翻译人员的过程中。这使得学习更容易获得，灵活和有效。

УДК 372.893(510)

История Китая на страницах школьных учебников

Галина Васильевна Мясникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
chita131957@yandex.ru

В свете новой концепции преподавания всеобщей истории в средних общеобразовательных учреждениях автор обращается к анализу учебного материала по курсу Всеобщей истории на страницах учебников истории. Обращение к истории конкретной страны – истории Китая – вызвано общей границей, экономическим, культурным взаимодействием, единым историческим прошлым стран и регионов.

Ключевые слова: всеобщая история, учебник, история Китая, периодизация, структура курса, методический аппарат

The History of China on the Pages of School Textbooks

Galina V. Maysnikova

Transbaikal State University, Chita, Russia
chita131957@yandex.ru

In the light of the new concept of teaching universal history in secondary educational institutions, the author turns to the analysis of educational material on the course of Universal History on the pages of history textbooks. A common border, economic and cultural interaction, and a common historical past of countries and regions cause the appeal to the history of a particular country – the history of China.

Keywords: Universal History, Textbook, the History of China, Periodization, Course Structure, Methodical Apparatus

Обращение к данной теме вызвано памятной датой – 335 лет установления договорных отношений России и Китая. В работе международной конференции по данной теме, проходившей в Чите (29–30.08.2024) приняли участие ученые, преподаватели учебных заведений, студенты и школьники. Интерес к изучению международных отношений, исторических событий на восточной окраине российского государства был постоянным. Для нашего края история взаимоотношений с Китаем это, прежде всего, историческое прошлое и настоящее нашего региона.

Соседские отношения двух стран предполагают необходимость изучения исторического процесса, языка, повседневной культуры, искусства и научных достижений. Это достигается посредством школьного исторического образования, музейных экспозиций, туристических туров и культурного сотрудничества.

Автор не ставит цели рассмотреть все виды и формы деятельности по формированию знаний и представлений о жизнедеятельности китайского государства и народа. Мы планируем остановиться на анализе школьных учебников зарубежной истории (5–11 кл.), с точки зрения содержания материала по истории Китая. Это вызвано, с одной стороны, изменениями в школьном историческом обра-

зовании, с другой стороны, проявленным исследовательским интересом школьников Забайкалья, представленным в виде докладов на международной конференции.

Учебник – в одном из самых привычных определений – основной источник и средство получения знаний. Вот уже четверть века историческое образование в России и его составляющие – содержание, методы и средства, технологии и формирование навыков самостоятельной работы подвергаются пересмотру. Такое положение основывается на признании значимости исторического образования для формирования гуманизма, патриотизма, воздействия исторического материала для воспитания человека современного общества.

Особенностью исторического образования было и остается то, что оно представлено двумя курсами: Всеобщая история и История России. Отдавая приоритет в изучении событиям отечественной истории, российское образование претворяет его изучением событий зарубежной истории. Без этого нельзя, т. к. иначе как можно будет говорить о роли, влиянии России в ту или иную историческую эпоху.

Структура и последовательность изучения курсов в рамках учебного предмета «История» в 5–11 классах представлена в табл. 1 [8; 9].

Таблица 1

Класс	Курсы в рамках преподаваемого предмета «История»	Примерное кол-во учебных часов
5	Всеобщая история. История Древнего мира	68
6	Всеобщая история. История Средних веков	23
	История России. От Руси к Российскому государству	45
7	Всеобщая история. История нового времени. Конец XV–XVII в.	23
	История России. Россия в XVI–XVII вв.: от великого княжества к царству	45
8	Всеобщая история. История нового времени. XVIII в.	23
	История России. Россия в конце XVII–XVIII вв.: от царства к империи	45
9	Всеобщая история. История нового времени. XIX–начало XX в.	23
	История России. Российская империя в XIX – начале XX в.	45
	Модуль «Введение в новейшую историю России»	17
10	Всеобщая история. 1914–1945 годы	23
	История России. 1914–1945 годы	45
11	Всеобщая история. 1945 год – начало XXI века	23
	История России. 1945 год – начало XXI века	45

Зарубежная история дает возможность обучающимся средних общеобразовательных учреждений познакомиться с ключевыми событиями в различных странах мира, выявлять особенности их экономического, политического, социального, культурного развития. На этом фоне легче усваиваются международные отношения между странами, причины и результаты войн, договоров, коалиций, установления границ.

На сегодняшний день разработана и со следующего учебного года будет реализовываться новая концепция изучения мировой истории. Академик РАН А. О. Чубарьян в своих выступлениях делает акцент на то, что новые программы и учебники по истории будут включать больше исторических сведений о событиях в странах азиатского региона, Африки, в Китае. Впервые в школьном курсе появится раздел по Океании [1].

Это воодушевляет, хотя однозначной оценки данные перспективы не имеют. На сегодняшний день имеющиеся учебники раскрывают историю Китая следующим образом.

Первое знакомство с Китаем происходит в ходе изучения «Истории древнего мира», 5 класс. В главе 6 «Индия и Китай» расположены три параграфа по истории Китая, которые позволяют узнать о геополитическом пространстве страны с применением исторической карты. С опорой на биографический материал ученики узнают о Конфуции и его учении [3, с. 111–114]. Именно этот материал создает представление о морали и нравах древнекитайского народа, познакомить с такими достижениями как письменность, книги. Расположенный в учебнике дополнительный материал «Из высказываний Конфуция» [Там

же, с. 114] позволяет учителю применить беседу, а ученикам высказать свои суждения по представленным высказываниям.

Наряду с материалом о мудреце Конфуции, помещены сведения об императорах Цинь Шихуанди, У-ди, Лю Бане. Через правление императоров, их политику, реформы, строительную и культурную деятельность авторы учебника раскрывают социально-экономическое развитие страны, углубление противоречий внутри страны и, как результат, народные волнения, гибель некогда могучей империи.

Удачно представлены в учебнике сведения о повседневной жизни и уровне научных знаний древнего Китая. Речь идет о выращивании и употреблении чая, изготовлении шелка, изобретении компаса, бумаги [Там же, с. 124–125]. Это прекрасный материал для формирования интереса к истории пятиклассниками, для начала исследовательской деятельности школьников путем сбора материала по истории кухни, одежды, декоративно-прикладного искусства китайского народа.

Полученные начальные знания по истории древнего Китая дополняются материалами о средневековом Китае на базе учебника для 6 кл. [2]. Здесь нас ждет своеобразное разочарование – в единственном параграфе «Средневековая Азия» изучается история четырех государственных образований: Монгольская держава – Китай – Индия – Япония, а значит, речь идет о констатации наиболее важных событий и достижений. Жизнедеятельность населения Китая, а косвенно и питание мы определяем по выращиванию 70 сортов риса и более ничего, что могло бы сформировать у школьников представление о народе.

Однако на всем протяжении параграфа рассказывается о великих достижениях страны, отмечается, что китайцы намного опередили европейскую науку. Ученики узнают о развитии образования, его значении, правда, не для всех; о книгопечатании и выпуске газет; о достижениях астрономии – создание наиболее точнейшего календаря, медицины (прививки от оспы, иглоукалывание, массаж); изобретении пороха, ружей, пушек, фарфора [2, с. 253–257]. Это позволяет говорить о самобытности народа, высоком уровне понимания окружающего мира.

А как же быть с ограниченными часами и необходимостью усвоения знаний по представленным в параграфе странам? Авторы учебника предлагают оформить таблицу, которая на наш взгляд, позволит школьникам уловить самобытность изученных государств и провести сравнение между ними (табл. 2 [Там же, с. 263]).

Таблица 2

Название страны	Основные занятия жителей	Название государства или династии эпохи Средневековья	Титулы, которые носили правители	Наиболее известные достижения в науке и образовании	Наиболее известные достижения в литературе и искусстве
-----------------	--------------------------	---	----------------------------------	---	--

Следующий период в мировой истории и в истории Китая, в частности, носит название «Новое время». Хронологические рамки довольно таки внушительны: конец XV века – начало XX в., в школьной программе 7–9 кл. Учебники написаны одним авторским коллективом, характеризуются внутренней логикой представления материала, методическим аппаратом, дизайн оформлением [4; 5; 10]. История Китая рассматривается как история традиционных обществ, которые в процессе европейской колонизации вынуждены были защищать свою самобытность, накапливать силы для возвращения национального суверенитета.

Учебники знакомят обучающихся со сложными периодами в истории страны – маньчжурское завоевание и «золотой век» династии Цин, раскрывается внутренняя и внешняя политика правителей. Интересно, что опять идет анализ учения Конфуция [10, с. 199], а через него и внутреннего мира человека. Материалы параграфов формируют уважение к жителям страны, пытающимся противостоять европейскому проникновению и влиянию.

Текст усилен иллюстрациями, одна из них – картина худ. Д. Гилрея «Прием дипломатов во дворе в Пекине. 1792» [4, с. 204], а также фрагментом источника «Из эдикта китайского императора на имя английского короля Георга III» [Там же, с. 213]. Наличие такого материала позволяет рекомендовать школьникам выполнение интересного задания – составление рассказа по теме «Европейские послы при дворе китайского императора в XVIII в.».

В параграфах лишь упоминается заключение Нерчинского и Кяхтинского договоров. Их изучение относится к программному материалу курса «История России», а также часам, выделенным на краеведение.

Учебный материал по истории Китая в XIX в. раскрывает экспансионистскую политику европейских государств и подъем народного противостояния в виде восстаний тайпинов, ихэтуаней, революции 1911–1913 гг.

Школьные учебники по изучению периода Нового времени содержат материал по культурному развитию страны. Ученики формируют представление о религиозных и нравственных учениях, об основах функционирования политического устройства государства и сословного развития общества, о вкладе китайского народа в развитие мирового искусства.

Краткость представления учебного материала, компенсируется представленным в помощь школьникам разделом «Памятки», которые помогают организовать самостоятельную учебную, исследовательскую работу, справиться с предложенными заданиями аналитического, оценочного характера. Справедливо ради заметим, что в других учебниках этот раздел или представлен недостаточно [2; 3], либо отсутствует [6; 7] (авт. – может быть, в этом есть рациональное зерно: единожды усвоив, не стоит повторять?).

Учебники по всеобщей истории XX–XXI вв. [Там же] предназначены для учащихся средней школы и во многом имеют положительные оценки. Особенностью данных учебников является наличие вводных обобщающих текстов по заявленной теме главы, при страноведческой подаче материала. Исторические события запада и востока дополняют друг друга, что дает возможность для составления синхронистических таблиц.

История Китая XX века тесно связана с историческими процессами в СССР как в довоенный, так и послевоенный периоды. Учебник рассказывает о военной помощи на фрон-

тах противостояния японской агрессии, экономической поддержке строительства социализма в послевоенный период.

Революционная борьба китайского народа против иностранного капитала, за светлое будущее представлена в виде плакатов, фотографий, биографического и справочного материала о Сунь Ятсене, Чан Кайши, Мао Цзэду, Дэн Сяопине, Си Цзиньпине. Изучение роли личности в истории – это тот материал, который позволяет школьникам узнать о выдающихся лидерах Китая, сформировать оценку их деятельности. В связи с этим авторы довольно подробно раскрывают политику реформ Мао Цзэдуна, позволяя школьникам дать оценку этого периода в истории Китая.

Рассмотрение международных отношений начала XXI в. в учебнике, является прекрасной мотивацией для старшеклассников следить за новостями текущего 2024 г. Этот год отмечен важной датой в истории китайского народа – 75 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики и это еще один повод для того, чтобы, получив первичные знания на страницах школьного учебника, пополнять их с опорой на различные источники.

Подводя итог анализа содержательной базы школьных учебников по истории Китая, отметим, что они дают базовый материал для знакомства с историко-культурными процессами древнейшей цивилизации; формируют представления о различных этапах, своеобразии, самобытности нашего южного соседа.

Список литературы

1. Академик Чубарьян уточнил новую концепцию мировой истории для школьников. Текст: электронный // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/01/25/akademik-chubaryan-utochnil-novuyu-koncepciyu-mirovoy-istorii-dlya-shkolnikov.html> (дата обращения: 15.08.2024).
2. Агибалова Е. В., Донской Г. М. История. Всеобщая история. История средних веков: 6 класс: учебник / под ред. А. А. Сванидзе. М.: Просвещение, 2023. 287 с.
3. Вигасин А. А., Годер Г. И., Свенцицкая И. С. История. Всеобщая история. История Древнего мира: 5 класс: учебник / под ред. А. А. Искандерова. М.: Просвещение, 2023. 320 с.
4. История. Всеобщая история. История нового времени. Конец XVIII век: 8 класс: учебник / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина [и др.]; под ред. А. А. Искандерова. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2023. 240 с.
5. История. Всеобщая история. История нового времени. XIX – начало XX век: 9 класс: учебник / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина [и др.]; под ред. А. А. Искандерова. М.: Просвещение, 2023. 271 с.
6. История. Всеобщая история. Новейшая история: 11 класс. Базовый уровень: учебник / под ред. В. Р. Мединского, А. О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2023. 271 с.
7. Мединский В. Р., Чубарьян А. О. История. Всеобщая история. 1914–1945: 10 класс. Базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 241 с.
8. Федеральная рабочая программа основного общего образования «История» (5–9 кл.). Текст: электронный // Единое содержание общего образования. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/17_ФРП_История_5-9-классы.pdf (дата обращения: 15.08.2024).
9. Федеральная рабочая программа среднего общего образования «История» (базовый уровень) (для 10–11 классов образовательных организаций). Текст: электронный // Единое содержание общего образования. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/29_ФРП_История_10-11-классы_база.pdf (дата обращения: 15.08.2024).
10. Юдовская А. Я., Баранов П. А., Ванюшкина Л. М. История. Всеобщая история. История нового времени. Конец XV–XVII век: 7 класс: учебник / под ред. А. А. Искандерова. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2023. 239 с.

Сведения об авторе

Мясникова Галина Васильевна, ст. преподаватель кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, chita131957@yandex.ru

Information about the author

Galina V. Myasnikova, Senior Lecturer of the Department of History of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, chita131957@yandex.ru

УДК 372.893 (470+571)+(510)

Взаимоотношения России и Китая в современных школьных учебниках по истории России

Анна Владимировна Волочаева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
rossav1@yandex.ru

Статья посвящена анализу современных школьных учебников истории России для основной и старшей школы по тематике взаимоотношений России и Китая в разное время. Анализ дан с учетом хронологического представления международных контактов (военных и дипломатических) в XVII–XXI вв. и линейного преподавания истории в общеобразовательной школе. Рассматриваются современные учебники, включенные в Федеральный перечень учебников, допущенных к использованию в образовательном процессе.

Ключевые слова: историческое образование, общеобразовательная школа, учебники истории, федеральный перечень учебников, История России, российско-китайские отношения

The Relationship between Russia and China in Modern School Textbooks on the History of Russia

Anna V. Volochaeva

Transbaikial State University, Chita, Russia
rossav1@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of modern school textbooks on the history of Russia for primary and high schools on the topic of relations between Russia and China at different times. The analysis is presented taking into account the chronological representation of international contacts (military and diplomatic) in the XVII–XXI centuries and linear teaching of history in secondary schools. Modern textbooks included in the Federal List of textbooks approved for use in the educational process are considered.

Keywords: Historical Education, Secondary School, History Textbooks, Federal List of Textbooks, History of Russia, Russian-Chinese Relations

Историческое образование в современном мире играет важную роль, весомое значение отводится ему и в российском государстве и обществе в связи с противостоянием фальсификации и сохранением исторической правды. В политике Российской Федерации, а в современном этапе изменился вектор реализации международных отношений с Запада на Восток, в последние два года проведено большое количество переговоров с лидерами государств Африки и Азии. Большое внимание уделено укреплению отношений с Китайской Народной Республикой. В этой связи усиливается интерес к раскрытию международных отношений со странами Востока и школьных учебниках истории.

Цель данной статьи – исследовать раскрытие содержания и методические особенности преподавания истории развития российско-китайских отношений с заключения Нерчинского договора в XVII в. и до настоящего времени в современных школьных учебниках по истории России.

Для анализа выбраны школьные учебники, включенные в Федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при

реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность [13].

Прежде чем анализировать учебники истории необходимо обратиться к нормативной документации, определяющей содержание школьного исторического образования. Согласно современным правовым документам в преподавании предмета истории основой являются федеральные рабочие программы – Федеральная рабочая программа Основного общего образования. История (для 5–9 кл. общеобразовательной школы) 2022 г. [14], Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История: базовый уровень (для 10–11 кл. общеобразовательной школы) 2023 г. [15], Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История: углубленный уровень (для 10–11 кл. общеобразовательной школы) 2023 г. [16].

Согласно программе основной школы, исторические сюжеты об отношениях России и Китая представлены только в 7 кл. в теме

«Внешняя политика России в XVII в.» – Военные столкновения с маньчжурами и империей Цин (Китаем), при этом Нерчинский договор (первый договор между Россией и Китаем не упоминается) [14, с.18]. Также между двумя государствами заключались договоры в XVIII и в XIX вв., но в программе за 8 и 9 кл. (где изучается это историческое время) не представлено ни одного договора или другого сюжета, связанного с российско-китайскими отношениями.

В программе средней школы базового уровня в 10 классе по теме «Окончание Второй мировой войны» представлены сюжеты «Освобождение Манчжурии и Кореи», «Токийский и Хабаровский процессы» [15], через призму которых могут быть представлены отношения с китайским населением и др., но при этом сам Китай не упоминается в программе. В тематическом планировании программы за 10 кл. в подтеме СССР 1929–1939 гг. есть пункт «Укрепление безопасности на Дальнем Востоке» [Там же]. В 11 классе в разделе «СССР в послевоенное время» представлена общая тема «СССР и страны Азии» [Там же], в разделе «СССР в 1953–1964 гг.» – тема «СССР и мировая социалистическая система» [Там же], в разделе «СССР в 1964–1985 гг.» – «СССР и страны социализма» [Там же], в разделе «СССР в 1985–1991 гг.» – «Новое политическое мышление и перемены во внешней политике» [Там же], в разделе «Российская Федерация в 1990-е годы» – «Отношения со странами Азии, Африки и Латинской Америки» [Там же, с.16], в разделе «Россия в XXI веке» – «Внешняя политика в начале XXI века» и «Россия в современном мире» [Там же]. В данных блоках исторической информации могут быть представлены и советско-китайские/российско-китайские отношения конкретного времени, при этом конкретизация стран в программе не представлено.

В программе средней школы углубленно-уровня темы представлены шире, например, в блоке «Внешняя политика СССР в 1920–1930-е гг.» идет конкретизация на такие факты, как «Советские добровольцы в Испании и в Китае. Вооруженные конфликты на озере Хасан, реке Халхин-Гол и ситуация на Дальнем Востоке в конце 1930-х гг.» [16], в блоке «Внешняя политика Л. И. Брежнева» упоминается «Конфликт с Китаем» [Там же]. В других разделах шире представленным тем, чем на базовом уровне, не обнаружено.

Таким образом, в программах основной и средней школы существенным образом не

представлена тематика российско-китайских отношений разного времени. Соответственно в некоторых учебниках уже изначально можно предположить отсутствие данных сюжетов по этой причине.

Учебники основной школы представлены в настоящее время многообразием. В данной статье будут проанализированы учебники издательства «Русское слово-учебник» – под редакцией Ю. А. Петрова и две линейки от издательства «Просвещение» – под редакциями А. В. Торкунова и В. Р. Мединского. В средней школе, согласно Федеральному перечню учебников, действует единый учебник под редакцией А. В. Торкунова и В. Р. Мединского.

В учебнике Е. В. Пчелова и П. В. Лукина издательства «Русское слово-учебник» за 7 кл. в § 24 «Освоение Сибири и Дальнего Востока в XVII веке» внимание обращено на коренные народы этого региона и походы землепроходцев. Но также упоминается о том, что освоение Приамурья привело к столкновению с Китаем, также претендовавшим на эти территории, и о заключении Нерчинского договора как первого договора между Россией и Китаем, результаты которого представлены на карте в учебнике [6, с. 179–180]. В системе вопросов и заданий после параграфа есть вопрос и об этом договоре: Объясните, почему оказался необходим Нерчинский договор 1689 г. Какое значение он имел? В электронной форме учебника (ЭФУ) представлены также исторические источники – «Из доклада Военного совета китайскому императору Канси о заключении Нерчинского договора» и видеосюжет «Албазинский острог», в котором описаны военные события между маньчжурами и русскими этого времени.

В учебнике истории под редакцией А. В. Торкунова издательства «Просвещение» за 7 кл. XVII в. представлен во второй части. В § 25–26 «Россия в системе международных отношений» отдельно описаны взаимоотношения с Китаем – пункт «Отношения с Китаем». Здесь упоминаются сюжеты о поездке томского казака Ивана Петлина в 1618 г. и составлении им первого в Европе описания пути из Сибири в Китай, о походах Е. Хабарова и В. Пояркова, крепости Албазин и столкновениях с китайскими войсками, о первом русском посольстве в Китай Федора Байкова и других неудачных посольствах, о подписании первого договора с Китаем в 1689 г. [9, с. 65] Одно задание после параграфа посвящено выявлению причин сложных отношений меж-

ду Россией и Китаем. Работы с картой по данной проблеме не представлено.

В учебнике Т. В. Черниковой и Р. В. Пази-на под редакцией В. Р. Мединского (издательство «Просвещение») за 7 кл. внешняя политика России представлена в § 28 – «Освоение Сибири и Дальнего Востока». В пункте «Освоение Дальнего Востока» описываются походы Е. Хабарова в Даурию, постройка крепости Албазин, которая выдержала не одно нападение врагов – военные отряды маньчжурской династии Цин. Также описывается оформление Албазинского воеводства, заключение Нерчинского договора и оставление Албазина по условиям мира [4, с. 289]. В учебнике есть и задания для обучающихся по данному пункту и в конце главы.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на то, что в программе по истории сюжеты взаимоотношений России и Китая представлены очень скудно, в учебниках эти события представлены на достаточно хорошем уровне, предлагая обучающимся как содержательно интересные факты, так и методически направляя деятельность учителя на работу с историческими источниками, картой и др.

В учебнике В. Н. Захарова, Е. В. Пчелова (издательство «Русское слово – учебник») за 8 кл. в §§ 10–11 «Правление Анны Иоанновны» в пункте «Национальная и внешняя политика» в сюжете об установлении регулярных отношений с казахами – жузами, указано, что эти племена испытывали серьезное давление со стороны Джунгарского государства, а также могущественной Китайской (Цинской) империи, поэтому хан Младшего жуза перешел под покровительство России в 1731 г., а к 1740 г. была достигнута договоренность с предводителями Среднего жуза [5, с. 69]. Других сюжетов, связанных с историей российско-китайских отношений в данном учебнике не представлено.

В учебнике Н. М. Арсентьева, А. А. Данилова, И. В. Курукина и др. издательства «Просвещение» в § 16 «Внешняя политика России в 1725–1762 гг.» в пункте 3 «На южных и восточных рубежах» освещена деятельность посольства Саввы Владиславича-Рагузинского в Китай к императору Юнчжэну и заключение Кяхтинского договора в 1727 г. [10, с. 102].

В учебнике Т. В. Черниковой и С. В. Агафонова под редакцией В. Р. Мединского за 8 кл. внешняя политика России представлена в § 17 «Внешняя политика России в эпоху дворцовых переворотов». В пункте 5 «Азиатское направление внешней политики» также описа-

ны события, связанные с посольством С. Л. Владиславича-Рагузинского в Китай, и заключение Кяхтинского договора [7, с. 158–159].

То есть, не смотря на отсутствие исторических сюжетов российско-китайских отношений в программе по истории, в большинстве учебников они представлены. Заключение новых договоров между государствами описано только в учебниках издательства «Просвещение».

В учебнике К. А. Соловьева и А. П. Шевырева издательства «Русское слово – учебник» за 9 кл. в § 20 «Внешняя политика Российской империи во второй половине XIX в.» в пункте «Дальний Восток» указаны Айгунский (1858) и Пекинский (1860) договоры с Китаем [1, с. 153]. Также один из вопросов (в системе вопросов и заданий) направлен на объяснение необходимости урегулирования вопроса о границах на Дальнем Востоке [Там же, с. 160]. Особых подробностей по данным фактам в параграфе, системе заданий и наглядного материала не представлено. Также в § 28 «Россия в системе международных отношений в начале XX в. Русско-японская война» в пункте «Дальневосточная политика России» представлены сюжеты 1896 г. – аренда Россией Ляодунского полуострова, договор о строительстве Китайской восточной железной дороги [Там же, с. 212], фото Порт-Артур [Там же, с. 213], подавление Боксерского восстания в Китае [Там же]. Авторы пишут в выводах, что Россия фактически оккупировала Манчжурию.

В учебнике под ред. А. В. Торкунова 9 кл. в 1 части в § 26 «Внешняя политика Александра II. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» в пункте 3 «Политика России на Дальнем Востоке» описаны условия подписания Айгунского (1857) и Пекинского (1860) договоров России и Китая, а также раскрывается роль личности Н. Н. Муравьева, получившего после этого титул Амурского [11, с. 155]. Во 2-й части учебника в § 39 «Внешняя политика Николая II. Русско-японская война» в пункте «Дальневосточная политика» описывается ситуация на Дальнем Востоке, которая стала основой для заключения Россией и Китаем в 1896 г. секретного договора об оборонительном союзе. Китай разрешил проведение по своей территории Китайской железной дороги (КВЖД), в 1898 г. Россия арендовала Ляодунский полуостров безвозмездно на 25 лет, что приведет к столкновению интересов России с другими государствами, в первую очередь с Японией [12, с. 83].

В учебнике под редакцией В. Р. Мединского за 9 кл. в § 10 «Внешняя политика Российской Империи» в пункте 5. «Политика России в Средней Азии» представлена предыстория вхождения в состав Российской империи казахских союзов племен – жузов (со времени правления Анны Иоанновны), которые вели трудные войны с Китаем. При Александре I в русское подданство вошли племена Большого Жуза, к концу правления Николая I процесс присоединения Казахстана завершился [3, с. 100–101]. В § 19 «Внешняя политика Александра II» в пункте 3 «Договоры с Японией и Китаем» представлено заключение Айгунского и Пекинского договоров, важную роль в заключении которых сыграли Н. Н. Муравьев и Н. П. Игнатьев, также представлена карта, что облегчает восприятие результатов заключенных договоров и задания по данной теме [Там же, с. 190–191]. В §§ 29–30 «Россия на рубеже веков: динамика и противоречия развития» в пункте 4 «Политика России на Дальнем Востоке» описано расширение влияния России на территории Китая и Кореи, на которые претендовала и Япония. После Японо-Китайской войны произошло сближение России и Китая, в 1896 г. Китай разрешил постройку через свою территорию Китайской восточной железной дороги, а в 1898 г. Китай предоставил России в аренду на 25 лет полуостров Ляодун с городом Порт-Артур. Россия получила и право соединить его Южно-Китайской железной дорогой (ЮКЖД) с КВЖД. В 1900 г. российские войска заняли Манчжурию для защиты ее от восстания ихэтуаней. Россия также проявила интерес к Кореи, что обострило отношения с Японией и вызвало недовольство Великобритании [Там же, с. 301–302].

Таким образом, в 9 кл., несмотря на отсутствие сюжетов отношений России и Китая в программе истории, во всех абсолютно учебниках, рекомендованных к применению в образовательном процессе, указаны основные договоры XIX в. Также в большинстве своем представлена предыстория взаимоотношений и результаты подписанных договоров, часто с сопровождением исторической картой. Но подача заключенных договоров конца XIX в. оценивается по-разному. Наиболее полно эти сюжеты представлены в последнем проанализированном учебнике авторов Я. В. Вишнякова, Н. А. Могилевского, С. В. Агафонова; под редакцией В. Р. Мединского.

В старших классах применяется единый учебник истории под редакцией А. В. Торкунова и В. Р. Мединского.

В 10 кл. в едином учебнике по истории России взаимоотношения с Китаем представлены в § 29 «СССР и мировое сообщество в 1929–1939 гг.» пункте 4 «Укрепление безопасности на Дальнем Востоке». Здесь описано время национально-освободительного движения в Китае, которое поддержал Советский Союз, и гражданской войны в Китае, в которой СССР поддержал коммунистическую партию Китая, конфликт на КВЖД 1929 г. и победа советской армии под командованием В. Блюхера [8, с. 280]. В §§ 39–40 «Окончание Второй мировой войны. Итоги и уроки» в пункте 3 «Освобождение Манчжурии и Кореи» также согласно программе, представлены общие факты освобождения с опорой на историческую карту [Там же, с. 457–458]. На наш взгляд, можно было бы разместить фото материалы и марки, в которых представлено как китайское население встречало советскую армию.

В 11 кл. единого учебника истории России в § 4 «Место и роль СССР в послевоенном мире. Внешняя политика СССР в 1945–1953 гг.» указано, что СССР отказался подписывать договор в Сан-Франциско в 1951 г., одной из причин чего стало не участие в конференции (не приглашение) делегации КНР (созданной в 1949 году) [2, с. 44]. В пункте 5 этого же параграфа «СССР и страны Азии» представлены факты передачи гоминдановским правительством Китая в аренду Порт-Артур и Далянь (утерянных в 1905 г.), и том, что Китайская и Южная железные дороги переходили в совместное владение [Там же, с. 52]. Также в параграфе представлены попытки примирить Гоминьдан и КПК и о признании оформившейся КНР [Там же], о совместном участии СССР и КНР в Корейской войне. В § 10 «Внешняя политика в 1953–1964 гг.» представлено начало обострение отношений между СССР и Китаем в 1957 г., которое в 1963 г. вылилось в открытые взаимные обвинения [Там же, с. 130–131]. Если далее проследить по блокам развития внешней политики СССР и России, можно увидеть полное соответствие с программой базового уровня, включение кратких сюжетов советско-китайских и российско-китайских отношений, с указанием на перспективы сотрудничества и единства понимания многообразия мира и необходимости формирования многополярного мира.

Таким образом, в учебниках старшей школы в целом на хорошем уровне представлены взаимоотношения двух государств, особо не отходя от школьной программы. Поскольку единый учебник может применяться как на ба-

зовом, так и на углубленном уровнях, в нем представлены отдельные сюжеты, ориентирующие нас на программу данного уровня школьного образования. К сожалению, на наш взгляд, слабо представлен методический компонент по данной тематике. Кроме исторических карт по отдельным аспектам международных отношений не представлено других видов наглядности и источников, а также форм работы обучающихся через систему вопросов и заданий.

Делая выводы в целом по проведенному анализу учебников по истории России для основной и старшей школы, можно сделать вывод, что в целом международные отношения

России и Китая представлены в них на достаточно высоком уровне, часто выходя за рамки, указанные в программах (особенно в 7–9 классах). Именно в основной школе представлено содержательное и методическое разнообразие данной тематики, хотя в 9 кл. оценка событий конца XIX века не имеет однозначного рассмотрения. В старших классах, несмотря на следование программам по истории, сюжеты отношений СССР/России и Китая представлены, но методически не хватает разнообразия их представления – через призму исторических источников, наглядного сопровождения и систему заданий.

Список литературы

1. Соловьев К. А., Шевырев А. П. История. История России. 1801–1914: учебник для 9 кл. общеобр. орг. / под науч. ред. Ю. А. Петрова. М.: Русское слово – учебник, 2023. 312 с.
2. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России. 1945 – начало XXI века. 11 кл.: базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 448 с.
3. Вишняков Я. В., Могилевский Н. А., Агафонов С. В. История. История России. XIX – начало XX в. 9 кл.: учебник / под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2023. 353 с.
4. Черникова Т. В., Пазин Р. В. История. История России. XVI – конец XVII в. 7 кл.: учебник / под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2023. 304 с.
5. Захаров В. Н., Пчелов Е. В. История. История России. XVIII век: учебник для 8 кл. общеобр. орг. / под науч. ред. Ю. А. Петрова. М.: Русское слово – учебник, 2023. 240 с.
6. Пчелов Е. В., Лукин П. В. История. История России. XVI–XVII века: учебник для 7 кл. общеобр. орг. / под науч. ред. Ю. А. Петрова. М.: Русское слово – учебник, 2023. 224 с.
7. Черникова Т. В., Агафонов С. В. История. История России: конец XVII в. – XVIII в. 8 кл.: учебник / под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2023. 303 с.
8. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России: 1914–1945 годы. 10 кл.: базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 496 с.
9. История. История России: 7 кл.: учебник: в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, И. В. Курукин [и др.]; под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение. 2023. Ч. 2. 128 с.
10. История. История России: 8 кл.: учебник: в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, И. В. Курукин [и др.]; под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение. 2023. Ч. 1. 127 с.
11. История. История России: 9 кл.: учебник: в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, А. А. Левандовский [и др.]; под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение. 2023. Ч. 1. 175 с.
12. История. История России: 9 кл.: учебник: в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, А. А. Левандовский [и др.]; под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение. 2023. Ч. 2. 143 с.
13. Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность и установления предельного срока использования исключенных учебников (с изм. и доп.): Приказ Министерства просвещения РФ: [от 21 сентября 2022 г. № 858] . Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/405590287> (дата обращения: 30.10.2024).
14. Федеральная рабочая программа Основного общего образования. История (для 5–9 классов образовательной школы). М.: Ин-т стратегии развития образования, 2022. Текст: электронный // Единое содержание общего образования. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/09/frp_istoriya_5-9-klassy-1.pdf (дата обращения: 30.07.2024).
15. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История (базовый уровень) (для 10–11 классов образовательной школы). М.: Ин-т стратегии развития образования, 2023. Текст: электронный // Единое содержание общего образования. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/29_ФРП_История_10-11-классы_база.pdf (дата обращения: 30.07.2024).
16. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История: углубленный уровень (для 10–11 классов общеобразовательной школы). М.: Ин-т стратегии развития образования, 2023. Текст: электронный // Единое содержание общего образования. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/30_ФРП_История_10-11-классы_угл.pdf (дата обращения: 30.07.2024).

Сведения об авторе

Волочаева Анна Владимировна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, rossav1@yandex.ru

Information about the author

Anna V. Volochaeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, rossav1@yandex.ru

УДК 908(571.54/55)

Проектная деятельность: к вопросу возникновения города Борзи

Ольга Ивановна Матафонова¹, Любовь Алексеевна Кувардина²

Средняя общеобразовательная школа № 2, пгт Забайкальск, Забайкальский край, Россия

¹matafonova.o@mail.ru, ²kuvardina-zbk@mail.ru

В статье рассказывается о возникновении г. Борзи в связи с переселенческой политикой после подписания Буринского договора в XVIII в. о закреплении восточных территорий. Говорится о проектной работе с обучающимися средних общеобразовательных школ на примере создания проекта «Борзя: страницы истории», в основу которого легли источники Государственного архива Забайкальского края.

Ключевые слова: проектная деятельность, Буринский договор, закрепление восточных территорий, соль-озеро, перекрестие соляных троп

Project Activity: on the Issue of the Emergence of the City of Borzi

Olga I. Matafonova¹, Lyubov A. Kuvardina²

Secondary General Education School No. 2, Zabaikalsk Urban-Type Settlement, Transbaikal region, Russia

¹matafonova.o@mail.ru, ²kuvardina-zbk@mail.ru

The article describes the emergence of Borzi in connection with the resettlement policy after the signing of the Treaty of Buri in the XVIII century on the consolidation of the eastern territories. It is about project work with students of secondary schools on the example of the creation of the project "Borzya: pages of history", which is based on the sources of the State Archive of the Trans-Baikal Territory.

Keywords: Project Activity, the Burinsky Agreement, Consolidation of the Eastern Territories, Salt Lake, the Crosshair of Salt Trails

Занимаясь проектной деятельностью с учащимися, важно выбрать темы, связанные с краеведением. Это интересная поисковая работа, результатом которой становятся новые компетенции, знания. Работая с темой, посвященной истории г. Борзи, пришлось поработать с архивными источниками и обратиться к поиску документов в сети Интернет. Результатом проекта «Борзя: страницы в историю» стала эта статья, в которой рассматриваются интересные и редкие факты о зарождении города. С чего же все начиналось?

В документах Государственного архива в статье «Областное народное образование и здравоохранение Забайкальской области», подготовленную к 170-летию, отмечено, что главную историческую задачу – реализацию Амурской политики – область выполнила. Этому способствовали Айгунский (1858) и Пекинский (1860) договоры с Китаем. Этими документами за Россией были закреплены

«восточные территории». Переселенческая политика, целью которой было строительство новых поселений, настойчиво реализовывалась последователями генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского.

Администрация Забайкальской области во главе с военными губернаторами М. С. Корсаковым, Н. П. Дитмаром, Е. О. Мациевским, А. И. Кияшко успешно решала вопросы хозяйственного освоения большого и сурового Забайкальского края. Много внимания уделялось вопросам заселения земель, обустройству городов и поселков.

В этой статье речь пойдет о городе Борзе. Известно, что раньше это был поселок Суворовский. Такое название поселение получило в память о русском полководце А. В. Суворове.

Краевед Н. С. Тяжелов (1891–1972) писал, что Борзя основана в XVIII в. после под-

писания Буринского договора, а первое название города произошло от эвенкийского «бори», что означает небольшой холм, сопка.

Буринский договор установил государственную границу между Россией и Китаем от сопки Абагайтуй до перевала Шамин-Дабага. С русской стороны Договор подписал глава посольства граф С. Л. Владиславич, который сумел отвести претензии маньчжурских правителей Китая на русские владения.

Поселок, ставший в будущем городом Борзей, возник в 70-е гг. XVIII столетия как сторожевой пост на границе Российской империи с Китаем. С появлением таких казачьих караулов восточные границы России были надежно защищены.

В рукописи забайкальского краеведа Н. С. Тяжелова, составившего алфавитный указатель населённых пунктов Читинской области, приведены сведения о времени их появления, указаны в нем также фамилии и имена первых поселенцев Борзи.

Предположение о названии города от эвенкийского «бори» выглядит весьма убедительно. Правда, есть еще одна интересная гипотеза. Она связана с соль-озером.

Название Борзя произошло от слова «боржа», что в переводе с бурятского могло означать «соленое», «самосадочное соленое озеро».

С приходом в эти места первых русских людей название стало произноситься мягче – Борзя. Это еще одна из версий, точного соответствия переводу не установлено.

Многие исследователи склоняются к тому, что жизнь Борзе дало именно Соль-озеро. Вот что писал Н. С. Тяжелов: «Борзинское село – в 1775 г. Указ о поселении разных людей, до 25 семей, для добывания соли».

«Горный журнал» № 6 (Санкт-Петербург, 1855) опубликовал материалы о полезных ископаемых Восточного Забайкалья. Большое внимание в них уделяется самосадочным соляным озерам, включая Борзинское. Подробно описана садка соли, свойства, пригодность для промышленного производства в целях обработки серебряных руд и для «потребления в продовольствии».

Соль-озеро находится в 24-х километрах от города, справа от дороги на Соловьевск. Подробное описание озера оставил Петр Паллас (1780), писавший, что в 1768 г. «сгребли около 20 тыс. пудов, но больше такой садки уже не было».

С 1756 г. на Борзинских озерах стали вести промышленную добычу поваренной соли, которая продолжалась почти 180 лет.

Интересно, что с 1756 по 1915 гг. соль выпадала в осадок 70 раз. С мая до осени на Борзинском соляном озере на «государственном коште» содержалось 50 чел., был организован «соляной дозор».

При хорошем посаде соли на работы нанимались вольные люди, бывало, до 700 чел., а во время хорошей садки до 1 500 и более. На берегу озера были построены специальные варницы и амбары для временного хранения соли перед вывозом ее на Нерчинские рудники. Здесь же на озере велась продажа соли.

«...на Борзинском соляном озере находятся пять амбаров для складки соли и пять сушильных сараев для просушивания ее, одна изба для проживания рабочих, одна баня и дом для чиновников. Вот эти строения деревянные и кроме двух последних столь тесны, сколь неудобны, что совершенно не соответствуют предназначенным помещениям. При этом они так ветхи, что угрожают падением. Амбар не может помещать в себе более 15 тыс. пуд. соли; двери у них столь низки, пороги столь высоки, что затрудняют прохождение в особенности с мешками, нагруженными солью; закровов для соли и крылец нет. В сушильных сараях боковые стены выбраны для полов, дверей нет и крыши дыриваты. Дом для чиновников, хотя недавно построен, но чрезвычайно холоден, неудобен. Вот это все составляет недвижимый капитал озера по цене 674 руб.» [1].

Поскольку здесь собиралось много соледобытчиков, требовался казачий пикет, чтобы доглядывать за чужаками, нарушителями и смутьянами.

В начале 70-х годов XVIII в. рядом с бурятским стойбищем под горой Буха на берегу реки Горохон (позднее – реки Борзи) образовалось перекрестие соляных троп. Здесь стоял сторожевой пикет тунгусских казаков, который в случае необходимости высылался из Чиндантской крепости.

Позже казаки решили, что лучше обособиться на месте, чтобы не выдвигаться в дозор каждый раз за много километров.

Возникновение города связано с проведением переселенческой политики в связи с освоением восточных земель Российской империи. Место выбрано на выгодном в экономическом плане перекрестии соляных троп.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 479.
2. Мясников А. В. Академия земли Даурской. Научные учреждения Нерчинского горного округа в XVIII–XIX веках. Чита: [б. и.], 2012. 130 с.
3. Горный журнал. СПб.: Тип. И. Глазунова и К, 1855. Кн. 6 (июнь). 186 с.

Сведения об авторах

Матафонова Ольга Ивановна, канд. пед. наук, преподаватель проектной деятельности, средняя общеобразовательная школа № 2, пгт Забайкальск, почетный работник общего образования Российской Федерации, Забайкальский край, пгт Забайкальск, Россия, matafonova.o@mail.ru

Кувардина Любовь Алексеевна, учитель истории, средняя общеобразовательная школа № 2, пгт Забайкальск, почетный работник общего образования Российской Федерации, Забайкальский край, пгт Забайкальск, Россия, kuvardina-zbk@mail.ru

Information about the authors

Olga I. Matafonova, Candidate of Pedagogical Sciences, Teacher of Project Activities, Secondary General Education No. 2, Zabaikalsk Urban-Type Settlement, Honorary Worker of the General Education of the Russian Federation, Zabaikalsk Urban-Type Settlement, Transbaikals Territory, Russia, matafonova.o@mail.ru

Lyubov A. Kuvardina, is a History Teacher of the Secondary General Education No. 2, Zabaikalsk Urban-Type Settlement, Honorary Worker of the General Education of the Russian Federation, Zabaikalsk Urban-Type Settlement, Transbaikals Territory, Russia, kuvardina-zbk@mail.ru

**РАЗДЕЛ VI. Российско-китайские отношения глазами
русских и китайских студентов.
Вопросы лингвистики и филологии**

**CHAPTER VI. Russian-Chinese Relations Through the Eyes
of Russian and Chinese Students.
Questions of Linguistics and Philology (Student Section)**

УДК 94(470+571)+(510)

Условия подписания Нерчинского договора

Михаил Андреевич Сергеев

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
misha.sergeev27@gmail.com*

Статья представляет исследование условий подписания Нерчинского договора 1689 г. Автор рассматривает политические требования сторон, а также обстановку, в которой проходило обозначенное событие. Выделены возможные причины уступок в переговорах, на которые пошла как российская, так и китайская стороны.

Ключевые слова: договор, граница, условия, Ф. А. Головин, Сюань Е Сонготу

Conditions for Signing the Nerchinsk Treaty

Mikhail A. Sergeev

*Transbaikal State University, Chita, Russia
misha.sergeev27@gmail.com*

The article presents a study of the conditions for signing the Treaty of Nerchinsk in 1689. The author examines the political demands of the parties, as well as the environment in which the designated event took place. The article highlights the possible reasons for the concessions in the negotiations, which were made by both the Russian and Chinese sides.

Keywords: Contract, Border, Conditions, F. A. Golovin, Xuan Ye Songotu

Сибирь – регион, известный своими просторами, суровыми климатическими условиями и богатством природных ресурсов. В разное время эту территорию контролировали империя Хунну, Уйгурский каганат, империя Ляо, Монгольская империя и отколовшиеся от нее ханства, а также множество других племен и государственных образований. После знаменитых походов Ермака Тимофеевича 1581–1585 гг. к этому числу присоединилась и Россия [6, с. 41–69].

К середине XVII в. в ходе колонизации Сибири Россия достигла территорий Приамурья, что не устраивало империю Цин, у которой также были свои интересы в регионе. Это привело к русско-цинскому пограничному кон-

фликту, длившемуся с 1649 по 1689 г. Его окончанием, является Нерчинский договор. Рассмотрим подробнее условия его подписания [1, с. 68; 3, с. 16; 6, с. 73].

Знаменитый лингвист Сергей Иванович Ожегов дает несколько определений термину «условие» [5]. Говоря о Нерчинском договоре, стоит выделить два значения этого понятия, а именно «требования» и «обстановка».

Что касается требований, то в ходе переговоров китайская сторона, которую представляли министр при дворе императора Канси Сюань Е Сонготу (рис. 1), князь и дядя императора Тун Гун-ган (Дунгувеган), сановник Лантань, стремилась вытеснить русских поселенцев и предотвратить принятие российского

подданства местными племенами. Выдвинули претензии на территории Приамурья, Забайкалья и всех территорий к востоку от реки Лена [1, с. 68; 2; 3, с. 17; 8, с. 782; 9, с. 151–158].

Российскую сторону представляли дипломат Фёдор Алексеевич Головин (рис. 2) и нерчинский воевода Иван Естафьевич Власов (рис. 3).

Рис. 1. Сюань Е Сонготу [4]

Рис. 2. Федор Алексеевич Головин [1, с. 70]

Рис. 3. Иван Евстафьевич Власов [1, с. 73]

В свою очередь, стремилась донести до своих оппонентов то, что земли, на которых русские казаки возвели Нерчинский, Албазинский и другие остроги, никогда не принадлежали империи Цин. Она предложила определить границы по реке Амур [1, с. 69–70; 2; 3, с. 17–18; 7; 8, с. 782; 9, с. 127–151].

Рассмотрим обстановку, в которой проходил процесс подписания Нерчинского договора. Переговорный процесс длился с 12 по 26 августа 1689 г. Встреча послов происходила в поле между реками Нерча и Шилка. Два шатра располагались напротив друг друга. Маньчжурский шатёр выглядел скромно – он был покрыт простым полотном. Русский, напротив, – украшен турецкими коврами, посреди него располагался стол с креслами, на столе находились часы с золотой чернильницей. Внешний вид российских послов также впечатлял – на них были надеты кафтаны из золотой парчи. Переговорный процесс шел на латинском языке, самих маньчжуров больше интересовал территориальный вопрос, нежели торговый [9, с. 160–184].

Существовало несколько предложений по определению границ государств, в ходе которых стороны шли на некоторые уступки в своих требованиях. Китай опасался угрозы со стороны Джунгарского ханства, имел некоторые сложности во внутренней политике, менее подготовленную и менее организованную армию (если сравнивать с европейскими), также имели место логистические сложности.

Россия, в свою очередь, не имела сильных позиций в регионе из-за неосвоенности территории, неосновательного закрепления на ней, недостаточной лояльности местных племен, логистических трудностей, имела место и потребность в восточных товарах, некоторое влияние также оказывали Крымские походы князя Василия Васильевича Голицына 1686–1700 гг. [1, с. 68; 2; 7; 9, с. 128].

Однако китайская сторона пыталась осуществлять силовое давление на своих оппонентов. Изначально под Нерчинском стояла хэйлунцзянская армия Ланьтаня и Сабсу, насчитывавшая около 5 тыс. воинов, 120 боевых судов и значительное число артиллерии. В дальнейшем численность цинских войск увеличилась за счет прибытия 21 июня Сонготу с отрядом, насчитывавшим 10–12 тыс. чел. В то же время гарнизон Нерчинска насчитывал лишь 1 450–1 500 стрельцов и казаков [1, с. 69; 2; 7; 9, с. 172–175].

Отдельно стоит отметить роль миссионеров-иезуитов – француза Жана Франсуа Жербийона и португальца Томаса Перейра, выступавших на стороне китайского посольства. Российские послы не имели переводчика маньчжурского языка, поэтому иногда в ходе переговоров они были вынуждены доверять миссионерам.

В то же время нельзя утверждать, что Жербийон и Перейра полностью контролировали переговорный процесс, поскольку Головин владел латынью и мог замечать искаже-

ния в речи цинских послов. Тем не менее в конечном счете русским послам пришлось довериться иезуитам, которые утверждали, что экземпляр договора на маньчжурском языке идентичен вариантам на латинском и русском языках. Однако тексты документов имеют различия [1, с. 170; 9, с. 185–186].

Несмотря на столь сложные условия, сторонам все же удалось добиться некоторого компромисса. В качестве рубежей устанавливались река Горбица и Большой Хинган (Каменный горный хребет к северу от реки Амур). Территории к югу от хребта отходили к Цинской империи, к северу – России (рис. 4). При этом образовывалась значительная зона неразграниченных земель, размежевание которых стороны обязывались произвести после изучения местности. Кроме того, устанавливалась

граница по реке Аргунь, правый берег которой отошёл Китаю. Город Албазин должен был быть разрушен, а его жители переселены на российскую территорию. Нарушители границы подвергались наказаниям, перебежчики должны были выдаваться властям. Купцы, имеющие специальные проезжие грамоты, могли вести свободную торговлю на территориях обоих государств. Нерчинский договор 1689 г., несмотря на свое несовершенство (различия текстов, неточности и т. д.), имел большое значение, поскольку урегулировал приграничный конфликт и стал первым российско-китайским договором. Кроме того, он помог экономически развиваться как Забайкалью, так и всей Сибири (особенно после принятия Таможенного устава 1698 г.) [1, с. 69–70; 2; 3, с. 17–18; 6, с. 125; 7; 8; 9, с. 189–209].

Рис. 4. Российско-китайская граница по Нерчинскому договору [4]

Список литературы

1. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 г.): учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2017. 310 с.
2. Константинова Н. Н. Нерчинский договор. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=5030> (дата обращения: 22.08.2024).

3. Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XXI в.): учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2019. 158 с.
4. Нерчинский договор. Первый мир России с Китаем. Текст: электронный // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/100248-nerchinskiy-dogovor-pervyy-mir-rossii-s-kitaem.html> (дата обращения: 22.08.2024).
5. Ожегов С. И. Условие. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33352> (дата обращения: 22.08.2024).
6. Олех Л. Г. История Сибири: учеб. пособие. Изд. 2-е переаб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2005. 360 с.
7. Постников А. В. Нерчинский договор 1689. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=8548> (дата обращения: 22.08.2024).
8. Старцев А. В. Российско-китайские договоры до 1917 г. // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 782–784.
9. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Академия наук СССР, 1958. 213 с.

Сведения об авторе

Сергеев Михаил Андреевич, магистрант 2-го курса, направление подготовки «Педагогическое образование», магистерская программа «Историческое образование», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, misha.sergeev27@gmail.com

Information about the author

Sergeev Mikhail Andreevich, 2nd Year Master's Student, Majoring in "Pedagogical Education", Master's Program "Historical Education" of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, misha.sergeev27@gmail.com

УДК 930.22(470+571)+(510)

Русско-китайские дипломатические отношения на раннем этапе (XVII в.)

Иван Игоревич Кривошеев

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
azura.one.love@gmail.com

В статье исследуются особенности становления и развития ранних дипломатических отношений между Россией и Китаем в XVII в., рассмотрены и охарактеризованы исторический контекст и предпосылки. Приведены конкретные исторические примеры, особое внимание уделяется анализу первых экспедиций русских послов и роли пограничных острогов. Сделан вывод о высокой исторической значимости острога Албазин и Нерчинского договора в установлении двусторонних отношений.

Ключевые слова: Россия и Китай, дипломатия, русско-китайские дипломатические отношения, история русской дипломатии, история китайской дипломатии

Russian-Chinese Diplomatic Relations at Early Stage (XVII Century)

Ivan I. Krivosheev

Transbaikal State University, Chita, Russia
azura.one.love@gmail.com

The article examines the beginning and development of diplomatic relations between Russia and China in the XVII century, describes the historical context behind it. Specific historical examples are given, with special attention paid to the first expeditions of Russian ambassadors and the role of border ostrogs (forts). The conclusion is given about the high historical significance of the Albazin ostrog and the Treaty of Nerchinsk in establishment of diplomatic connections.

Keywords: Russia and China, Diplomacy, Diplomatic Relations, History of Russian Diplomacy, History of Chinese Diplomacy

Говоря о ранних российско-китайских отношениях до XVII в., приходится обращаться к малочисленным и отрывистым историческим сведениям, иногда не слишком достоверным,

таким как летописи и китайские исторические записки. Двум народам было известно друг о друге уже, по крайней мере, с монгольского нашествия на Русь в XIII–XIV вв., которое в

соответствии со своей разрушительной природой сопровождалось и многочисленным захватом пленных. Некоторые из них направлялись в Китай, тоже являвшийся тогда частью Юаньской империи монголов. Китайское именование русских 俄罗斯 (упр.) «элосы» появляется примерно в это время, и очевидно является адаптацией монгольского «урус», которое сами они переняли в покорённых мусульманских странах [4]. Сведения об этом сохранились и представлены в книге китайской истории Юаньши (кит. упр. 元史 yuánshǐ), истории династии Юань, составленной, по обыкновению, во времена сменившей её династии Мин ученым Сун Лянем. С этого началась многовековая история русских в Китае, которая, стоит сказать, еще долгое время не выйдет за пределы Пекина.

В XV в. первый знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин в своём «Хождении за три моря» добрался до Китая. При этом не до конца ясно, что именно он зовёт собственно Китаем: «А от *Чины* до *Китая* итти сухом шесть месяц, а морем четыре дни», то есть «А от *Чины* до *Китая* итти по суше шесть месяцев, и по морю четыре дня». Название Чина (Sina, China) закреплено за Китаем сегодня во многих европейских языках. Поскольку Афанасий начинает этот пассаж со слов «А иду я на Русь...», можно сделать вывод, что двигается он на север и Чиной зовет южные области Китая, а Китаем – северные и совокупно часть Восточной Сибири, в чём соглашались историки и китаеведы. Сведения о Китае автор ограничивает фразой об искусности фарфора и общей дешевизне местных товаров.

Тем не менее о масштабных российско-китайских отношениях и взаимодействиях дать последовательную и детальную историческую картину можно начиная с XVII в. Первые полноценные контакты русских с китайцами были связаны с русскими географическими открытиями в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, с покорением Сибири и деятельностью казаков-землепроходцев. Это обуславливало и задачи первых русских послов, которые должны были не только добиваться установления дипломатических и торговых отношений, но и представить подробное описание географии стран и путей, ведущих к ним.

После покорения Сибири во второй половине XVI в. русские владения приблизились к Китаю. Казаки и другие землепроходцы многое узнавали о Китае через монголов. Встал

вопрос о разведке удобного пути в Китай, и в 1608 г. царь Василий IV Шуйский указал направить посольство монгольскому Алтын-хану и через его владения добраться в Китай, однако из-за войны местных кочевых княжеств послам не удалось пройти через западные земли монголов. В 1616 г. было повторно отправлено посольство во главе с атаманом Василием Тюменцом, которое снова остановилось в кочевьях Алтын-хана, но не добрались до Китая.

Первым добравшимся этим путем землепроходцем стал служивый томский казак Иван Петлин, которого поставили во главу группы, собранной в Тобольске в 1618 г. Петлин с предоставленными ему Алтын-ханом сопровождающими, которые уже ходили в Китай, прошли через горный хребет Дациньшань, через него к Великой стене, и вдоль неё дошли до Чжанцзякоу (город в провинции Хэбэй), прошли через ворота стены для приезжающих с севера. До Пекина группа прошла через Нанькоу. Петлин пробыл в Пекине на посольском дворе четыре дня, при этом не встречаясь с императором [6, с. 151]. Весной 1619 г. послы вернулись на родину в Томск, позже в Москве Иван Петлин представил подробное описание своего путешествия, «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым, и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам», а также чертёжную карту Китая и грамоту от императора. Несмотря на общий успех экспедиции и возникшую заинтересованность китайцев русскими, в будущем практических результатов в установлении двусторонних отношений посольство Петлина не принесло. Однако его «Роспись» с подробнейшим описанием сухопутного пути в Китай через Алтайско-Саянскую горную систему возымела большую ценность для географической науки, была переведена на европейские языки.

С середины по конец XVII в. Китай последовательно покорился маньчжурам, установившим там новую империю Цин. Экспансия и русских, и маньчжурских теперь владений приводила уже к непосредственным контактам вдоль реки Амур и у пограничных сибирских городов. В 1654 г. вновь из Тобольска направляется посол Федор Исакович Байков, уже с твердой целью прямого установления связей между державами. И в этот раз задача не была выполнена по множеству неурядиц. Байков пробыл в Китае шесть месяцев и собрал множество сведений о Пекине, китайцах и маньчжурах, а также ценные географиче-

ские сведения о сухопутных маршрутах в Китай [3, с. 7].

Российское государство активно продвигалось всё ближе к Тихому океану через Восточную Сибирь. На протяжении всего процесса присоединения Сибири и Приамурья не только Сибирский приказ, ведавший в Москве управлением Сибири, но и местные власти, воеводы сибирских городов, не располагали данными о территориальном распространении власти Цинской династии и полагали, что дальше за Амуром существовало несколько государств [1, с. 26].

Экспансия в Восточную Сибирь проводилась преимущественно малыми военными землепроходческими отрядами, которых хватало для покорения местных племенных и кочевых монголо-тунгусо-язычных народов: дауров, дючеров, эвенков, ачанов, тунгусов и др.; которые принимали русское подданство. Установление российской власти на Амуре сопровождалось сооружением опорно-административных пунктов – острогов. Первые пограничные конфликты в Приамурье возникли в середине XVII столетия, история этого привязана к русскому острогу Албазин. В работе отечественных и зарубежных историков он обычно фигурирует в связи с двумя наиболее значимыми событиями своего времени в Приамурье: приведением Е. П. Хабаровым в 1649–1653 гг. в русское подданство значительной части населявших этот край народов и маньчжурской агрессией 1685–1689 гг., завершившейся подписанием Нерчинского договора [7].

Албазин был осажден в июне 1685 г. и пал за несколько дней. Причинами поражения обороны археолог А. Р. Артемьев называет помимо недостатка поздно посланной в острог помощи еще и слабость стеновых укреплений – деревянный тес и тын не могли сдерживать «богдойских ядер», которые пробивали их насквозь и даже навывлет через стены с другой стороны [2]. История острога Албазин закончилась Нерчинским договором от 1689 г., по которому русский гарнизон покидал Албазин и передавал освоенное Приамурье Китаю на длительный срок.

Маньчжуры уводили с собой в Китай захваченных в Приамурье русских пленных казаков и крестьян. Среди них были и пленные албазинцы. Всего за время амурской кампании (1680–1690-е гг.) в Пекин было приведено около двух сотен русских, которые затем собирательно, обобщенно стали называться албазинцами.

Таким образом, в Пекине появилась русская диаспора. Подобно своим предкам в древности, русские при императорском дворе стали нести военную, гвардейско-гарнизонную службу. Албазинцы были записаны в «русскую роту» «желтого с каймой знамени императорской гвардии» – в роту Гудэй, организованную в 1649 г. из пленных русских. Наравне с другими солдатами, албазинцы получили казенные квартиры, деньги на первоначальное обустройство, денежные пайки и содержание рисом, а также наделы пахотной земли и территорию для кладбища, которая находилась вне города за северо-восточной башней. Кроме того, им разрешили брать в жены вдов казненных преступников.

Прибытие албазинцев в Пекин станет своего рода отправной точкой для полноценного русско-китайского языкового обмена. Все посылаемые до этого в Китай российские посольства и экспедиции не имели особого успеха, в том числе и по причине языкового барьера. Послы, землепроходцы и торговые караваны пользовались для общения с китайцами говорящими по-русски толмачами (переводчиками в международных делах) из монгольских племен и кочевых народов Восточной Сибири, которые разделяли своими кочевьями две нации и давно контактировали с теми и другими. Переговоры всегда требовали двойного перевода, сильно осложняя понимание. В частности, в истории посольства Ф. И. Байкова опосредованные переговоры называются одной из основных причин неудачи установления отношений с китайским двором – «мунгальский толмач» плохо говорил по-русски.

Поэтому с албазинцами в отношении развития взаимного изучения китайского и русского языков связано открытие в 1708 г. Школы русского языка при дворцовой канцелярии в Пекине, кит. упр. 内阁俄罗斯文官 nèigé éluósī wénguān. В Китае так же не было собственных знатоков русского, и школа была учреждена с целью подготовки переводчиков для обеспечения российского направления китайской внешней политики [5, с. 12]. В качестве и изучающих китайский, и учителей русского приглашались в основном албазинцы. Позже школа начнет тесное сотрудничество с Российской духовной миссией, специалисты которой будут переводить учебную литературу и разрабатывать для школы пособия и программы. Миссионеры так же будут обучать в ней китайцев и маньчжуров русскому языку.

Нерчинский договор по-разному оценивается историками с обеих сторон, тем не

менее, он стал первой серьезной вехой и основой мирного сотрудничества двух государств. Просьба албазинцев к русскому правительству отправить им священника поставила вопрос об организации духовной миссии. Будучи единственным представителем интересов России в Китае духовная миссия превратилась, по сути, в российскую дипломатическую миссию и единственный посто-

янный и наиболее достоверный источник сведений о событиях в Цинской империи. Россия и Китай долгой и продолжающейся историей своего всестороннего дружеского сотрудничества обязаны Российской духовной миссии и косвенному поводу к её началу – Нерчинскому договору, впервые определившему отношения и границу между двумя государствами.

Список литературы

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1984. 272 с.
2. Артемьев А. Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1993. № 4–5. С. 129–136.
3. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М.: Наука, 1966. 157 с.
4. Кафаров П. И. Русское поселение в Китае в первой половине XIV в. // Живая старина. 1894. № 1. С. 65–67.
5. Лапин П. А. Первая школа русского языка в Китае. М.: Восточная литература, 2009. 125 с.
6. Мясников В. С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146–151.
7. Пещуров Д. А. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: М-во ин. дел, 1889. 271 с.

Сведения об авторе

Кривошеев Иван Игоревич, магистрант 2-го курса, направление подготовки «Филология», магистерская программа «Литература народов зарубежных стран (на русском языке)», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, azura.one.love@gmail.com

Information about the author

Ivan I. Krivosheev, 2nd Year Master's Student, Majoring in Philology, Master's Program "Literature of the Peoples of Foreign Countries (in Russian)" of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, azura.one.love@gmail.com

УДК 39(512.216)

Репрезентация этнокультурной идентичности героя в творчестве писателя-орочона Ао Чанфу

Ксения Романовна Потапова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
PotapovaKse9ia@yandex.ru

Этническая самобытность и культурное наследие малочисленных народов Китая, таких как орочоны, находится под угрозой ассимиляции в условиях ускоренной глобализации и унификации. Для более глубокого понимания процессов этнической самоидентификации в статье исследуется, как представитель этого этноса транслирует свою идентичность в литературном творчестве посредством изображения своих героев. Данное исследование вписывается в более широкий контекст изучения творчества коренных народов, что способствует расширению представлений о культурном разнообразии Китая.

Ключевые слова: орочоны, малочисленные народы, этнос, Северный Китай, этнокультурная идентичность, самоидентификация

Representation of the Ethnocultural Identity of the Character in the Work of the Oroqen Writer Ao Changfu

Ksenia R. Potapova

Transbaikal State University, Chita, Russia
PotapovaKse9ia@yandex.ru

The ethnic identity and cultural heritage of the small peoples of China, such as the Orochon, is under threat of assimilation in the context of accelerated globalization and unification. For a deeper understanding of the processes of ethnic self-identification, the article examines how a representative of this ethnic group translates

his identity in literary work through the depiction of his heroes. This study fits into the broader context of studying the creativity of indigenous peoples, which contributes to the expansion of ideas about the cultural diversity of China.

Keywords: Oroqen, Small Peoples, Ethnos, Northern China, Ethnocultural Identity, Self-identification

В исследовании поднимается проблема репрезентации этнокультурной идентичности в литературе, а именно каким образом этническую самобытность орооченов отражается и транслируется через мироощущение и самоидентификацию героев произведений Ао Чанфу.

Понятие «этнокультурная идентичность» (или «этническая идентичность») впервые введено в научный оборот в начале XX в. Можно выделить следующие этапы: 1) в начале века – популярны идеи о «душе народа» и этнокультурной специфике народов разрабатывались в трудах таких ученых, как Г. Риккерт, В. Дильтей, А. Бергсон; 2) 20–30-е гг. – концепция «этнической психологии» была развита в работах немецких социологов и психологов (В. Вундт, М. Вебер, Э. Шпрангер); 3) 50–60-е гг. – в американской социальной психологии и антропологии формируется понятие «этническая идентификация» (Э. Эрикссон, Д. Фрейзер, Х. Такер); 4) 70–80-е гг. – в советской этнографии и социологии разрабатываются подходы к исследованию феномена «этническое самосознание» (Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева); 5) конец XX – начало XXI в. – концепт «этнокультурная идентичность» активно изучается в рамках культурной антропологии, этнопсихологии, социологии (Г. Хофстеде, С. Холл, Э. Гидденс и др.).

Этнокультурная идентичность формируется в процессе социализации человека, его приобщения к культурному наследию этноса [3]. Она имеет большое значение для сохранения этнической самобытности и этнического единства. Вместе с тем этнокультурная идентичность может быть источником как интеграции, так и конфликтов в полиэтнических обществах.

Как отмечает Н. Р. Красовская, «этнокультурная идентичность – это осознание своей принадлежности к той или иной этнической общности на основании общей территории проживания, устойчивых особенностей культуры и языка» [4]. Иначе говоря, комплексное понятие, описывающее самоосознание человека или группы людей как представителей определенного этноса и его культуры. Данное понятие включает в себя следующие аспекты:

1. Этническая принадлежность (М. Вебер, Р. Э. Парк) – осознание своей принадлежности к определенной этнической группе, чувство общности с ней [1; 10; 11].

2. Языковая идентичность (Дж. Фишман) – использование родного языка, сохранение и передача языковых традиций [9].

3. Культурная самобытность (И. Г. Гердер, Э. Тайлор, К. Ясперс, К. Леви-Строс) – приверженность и приобщение к традиционным ценностям, нормам, обычаям, ритуалам этноса [2; 5].

4. Историческая память (Я. Ассман, М. Хальбвакс) – осознание общей исторической судьбы, традиций, символов этнической группы [7].

5. Территориальная привязанность (С. Сигнелл) – связь с исторической родиной, местами компактного проживания этноса [8].

6. Этническая солидарность (Р. Линтон) – чувство эмоциональной близости, взаимопомощи с представителями своей этнической группы.

После образования КНР в 1949 г. этнические меньшинства получили возможность активно развивать свою культуру, в частности, через литературу. Писатели и поэты в этот период обращаются к традиционной культуре и фольклору, этническому самоопределению [15]. Появляются яркие авторы, отражающие в своём творчестве этнокультурную специфику. Например, писатель Гао Инцзунь, уйгурские поэты Абдукерим Джумагул, Омира Маммаджан, монгольская поэтесса Алтан-геген. В их произведениях прослеживаются мотивы национальной истории, верований, быта, пейзажи родного края, тема поиска корней [16]. Коренные писатели обогатили и разнообразили китайскую литературу [14]. Они привнесли новые темы, жанры, художественные приёмы, расширили тематический и эстетический диапазон. Эта литература способствовала укреплению межэтнического диалога и обогащению национальной культуры в целом.

В этой статье мы фокусируем своё внимание на ороочонах и их культурной самобытности, которая отражена в творчестве Ао Чанфу.

Ороочоны (также известные как орокены, уличе, уильче) – коренной народ, относящийся к тунгусо-маньчжурской языковой группе; малочисленный коренной народ, проживающий на северо-востоке Китая, в провинции Хэйлунцзян. Они имеют свою самобытную культуру, язык и традиции. Проживают в Хэйлунцзянской провинции Китая, в районах Большого и Малого Хингана. Численность

орочонов на территории Китая составляет около 8 тыс. чел. (данные на 2010 г.). Самоназвание народа – «орочон», «орокен». Этноним «орокены» был дан им китайскими исследователями [6, с. 118]. Ороконы ведут традиционный образ жизни, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством. Имеют свой язык, принадлежащий к тунгусо-маньчжурской языковой семье. Многие ороконы также владеют китайским языком. Исследованием ороконов занимались этнографы, лингвисты, социологи, философы. Среди ранних работ возможно выделить следующие: “The Oroqen of Northeast China: Society, Shamanism, and Folklore” (1992) – монография Марселя Грюля, в которой изучается традиционная культура, религия и фольклор ороконов; “The Oroqen Minority in China: Society, Shamanism and Folklore” (2000) – монография Сяо Маосин, раскрывающая социальную организацию, шаманизм и устное народное творчество ороконов. “The Oroqen Minority in China: Economic and Social Transformation” (2004) – исследование Сяо Маосин, посвященное изменениям в традиционном хозяйстве и социальной жизни ороконов в современную эпоху; “Oroqen Culture” (2007) – коллективная монография под редакцией Лю Сюнцзянь, комплексно освещающая различные аспекты культуры ороконов; “Ethnographic Study on the Oroqen Ethnic Minority in China” (2012) – исследование Ли Сяодун, посвященное этнографическому изучению быта, хозяйственной деятельности и социальной организации ороконов.

Ао Чанфу (псевдоним Уранибея) – выдающийся ороконский писатель Китая. Родился во Внутренней Монголии в семье ороконов и всю жизнь посвятил изучению и сохранению культуры своего народа. Его произведения написаны в жанре романа «Вернувшийся домой», «Охотник на лосей» [13], большой популярностью пользуются сборники рассказов, благодаря которым широкая китайская аудитория, ханьцы, познакомились с культурой малочисленного народа. Ао Чанфу является одним из основоположников ороконской (орокенской) литературы [12]. Его творчество внесло значительный вклад в сохранение и популяризацию уникального культурного наследия ороконов в Китае.

Исходя из исследований творчества Ао Чанфу, можно выявить следующую типологию его героев, которые становятся трансляторами мироощущения писателя и следствием его этнокультурной идентичности [6; 12–14; 17].

1. Традиционист (рассказ “普洱茶” – «Пуэрский чай»): герой глубоко укоренен в традиционной культуре и ценностях, подчиняется нормам и устоям традиционного уклада жизни, отстаивает сохранение этнокультурной идентичности.

2. Конформист (рассказ “北平原上的钟声” – «Колокола на северных равнинах»): герой готов адаптироваться к требованиям современной городской среды, принимает доминирующие социальные установки и образ жизни, внутренне конфликтует между традиционными ценностями и модернизацией.

3. Индивидуалист (рассказ “重担” – «Ноша»): герой стремится обрести внутреннюю свободу от традиций и социума, находится в поиске подлинной идентичности, проецирует личные ценности в противовес этнокультурным нормам.

4. Маргинал (рассказ “白龙梦” – «Сон о Белом Драконе»): герой оторван от родной этнокультурной среды, испытывает внутренний дискомфорт и отчужденность, утрачивает связь с традиционными основами бытия.

Таким образом, мироощущение и мировосприятие героев в произведениях Ао Чанфу раскрывают многогранность и сложность человеческой природы. Особенно отражена глубокая связь с природой и культурой. Герои Ао Чанфу воспринимают себя как неотъемлемую часть природного мира, следуют традиционным ценностям и укладу жизни. Для них природа – источник духовного обновления и гармонии.

Они осознают хрупкость и быстротечность жизни, остро чувствуют характер бытия, конечность человеческого существования. Это порождает философскую рефлексию о смысле жизни.

Основным мотивом становится поиск идентичности и внутренней свободы. Герои Ао Чанфу зачастую находятся в состоянии духовного кризиса, пытаются обрести подлинное «Я», освободиться от давления социума и традиций. В мировоззрении персонажей переплетаются элементы традиционной культуры и актуальные для современного Китая вопросы.

В целом, мироощущение героев Ао Чанфу отражает сложные процессы трансформации индивидуального и национального самосознания в условиях стремительной модернизации китайского общества.

Самоидентификация литературных героев Ао Чанфу должна рассматриваться в контексте его принадлежности к ороконской этнокультурной традиции. Его персонажи, отража-

ют специфику мировоззрения, ценностей и жизненного уклада орооченов.

Можно предположить, что в творчестве Ао Чанфу важную роль играют такие аспекты ороочонской культуры, как связь с природой, шаманизм, почитание предков, семейно-родовые отношения. Самосознание и самоопределение его героев происходит через призму этнической принадлежности к ороочонской общности.

Этнокультурная идентичность самого Ао Чанфу как ороочона определяет особенности

самоидентификации литературных персонажей в его произведениях. Их образы и судьбы раскрывают уникальный культурный мир этого малочисленного народа.

Данное исследование поднимает важный вопрос о роли литературы в конструировании и сохранении этнической идентичности коренного писателя в условиях глобализации и культурной гомогенизации. Анализ художественного текста Ао Чанфу раскрывает культурное своеобразие и ценность его этнической группы в контексте мультикультурализма.

Список литературы

1. Вебер М. Этика и общая социология. М.: Канон+, 2016. 235 с.
2. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 2002. 471 с.
3. Корючкина П. С. Формирование этнической идентичности в процессе социализации и инкультурации. Текст: электронный // Человек в мире культуры. 2016. № 3. С. 47–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-etnicheskoy-identichnosti-v-protssesse-sotsializatsii-i-inkulturatsii/viewer> (дата обращения: 31.07.2024).
4. Красовская Н. Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. № 3. С. 75–81.
5. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 323 с.
6. Чжан Сяоли. Искусство и эстетика традиционных узоров этнических меньшинств Северо-Восточного Китая. Текст: электронный // Культурное наследие России. 2023. С. 117–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-i-estetika-traditsionnyh-uzorov-etnicheskih-menshinstv-severo-vostochnogo-kitaya/viewer> (дата обращения: 22.08.2024). Текст: электронный.
7. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies. N. Y.: Walter de Gruyter, 2008. P. 109–118.
8. Eriksen T. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L.: Pluto Press, 2010. 365 p.
9. Fishman J. A. Language and Ethnicity // Language, Ethnicity and Intergroup Relations. L.: Academic Press, 1977. P. 15–57.
10. Park R. E. Race and Culture. Glencoe: Free Press, 1950. 312 p.
11. Park R. E. The Chicago School Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 358 p.
12. Wang Fei. The Reflection of Oroqen Culture in the Works of Ao Changfu // Journal of Minzu University of China. 2015. Vol. 4. P. 12–24.
13. Xu Xueji. Ao Changfu and His Contribution to Oroqen Literature // Journal of Baicheng Normal University. 2018. Vol. 2. P. 1–16.
14. 王亮. 20世纪中国小说中的多元民族之声. 中国文学研究, 2020年第2期, 第24–39页 @@ Ван Лян. Многообразие этнических голосов в китайской прозе XX века // Изучение китайской литературы. 2020. № 2. С. 24–39.
15. 李丹华. 当代中国文学中的民族文化认同. 文学艺术, 2018年第4期, 第56–67页 @@ Ли Даньхуа. Этнокультурная идентичность в современной китайской литературе // Литература и искусство. 2018. № 4. С. 56–67.
16. 徐童. 少数民族作家创作中的族裔主体性建构. 中国社会科学, 2019年第3期, 第102–119页 @@ Сюй Тун. Конструирование этнической субъектности в творчестве писателей-меньшинств // Социальные науки Китая. 2019. № 3. С. 102–119.
17. 陈振宇. 少数民族作家创作中的民族特性与文化杂糅. 民族文学研究, 2018年第3期, 第67–82页 @@ Чэнь Чжэньюй. Этническая самобытность и культурная гибридность в творчестве писателей-меньшинств // Исследования национальных литератур. 2018. № 3. С. 67–82.

Сведения об авторе

Потапова Ксения Романовна, аспирант 3-го курса, направление «Языкознание и литературоведение», направленность «Литература народов стран зарубежья (Европы, Америки, Австралии)», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, PotapovaKse9ia@yandex.ru

Information about the author

Ksenia R. Potapova, 3rd Year Postgraduate Student, Direction “Linguistics and literary studies”, Focus “Literature of the Peoples of Foreign Countries (Europe, America, Australia)” of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, PotapovaKse9ia@yandex.ru

УДК 008(470+571)+(510)

**Полилог культур в романе Баоэрджи Юанье
«Приключения в дремучей тайге Уссурийского края»**

Анастасия Дмитриевна Тимофеева

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
anastasya_timmmmm@mail.ru*

В данной статье анализируются элементы культур России и Китая на основе произведения Баоэрджи Юанье «Приключения в дремучей тайге Уссурийского края». Делается вывод, что изучение данного произведения помогает лучше понять культурные и мировоззренческие особенности народов двух стран, позволяет рассмотреть собственную культуру глазами «другого». Это способствует более глубокому осознанию культурного многообразия, взаимопониманию и уважению к различиям между культурами, что помогает строить диалог и сотрудничество между людьми разных национальностей и культурных традиций.

Ключевые слова: культура, российско-китайские отношения, коренные народы, монголы, эвенки

**Polylogue of Cultures in Baoerji Yuanye's Novel
“Adventures in the Slumbering Taiga of the Ussuri Region”**

Anastasia D. Timofeeva

*Transbaikial State University, Chita, Russia
anastasya_timmmmm@mail.ru*

This article analyses the elements of Russian and Chinese cultures based on Baoerji Yuanye's work “Adventures in the Dense Taiga of the Ussuri Territory”. It is concluded that this work helps to better understand the cultural and worldview features of the indigenous peoples of the two countries, allows considering one's own culture through the eyes of the 'other'. All of the above contributes to a deeper awareness of cultural diversity, mutual understanding and respect for differences between cultures, which helps to build dialogue and cooperation between people of different nationalities and cultural traditions.

Keywords: Culture, Russian-Chinese Relations, Indigenous Peoples, Mongols, Evenks

Баоэрджи Юанье (1958) является известным монгольским писателем. В своих произведениях он часто обращается к теме родных краев, культурного самосознания, а также исследования мира детьми [3, с. 45]. Последняя тема в полной мере отображена в романе писателя «Путешествия в дремучей тайге Уссурийского края», альтернативный вариант перевода «Необычайные встречи в Уссурийском лесу». Кроме того, данное произведение блестяще отображает полилог многих культур. Культуры, органично переплетаясь в повествовании, представляют собой полилог. Благодаря этому читатель может получить представление о китайской, русской, монгольской, ороchonской (эвенкийской), цыганской культурах.

В три составляющие народной культуры, по мнению В. С. Цукермана, включают материальную культуру, культуру социального управления и духовную культуру. В последнюю он включает «народное мировоззрение, народную экономическую культуру, народную нравственную культуру, народную педагогику, народное правосознание, народную художественную культуру» [2]. В романе Баоэрджи

Юанье мы главным образом опирались на описания народных мировоззрений и нравственной культуры, чтобы сделать те или иные выводы. Кроме того, в произведении присутствуют культурные стереотипы. Как известно, «стереотип – это способ хранения огромного количества информации об окружающем мире, помогающей нам в нем ориентироваться» [4, с. 27]. Произведение Баоэрджи Юанье представляет научный интерес, поскольку оно содержит стереотипы, которые могут помочь лучше понять культуру коренных народов России и Китая. С одной стороны, эти стереотипы могут расширить знания о других культурах и традициях. Кроме того, они представляют собой взгляд со стороны, который может помочь нам лучше понять и осознать собственную культуру.

По сюжету два мальчика двенадцати лет Менде и Губао случайно попадают в Уссурийский лес после того, как рискуя своей жизнью пересекают реку Аргунь. В лесу нет того, к чему они привыкли в Китае (гаджеты, супермаркеты), поэтому полагаться нужно лишь на себя. Первый, с кем ребята заводят дружбу в лесу – мальчик эвенк по имени Намука. В об-

щении с ним раскрываются интересные детали о ребятах. Они, отчасти, являются примером так называемого культурного полилога. Несмотря на то, что родители Менде монголы, он имеет золотистые волосы и голубые глаза, потому что его бабушка русская. Гоубао русско-китайского происхождения, его дедушка был русским, бабушка китайкой. Остановимся подробнее на отображении русской культуры, мировоззрения, внешности русских в произведении. Главным образом читатель узнает обо всем этом через призму восприятия китайцев, монголов (Менде). Например, житель леса китайский дедушка Сюй Байчэн считает русских расточительными. Он рассуждает: «Когда у нас, китайцев, есть деньги, мы покупаем лошадей, землю. Русские не такие. Как только появляются деньги, они их сразу спускают» [1, с. 34]. Также есть эпизод, в котором цыган Володя и русская девушка Тоня играют на поле. Володя в шутку делает Тоне предложение, подарив ей кольцо из переплетённых цветов. Менде и Гоубао вспоминают, как их тети и дяди принимали решение пожениться и приходят к выводу, что русские, как маленькие дети любят «играть в семью» [Там же, с. 55]. Говоря об именах стоит отметить, что все персонажи имеют типичные русские имена и фамилии, например, Маша (玛夏), Наташа (娜塔莎), Петров (彼得洛夫), Люба (柳芭), Песков (佩斯科夫), Егор (叶戈尔), Тоня (东尼亚), Володя (瓦洛佳). Также они исповедуют православие, отмечают важные праздники, например, Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября по новому стилю), что достаточно символично. Этот праздник считается очень радостным, побуждает людей к ликованию и веселью. По сюжету этот праздник упоминается в финале, когда мальчики, наконец, находят сокровища, получают деньги и отдают их всем нуждающимся. Люди обретают покой и уверенность в будущем, особенно маленькая девочка Наташа. Она потеряла ногу, но долго не могла получить лечение, так как её бабушка Маша не имела ничего, кроме маленького шаткого домика в лесу. Она называла ребят китайскими ангелами за их честность и благородство. «В тебе есть честный русских дух», — сказала она Менде. К стереотипам можно отнести березу, как символ России («березовый сок лечит все раны»), коней с бубенцами. В описании внешности русских также присутствуют стереотипы, например, Наташа изображается, как девочка с небесно-голубыми глазами, белой кожей, красными губами и волосами цвета льна, заплетёнными в две ко-

сички, «прямо как у ангела» [Там же, с. 43]. Продавец старик Петров как житель приморской области изображается моряком: «На нем была матросская шапка с лентой, синяя рубашка и зеленая куртка». Для китайцев очень важна еда, поэтому в повествовании нельзя не найти упоминание типичных русских и славянских блюд: оладьев, блинов, гречки, борща, хлеба. В контексте русских людей упоминается и медведь, точнее созвездие Большой Медведицы. Наташа верит, что однажды с звезды сойдут с неба и исцелят её ноги.

Медведь является значимым животным не только для русских, но и для ороحوнов (эвенков), которым в произведении уделено немало внимания. Они изображаются храбрыми жителями леса. Для эвенков медведь является священным животным, прародителем всего народа, поэтому в произведении совершенно точно отображено уважительное отношение к хозяину леса. Также в произведении присутствует важный элемент эвенкийской культуры — вырезание ножом на дереве образа того или иного бога. Сами писатели эвенки также включают в повествование подобные эпизоды. Например, в рассказе «Черный лес» (кит. 《黑色的森林》) первый писатель ороchon Ао Чанфу (кит. 敖长福) изображает охотника, вырезавшего на дереве образ бога Байчана. Вопрос выживания стал для охотника как нельзя острым и болезненным, поэтому за помощью и пониманием он обращается к богу через такого рода образ.

Ранее упомянутый Володя представляет собой синтез культуры цыган (кит. 茨冈人). Помимо присутствующих стереотипов о хитрости, страсти к азартным играм, читатель может узнать и о духовной составляющей цыганской культуры. Он рассказывает: «Люди думают, что цыгане умеют только гадать, танцевать и путешествовать. Они смотрят на цыган свысока, считают, что они не работают, не выращивают урожай. На самом деле петь — это тоже труд, а гадание еще больший труд. Мы, цыгане, любим свободу, скитания, не привязываемся к дому. Вы не увидите цыган, которые построили бы дом на земле и остались там жить. Почему бы не кочевать? Цыгане в Индии, Германии и особенно Венгрии — все они кочуют караванами. Какая радость петь, танцевать и пить! Бог создал людей, чтобы они были счастливыми» [Там же, с. 49]. Кроме того, нельзя не отметить большое количество песен, которые исполняют персонажи: русские, узбекские, китайские.

Как уже было сказано, произведение насыщено деталями культур российского и китайского народов. Оно позволяет читателю по-

грузиться в жизнь и ценности различных культур, понять, чем они живут, какие ориентиры и ценности имеют. Например, для цыган свобода – это одно из главных понятий, которое определяет их образ жизни. Для эвенков уважение к лесу и доблесть – неотъемлемые части их культуры, которые передаются из поколения в поколение. Для русских честность – одно из главных качеств, которое они ценят в людях. Однако, несмотря на то, что стереотипы помогают создать общее представление о народе, нельзя полагаться только на них, так как они лишь поверхностно отражают суть

культуры. Каждый народ имеет свою уникальную культуру, которая не может быть описана только через стереотипы. Поэтому, чтобы лучше понять другие культуры и традиции, необходимо углубляться в них и изучать их более детально. Интересно также то, что повествование ведется через призму восприятия монгола. Это позволяет каждому носителю определенной культуры понять, как его образ видится со стороны. В конечном счете произведение помогает не только лучше понять другие культуры и традиции, но и осознать себя через глаза «другого».

Список литературы

1. Баоэрджи Юанье. Путешествия в дремучей тайге Уссурийского края // Народная литература. 2023. № 1. 208 с. @@ 鲍尔吉·原野 乌苏里 密林奇遇 // 民族文学. 2023. № 1. 208 页.
2. Глинкин А. В. Народная культура и традиции // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XI Междунар. конф.: в 5 ч. (Екатеринбург, 19–20 марта 2008 г.). Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2008. Ч. 2. С. 32–35.
3. Тимофеева А. Д. Творчество Баоэрджи Юанье в аспекте русско-китайского культурного взаимодействия // Молодежная научная весна: материалы I Науч.-практ. конф. молодых исследователей ЗабГУ: в 4 ч. (Чита, 10–14 апреля 2023 г.) / отв. ред. А. Е. Селин. Чита: ЗабГУ, 2023. Ч. 2. С. 45–49.
4. Чеканова С. А. Стереотипные представления о профессиях у русских и англичан. М.: МГИМО-Университет, 2012. 216 с.

Сведения об авторе

Тимофеева Анастасия Дмитриевна, магистрант 2-го курса, направление подготовки «Филология», магистерская программа «Литература народов зарубежных стран (на русском языке)», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, anastasya_timmmmm@mail.ru

Information about the author

Anastasia D. Timofeeva, 2nd Year Master's Student, Majoring in Philology, Master's Program "Literature of the Peoples of Foreign Countries (in Russian)" of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, anastasya_timmmmm@mail.ru

УДК 821.581

Ревитализация культурного наследия эвенков Китая в творчестве Ужээрту

Ксения Геннадьевна Раздобреева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
razdobreeva.ksenia@yandex.ru

Ужээрту играет важную роль в ревитализации и развитии эвенкийской литературы, став вдохновением для других этнических групп. Его творчество отражает культуру, историю и социальные изменения эвенков, а также активно отстаивает право этого народа на самоидентификацию. Сохранение культурного наследия эвенков и других малочисленных народов требует усилий не только писателей, но и исследователей, активистов и широкой общественности.

Ключевые слова: ревитализация, этнический автор, эвенкийская литература, Ужээрту, культурное наследие эвенков Китая, литература национальных меньшинств

Revitalization of the Cultural Heritage of the Evenks of China in the Works of Ureltu**Ksenia G. Razdobreeva***Transbaikal State University, Chita, Russia
razdobreeva.ksenia@yandex.ru*

Ureltu plays an important role in the revitalization and development of Evenk literature, becoming an inspiration for other ethnic groups. His work reflects the culture, history and social changes of the Evenks, as well as actively defends the right of this people to self-identification. The preservation of the cultural heritage of the Evenks and other small peoples requires the efforts of not only writers, but also researchers, activists and the public.

Keywords: Revitalization, Ethnic Author, Evenk Literature, Ureltu, Cultural Heritage of the Evenks of China, Literature of National Minorities

Одной из форм по сохранению культурного наследия является ревитализация (от лат. «возвращение к жизни»). Термин «ревитализация» приобрел особую популярность в последние годы, применяясь не только в контексте городского планирования и ландшафта, но также и в повседневной жизни для обозначения разнообразных форм возрождения – духовного, социального и материального. Истоки данного понятия берут свое начало в Соединенных Штатах середины XIX в. Антрополог Кларк Уоллес, специализировавшийся главным образом на исследовании культуры американских индейцев, впервые предложил термин «движение за ревитализацию», определяя его как усилия членов общества, направленные на создание более удовлетворительной культуры через внутреннее возрождение. Эта теория получила практическое применение под влиянием событий, связанных с проблемами меньшинств афроамериканцев, жителей бедных районов и трущоб с высоким уровнем преступности и безработицы [1, с. 71].

В рамках данной статьи понятие «ревитализация» используется для обозначения процесса, направленного на восстановление, обновление и реконструкцию культурных ценностей через литературное творчество этнического автора. Этот подход предполагает активное взаимодействие с историческим и культурным наследием, его интерпретацию и переосмысление в современном контексте.

Характеризуя современное состояние эвенкийской литературы, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Наталья Алексеевна Непомнящих, подчеркивает перспективу ее развития в случае «фиксирования» изменений, произошедших в образе жизни, традициях и культуре этноса, интегрируясь в контекст с мировой литературой. «Эвенкийская литература должна не только сохранять знания о своей культуре, но и рассказывать о современных судьбах этого народа, процессах

культурной адаптации и изменениях, учитывая историю своей национальной культуры. Именно в этом случае она может стать живым и интересным явлением, не утрачивая при этом своей уникальности» [2].

Ужэртэ на протяжении более 40 лет своего литературного творчества изображал эвенкийский народ с полным национальным энтузиазмом и ответственностью, используя различные формы, включая рассказы, эссе, монографии и др. Это сделало его представителем эвенкийского народа. Этнический «лесной роман» Ужэртэ получил широкое признание и высокую оценку. В своих произведениях он использовал образы лесных животных, сокращал и трансформировал повествовательные перспективы, опираясь на исторические данные и современное представление о национальной культуре эвенков. В его работах также присутствует анализ регионального жизненного опыта. Важными компонентами культуры эвенков являются охотничья и шаманская культуры, служащие материальной гарантией и духовной опорой для народа.

Среди проблем ревитализации культурного наследия, которые затрагивает Ужэртэ в своих произведениях можно выделить проблему исчезновения традиции и культуры, проблему сосуществования природы и человека, проблему борьбы национальных меньшинств за право самоидентификации, проблему синтеза эвенкийской и ханьской культур.

Проблема исчезновения традиций и целой культуры может привести к утрате уникальных элементов национального наследия. У эвенков не было письменности, поэтому их национальная культура передавалась устно, создавая богатое устное наследие. С появлением письменности традиционные устные эвенкийские обряды начали утрачивать свою значимость. Молодое поколение потеряло интерес к древним мифам и легендам, что привело к забвению устного наследия. Ужэртэ был обеспокоен этой проблемой и в своих

произведениях старался возродить устную литературу эвенков, подчеркивая важность языка для сохранения культурного наследия и используя фольклор для фиксации устного наследия в письменной форме. Примерами устной литературы эвенков могут служить различные произведения, такие как «Песнь оленихи» из рассказа «Снег», детский фольклор, мифы о божестве огня, песни шамана о переселении эвенков и современные интерпретации мифов, такие как в произведении «Сумрак лесной чащи». Использование Ужэртү фольклора не только зафиксировало устное наследие в письменной форме, продлевая его существование, но также способствовало распространению эвенкийского народного творчества, что позволило получить более полное представление об этом этносе. Творчество писателя способствовало сохранению и распространению эвенкийского народного творчества, позволяя получить более полное представление о данном этносе.

Проблема сосуществования природы и человека требует поиск баланса между экономическим развитием и сохранением природной среды. Культурное наследие тесно связано с отношением людей к природе. Традиционные общества имеют глубокие культурные связи с природой, включая традиционные методы использования ресурсов, обряды и мифологию. Сохранение этого наследия важно, так как оно содержит ценные знания об устойчивом использовании ресурсов и способствует гармоничному взаимодействию человека с природой. «Уважение и любовь к окружающей природе, в конце концов, – это, прежде всего, уважение к жизни, включая уважение к отдельным человеческим существам» [3]. Источником дани этого уважения является литература, что было отмечено в предисловии рассказа «Янтарный костер» к японскому изданию.

Развитие устойчивых методов использования ресурсов и защита экосистем должны учитывать культурные особенности различных общностей. В настоящее время культура охоты и гармоничное сосуществование человека и природы претерпевают значительные изменения, некоторые из них имеют негативный характер. Уничтожение природы ведет к наказанию. Ужэртү в своих рассказах отражает различные негативные культурные явления, одновременно изучая и анализируя их с точки зрения национальной ответственности. Глобализация ставит перед каждым обществом задачу культурной трансформации, и пример малых народов, таких как эвенки, по-

казывает общие проблемы, с которыми сталкивается китайская нация и все человечество. Все творчество Ужэртү пронизано мыслью о том, что эвенкийский народ должен сохранять и развивать свою национальную культуру, стремиться к устойчивому развитию человека, природы и нации, и использовать свой опыт для предупреждения других этнических групп о возможных проблемах.

Как писатель отмечает: «В современном обществе происходят быстрые изменения, включая трансформацию окружающей природы. Лес, о котором я рассказывал ранее, претерпел существенные изменения и уже не выглядит таким, каким был вчера. В настоящее время мы наблюдаем возрастающий интерес к литературе, посвященной природе и экологии, что создает новый жанр литературного творчества. Это явление отражает потребность общества в социальном развитии и представляет собой полезное дополнение к существующим литературным жанрам. В современном обществе каждому из нас необходимо иметь ясное представление об окружающей нас среде и умение распознавать и минимизировать негативное воздействие на экологию. С целью сохранения этой чувствительности для будущих поколений необходимо проявлять инициативу и бороться с экологическими проблемами. Уважение и любовь к окружающей природе являются проявлением уважения к жизни в целом, включая уважение к каждому отдельному человеческому существу. Поэтому тема природы и экологии в литературе является неотъемлемой и требует особого внимания» [6].

Проблема борьбы национальных меньшинств за право самоидентификации была освещена в работах «Подмена голоса» и «Неотъемлемое право на самоидентификацию». Будучи писателем, представляющим малочисленный народ, Ужэртү всегда акцентировал внимание на проблеме борьбы национальных меньшинств за право самоидентификации. Работы живо воспроизводят перемены в судьбе, пережитые и переживаемые эвенкийским народом. Они выражают народные голоса и истинные национальные требования, направленные на то, чтобы возродить славу, которой когда-то обладал эвенкийский народ. Для этой цели писатель включает в свои произведения разнообразные образы и сюжеты, например, посредством образа шамана осмысливается значимость сохранения исторической памяти и культурного наследия, традиций и быта народа.

Успех Ужэртү в написании произведений на китайском языке стал «вдохновением» и мотивацией для писателей эвенкийского происхождения и писателей из других этнических групп, проживающих на границе с Китаем. Этот успех стал новаторским для эвенкийской литературы, поскольку Ужэртү не только способствовал «ревитализации» своего народа, не имеющего литературной традиции, но и доказал, что национальные меньшинства могут сохранять свою национальную идентичность в литературном творчестве на китайском языке. Это вдохновило многих эвенкийских писателей, а число которых в литературный мир вошли такие писатели, как Ту Чжунюнь, Мэй Дулаэр, Циншэн Тукэдун, Анна Тугэдунь, Ао Жун, Дэ Чуньянь и другие. Их произведения отличаются богатыми жанрами, представленными рассказами, эссе, стихотворениями и романами, темы их произведений также разнообразны. Некоторые из них представляют собой переосмысление «революционного романа», другие раскрывают значение культурных корней.

Таким образом, ревитализация культурного наследия играет важную роль в современном обществе, так как она помогает сохранить историческую память, развивает национальную идентичность и укрепляет куль-

турные связи между поколениями. Это особенно заметно в контексте творчества эвенкийского автора, который успешно интегрирует элементы своего культурного наследия в современные формы искусства. Тем не менее, в процессе ревитализации культурного наследия возникают определенные проблемы. Одной из них является исчезновение традиций и культуры, что может привести к утрате уникальных элементов национального наследия. Сосуществование природы и человека также вызывает ряд вопросов, поскольку необходимо находить баланс между экономическим развитием и сохранением природной среды. Кроме того, существуют вопросы борьбы национальных меньшинств за право самоидентификации, что требует особого внимания и уважения к их культурным особенностям. Синтез эвенкийской и ханьской культур также может стать основой для создания новых форм искусства и культурного обмена. Все эти аспекты требуют глубокого изучения и решения со стороны специалистов в области культуры и общества. Необходимо проводить исследования, разрабатывать стратегии сохранения и развития культурного наследия, а также создавать условия для его использования в современных формах искусства.

Список литературы

1. Wilczkiewicz M. Z., Wilkosz M. Revitalization – definition, genesis, examples. *Geomatics, Landmanagement and Landscape*. 2015. Vol. 2. P. 71–79.
2. Непомнящих Н. А. Эвенкийская литература: особенности генезиса и бытия, типические сюжеты и мотивы // *Сибирский филологический журнал*. 2014. № 4. С. 75–82.
3. 王妍, 让情感和想象驻留在密林深处—访鄂温克族作家乌热尔图. URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2024/0403/c405057-40208883.html> (дата обращения: 19.08.2024). Текст: электронный.
4. 王新民. 乌热尔图: 森林的儿子. URL: <http://inews.nmgnews.com.cn/system/2020/07/17/012946152.shtml> (дата обращения: 19.08.2024). Текст: электронный.
5. 艾克拜尔·米吉提, 走出森林的鄂温克族作家乌热尔图. // 文润北疆 | 乌热尔图《七叉犄角的公鹿》. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/IV0Jolj0DABgJkNFlef2rA> (дата обращения: 19.08.2024). Текст: электронный.
6. 苏鑫, 寻根的焦虑—重读乌热尔图的80年代文学创作 // *新文学评论*. 2019. No. 8. P. 76–84.
7. 邹天琪, 乌热尔图小说创作的“寻根”之路 // *西部学刊*. 2023. No. 10. P. 169–172.

Сведения об авторе

Раздобреева Ксения Геннадьевна, магистрант 2-го курса, направление подготовки «Филология», магистерская программа «Литература народов зарубежных стран (на русском языке)», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, razdobreeva.ksenia@yandex.ru

Information about the author

Ksenia G. Razdobreeva, 2nd Year Master's Student, Majoring in Philology, Master's Program "Literature of the Peoples of Foreign Countries (in Russian)" of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, razdobreeva.ksenia@yandex.ru

УДК 008(470+571)+(510)

**Векторы развития интереса к Китаю среди русских писателей и мыслителей XIX века
(Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, Н. Я. Данилевский)**

Андрей Александрович Катков

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
andreikatkov2077@gmail.com*

В XIX в. бурное развитие отечественной и зарубежной синологии, а также становление Цинского Китая полноценным участником мировой политики приводят к повсеместному интересу к китайской культуре по всему миру, в частности в России. Особенно осмыслением и изучением Китая и его культуры занялись русские писатели и мыслители, чьи взгляды и мнения о Поднебесной можно условно разделить на «синофильские» и «синофобские». Пока одни люди, как Л. Н. Толстой и Н. Я. Данилевский, восхищались китайской мыслью и культурой, другие, как В. С. Соловьев, видели в Китае угрозу, способную разрушить Западный мир.

Ключевые слова: Китай, XIX век, Россия, Толстой, Соловьев, Данилевский, толстовство, даосизм, «желтая угроза»

**Vectors of the Development of Interest in China among Russian Writers and Thinkers
of the XIX Century (L. N. Tolstoy, V. S. Solovyov, N. Ya. Danilevsky)**

Andrey A. Katkov

*Transbaikalian State University, Chita, Russia
andreikatkov2077@gmail.com*

In XIX century, the rapid development of Russian and Western sinology and the fact that Qing dynasty had become a participant in the world politics led to an interest in Chinese culture all around the world, and particularly in Russia. Especially the ones who studied and analyzed China and its' culture were Russian writers and intellectuals, whose ideas and opinions on China can be roughly classified as "sino-philic" and "sino-phobic". While people like L. Tolstoy and N. Danilevskiy were astonished by Chinese philosophy and culture, the others like V. Soloviev saw China as a threat that could possibly destroy the Western world.

Keywords: China, XIX Century, Russia, Tolstoy, Soloviev, Danilevskiy, Tolstoyan Movement, Taoism, "Yellow Threat"

Интерес в России к Китаю как к геополитическому образованию и как к народу со своей собственной и самобытной культурой возник очень давно, еще в XVII в. во времена приграничных столкновений и вооруженных конфликтов. Уже в следующем XVIII в. формируется академический интерес к Китаю, постепенно начинает формироваться новая отрасль науки – синология, или же китаеведение. XIX в. становится периодом укрепления позиций новой научной дисциплины благодаря стараниям русских миссионеров-синологов – Иакинфа и Палладия, – которые занимались описанием Китая, его культуры и языка [5]. С появлением новых книг, статей и трудов, а также с выходом Китая на мировую арену, постепенно росла и заинтересованность Средней империей: вопросами Поднебесной и ее культуры начинают задаваться русские философы и писатели того периода. Выражалось это в разных формах: от почитания, «синофильства» до отрицания, неприятия, «синофобства». Наиболее интересными в тот период времени представляются размышле-

ния о Китае Л. Н. Толстого, на чье мировоззрение отчасти оказала влияние философия даосизма, а также В. С. Соловьева и Н. Я. Данилевского, у которых на этой почве случилась статейная полемика о судьбах и ролях России и Китая в мире и истории.

Л. Н. Толстой не только великий русский писатель, но и мыслитель, философ: собрания его сочинений насчитывают десятки толстых томов. В своих размышлениях он рассуждал о смысле жизни, православии, Боге, морали и судьбах простого народа. Однажды у Толстого случился духовный кризис, в результате которого он обратился в поисках ответов на свои вопросы к восточной мысли, не найдя их в русской и западной философии [3]. Толстой не только читал труды древнекитайских философов, Лао-цзы и Конфуция, но еще и пытался выучить китайский язык, чтобы самостоятельно перевести их сочинения на русский язык [4]. В «Дао де цзине», главном трактате даосизма, Л. Н. Толстой находит отражение своих собственных мыслей. Писатель глубоко проникается идеями китайской фило-

софии, отмечая, что на него Лао-цзы оказал «огромное» влияние [4]. Идеи толстовства, религиозных и этических взглядов писателя, несколько похожи на даосизм: «непротивление злу насилием» схоже с идеей «неделания» даосизма, аскетизм Толстого – с «нежеланием» Лао-цзы, также оба мыслителя обращают внимание на важность нравственного совершенствования личности [3]. И отсюда выходит заинтересованность писателя Китаем и его культурой, он нашел в Лао-цзы и Конфуции учителей, в их сочинениях – ответы на вопросы и подкрепление своих идей.

Восхищался Китаем и Н. Я. Данилевский, русский ученый-культуролог. В своем труде «Россия и Европа» 1869 г. он отмечал высокие достижения Китая в науке, сельском хозяйстве, обращая внимание на то, что именно китайцы первым открыли порох, бумагу и книгопечатание [2]. Делает ученый это с целью показать, что Китай достиг многого и в своей обособленности от западных стран, с целью сделать обсуждение Китая на страницах научных и публицистических статей более объективным, так как в русской общественной жизни того времени начали появляться идеи о «желтой угрозе» [1].

Одним из ярких представителей сторонников идеи «желтой угрозы» являлся В. С. Соловьев, русский религиозный философ. В своем сочинении 1890 г. «Китай и Европа» Соловьев пишет об угрозе «желтой расы», закладывая в уста китайского генерала слова: «Мы готовы взять от вас [европейцев] все, что нам нужно, всю технику вашей умственной и материальной культуры... вы сами готовите средства, которые мы употребим для того, чтобы покорить вас» [6]. Соловьев считал, что Китай и китайская культура – другие, отличные и чуждые европейцу, что китайская нация не способна одарить мир никакой высокой идеей или подвигом [1]. Апогеем алармизма перед лицом китайской угрозы является стихотворение «Панмонголизм», написанное философом в

1894 г., в котором он предсказывает нападение и покорение России и Европы «тьмой полков», которые ведут «вожди с восточных островов» [7]. Поражение западной цивилизации в этой ситуации Соловьев сравнивает с падением «второго Рима», придавая этому событию религиозный подтекст, превращая китайские войска в «орудия Божьей кары».

Поэтому мнение В. С. Соловьева, сильно отличавшееся от взглядов Н. Я. Данилевского на Китай и его место в мире, привело к спору и полемике между ними на страницах их публикаций. Эта полемика привлекла внимание интеллектуалов того времени и сформировалось два противоположных лагеря, где на стороне Данилевского выступали такие люди, как Н. Н. Страхов, К. Н. Бестужев-Рюмин и К. Н. Леонтьев и др., а на стороне Соловьева – Н. И. Кареев, Н. К. Михайловский и др. [1] Важно понимать, что главной темой их спора была судьба России в историческом контексте и «русский путь», критика концепции «культурно-исторических типов» Данилевского, но соответствующие взгляды и мнения о Китае царили на каждой стороне спора.

Взгляды на Китай среди интеллигенции России XIX в. можно вкратце охарактеризовать как смешанные. Существовали люди, признававшие величие Китая как мировой цивилизации и державы. К ним относились, например, Н. Я. Данилевский и сторонники его концепции «культурно-исторических типов». Но также существовали и люди, которые относились к достижениям Китая и его причислению к списку мировых цивилизаций с долей скептицизма. К ним относился В. С. Соловьев, который видел в Поднебесной опасность и угрозу. А были и люди, которые были погружены в культуру и философию Китая, такие как Л. Н. Толстой, которые искали ответы на философские вопросы в восточной мысли. Последнее можно в определенной степени назвать своеобразным проявлением «ориентализма», моды на все восточное.

Список литературы

1. Ван Хаоин. Роль полемики Н. Я. Данилевского и Вл. Соловьёва о Китае в современных спорах о будущем России. Текст: электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03KLSK123.pdf> (дата обращения: 28.07.2024).
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Глаголь, 1995. 552 с.
3. Вэнья Лу. Толстовство и Даосизм. Текст: электронный // Образование и наука. 2012. № 10. С. 88–99. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18268136> (дата обращения: 28.06.2024).
4. Лю Минь Л. Н. Толстой и китайская мудрость: даосизм и конфуцианство. Текст: электронный // Русский язык в межкультурной коммуникации: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию кафедры практического русского языка. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012. С. 182–186. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=suhjaf> (дата обращения: 28.06.2024).

5. Мясников В. С. Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения. Текст: электронный // Перспективы. 2017. № 1. С. 20–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-vostok-stanovlenie-otechestvennogo-kitaevedeniya> (дата обращения: 28.06.2024).

6. Соловьев В. С. Китай и Европа. Текст: электронный // Собрание Сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. Т. 6. 1886–1896. СПб.: Изд-е Тов. «Общественная польза», 1911–1914. С. 84–137. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005402151_76881 (дата обращения: 28.06.2024).

7. Соловьев В. Панмонголизм. Текст: электронный // КУЛЬТУРА.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/21899/panmongolizm> (дата обращения: 28.06.2024).

Сведения об авторе

Катков Андрей Александрович, магистрант 2-го курса, направление подготовки «Филология», магистерская программа «Литература народов зарубежных стран (на русском языке)», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, andreikatkov2077@gmail.com

Information about the author

Andrey A. Katkov, 2nd Year Master's Student, Majoring in Philology, Master's Program "Literature of the Peoples of Foreign Countries (in Russian)" of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, andreikatkov2077@gmail.com

УДК 373.5(470+571)+(510)

Заимствования из китайского языка как один из источников обогащения словарного запаса школьников в условиях трансграничья

Анастасия Олеговна Колбина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
kolbina111@mail.ru

В данной статье рассматривается одно из решений проблемы ограниченного словарного запаса современных обучающихся с помощью освоения заимствований из китайского языка в условиях трансграничья. Автор приводит примеры заданий с использованием китаизмов, которые способствуют обогащению словарного запаса школьников, а также даёт рекомендации по внедрению в учительскую практику такой работы с помощью инновационных технологий.

Ключевые слова: словарный запас, китаизмы, трансгранижье, межкультурная коммуникация, инновационные технологии

Borrowings from the Chinese Language as One of the Sources of Enriching the Vocabulary of Schoolchildren in Cross-Border Conditions

Anastasia O. Kolbina

Transbaikal State University, Chita, Russia
kolbina111@mail.ru

This article examines one of the solutions to the problem of limited vocabulary of modern students by mastering borrowings from the Chinese language in cross-border conditions. The author gives examples of tasks using Chinese words that help enrich the vocabulary of schoolchildren, and gives recommendations on the implementation of such work using innovative technologies.

Keywords: Vocabulary, Sinicisms, Cross-Border, Intercultural Communication, Innovative Technologies

В настоящее время мы можем говорить о наличии такой проблемы, как ограниченный словарный запас школьников. Это результат влияния ряда причин на речевую деятельность подростков. Современные школьники часто отдают предпочтение виртуальному общению, активно используя сокращенные слова и эмоджи вместо полноценных фраз, а также обучающиеся мало читают книги. Очень часто и на уроке учителю сложно побудить

ученика к речи, особенно к монологической. Поэтому речевая практика большинства современных школьников находится на низком уровне. Кроме того, на словарный запас подростков негативно влияет большое количество новой информации, которую они воспринимают каждый день и не успевают освоить. Вследствие этого многие слова остаются лишь в пассивном запасе школьников и не будут использоваться в их речи.

В настоящей статье одним из ключевых понятий является «словарный запас». По мнению исследователя Г. В. Бобровской, словарный запас – это совокупность слов естественного языка, значение которых данное лицо понимает и может объяснить [1].

Одним из источников обогащения языкового состава в целом и словарного запаса отдельного человека являются заимствования из разных языков. Такое взаимодействие между языками особенно активно происходит в условиях трансграничья. Трансграничье в языке можно описать как явление, когда язык или его различные разновидности проникают за пределы государственных границ и используются в соседних странах или регионах. Это может происходить из-за исторических, культурных и экономических связей между народами и государствами.

Примером такого взаимодействия между государствами и языками соответственно служит многолетняя дружба народов России и Китая. Конечно, больше всего влияние на русский язык происходит именно в приграничных регионах. Забайкальский край является ярким примером территории, на которой осуществляется такой обмен между русской и китайской культурами.

Говоря о таком взаимодействии, необходимо обратиться к термину «межкультурная коммуникация». Приведём определение этого понятия, которое будет взято за основу в данной статье. В книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» межкультурная коммуникация представлена как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к различным национальным культурам» [2]. Это процесс обмена информацией, опытом, традициями, ценностями и идеями между представителями различных культур, который способствует уважению других национальностей, расширению кругозора, смягчению стереотипов и преодолению культурных различий. Вместе с культурой другой страны к нам проникают новые реалии и слова, которые они обозначают. И именно слово является главным носителем культурного кода народов.

Поэтому мы считаем, что в современном мире учителю необходимо организовывать работу с заимствованиями из других языков, чтобы привлечь внимание обучающихся к культурам других стран, способствовать формированию уважительного отношения к народам соседних государств, обогащению сло-

варного запаса и расширению кругозора школьников.

В данной статье мы хотим привести примеры заданий с китаизмами, которые могут использоваться на уроках русского языка в качестве разминки при изучении или повторении раздела «Лексикология», при работе с текстами на уроках читательской грамотности или на тематических классных часах в 5–8 классах. Разработанные задания, в первую очередь, направлены на формирование и развитие языковой и культурологической компетенций.

Прежде чем приступить к рассмотрению заданий, необходимо выяснить, что такое китаизмы, а также немного углубиться в историю, обозначив основные периоды проникновения заимствований из китайского языка в русский. Китаизмы – это специфические слова и выражения, заимствованные из китайского языка, которые могут быть использованы в других языках и культурах [4]. Китаизмы начали активно распространяться в русском языке в XVIII в., во времена правления Петра I. В этот период развивались торговля и дипломатические отношения не только с западными странами, но и с восточными, в особенности с Китаем. В XIX в. вновь наблюдается усиление интереса к Китаю, связанное с политическими и культурными контактами. В это время в русский язык вновь попадают термины из области торговли, культуры, а также некоторые экзотические слова, связанные с китайскими обычаями и философией. В XX в. благодаря связям между СССР и Китаем в русский язык входит множество новых китаизмов, связанных с идеологией и культурой.

В настоящее время в русский язык продолжают входить китаизмы, особенно в сфере кулинарии, восточной философии и искусства. Исходя из исторических фактов, мы можем сделать вывод, что китаизмы проникают в наш язык уже много лет, поэтому многие из них нам хорошо знакомы. Они уже имеют привычное для нас звучание, мы часто используем их в своей речи и не задумываемся, что эти слова пришли к нам из китайского языка. А есть, наоборот, китаизмы, которые пришли в русский язык сравнительно недавно и являются для нас неологизмами, то есть эти слова мы используем редко или не используем вовсе. Поэтому при разработке заданий особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделять именно той лексике, которая ещё не вошла в активный словарный запас обучающихся.

Перейдём непосредственно к примерам заданий.

Задание 1. Вспомните, что такое тематическая группа и распределите следующие заимствования из китайского языка по трём столбцам: *феншуй, шарпей, даосизм, цигун, вок, маджонг, дзен, баоцзы*.

улиitaria	Философские понятия	Другое*

*слова, не вошедшие в предыдущие тематические группы. В этом столбце необходимо дать краткое определение понятию.

Задание 2. Мини-проект. Изучение этимологии китаизмов: выберите одно заимствова-

ние из китайского языка и проведите мини-исследование о его происхождении, включая трансформацию китаизма при переходе в русский язык.

Задание 3. Связь языка и истории. Объясните значение следующих китаизмов: *байховый, жемчуг, чай, хутун, баоцзы, ушу, тайфун*. При затруднении обратитесь к словарю или ресурсам Интернета. Узнайте, в какой период то или иное слово получило распространение в России. Как Вы думаете, с чем это связано?

Задание 4. Заполните таблицу, поставив знак «+» или «-» в соответствующие строки с ответами. В последнем столбце таблицы запишите краткое толкование китаизмов.

Китаизмы	Варианты ответов				
	Могу объяснить значение и использую в речи	Понимаю и использую в речи, но не смогу объяснить	Не знаю значение, но слышал(а) это слово	Никогда не слышал(а) этого слова	Узнай или проверь значение этого слова в сети Интернет
Чифанька					
Ши-тцу					
Бабл ти					
Байховый					

Задание 5. Верю-не верю! Прочитайте слова и предположите, какие из них заимствованы из китайского языка, а какие пришли к нам из других языков. Впишите в строке «+», если верите, что слово заимствовано из китай-

ского языка, и «-», если не верите. Проверьте себя с помощью словарей и(или) ресурсов Интернета и заполните последнюю колонку в таблице. Приготовьтесь рассказать в классе о слове, которое Вы услышали впервые.

Заимствованные слова	Верю (+)	Не верю (-)	Ответ после проверки (+/-)
конфуцианство			
буузы			
онигири			
кетчуп			
женьшень			
алмаз			

Задание 6. Поиграем! На карточках написаны различные заимствования из китайского языка. Ваша задача вытянуть любую карточку и без слов попробовать объяснить значение китаизма своим одноклассникам.

Рис. 1. Примеры карточек

Задание 7. Поразмышляем! Напишите эссе на одну из следующих тем:

- Как ты считаешь, есть ли польза от китаизмов в русском языке?
- Нужно ли русскому человеку употреблять китаизмы в своей речи?
- Оказывают ли влияние китаизмы на русскую культуру?

Чтобы ещё больше заинтересовать обучающихся к подобной работе, учитель может

комбинировать эти задания, используя инновационные технологии. Примером такой технологии может стать интерактивный рабочий лист (рис. 2).

Интерактивный рабочий лист – это инновационная технология, представляющая собой учебно-дидактическое пособие, созданное с помощью средств мультимедиа для самостоятельной работы с темой или отдельным её аспектом [3]. Данная технология спо-

собствует развитию самостоятельности и умения самооценивания и самопроверки. Кроме того, рабочие листы являются эффективными в организации работы при изучении новой лексики, так как предполагают вовлеченность каждого ученика и разнообразие заданий. Пример, как может выглядеть рабочий лист с заданиями, связанными с изучением заимствований из китайского языка, можете увидеть на рис. 1.

Тема: Китаизмы
Ученик, класс:

Задание 1. Вспомните, что такое тематическая группа и распределите следующие заимствования из китайского языка по трём столбцам: *фетиш, нармей, двоскан, нисун, аж, маджонг, дзю, баоцзы*.

Кулинария	Философские понятия	Другое*

*Слова, не имеющие в предположении тематическую группу. В этом столбце необходимо устно дать краткое определение понятию.

Задание 2. Верно-не верно! Прочитайте слова и предположите, какие из них заимствованы из китайского языка, а какие пришли к нам из других языков. Впишите в строке «+», если верите, что слово заимствовано из китайского языка, и «-», если не верите. Проверьте себя с помощью словарей (или) ресурсов Интернета и заполните последнюю колонку в таблице. Приготовьтесь рассказывать в классе о слова, которое Вы услышали впервые.

QR-код: Отсканируй меня

Лист 1

Китаизмы	Верно (+)	Не верно (-)	Ответ после проверки (+/-)
конфуцианство			
буузы			
онигири			
кетчуп			
женьшень			
алмаз			

Задание 3. Поразмыслим! Подготовьте устный развернутый ответ на тему «Влияние китаизмов на русский язык и русскую культуру».

Оцени свою работу: обведи нужный смайли!

Благодарю за работу!

Лист 2

Рис. 2. Рабочие листы

Таким образом, мы рассмотрели, как может быть организована работа по обогащению словарного запаса обучающихся с помощью изучения китаизмов на уроках русского языка. Подобные задания можно использовать и при изучении заимствований из других

языков, подобрав соответствующую лексику. Такая работа позволит не только разнообразить уроки и привлечь внимание обучающихся к культуре других народов, но и в системе формировать у учащихся культуроведческую компетенцию.

Список литературы

1. Бобровская Г. В. Активизация словаря младших школьников // Начальная школа. 2013. № 4. С. 47–52.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1037 с.
3. Интерактивный рабочий лист в преподавании русского языка. URL: https://spravochnik.ru/russkiy_yazyk/interaktivnyy_rabochiy_list_v_prepodavanii_russkogo_yazyka (дата обращения: 29.07.2024). Текст: электронный.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Златоуст, 1999. 247 с.

5. Русские слова китайского происхождения. Текст: электронный // Википедия. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Русские_слова_китайского_происхождения (дата обращения: 02.08.2024).

Сведения об авторе

Колбина Анастасия Олеговна, учитель русского языка и литературы, Забайкальский центр специального образования и развития «Открытый мир», магистрант 2-го курса, направление подготовки «Педагогическое образование», магистерская программа «Методические технологии в филологическом образовании», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, kolbina111@mail.ru

Information about the author

Anastasia O. Kolbina, Teacher of Russian Language and Literature, Transbaikial Center for Special Education and Development "Open World", 2nd Year Master's Student, Training Program "Pedagogical Education", Master's Program "Methodological Technologies in Philological Education" of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikial State University, Chita, Russia, kolbina111@mail.ru

Научное издание

Scientific Publication

**335 ЛЕТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И КИТАЯ**

**335 YEARS OF ESTABLISHING CONTRACTUAL RELATIONS
RUSSIA AND CHINA**

Верстка Г. А. Зенковой

Layout G. A. Zenkova

Подписано в печать 28.02.2025.

Формат бумаги 60×84 1/8.

Печать цифровая. Гарнитура Arial.

Усл.-печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 20,3.

Тираж 100 экз. (1-й з-д 1–45 экз). Заказ № 24050.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Научные журналы ЗабГУ

DOI: 10.21209

Включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Гуманитарный вектор

ISSN 1996-7853

zab-nauka@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://zabvektor.com/>

Журнал выходит с 1997 года, в процессе становления менялись название и редакционная политика. Идеино-концептуальное поле журнала ориентировано на рассмотрение ценностных ориентиров современного общества – новых и традиционных, значимых не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом.

Приветствуются исследования междисциплинарного характера о социокультурных практиках разных территорий по следующим научным направлениям: философия, история, филология, востоковедение, межкультурная коммуникация и журналистика.

Индексация журнала

Учёные записки

Забайкальского государственного университета

ISSN 2658-7114

zab-nauka@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://uchzap.com/>

Первый номер журнала «Учёные записки Читинского государственного педагогического института» вышел в 1957 г. Сегодня журнал является научным периодическим изданием по направлению «Образование и педагогические науки». Идеино-концептуальное поле журнала связано с проблемой непрерывного образования как условия конкурентоспособности человека в постиндустриальном мире.

Контент журнала посвящен проблемам непрерывного формального и неформального образования, обсуждению отечественных и мировых практик дошкольного, школьного, среднего специального, высшего и дополнительного образования, возможности их апробации, адаптации и реализации в социокультурном и экономическом пространстве государства.

Вестник

Забайкальского государственного университета

ISSN 2227-9245

vestnikzabgu@yandex.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://zabvestnik.com/>

Первый выпуск «Вестника Читинского политехнического института» вышел в свет в 1995 г. Название менялось в соответствии с изменениями статуса вуза.

Основной миссией журнала является ознакомление российского, международного инженерного и научного сообщества с опытом внедрения научных разработок и результатами деятельности ученых в экономике, политологии, недропользовании, науках о Земле и окружающем мире.

**Подробная информация о научных специальностях и требования к статье
находятся на сайтах журналов**

Scientific journals of Transbaikal State University

DOI: 10.21209

Included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and editions, where the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published.

The humanitarian vector

ISSN 1996-7853

zab-nauka@mail.ru

Published four times a year

Website: <http://zabvektor.com/>

The journal has been published since 1997; in the course of its formation the name and editorial policy changed. The ideological and conceptual field of the journal is focused on the consideration of value orientations of modern society - new and traditional, significant not only for an individual and a specific society of different regions, but also for world culture as a whole.

Interdisciplinary research on sociocultural practices of different territories is welcome in the following academic areas: philosophy, history, philology, oriental studies, media communication and journalism.

Research notes of Transbaikal State University

ISSN 2658-7114

zab-nauka@mail.ru

Published four times a year

Website: <http://uchzap.com/>

The first number of journal "Research Notes of Chita State Pedagogical Institute" was published in 1957. Today the journal is a scientific periodical in the direction of "Education and Pedagogical Sciences". The ideological and conceptual field of the journal is associated with the problem of lifelong education as a condition for human competitiveness in the post-industrial world.

The content of the journal is devoted to the problems of continuous formal and non-formal education, discussion of domestic and world practices of preschool, school, specialized secondary, higher and additional education, the possibility of their approbation, adaptation and implementation in the socio-cultural and economic space of the state.

Newsletter of Transbaikal State University

ISSN 2227-9245

vestnikzabgu@yandex.ru

Published four times a year

Website: <http://zabvestnik.com/>

The first issue of the "Newsletter of Chita Polytechnic Institute" was published in 1995. The name was changed in accordance with the changes in the status of the university.

The main mission of the journal is to familiarize Russian, international engineering and scientific community with the experience of implementation of scientific developments and results of scientists' activities in economics, political science, subsoil use, Earth and environmental sciences.

Journal indexing

Detailed information on scientific specialties and requirements for the article can be

后贝加尔国立大学的学术论文

DOI: 10.21209

列入主要同行评审科学杂志和版本名单，博士和理科候选人学位论文的主要科学成果应在这些期刊和版本上发表。

人道主义载体

ISSN 1996-7853

zab-nauka@mail.ru

该杂志每年出版四期

网站: <http://zabvektor.com/>

该杂志自 1997 年开始出版，在创刊过程中更改了名称和编辑方针。该杂志的理念旨在思考现代社会的价值观--新的和传统的，对不同地区的特定社会和整个世界文化具有重要意义的价值观。

欢迎在以下学术领域开展有关不同地区社会文化实践的跨学科研究：哲学、历史、语言学、东方学、媒体传播和新闻学。

标号

科学家的邮件

ISSN 2658-7114

zab-nauka@mail.ru

该杂志每年出版四期

网站: <http://uchzap.com/>

该期刊第一期于 1957 年出版。如今，该期刊是教育和教育科学领域的科学期刊。该期刊的理念与作为后工业世界人类竞争力条件的终身学习问题有关。

该杂志专门讨论持续正规和非正规教育问题，讨论学前教育、学校教育、中等专业教育、高等教育和补充教育的国内和世界做法，以及在国家社会文化和经济空间中批准、调整和实施这些做法的可能性。

报信者

ISSN 2227-9245

vestnikzabgu@yandex.ru

该杂志每年出版四期

网站: <http://zabvestnik.com/>

1995 年创刊，随着大学地位的变化，名称也随之更改。

该期刊的主要使命是让俄罗斯和国际工程和科学界熟悉实施科学发展的经验以及经济学、政治学、地下资源利用、地球科学和周边世界的科学家活动的成果。

有关科学专业和文章要求的详细信息，请访问期刊网站

